

Джейд Дэвлин

Королевский
ТЮЛЬПАН

Annotation

Казалось бы, что может сделать со своей судьбой попаданка, всю жизнь посвятившая работе с цветами? А это смотря в какой мир попасть! Когда судьба королевской династии и остальной страны зависит от того, расцветет ли магия или завянет на корню, даже скромный флорист окажется ко двору. Диалогия

- [Джейд Дэвлин](#)
- [КНИГА I. Глава 1](#)
- [Лирэн](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Лирэн](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Глава 2](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Лирэн](#)
- [Алина](#)
- [Лирэн](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Лирэн](#)
- [Глава 3](#)
- [Лирэн](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)

- [Лирэн](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Глава 4](#)
- [Лирэн](#)
- [Алина](#)
- [Лирэн](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Лирэн](#)
- [Этьен](#)
- [Лирэн](#)
- [Алина](#)
- [Лирэн](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [КНИГА II. Глава 1](#)
- [Этьен](#)
- [Лирэн](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Глава 2](#)
- [Лирэн](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)
- [Алина](#)
- [Глава 3](#)
- [Алина](#)
- [Лирэн](#)
- [Алина](#)
- [Этьен](#)

- [Лирэн](#)
 - [Алина](#)
 - [Лирэн](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Лирэн](#)
 - [Алина](#)
 - [Этьен](#)
 - [Алина](#)
 - [Лирен](#)
 - [Алина](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Джейд Дэвлин
Королевский тюльпан. Дилогия

КНИГА I. Глава 1

Алина

— Линочка, никто, кроме тебя! — проблеял Вячеслав Семенович.

Я внимательно взглянула на него. Нет, ничего нового в туманных глазах своего начальника не увидела. И не сказала — решение принято, подвиг сегодня вечером для любимого начальника я совершу. Только пусть мой дорогой Бараш подарит мне еще два слезливо-умоляющих взгляда, а лучше — одну премию.

«Никто, кроме тебя» — это, между прочим, третий раз за день. В должностные обязанности исполнительного директора флористической компании «Миллион роз» подвиги не входят, но совершаются с регулярностью Геракла.

Утром я посетила точку № 2, не самую проблемную, но занозистую, как куст дикого шиповника. Поставить на место продавщицу Машеньку, любительницу философски хамить покупателям и тем самым понижать рейтинг нашей конторы, мог бы и сам Бараш. Вот заставить Машенькиного хахаля-охранника как следует вымыть помещение, раз не проследил за приходящей уборщицей, а в качестве призовой игры починить унитаз — такой подвиг Барашу точно не по плечу. Никому, кроме меня.

Потом разговор с давним поставщиком. Пять минут выслушивать печальный монолог, наполненный философией «крокодил не ловится, не растет кокос». Пять минут слушать перечень природно-логистических катаклизмов, из-за которых цветы мерзнут в самолетах, а листья и лепестки осыпаются еще в Испании. Пять минут слушать, что процент брака мог быть еще больше, что для других контрагентов он приемлем, что профессионалы могут продать и голые стебли, не то что слегка осыпавшиеся цветы. И вообще, что за бизнес без взаимопонимания?

Кто, кроме меня, мог натурально разрыдаться в ответ? И сказать, вытирая слезы, что наша фирма, от продавщицы-стажерки до бессменного директора, будет рыдать еще громче в тот день, когда мы разорвем многолетний контракт. После чего слезопады высохли с

обеих сторон и я услышала, что следующая партия товара прибудет в идеально кондиционном состоянии.

Ну и, кроме побед надо львами, гидрами, подземными псами — какие еще были подвиги у маньяка Геракла, приговоренного к общественным работам за семейный абьюз со смертельным исходом? — на фоне побежденных монстров за день накопились небольшие свершения по мелочам.

Договориться с чиновником из районной управы, чтобы дополнительная дверь, врезанная в стеклянный павильон у метро — точка № 6, — и бетонный порожек перед ней не считались новой постройкой. Проинструктировать Ксюшу, девочку из города Котлас, устроившуюся к нам на работу. Это было совсем легко — девочка оказалась умной и я за пятнадцать минут объяснила ей то, что старший продавец не смогла объяснить за два дня. Ну, и бухгалтерия, вечная Авгиева конюшня. Ничего страшного, это я прежде в ней тонула, боясь поспешной подписью или разорить фирму, или обеспечить себе тюремный срок. Нынче разбираю, не думая и не глядя.

Пока что пора собираться домой. Можно не торопиться — Вилки на этом свете уже нет, гулять не надо. Впрочем, последние месяцы ее жизни состояли не из прогулок по соседнему скверу, а из визитов в ветеринарную клинику. Мы обе понимали, что конец близок... но все равно боролись до последнего, так что удивлялся даже седой доктор. Лучше не вспоминать.

После Вилки в квартире никто не поселился. Не хочу привязываться! Ни к ко-му! Был в моей жизни еще один прирученец. Тоже вилял хвостиком, правда, иногда агрессивно тявкал, заявлял на меня особые кобелиные права, не признавал моих, девичьих. В итоге пошел лесом. Очень надеюсь, что без меня он счастлив, а уж я без него счастлива точно. Впрочем, был бы счастлив — не слал бы эсэмэски, не лез бы в вацапе и телеге: «Я все простил, я хочу вернуться». Даже блокировать не стала, интересно, сколько еще лет будет продолжаться это безобразие.

Так что дома меня ждет только вчерашняя овощная запеканка и французский сериал на языке Дюма и Эдит Пиаф — зря я этот язык учила, что ли? Года три назад подружка-одноклассница привезла из Марселя мужа-француза, показать наши музеи, ну и вообще загадочную снежную страну, из которой когда-то явилась невеста.

Наташка пригласила меня потаскаться по городу, я потаскалась. Этот Тома признал, когда расставались, что мой разговорный французский лучше Наташкиного, хотя я пятнадцать лет в Марселе не жила.

Но перед этим придется совершить последний подвиг дня — поездку на круглосуточную точку № 5. Между прочим, самую надежную и доходную в нашей цветочной империи. До вчерашнего дня. Иначе фиг я бы там понадобилась, спасительница хренова. Туда, где не горит, пожарных не вызывают, Гераклов не приглашают.

Пятая точка... Вообще-то, надо было догадаться — однажды именно там случится какое-нибудь ЧП. Уж слишком все было ладно и бесппроблемно. Отличная локация: старинное здание в центре города, построенное при каком-то царе. Цокольный этаж, а значит, легко оборудовать подвальную цветочную камеру. Крыльцо с выходом на ресторанный улицу. Невесты в очереди с юбилярами. Иногда эта жо... эта пятая точка дает треть нашей суточной выручки.

Вот здесь и случился экстраординарный свистец-сюрприз.

Вчера явился ночной клиент. Ладно, Галочка спала, колокольчика не слышала — так и на камеру у входа клиент не попал. Пересматривали запись всем нашим скромным офисом, не увидели и тени.

Итак, Галочка обнаружила юношу в холодном цветочном отсеке, придиричиво лапающим тюльпаны. Вежливая Галочка проворковала:

— Потрогали? Забирайте!

Клиент, парень в кожаной куртке, на нее странно посмотрел и стал щелкать-цыкать. Галочка поняла, что берет он тюльпаны оптом. По розничной цене. Все.

Правда, заплатить хотел монетками из какой-то детской игры, она даже одну сфоткала: в круге корона с мечом и зубцы у короны сломаны. Парень спорить не стал, вернулся через полчаса с нормальными деньгами — шуршащими купюрами. Тюльпаны, как и обещал, взял оптом. Причем процентов десять — голимой выбраковки. Не купил бы — пришлось бы списать, а так — человек-подарок.

Наша Галочка обрадовалась неожиданной прибыли и так кайфанула, что не поняла, парень ушел на улицу или опять через хранилище. Еще запомнила — на левой щеке тату дятла. И без татухи видно — дятел.

А сегодня утром новая партия тюльпанов просто исчезла. Вместе с розами, гвоздиками и хризантемами. Зато на стене хранилища — граффити. Нарисованы пять тюльпанчиков с каким-то знаком вроде нуля. Под ними десять тюльпанов, а рядом — тот самый кругляш с ломаной короной.

Галочка — альтернативный гений. Нам ничего не сообщила и стала ждать, когда же явится вчерашний кавалер-дядел и заплатит за цветы, исчезнувшие оптом. Вместо кавалера на стене возник еще один рисунок: часы и цифра «два». Видимо, через два часа явится.

— Линочка, никто, кроме тебя.

Понимаю, что уж не ты, Вячеслав Семеныч. Вообще-то, тут не ты нужен и не я, а охранная фирма «Кактус». Вот только наши боевые ежики в эту минуту заняты физическим сопровождением демонтажа оборудования на точке № 6, чтобы новый арендатор не подумал, будто помещение досталось ему со стеллажами и сплит-системой. Необходимая документация, доказывающая, что железяки и деревяшки — наша собственность, под рукой. Однако все равно лучше, когда у девушки с документом в руках эскорт из трех крепких ребят.

Может, лучше было бы меня отправить на точку № 6, я бы обошлась и без охраны. По крайней мере, стандартная ситуация, в отличие от кражи с элементами мистики.

Ладно... Никто, кроме... Вперед!

На пятой точке я была лишь раз, не дальше торгового зала. Сегодня появился шанс осмотреть подробней. Арендодатель по неведомой причине не стал дробить площадь, так что подвальный цветочный магазинчик был размером с приличный супермаркет. Одно холодильное помещение занимало половину пространства — хоть заблудись в срезанных цветах.

Сегодня вечером, правда, можно было заблудиться лишь в стеллажах и пустых вазах. Цветы покинули помещение.

— Он уже там, — шепнула Галочка. — Дядел. И опять на камеру не попал.

Действительно, за стеклом, в глубине холодного туманца, маячила фигура.

Что делает в этой ситуации вменяемый человек? Звонит в полицию: «У нас в помещении вор! Приезжайте, пока не убежал!». Что

делает усталая, измотанная за день дура, представившая унылое ожидание полиции и веселое объяснение с ней, если визитер исчезнет?

Все правильно, именно так я и поступила. Сделала знак Галочке идти следом и шагнула в холодильник. Шаги за спиной были нерешительны, потом замерли. Похоже, еще до входа в хранилище.

Ну да, это же я тут единственный герой. Или героиня. Или геройка. А Галочка — не альтернативный гений, она вменяемый человек. Ладно, вперед!

Насколько хранилище точки № 5 огромное, я поняла, едва взялась за дверную ручку. Незванный гость находился не в близком и хорошо освещенном секторе роз, как показалось издали. А в глубине, возле дальней стены.

Причем с каждым шагом туман становился плотнее и плотнее. На секунду я малодушно оглянулась, чтобы укоризненно махнуть Галочке. И поняла, что выход из хранилища скрылся в том же таинственном тумане.

Могла бы и предупредить про туман. Ладно.

Еще несколько шагов и я рядом. Мышка-летушка, ну почему мое оружие — только апломб и пара полузабытых приемов, запомненных в детской секции ушу? Сейчас мне бы, например, мощный слепящий прожектор, позволяющий видеть в туманной мгле. Высветить фигуру, что трется возле темной и влажной, возможно еще царской, стены, в самой неосвещенной части хранилища.

Так. Мы спокойны и решительны, потому что всех уже победили.

— Добрый вечер. Шестьдесят пять тысяч двести восемьдесят рублей. Наличный и безналичный расчет. После этого — новые тюльпаны.

Говорила я уверенно. Почти. Что же сбило меня? Парень как парень, невысокий, мордочка хищная, без тупости. Весь в коже, даже на руках кожаные краги.

Сбило меня тату на левой щеке. Не дятел, как решила дятлиха Галочка, а поползень. Сто тысяч бесполезных знаний, наполнивших мою голову с детского сада, причем навсегда. Поползень — птичка, которая летает, а заодно ползает по стволу вверх-вниз, влево-вправо. Даже вниз головой. Что как бы меняет девиз: не «додолблюсь своего», а «пролезу куда захочу».

На одну секунду сбил с толку, шельмец. И этого оказалось достаточно.

— Сегодня будут тюльпаны? — чирикнул парень.

Именно что разборчиво чирикнул. И мне послышалось в этом чириканье что-то знакомое. Как будто говорил тот самый Тома из Марселя.

— Без оплаты прежней партии — нет, — ответила я, чувствуя, как моя уверенность окончательно уходит в прохладно-гнилостную атмосферу забракованных лилий и роз.

Парень то ли улыбнулся, то ли сгримасничал. Поползень посмотрел мне прямо в глаза.

— Ты умеешь ухаживать за цветами? — спросил он.

Мой ответ должен был быть кратким и грубым. Даже адресным. Если бы не этот пристально-смешливый птичий взгляд. И непонятный туман или пар. Этот туман исходил не от цветов, не от испорченного кондишена.

Поэтому, похоже, я даже кивнула. Вот и вышел мне боком факультет растениеводства Лесотехнической академии. Говорила мне мама — иди на филологический! Но туда был большой конкурс, а на цветоводство — маленький. Вот теперь мне моя лень и аукнулась.

Правой рукой гость коснулся стены. Она не разошлась. И не рухнула, а лишь исчезла. И вот там-то, в глубине, и клубился тот самый туман.

Я впала в ступор. На одну секунду. Но и этого оказалось достаточно.

Поползень взял меня за куртку и толкнул к пустоте. В тумане нарисовался напарник, ухватил за правую руку, потянул на себя.

Нырнуть, вывернуться, вверх локтем, в сторону коленом.

Я не боевой автомат. Я вспомнила эти приемы самооборонных курсов, когда стена беззвучно сомкнулась за нами. И поняла, что за стеной они не актуальны.

Лирэн

Горожане называют нас Ночными Законниками. Сочинители баллад — Призраками Подземелий и Клинками Ночи, а стража покойного короля обзывала ночными мытарями.

Все эти клички мне знакомы. Поэтому я выслушивал доклад не в подземелье, а на вершине самой высокой башни Города Свободы и не ночью, а на закате. У меня свои причуды и все с ними считаются.

Впрочем, принимать доклад вечером — не такая уж и причуда. Ночью в Городе происходит то, что должно произойти. Тот, кому положено дожить до утра, спит мирным сном. А вот днем возможны неожиданности.

Докладчик — незнакомый парнишка с бледным лицом и волосами цвета лежалой соломы. В глазах искреннее удивление. Во-первых, он был уверен, что перед приемным залом отберут шпагу. И даже свинцовник, пусть и в кобуре, заткнут за пояс.

Зря удивляется. Если меня захотят убить, я узнаю об этом задолго до визита и начну разговор с вопроса «за сколько?». Из таких визитеров один, кстати, у меня в телохранителях.

Во-вторых, он удивлен потому, что рядом со мной нет цветов. Только торчит в подсвечнике засохшая роза. Поэтому немой вопрос визитера прочитан с первого взгляда — может, я бесцветник?

Нет, мальчик, бесцветников не существует. Они иногда приходят из других миров. Но не для того, чтобы возглавить Ночных Законников. Для этого полагается здесь родиться. Пришельцы из другого мира живут у нас недолго.

Просто надо уметь дышать так, чтобы обходиться без цветов три-четыре часа. И главный секрет — когда понадобилось вдохнуть, не сидеть в кресле между огромных букетов, как вальяжный обжора сидит возле глубоких супниц и салатниц. Подойти, вдохнуть, лучше всего так, чтобы никто не заметил. И вернуться к своим делам.

Впрочем, если кто-то думает, что я могу дышать без цветов, — пусть думает. Это так же полезно, как если думают, будто ты умеешь читать мысли.

— Брат маршал, я готов к докладу.

— Я слушаю, брат сол, — ответил я с улыбкой.

Город, как и вся страна, уже пять лет живет по законам свободы. Мы все братья, но тот, кто командует над всеми, — маршал. Парнишка мог бы сказать «мар», но понимает, что доклад надо начинать с полной формы обращения. Если еще и умен, то через год будет капитаном Ночной армии — еще одна наша кличка.

Поверь, мальчик, так и будет. Я старше тебя лет на пять, не больше.

— Утром из веселого трактира Уха сбежала девица. Дурочка из предместья, забежала в казарму стражи и объявила, что с ней жестоко обращались. Капрал запер ее и известил нашего Смотрителя квартала.

Я слегка усмехнулся. На самом деле, не стражи, а СЗ, стражей — защитников свободы, но эта шантрапа не заслуживает уважения. При покойном короле-тиране это была стража, ну и пусть так называется.

— Капралу две монеты. Уточнить, что первая за то, что сообщил, а вторая — что Смотрителю, а не Уху. Тот испрыгался у дверей казармы?

— Да, — с усмешкой кивнул парень. — Что делать с девицей?

— Вернуть Уху, — ответил я с незаметным вздохом. — Сказать, что позже я приду и поговорю с ней. Может наказать ее как угодно, хоть отправить на песочек, но она должна остаться живой, целой и здоровой. Нет — я закрою этот веселый трактир.

— Услышал-исполнил, мар, — весело ответил докладчик, представивший рябое лицо Уха, когда передаст приказ-угрозу.

Ухо, конечно, обидится. Но гранд-маршал Ночной армии — я. На выборах мне досталось полсотни сухих лепестков, а он, хоть сулил золото и грозился, получил лишь пять. У нас выбирают честно, так что Ухо может лишь брызгать слюной и мечтать, что со мной когда-нибудь расквитается.

Пусть помечтает.

— Инцидент в квартале Гладиолусов, — продолжил докладчик. — На прошлой неделе сазы сцапали хлебопека — подмастерье донес, что хозяин печет господский хлеб и торгует им едва ли не открыто.

Я опять незаметно усмехнулся. Вряд ли в Городе Свободы есть хоть один булочник, который не печет господский хлеб, хотя обязан печь хлеб Равенства: на половину обычной муки — четверть конского

зерна и четверть перемолотой свиной радости. Спасибо, хоть свиная радость без скорлупы.

Когда-то я мечтал и о таком хлебе, всякое было время.

Что же касается статуса булочника, о нем можно не спрашивать. Если бы он был под нашим патронажем, я узнал бы о его злключениях в тот же день.

— Префект требует от него пятьсот монет, — продолжал парень. — Иначе — год на колесе и закрытие заведения.

Никаких эмоций. Впрочем, нет — небольшая улыбка. Не вскипать же гневом — какая жадность!

— Услышав это, булочник поспешил найти нашего капитана-смотрителя?

— Да, — усмехнулся докладчик. — Капитан ответил ему, что негоже печь свадебный торт после свадьбы, но велел ждать решения.

— Разумно, — неторопливо сказал я.

Пусть парень верит, будто я думаю над ответом, тем более я и вправду думал.

Префект округа Гладиолусов жаден и зол. Но ни разу не проявит сильной воли. Он будет жаловаться в Совет Добродетели, не больше того. Или отступит даже не перед клинком — перед тенью клинка.

— Что узнал капитан о булочнике? — наконец спросил я.

— Торгует с крепкой, но небольшой прибылью. У него найдется триста или четыреста монет. Пятьсот не наскребет.

Я кивнул. Хорошо, когда капитаны делают то, что надо, без приказов. Что касается небольшой прибыли хлебопека, то и такая по нашим временам — удача.

— Капитан придет к хлебопеку и возьмет двести монет, а торговец поцелует клинок и произнесет Клятву патронажа. Потом капитан направится к префекту и принесет десять справок от болящих о том, что булочник на самом деле пек целебный хлеб Милосердия по их просьбам. Десяти справок хватит, чтобы закрыть дело. И предложит сто монет. Если префект откажется брать справки и деньги, пусть капитан скажет: вас навестит гранд-маршал. Он просил передать, что был бы рад прийти сразу, но занят очень серьезными делами. Смертельно серьезными. И может оторваться от них только ради дела такой же важности. Под конец можно сказать, что булочник под

личным патронажем гранд-маршала, но я уверен, обойдется без этого и префект удовлетворится сотней.

Парень кивнул, улыбнулся и тронул мизинцем гарду своего клинка. Я тоже широко улыбнулся в ответ — префект оценит этот жест.

— Это не последняя новость? — спросил я.

— Да. Есть еще одна, и она тоже связана с девицей.

— Ты не сказал после первой новости, чтобы маршал не подумал, будто у тебя на уме одни девицы? — усмехнулся я.

— Ну да... Но вообще.

— Но ведь у тебя на уме есть девицы? Напомни свое имя, — сказал я, поднялся и подошел к парню.

— Терсан, — неуверенно произнес он. — Да, маршал, есть.

— Так это же отлично, Терсан, — воскликнул я, хлопнув его по плечу и не сомневаясь, что панибратствую с будущим капитаном. — Если на уме не будет девиц, на уме будет смерть, и что в этом хорошего?! Налей себе вина, да и мне заодно. Выпьем за девиц.

Небольшое панибратство — полезный инструмент. Мы же не сазы, которые докладывают, вытянувшись в струнку. Мы друзья и братья. Иногда так и говорим, похлопывая по плечу: «Брат, ступай и умри за наше дело».

Терсан подошел к золотому столику на ножке из клыка морского тигра, поднял графин. На миг я ощутил его сомнения. Налить себе больше, чем маршалу? Вдруг обидится. Налить мне больше, чем себе? Может, я подумаю, будто он хочет меня спойть?

Юноша протянул бокал. Любой аптекарь подтвердил бы на глаз, что в нем ни на одну каплю больше, чем в другом.

— За девиц, — усмехнулся я. — Так какая же новость?

— Пока это слух, — неуверенно сказал парень. — Люди Уха воспользовались Туманом, проложили Тоннель и притащили из другого мира не только цветы, но и женщину. Что собирается делать с ней Ухо, пока неизвестно.

— Подождем, когда станет известно, — сказал я.

Ночные Законники сильны законом для своих. Пока гостя остается в логове Уха, а не бегаёт по Городу, жалуясь на дурное обращение, отношения с ней — его личное дело. Зная Ухо, гостя не позавидуешь.

А вот проложить Тоннель, не предупредив Совет капитанов, нельзя.

Я пригляделся к парню. Он вряд ли сочувствует незнакомой девице, но на его лице небольшое напряжение. Еще минут десять и гость начнет тяжело дышать. Мучить его незачем, пусть идет и отдышится возле букета в приемной.

— Отправляйся к Уху и пригласи ко мне на разговор. Явишься завтра и доложишь об исполнении остальных поручений.

Когда дверь закрылась, я подошел к каменной стене. Одна из плиток услужливо отошла и появился большой букет. Завтра придется заменить, а пока что я сделал один вдох. Но глубокий. На три часа хватит.

Алина

Первое, что я увидела, были наши цветы. Они лежали на тележке, в несколько охапок, прикрытые чем-то, похожим на брезент. Третий злодей приподнимал край накидки и бережно укладывал оптовый букет.

В первую секунду я решила спасти нашу собственность, еще до конца не представляя, как вернуться с ней через закрывшуюся стену.

Но тут же поняла, что разумнее позаботиться о себе. Для начала — выяснить, что со мной происходит и где я оказалась. За стеной должен был находиться заснеженный проспект Славы. Но не было ни снега, ни проспекта. Серый туман — здесь он был еще гуще, чем в хранилище, почти скрывал бетонные стены обшарпанной промзоны. Или нет, не бетонные. Ближайшая стена сложена из круглых камней, а штукатурка или осыпалась, или её не было. Под ногами вместо асфальта утопленные в грунт булыжники.

Да какая разница, булыжники, асфальт или плитка! Мне надо понять, в какую сторону идти от этого кошмара.

— Жакель, что за торопун! Там же были еще цветы и вторая цветочница, а ты — закрыл проход!

— Туман уходит. Ты же не хотел оставить за стеной брата?

Как ни странно, этих братцев-цветокрадцев я понимала. Язык напоминал французский или старофранцузский — как-то слышала баллады на нём.

В печку прикладную лингвистику. Надо бы выбраться отсюда, пока все заняты цветами. Похоже, розы и тюльпаны здесь большая ценность, чем я.

Первые несколько шагов я сделала в сторону, бочком. Разглядела что-то, похожее на уличный проем впереди. Значит нам туда дорога...

— Сеструлька, ты куда намылилась?

В словесный контакт я пока что вступать не собиралась и спокойно сделала следующий шаг. Тело чуть напряглось — вспомнило баскетбольную секцию и тренера Бориса Иваныча, давшего девчонкам несколько полезных приемов на тёмных остановках, когда по словам тренера, к тебе лезет какой-то «недомущинка».

— Сеструлька...

Самозванный братик, как я предполагала, схватил меня за правое плечо. В моей голове продолжали звучать слова Бориса Иваныча, тело действовало само, сделав всё, как надо, кроме аккордного удара каблучком в голову — и так сойдет, уже отцепился.

«И никаких подвигов. Вырвалась — бегом отсюда!».

Этому совету я тоже последовала. Пробежала шагов пять или даже шесть в густом тумане. После чего упёрлась в стену. Улица оказалась тупиком.

— Сеструлька, — донесся сзади обиженный, но не очень возмущенный голос, — вот зачем так сразу?

Пришлось обернуться. Не в стену же смотреть — меня в угол еще не поставили.

Парень, с поползнем на щеке, усиленно тёр левой рукой правую. Главное, что хватать меня не торопился.

— Сеструлька, ты поосторожней так. Я мог бы и обидеться. Слушай, а научи меня так вот вертеться, за руку хватать и сбивать с ног. Мне понравилось.

— Верни меня туда, откуда украл, и я тебе пять таких приёмов покажу, — зло сказала я.

Парень удивленно посмотрел на меня, разве что не открыл пасть и не почесал затылок. Я уже хотела повторить фразу на французском, но тут он кивнул — дошло.

— Вернуть тебя в мир высоких домов и повозок без лошадей? Сеструлька, ну это же невозмо-о-ожно!

Я не успела ужаснуться и переспросить — дверь в мой мир закрыта навсегда или козел берёт, обратно не даёт, — как подошел напарник.

— Жакель, управился с попрыгуньей? Пошли, порадуем нашего мара добычей. А тебе, красулька, добрый совет — так себя не веди. Ухо капризов не любит. Ты еще не зарегена. Засохнешь и никто не подкопается. Пошли: мы добычей хвастать, вы — знакомиться.

Меня тут еще и регить будут? Спасибо, не чипировать.

Бегать в тумане я не собиралась и мы отправились в путь со скоростью груженной тележки. Меня хотели запрячь, но я сказала, что являюсь добычей, а не тягловой силой. Жакель, у которого рука

прошла, впрягся сам, только добродушно проворчав, что перед незнакомым Ухо капризить не надо.

Блин, не надо так! Я и в себя не пришла от этой истории, а тут — какой-то Ухо-горло-нос!

За неполных полчаса пути была только одна радость — стало ясно, что это не мир вечного тумана. Уже скоро он рассеялся и погода оказалась вполне сносной, даже жаркой.

Полюбоваться солнцем и окружающим миром не получалось. Дело не в том, что город, по которому везли цветы и тащили меня, состоял исключительно из улиц особой узости и проходных дворов. Просто мои непрошенных спутники выбрали именно такой специфический маршрут. Когда нам пришлось пересекать достаточно широкую улицу с приличными прохожими, мы перенеслись через неё как бешеная кошка через собачью выставку. Я даже получила неслабый толчок в плечо за неторопливость.

— В следующий раз — отвечу, — резко сказала я Жакелю, когда мы оказались в очередном склизком проулке.

— Сеструлька, — усмехнулся тот, — если бы нас сцапали сазы и ты предстала перед префектом квартала Незабудок, ты бы заплакала, что тебя не довели до Уха. Он отправляет незарегенных девочек на колесо, не открывая глаз.

— Хватит меня пугать этим Ухом — надоело, — проворчала я.

Злодеи переглянулись, усмехнулись и поспешили дальше.

Заодно подумала, что это за колесо? Если колесо обозрения — ладно. Еще когда-то была такая пакостная казнь — колесование. Но меня, вроде, не за что пока.

Еще я заметила, что они пару раз по дороге подходили к тележке и нюхали цветы.

Следующий проулок закончился тупиком. Жакель пару раз стукнул по стене и в ней образовались широкие ворота. Едва мы в них вошли, стена закрылась без всякого волшебства.

— Анрель, — весело обратился Жакель к привратнику, — зови Ухо! Мы порадуем капитана добычей!

— Капитан отправился на разговор к маршалу и разговор будет долгим, — ответил страж ворот. — Тем более, утром он уже обрадован — вернулась Филь-Филь.

— Недолго бегала девочка, — хохотнул Жакель.

— Бегала бы и подольше, — ответил дежурный по воровскому офису, — но она сдуру заскочила в казарму, решив, будто там капралом её дружок, а того перевели в квартал Маргариток еще прошлым месяцем. Войти вошла, а выйти не получилось. Ухо пообещал оставить её на песочке до рыбьих выжимок, но услышал приказ маршала сохранить жизнь и отправился ругаться.

Я слушала диалог, посвященный незнакомой девице, без особого интереса. Похоже, тут к правам человека относятся без уважения.

— Пусть пришелица посидит с Филь-Филь, подождет капитана, — закончил привратник, — а мы пока посчитаем цветы.

На этот раз отворилась не стена, а невидимый люк во дворе. Меня отвели по винтовой лестнице в подвал, к счастью, в каморку, откуда сверху падал блеклый свет. Никаких иных достоинств помещения я не видела.

— Красавцы, — донесся из угла хриплый голос, — вы принесли вина или нет, пёс вашу печень! Я же заплатила!

— Вот тебе вино, — сказал вор, протягивая даме большую бутыл, — вот и собеседница — пришелица из другого мира. Будь с ней вежлива, думай о своем поведении и разговоре с Ухо.

— Лучше бы две бутылки, — выругалась Филь-Филь. — Ладно, катитесь. А ты садись поближе, поговорим.

Пока мои глаза привыкали к темноте, я лишь чувствовала резкие духи сокамерницы, а потом смогла разглядеть даму примерно моего возраста. Жизнь ее не щадила — одних шрамов на лице хватило бы на трех авантюристок. На лбу, на щеке, на подбородке. Как ни странно, эти шрамы женщину не портили, лишь придавали некий диковатый шарм. Особенно пикантно они смотрелись в сочетании с золотистыми локонами по плечам и огромными голубыми глазами сиротки Марыси.

На полу камеры лежало несколько подвядших гвоздик, в дальнем от люка углу обнаружилась дырка, вероятно служившая унитазом. А больше никаких удобств. Даже на подстилку не расщедрились. Я уже молчу о тюремных койках.

— Ох ты, бедняжка, — начала Филь-Филь, разглядывая меня с ленивым интересом. — Понимаю, у нас тут после ваших пирожков несладко. Ничего, теперь к нашей жизни привыкай. Хотя на самом деле бедняжка я, кто же еще!

Она устроилась поудобнее, откупорила бутылку и присосалась к ней сразу да от души. А потом начался монолог печальной пьяной девицы о том, как она ошиблась, когда-то связавшись с Ухом, правда, произнося это имя, она слегка понижала голос. О том, что по ее возрасту и разнообразным талантам давно пора быть свободной мамашей и держать трактир, но Ухо не хотел ее отпускать — каждый раз новые долги находил, и пришлось сбежать.

Кажется, Филь-Филь даже не особенно интересовала моя реакция. Ей важнее было сотрясать воздух, чем получать какие-то слова в ответ.

— Тебе-то хорошо, — ворчала она, между делом отхлебывая из бутылки, — будешь дышать на цветы и веселить капа сказками, как летают на стальных драконах. А меня... Вот невезуха. Да ты пей, кстати. — И щедрым, уже слегка неточным жестом она протянула мне посудину с вином.

Пить я не собиралась. Но взглянула собеседнице в глаза и неожиданно решила утешить несчастную — взяла бутылку из ее рук и отхлебнула какую-то мерзкую кислятину.

— Не кашляй так, помаду мою попортишь, — проворчала Филь-Филь. — Дай лучше бутылку, я тебе подслащу.

Филь-Филь распахнула куртку. На ее внутренней части висел целый арсенал каких-то пузырьков и пакетиков. Она капнула из одного пузырька прямо в горлышко, снова сунула мне — действительно, напиток стал слаще.

Гулять так гулять! Я допила винище за здоровье и счастье Филь-Филь. Ведь и правда — такая хорошая девушка, ни в чем невозможно ей отказать. И обязательно нужно посочувствовать. А если будет возможность — помочь.

— У кого здоровье-счастье, так это у тебя, — проворчала та. — Годы, считай, мои, а рожа как сохранилась!

Достала зеркальце, взгляделась в него, вздохнула.

Я захотела сказать что-то утешительное. И поняла, что не прочь слегка поспать. Даже на каменном полу.

Сквозь сон я ощутила пальцы Филь-Филь на своем лице. Хотела их отбросить. И поняла, что сплю крепко. Еще успела подумать, что никогда раньше не допустила бы подобного идиотизма — пить с незнакомой теткой незнакомое пойло в незнакомом месте... Кажется, когда меня украли из нормального мира, мозги мои захватить забыли.

Сон сменился дремотой. Я решила, будто заснула, не дойдя до дивана... Все равно слишком жестко. Открыла глаза. И, не успев все вспомнить, услышала голоса.

— Пусти-ка поглядеть на пришелицу.

— Опоздал, братик. Ее уже к себе Ухо позвал. Филь-Филь, конечно, на десерт оставил, сперва решил с той поговорить.

Сон продолжается. Или был еще один, забытый, в котором я поговорила с этим Ухом.

— И?

— Она дурой оказалась, почти немой — только бормотала. Наш кап продал ее в квартал Мимоз за двадцать тиров, пока никто не знает, что она убогенькая.

Так. Кроме меня, была еще какая-то «пришлица», оказавшаяся глухонемой дурой. Сейчас на разговор позовут меня или Филь-Филь.

Я огляделась и, несмотря на потемки, поняла — Филь-Филь рядом не было. Как так?

Нехорошее подозрение заскреблось где-то там, в подсознании, но я торопливо придавила его: несмотря на общий дурдом ситуации, похищение и прочий туман, не может ведь такого быть, чтобы меня перепутали с этой несчастной девицей. Не может же, правда? Рука сама потянулась к лицу. Не знаю почему. Вот пальцы скользнули по виску и... нащупали шрам на щеке.

Я не заорала только потому, что голос у меня отнялся совсем и напрочь. Мгновенно вспомнились и собственная покладистость, и несколько преувеличенно горячее сочувствие к незнакомой девице. Неужели все это было... чем, гипнозом? Типа цыганского? Или гипнозельем из того самого флакончика — «я тебе подслащу». Но даже от цыганского гипноза или зелья за несколько часов сна на лице не появляются зажившие шрамы!

— Эй ты! Совсем окосела, что ли? Стареешь, девка, чтоб раньше Филь-Филь да развезло с одной бутылки кислого пойла?

— Дык это она, небось, со страху. Песочек, он кого угодно напугает. Досуха-то не велено, но кто Уху указ? Он насчет наказания непокорных дурочек удержу не знает. Эй ты. Вставай. Ну вставай сама, а? Лезть за тобой лениво. Если не станешь дуреть, мы тебе за шиворот

пару лепестков сунем, прежде чем на песок волочь. Глядишь, и полегче будет.

Я бы, может, и попыталась ему помочь. Да вот только встать на ноги попросту не могла. Туман в голове почти рассеялся, зато ноги и руки отказались сотрудничать с такими дурными мозгами. Поэтому, вяло потрепыхавшись на полу, я бросила попытки встать и затихла.

— Вот мокрица! — выругался тот, что постарше. И полез в темницу сам. — Ну, не жалуйся теперь, никаких тебе лепесточков. Засыхай на корню, если такая пакостная натура у тебя.

Без всякой нежности вздернув слабое тельце на ноги, охранник поудобнее перехватил меня за шиворот и выволок из темницы.

— Шевели побегам, Филь-Филь, не зли меня еще больше! — прошипел тюремщик, тычком направляя меня в сторону своего напарника. — Грабли-то вытяни, не в первый раз песочат. Не строй бóльшую дуру и стерву, чем ты есть!

— Ты погодь, дядька, — всмотрелся в мое лицо тот, который помоложе. — Кажись, не в себе она. Может, вино пропавшее было? Ты где его брал, у тетки Клуазетты небось? Так она ж для крепости туда крысиного яду подмешает и не поморщится. Глянь, глаза-то у нее мутные, чисто обесцветилась.

— Не мое дело, — отмахнулся старший. — Надевай ошейник да пошли отведем, иначе Ухо нас самих на сушку определит. До завтрашнего полудня велел не трогать и даже не подходить к песчанке. Ежели выживет — ее счастье. А помрет дня через три — так это она сама, Ухо тут не ответчик. И приказ мара не нарушен, и остальным беглянкам наперед наука. Поостерегутся бунтовать.

— Эх, Филь-Филь, хорошая ты была девчонка, — посочувствовал мне молоденький. — Шагай, чего ж теперь.

Этьен

Цроп, цроп, црып, црып.

Над краем стола появились две мягкие лапки, а потом возникла лукавая мордочка. Черные глазенки сосредоточенно оглядели столешницу — что можно сегодня стянуть на пол и объявить добычей?

Каждое утро, сев за стол, я придвигаю к краю несколько предметов — хватай, сбрасывай, играй. Сегодня выбор был обычный — сломанное перо, ложечка от кофейной чашки, бумажка из-под пилюли.

Что предпочтешь, Крошка?

Год назад она предпочла вспрыгнуть на стол и опрокинула чернильницу на квартальный отчет о внешней торговле. Через пять секунд в кабинете были оба секретаря. Они извинялись, будто испортили документ сами, мгновенно переписали его и заменили скатерть. Каждый получил в награду охапку вчерашних тюльпанов — можно использовать, можно продать.

С Крошкой я просто поговорил, когда она вылизывала в углу чернильную лапу.

— Не делай так больше. Если тебе лень идти за мышью и хочется найти игрушку на столе, я дам ее сам.

Говорят, что катланк втрое больше обычного кота, а умнее — вчетверо. В случае Крошки так и есть. Надеюсь, она не обиделась на имя. Почти всех домашних катланков называют Крошками. Как круглую собаку — Шарик, а худую — Стручок.

Между тем Крошка остановила выбор на обертке от пилюли. Стянула и принялась охотиться, недовольно пофыркивая, когда в ноздри попадали остатки снадобья.

Принимать его я повадился два года назад.

«Не надо пить такой крепкий кофе, — сказала сердце, — мне тяжело».

«А мне без него сонно», — ответил мозг.

Сердце и мозг заспорили. Как всегда, победил мозг и предложил запивать кофе лекарством. Теперь каждое утро к черному подъезду приходит не только молочница, зеленщица и мальчишка из пекарни, но

и ученик аптекаря с недавно сделанной пилюлей. Она стала условием моего ежедневного кофе, а бумажка от нее — любимой игрушкой Крошки.

Любимой, но недолгой. Основное удовольствие от бумажки в том, что ее можно порвать в клочья. Когда обрывки стали такими мелкими, что не поиграешь, над столом опять возвысилась мордочка, а цепкие лапы утянули ложку. Она не успела долететь до паркета, как Крошка ухватила ее зубами и начала перекатываться на полу, подбрасывая добычу, будто вместо пойманной мышки забавлялась рыбкой.

Интересно, как сохранились катланки? Они не только живут в диких зарослях, но встречаются и в засохших садах Города. Может, дело в суеверии: убить катланка — к несчастью? Может, им просто везет? Может, их боятся?

Как выжил я — тоже непонятно. Я, князь Этьен зи Ома, уже пятый год один из четырех столпов Совета блюстителей Добродетели. Каждую неделю «Листок свободы» выходит с заглавной статьей, объясняющей, за что меня пора казнить. Странно, не правда ли?

Все началось с того, что король на меня обиделся за мнение о принципах налоговой системы. Три года спустя простил и пригласил на Осенний бал. Как позже выяснилось, с последствиями различной степени несчастья.

О новом королевском фаворите — графе Оллере зи Бента — я слышал многократно, но уединение не позволяло познакомиться с ним поближе. Другое имя — Оллер зи Реген, владеющий не графством Бента, а самим королем, — тоже было на шепотливом слуху. Граф боролся с некрасивым слухом тем, что не пропускал ни одной из красавиц, побеждал и хвастался победами на весь королевский двор.

Увы, с моей супругой получилось именно так. С разрешения его величества или без разрешения он принес из сокровищницы сундучок покойной королевы-матери, позволил моей жене надеть драгоценности, а лучший придворный живописец уже к вечеру вручил ей почти просохший портрет.

— Если тебя это обижает, дорогой, давай уедем в загородный замок, — проворковала супруга.

Я не согласился — очередная ошибка.

На следующий день у моих дверей были королевский шут и герольд. Шут привинчивал к дверям рога, вестник вручил бумагу,

согласно которой мне одному надлежало отбыть в замок, а для утешения, если пожелаю, позволялось охотиться в соседнем королевском лесу.

Если автор этого плана надеялся, что я поколочу шута и заколю герольда — скорее всего, так, неподалеку зевала стража, — то он ошибся. Я перечитал бумагу, она требовала покинуть Город до полуночи.

Солнце едва зашло, когда я уже прибыл во дворец, где давали малый бал. На ходу я так решительно размахивал бумагой с королевской печатью, что легко добрался до Золотого зала и выплеснул бокал вина в лицо обидчика.

— Это... Это смывается... — гневно закашлялся он.

— ...в умывальном кабинете, — продолжил я, — слева за дверью. Что же касается другого варианта, не сомневаюсь, такое ничтожество, как вы, скорее выклянчит указ о моем аресте. В любом случае я жду у фонтана.

Фаворит побывал в умывальной, переоделся и прибежал к фонтану в компании друзей, споривших, кому быть секундантом и на какой минуте он пронзит унылого старикашку.

— Крошка, давай проверим, есть ли у меня шансы сейчас, — предложил я, присаживаясь к катланку.

Выбросил правую руку вперед, ухватил ложку, летавшую между лапами.

Почти удачно. Но Крошка все же успела коснуться мягкой подушечкой моей руки. Я понимал — если бы выпустила коготь, пришлось бы звать лекаря.

— Да, ты права, Крошка. Надо сходить в зал не завтра, а сегодня.

Из спорщиков не выиграл никто. Я до сих пор не ощущаю себя убийцей — дурень просто налетел на мою шпагу, будто желая пощупать эфес, и почти в этом преуспел. Мимолетные секунданты толпясь над телом до появления стражи.

Потом была камера в старой башне. Относительно просторная, с библиотекой и правом посещения в любое время. Этим правом пользовалась жена, она выполняла мои просьбы и была почти уверена, что я ее простил.

Потом целый день в городе бухало, гремело, а дым застилал солнце. Потом донесся грохот выбиваемых дверей. Скоро дошло и до моей.

Я сидел за книгой, когда ворвалась толпа незваных и неведомых гостей.

— Господ тоже держат под замком? — удивленно сказал один из них.

— Это же убийца фаворита, — донеслось сзади.

Я так и не покинул кресла. Меня вынесли на нем и под рукоплескания пронесли до главной городской площади...

Уже в темноте я, избранный в совет блюстителей Добродетели, был дома. На пороге встретила жена.

— Как я рада, — искренне сказала она.

— Что наш дом не сожгли в отличие от многих других и даже охраняют, — уточнил я. — Кстати, ты не заметила, что в городе стало тяжелее дышать?

— Да, — ответила супруга.

— Крошка, какая ты счастливая, — сказал я, возвращаясь в кресло. — Ты дышишь рядом с живыми цветами. А также засохшими цветами. А также среди сена и камней. А мне приходится стараться, чтобы этот несчастный Город не задохнулся окончательно.

Крошка сказала «мур-р» и стянула со стола третью добычу — сломанное перо.

Алина

Странное чувство онемения всего тела постепенно сходило на нет. Не менее странное чувство онемения всего мозга никак не хотело покидать мою голову. Кажется, в тот момент, когда гадкий Поползень втащил меня в туман, все мои способности здраво мыслить и четко действовать застыли дрожащим холодцом. Только сейчас постепенно появилось ощущение, что там, в самом центре меня, потихоньку оживают колкие горячие муравьи, как всегда бывает, если, к примеру, ногу отсидеть, а потом выпрямить.

Вот и мои мозги, судя по всему, потихоньку «выпрямлялись», для начала запустив в сознание огненных насекомых паники.

Слава богу, бороться с этой напастью я умела. Не то чтобы идеально, но глубоко вдыхать чуть затхлый воздух на два счета и выдыхать на три — на это меня хватило. Тут главное было не сбиться со счета и не позволить себе дыхания загнанной лошади.

Мы с моими сопровождающими шли по слегка замусоренной мощеной улочке между крепкими кирпичными стенами. Улочка плавно загибалась влево и вскоре я сообразила, что меня ведут по сужающейся спирали в пределах относительно небольшого пространства. Помесья? Квартала? Непонятно.

И неудобно, потому что сбежать совершенно некуда — либо вперед идти, либо назад прорываться, в любом случае догонят, еще и накостыляют. Настоящая Филь-Филь, паршивка такая, замечательно придумала — украла мое лицо, а взамен подсунула мне собственную участь в виде какого-то там «песка». Понятия не имею, что это такое, и узнавать не стремлюсь. Но кто бы меня спрашивал?

И упираться ногами в брусчатку бесполезно по все той же причине — ничего не добыю, кроме пинка под одно интересное место. Остается что? Остается идти и готовиться: может быть, этот самый песок вовсе не такое страшное место. А более открытое и оттуда получится слинять. А уже дальше буду искать Поползня и стену в тумане.

Мало ли что он там ляпнул про «вернуться невозможно». Сам-то, паразит, дважды за цветами приходил, значит, и в третий раз сумеет

открыть это неизвестно что. Тут главное — аргументы для него подобрать убедительные. Камнем по голове, например. Потом связать и пригрозить что-нибудь отрезать.

Да, я вот такая кровожадная. Потому что не фиг было похищать, сначала меня целиком, а потом мое лицо отдельно. И чтоб мне лопнуть, если я Поползня не отловлю. Даже если не получится использовать его как ключ от двери в родной дом — просто пришибу. Чтоб неповадно было.

Филь-Филь тоже стоило бы найти, но тут, как говорится, вопрос приоритета. Домой я хочу больше, чем повыдергивать волосья этой мошеннице и воровке. А дома, глядишь, и морок пропадет, мое родное и в целом симпатичное личико вернется к хозяйке.

Все эти мысли помогли мне не впасть в уныние и настроили на боевой лад. Даже походка стала тверже. Еще чего, сдаваться заранее! Не на ту напали. Переживу я ваш песок, а потом...

— Что, оклемалась маленько, Филь-Филь?

Мы как раз дошли до цели, во всяком случае узкая улочка кончилась тупиком. В перегородившей дорогу стене была небольшая, но массивная дверь, запертая на амбарный замок.

Старший тюремщик, не торопясь, возился с ключами, а младший задорно толкнул меня локтем в бок:

— Правильно. Чего нос вешать? В первый раз, что ли? На вот.

Я почувствовала, как его рука скользнула в мое декольте, и уже хотела врезать наглецу по физиономии, когда поняла, что он не просто извращенец, а действительно пытается помочь. Ну, как помочь — парень насыпал мне в вырез тех самых вялых гвоздик, точнее оборванных с несчастных цветочков лепестков. Понятия не имею, на кой черт это нужно, но здешний дурдом так увлеченно крутится вокруг цветов, что лепестки — неспроста.

В любом случае стоит сначала разобраться и только потом отвешивать пощечины, кому сколько набежит к тому моменту. Это программа-максимум.

А минимум — это выжить вот прямо сейчас.

Мощный толчок в спину заставил меня почти вбежать в противно скрипнувшую при открытии дверь. Ноги моментально увязли в самом настоящем песке почти по колено. Громкий хлопок за спиной возвестил торопливое бегство охраны — так они боялись того, что

внутри. Я слышала ругательства старшего и торопливый скрежет ключа в замке — кажется, у тюремщика тряслись руки и он никак не мог нормально запереть опасное место.

Я же была внутри. Стояла, словно застигнутый светом фар ежик посреди шоссе. И даже не моргала. Осматривалась, ежесекундно ожидая нападения со всех сторон. Или еще чего-нибудь ужасного — ведь не зря тюремщики были так испуганы?

Но секунды текли с тихим шорохом, совсем как песок под ногами, а ничего не происходило. Только солнце, как раз поднявшееся в зенит на безоблачном небе, начало припекать макушку.

Я оказалась в просторном — шагов тридцать-сорок в поперечнике — круглом дворике, со всех сторон ограниченном высоченными стенами. Двор был засыпан песком, обычным таким, чуть желтоватым. Довольно крупным. Поскольку я была в кроссовках и джинсах, особенного неудобства он мне не доставлял, хотя я и увязла почти по колено.

Тюремщики наконец справились с замком и ушли, их шаги и ругань замерли в отдалении. Стало так тихо, что аж уши слегка заложило. Но и только — по-прежнему никаких ужасов.

Я еще раз внимательно осмотрелась. Убедилась, что дальше коленей в песок не погружаюсь, а подошвы моих кроссовок уже нащупали там, в глубине, что-то твердое, почти как брусчатка на улице. Без особого труда вытащила ногу из ловушки и осторожно шагнула вперед.

К пляжу меня приговорили, что ли?

Через полчаса я с удивлением убедилась, что если и помру здесь от чего-то, то это будут банальные голод и жажда. И перегрев. Солнце палило уже нешуточно, а в этой рукотворной пустыне не было даже намека на тень. Во всяком случае беглый осмотр ничего похожего не выявил.

Посидев минут пять у стены, я решила на второй заход, точнее обход. Раз такое дело — почему бы не прощупать периметр? Та дверь, через которую меня сюда впахнули, стоит отойти от нее на несколько шагов, почти сливается со стеной. Может, здесь еще такие найдутся? А что, не может же мое невезение длиться вечно. В крайнем случае, если не сбегу, то хоть тенек себе организую. А то рубашка, повязанная

вокруг головы на манер бедуинской куфии, — это лучше, чем ничего, но все равно не панацея.

Вот кстати, почему никто из стражников не обратил внимания, во что я одета? Ведь платье свое Филь-Филь унесла с собой. Значит, это все же иллюзия, а не обмен телами. Уже хорошо.

Под такие мысли я довольно бодро ползла вдоль стены. Потом встала, пошла. Потом от скуки пару раз подпрыгнула. И поняла, что допрыгалась.

Этьен

*Девы и юноши, старцы и дети,
Флагу свободы привержены вы!
Мы защитили в боях добродетель,
На баррикадах последней войны!*

Совет бюстителей начинается с гимна Свободы. Едва мы сели с четырех сторон квадратного стола, как оркестр и хор за стеной не пожалели пальцев и легких. Это было нетрудно: цветов во дворце Совета достаточно, и каждый музыкальный трудяга очень хочет быть приглашенным еще раз.

Я застал королевские советы, при отце последнего монарха, молодой секретарь, не то чтобы рассчитывавший на карьеру, но не имевший ничего против нее. Перед тем как сесть, кланялись его величеству и быстро шептали молитовку Старобогу. Но точно никто не смотрел на губы другого, стараясь понять, молится тот или нет, — в юности такие вещи схватываются навсегда.

Со стороны наша четверка может показаться квадратом. На самом деле мы — пирамида. Три угла основания: бюститель Справедливости, бюститель Мира, бюститель Созидания — я. А над нами возвышается бюститель Добродетели.

Первым взял слово бюститель Мира, тучный заика. Идеальный военный министр, которого презирают и офицеры, и рядовые воины, а значит, он никогда не совершит переворот. Он доложил, что на границе порядок, соседи нас боятся и готовы честно торговать.

Я помнил времена, когда новая власть пыталась подарить Свободу и Добродетель соседним герцогствам и королевствам. Увы, в захваченных землях увядали не только цветы, но и колосья и деревья. Впрочем, вражеские ответные походы с целью завладеть ничейным королевством тоже оказались бесплодны — воины начинали задыхаться в самый неподходящий момент.

Поэтому установился худой мир — наши мануфактуры, производившие прежде изысканные ткани, фарфоровую посуду,

гобелены и прочие радости для наших аристократов, теперь производят то же самое для аристократов зарубежных. А из-за границы к нам спешат повозки со свежесрезанными цветами. За это все, между прочим, отвечаю я.

Ну, ладно, слушайте отчет, неуважаемые негоспода.

Говорил я кратко: колеса крутятся, прялки прядут, живописцы покрывают вазы нашими знаменитыми рисунками. Обязательно добавил, что все соблюдают нормы Добродетели. Исправно трудятся на мельницу бюджета и городские театры, между прочим, каждый дает доход не меньше гобеленовой мастерской. Репертуар, уважаемые братья, тоже соответствует нормам, в этом сезоне две премьеры: «Уличенный щеголь» и «Раскаявшаяся куртизанка».

Добродетельные братья улыбнулись и я воспользовался моментом подсыпать щепоть горечи:

— Вы помните мое обещание — до Зимнего праздника не брать займы у бывшего короля? Праздник был два месяца назад, поэтому из казны взято пять тысяч золотых бескоронков.

— С этого момента подробнее, — оживился блюститель Справедливости.

— Подробности можете прочитать на досуге, — ответил я и положил на стол толстую папку, слегка придвинув к оппоненту. Но не под нос: пусть выбирает, взять или оставить. — Мною расписана трата каждой сотни, и все — на цветы. Мастерицы-надомницы требуют хотя бы ромашек по фиксированной цене — рынок для них дорог. Прикованным к колесам тоже нужны еще живые цветы, а не сухой гербарий. Мы ведь хотим, чтобы колеса вертелись?

Блюститель Справедливости вопросительно взглянул на вершину пирамиды — блюстителя Добродетели. Тот изобразил почти незаметную улыбку — знак того, что мне вопросы больше задавать не нужно.

Справедливник столь же незаметно вздохнул и приступил к своему докладу.

В Городе все в порядке, даже порядочней и добродетельней, чем можно ожидать. Правда, периодически встречаются хитрецы и ловчилы, которые пытаются торговать по завышенной цене или перемещаться из квартала в квартал, не зарегистрировавшись ни в одном из них. Также некоторые юноши и девы, посмотрев комедии про

раскаявшихся куртизанок, пытаются уподобиться героям, согрешить, а потом раскаяться. Нет, что вы, пьесы запрещать нельзя, они приносят доход.

В остальном же все в порядке. Как известно, главная угроза Добродетели — девочки-сироты и еще не старые вдовы. Департамент Справедливости следит, чтобы они все были зарегистрированы вовремя и жили под патронажем покровителя, добродетельность которого установлена справкой.

Оратор закончил и грустно взглянул на нас: надеюсь, вопросов не будет.

— Очень хорошо, что вы следите за театральным репертуаром, — неторопливо начал я. — Вы также контролируете поступление в Город цветов из Тумана? А сколько вам известно частных песочниц?

Блюстителю Справедливости оглядел братьев-коллег, ища защиты от вопросов. Потом ответил на один неуверенным тоном:

— Две или три.

— По моим сведениям, их не меньше четырех, — жестко сказал я, — а скорее всего, больше. Их содержат Призраки Ночи для наказания недостаточно сообразительных должников и недостаточно добродетельных девиц. Я пару раз слышал шепот на мануфактурах: при свергнутом тиране частных эшафотов не было.

— Похоже, на уме у вас только тиран, свергнутый народом, — вздохнул оппонент.

— Что у меня на уме, то на уме, — заметил я, — а вы ответьте: сколько в Городе частных песочниц и почему ваш департамент делит власть с Призраками, добывающими цветы из Тумана?

Блюститель Справедливости молчал, я тоже. И тут впервые взял слово блюститель Добродетели:

— Не мною сказано: песок может быть самой мучительной казнью и самым легким наказанием. В любом случае бесконтрольное использование его не преумножает добродетель...

Я слушал, защищаясь от унылого словесного дождя зонтиком своих размышлений.

Песок — площадка, поглощающая аромат цветов, — и правда самое легкое наказание, если туда поместили на полчаса. И верная смерть, если на полдня — после такого уже не отдышаться. Легкие уже

не будут работать как прежде, как рыба, долго лежавшая на берегу, не поплывет.

Впрочем, все мы, жители Города Свободы, выловленные рыбы. Только задыхаемся не так быстро и страшно, как на песке.

Я тихо и незаметно усмехнулся. С детства считал, что легенда о королевском тюльпане — просто старинная сказка. Пусть на ее сюжет написано несколько баллад и картин. Но когда король лишился короны — да, по заслугам, тут спорить не буду, — в стране и правда увяли цветы. Не тюльпаны, испокон веков дарившие силу династии, а вообще все. И оказалось, что мы не просто творим магию цветов, а буквально дышим ими.

Я размышлял и при этом внимательно смотрел на грудь блюстителя. К ней был приколот желтый тюльпан, красный изнутри. Я осматриваю все партии цветов, поступающих в Город. Даже те, что контрабандой добыли Ночные Призраки.

Такого цветка там не было. Или, может, я проглядел.

Алина

— И еще в... И на... Через... тридцать три раза!

Так, кажется, вспомнила вообще все матерные слова, какие когда-либо слышала, пусть даже мельком. А уровень экспрессии если и снизился, то совсем чуть-чуть. Копчик ушибла... не сильно, но болезненно. И локоть разбила.

Это ж надо быть такой идиоткой! Мало того что меня украли в другой мир, потом украли мое лицо, потом притащили в гигантскую песочницу с явно нехорошими намерениями... так я и здесь умудрилась найти приключений на ровном месте.

Буквально! Провалиться в подземелье там, где даже следов его не было, — это надо постараться. Главное, я же никогда не была ходячим несчастьем, скорее наоборот. Не сказать, чтобы мне как-то фантастически везло — миллион в лотерею я ни разу не выиграла, — но по мелочам если беда могла просвистеть мимо, то свистела и пролетала, как фанера над Парижем...

А теперь что, все? Кончился период счастливых совпадений, я исчерпала свой запас удачных возможностей и теперь буду влипать в каждое де... — в него самое! — какое появится на горизонте?!

Ну, ладно, ладно. Надо делать лимонад из тех лимонов, о которые не повезло споткнуться. Как минимум смерть от теплового удара мне больше не угрожает — в том подземелье, куда я с воплем влетела, когда песок под ногами пришел в движение и закрутился воронкой, было не только прохладно, но и влажно. То есть если поискать, то, возможно, найдется и вода. А еще тут был сквозняк, который я не сразу заметила и осознала. А там, где есть сквозняк...

Так, может, это вовсе не беда, прилетевшая за компанию с остальными, а вполне себе шанс? Вылезать обратно в песочницу у меня нет ни малейшего желания. И даже не интересно, первая я такая дурында, что поперлась исследовать периметр, или до меня сюда уже проваливались другие везунчики? Скелетов под ногами не наблюдается — значит, если и провалились, то ушли. Чего и мне желаю от всей души.

Глаза привыкли к полутьме и я обнаружила, что та дыра, в которую я провалилась, снова сама собой затянулась тонким слоем песка, пропускающим свет, но создающим идеальную маскировку. Хм... все страньше и страньше. Зато в другом углу каменного мешка есть еще один проход. Именно из него тянет влагой и сквозняком, а еще там темно, как на хорошем картофельном складе.

Выбора у меня все равно не было, так что в сырую дыру я полезла довольно бодро, правда уже предпринимая хоть какие-то меры предосторожности: прежде, чем наступить всем весом, ощупывала каменный пол ногой. Провалиться еще раз мне совсем не хотелось.

Постепенно глаза привыкли к более глухой тьме и я разглядела, что оказалась в довольно просторном коридоре со сводчатым кирпичным потолком — было немного похоже на кусок парижских катакомб, в которые нас водили с экскурсией сразу после Лувра.

Сыростью тянуло все сильнее, коридор пока шел почти прямо, лишь совсем чуть-чуть изгибаясь вправо. Если я ничего не путаю, он тянулся под всей той закрученной спиралью узкой улицей, по которой меня вели в песочницу. И если спираль все время заворачивала налево, то здесь...

Ой! Бассейн. Самый настоящий.

Справа открылась арка, за которой был темный зал, как мне показалось сначала, с зеркальным полом. Но уже через секунду я поняла, что это не зеркало, а вода. Едва слышный плеск в дальнем темном углу указал, как наполняется этот резервуар, там явно находился источник.

Воду я сначала потрогала. Потом понюхала. Потом лизнула мокрый палец кончиком языка. И убедилась: самая обычная водичка, холодная, очень приятная на вкус. Впрочем, последнее — результат жажды. И радости — умирать от обезвоживания очень неприятно, а теперь мне такая смерть не грозит.

Оставив в покое бассейн, отправилась исследовать подземелье дальше. Вдруг где-то дальше и еда найдется? Ну, вдруг? Если считать за чудеса все, что со мной приключилось за последние сутки, я имею право надеяться на подобное везение. У меня, конечно, в кармане рубашки осталась половинка шоколадки, но долго на ней не протянуть.

Увы. Еды я не нашла. Нашла что-то вроде сухого колодца с яркосиним кружочком дневного неба где-то там, далеко вверху. Колодец, на дне которого я оказалась, был, по моим прикидкам, метров двадцать глубиной, и взобраться по отвесным стенам не получилось бы даже у самой ловкой мартышки.

Решив, что находка бесполезна, я уже было развернулась уходить и напоследок машинально взгляделась в кучку какого-то мусора недалеко от дыры, ведущей обратно в подземелье. И едва не заорала от ужаса.

А кто бы на моем месте не заорал, увидев труп?!

Хотя пока видна была только одна рука трупа, но выглядела она мертвее некуда — бледная и скрюченная. А еще через секунду, переглотив и продышав собственный ужас, я осознала следующий кошмарный факт: рука была детская.

Господи боже ты мой, вот только мертвых детей мне не хватало! За какие грехи меня занесло в эту дыру?!

Пока я мысленно рыдала в небеса, — вслух не могла, язык отнялся, — мертвая детская рука едва заметно дрогнула, а из кучи мусора послышался тихий стон.

Ух! В одно мгновение мне словно раскаленный прут вонзили снизу вдоль позвоночника. Страх испарился моментально — ребенок еще жив, а значит, надо что-то быстро сделать, чтобы он не умер!

Сначала и с перепугу мне показалось, что выкопанное из хлама тельце принадлежит совсем малышу лет пяти. И непонятно было, мальчик это или девочка — лицо замурзанное, светлые когда-то волосы сбились в грязные колтуны. То ли отросли, то ли изначально были ниже плеч.

Глаза у ребенка были закрыты, потрескавшиеся губы обметало. И первое, что я сделала, подхватив малыша на руки, — тут-то и выяснилось, что я неправильно определила возраст — дите оказалось старше, — это рванула обратно в подземелье к бассейну. На ощупь температуры у мелкого не было, наоборот — ледышка в руках. Но вот признаки обезвоживания, что называется, налицо.

Не слишком раздумывая, я прямо в джинсах, скинув только кроссовки, вошла в воду, — у входа в пещеру с источником глубина была не больше, чем по колено, — и осторожно присела, держа ребенка на руках. Чтобы понять, насколько все плохо, его надо было

отмыть и как минимум напоить. По капельке, с ладоней, сначала просто смачивая потрескавшиеся губы и протирая лицо.

Слава всем богам, самое простое оказалось самым действенным. Минут через пять малыш уже сам глотал воду, жадно причмокивая, а потом открыл глаза.

— Мама?

Лирэн

Я не стал спрашивать Ухо, как он распорядился глухонемой пришелицей. Мне уже сообщили, что она в квартале Мимоз, и проследили ее путь — колесо на малой ткацкой мануфактуре. Это меня сразу насторожило. С одной стороны, колесо — штука пакостная, кому, как не мне, знать. Но если охота отсидеться в полутьме, без назойливых вопросов, то место подходящее.

На мануфактуру я отправился без промедления. Прошел цеховой зал мимо вращающихся станков и работников, тянувших ворчливую песню. Бросил на ходу: «Сейчас отдохнете».

Когда-то, на самом деле не так давно, от главной городской реки тянулись каналы с запрудами и колеса вертела вода. Но речка обмелела, каналы высохли, ветер наш Город тоже не балует. Чтобы крутились станки, колеса вертят руки, предусмотрительно спрятанные в подвал под цехом.

Туда я и спустился.

Колесо на восемь человек не было штрафным — никто не прикован, стояли подставки для тех, кто низкого роста, а нижний мастер, или, по-старому, надсмотрщик, прогуливался посвистывая. Широкий бич висел на стене.

В свое время мне, мальчонке, никто подставку не ставил, так что с тех пор мои руки чуть вытянутые — первой кличкой в Братстве было Длиннорук. Надсмотрщик бичом не только хлопал в воздухе. Через год я расстался с колесом, через два его нашел и, клянусь клинком, мерзавец почти не страдал.

Я добрый. Поэтому злым жить не даю. Не позволяю.

Этот надсмотрщик узнал меня сразу, что делает ему честь, или догадался, кто я, что делает честь его уму еще больше.

— Когда перерыв?

— Через полчаса.

Я дал ему монету.

— Объяви сейчас.

— Верхний мастер будет недоволен, — неуверенно ответил надсмотрщик, пряча сребреник.

— Неужели такой молодец может бояться чьего-то гнева? — спросил я с показным удивлением и явным нажимом, протягивая вторую монету. — За это ты придумаешь причину для мастера.

Надсмотрщик вздохнул, дернул шнур — сигнал наверх.

— Девочки, мальчики — отдых, — нерадостно сказал он и побрел по ступенькам, выдумывая причину остановки колеса.

Вертельщики замерли от удивления, потом, побряхтывая и массируя поясицы, разбрелись по углам и своим узелкам.

Неподалеку была девчушка, которая больше других нуждалась в подставке для ног. Худенькая, большеглазая, она отошла от своей рукояти на три шага, будто хвататься за нее предстоит прямо сейчас.

— Ласточка — и в подземелье? — удивленно-ласково спросил я. — Как твое имя?

— Ли, — тихо ответила девчушка.

— Объясни, Ли, какие черти тебя сюда завлекли, — сказал я самым доверительным тоном.

...Отца нет, в семье шестеро, до четырнадцати жила на общественном хлебе, зарегистрировалась, мать доплатила, чтобы нашли сытое место. Поначалу так и было: трактирщик кормил много и сладко, потом стал намекать, потом отправил всех из дома и зажал в углу на кухне. Ли отбивалась, разбила посуду, хозяин облил ее вином, отволок в суд, обвинил в пьяном дебоше. Суд приговорил к штрафу в тридцать монет, денег не было и...

— Если поможешь мне — уйдешь наверх и будешь работать там, где не тронут, пока не захочешь сама, — предложил я. — Вчера здесь должна была появиться странная женщина.

Ли осторожно показала пальчиком в противоположный, самый темный угол, затем на стену. Тусклого света хватило, чтобы разобрать нацарапанную надпись: «Я НИМАЯ. КТО НИ ПОНЯЛ — АТРЕЖУ ЯСЫК».

Я тихо усмехнулся.

— Она и вправду немая? Не мнись, не бойся. Отрезать здесь могу только я, и никто другой.

— Когда ей утром отдавили ногу, — шепнула Ли, — она упомянула блудного демона и добродетельную козу так зло, что мне стало страшно за козочку.

— Спасибо, Ли, ты меня не подвела. Если у тебя есть вещи, возьми и ступай наверх. Раньше надсмотрщика встретишь парня, стоящего у ступеней. Парня зовут Терсан, передай мои слова, с местным хозяином он договорится сам. И еще назовешь адрес трактира, где с тобой так обошлись.

Девчушка взяла скудный узелок и, пошатываясь, побрела к лестнице. Я же направился в самый темный угол по стебелькам засохших ромашек и колокольчиков.

— Зачем ты прячешься, вечная девочка Филь-Филь? — с легкой укоризной спросил я.

— А ты чего забыл, краса... — донесся скрипучий шепоток. — Простите, гос... брат гранд-маршал.

— Красота проходит, ум остается, — заметил я. — Рядом я не сяду, встань, пожалуйста.

— Брат гранд-маршал, не выдавайте меня Уху! — отчаянно зашептала «немая».

— Расскажи все — и никому не выдам, и сам не сделаю ничего плохого. Но только все.

Наверное, бедняжку, потертую жизнью, маршал Ночных Клинков еще не допрашивал лично. У нас есть парочка урожденных правдивидцев, но и без них я понимал — Филь-Филь рассказала все.

— Как же так? — укоризненно вздохнул я. — Отправила невинную бедняжку на песочницу и крутит колесико. Ладно, я обещал. У Уха к тебе тоже не будет претензий.

Наверху меня ждали Ли и Терсан.

— Брат маршал, управитель мануфактуры покладист, но был бы счастлив получить двадцатку.

— Он умерен. Отдай. Ты узнал адрес трактира?

— Вторая Каретная, номер 5.

— Сходи в гости и возьми сорок за приставучку и оговор. Станет спорить — скажешь, что вернешься с правдивидцем и девчонкой, но тогда пусть готовит сотню. Перед этим найдешь хороший трактир. Малышка, я не обещаю, что к тебе не будут подкатывать со сладостями и свежими цветами, но лапоть не станут.

— Спасибо, — шепнула Ли.

На все приказы ушло меньше минуты. Подчиненные не должны видеть маршала спешащим. Но сейчас я спешил.

То, что дело нечисто, мне стало ясно, когда услышал, что пришелица оказалась немой, а все понятно до конца — после встречи с Филь-Филь. Не то чтобы я знал ее, но мне был знаком тип таких вечных невест блудного демона. До настоящей ведьмы ей еще расти во всех смыслах. Но набор кремов, пудр, а главное — сонного зелья под рукой всегда.

С пришелицей, которая попала на песок, вряд ли выйдя из-под сонного зелья, пообщаться хотелось. Но сначала надо вытащить ее с песка.

Для быстрых поездок по городу я использую карету с надписью «Скорая цветочная развозка». В ней действительно всегда большая охапка почти свежих цветов — зачем обманывать, если можно не обманывать?

Неподалеку от входа в «песочницу» стояла карета, украшенная флажком Совета Добродетели. Рядом — двое парней с невидимыми лицами, зато с вполне проглядываемыми клинками и свинцовниками под плащом. Носить маску на улицах Города — особая привилегия, которую почти невозможно купить, но можно получить за работу сугубой важности. Скажем, отвечая за безопасность одного из блюстителей. Нередко этим заняты крысы, предавшие Ночное Братство, так что они скорее умрут, чем потеряют пост.

— Мы их пройдем? — спросил Терсан.

— Нет. Он наверху. Подождем, когда выйдет с пришелицей, — сказал я.

Терсан кивнул. А я не стал говорить, что, похоже, сейчас встречусь со своим главным врагом. Врагов много, но этот — самый умный.

Алина

Вот же ж не было у тебя, Алинка, печали. Жаловалась, дура, на проблемы с поставщиками и плохую работу продавцов. Что б такое пообещать загадочному распределителю чудес, чтобы он свои долбанные чудеса забрал обратно, а мне вернул родную питерскую слякоть и дворника дядю Ришата с его неизменным: «Я твой машина колесо вертел, шайтан, куда на газон влез, ишак ферганский?!»

А теперь у меня на руках чужой ребенок, я сама в чужом мире, в какой-то дыре, пытаюсь напоить несчастного детеныша из лужи. Ладно, не из лужи, из бассейна. И кусочек шоколадки, который я вложила малышу в рот до того, как он снова отключился, подействовал почти чудесным образом: мальчишка — разобралась, пока отмывала — всосал сладость моментально и на глазах порозовел. Ну, во всяком случае, трупным цветом лица больше не пугал. Просто спал. Отключился почти моментально, но провалился именно в сон, а не в беспмятство.

Я машинально перебирала кое-как выполосканные светлые локоны и косилась на снятую с ребенка одежду. Такую драную, грязную и грубую дерюгу еще поискать, не на всякой помойке найдешь. И разговора не было о том, чтобы снова надеть это на ребенка. Тем более что пару раз я заметила в складках и швах подозрительное шевеление. Нехорошее такое.

Поэтому мальчишка оказался укутан в мою рубашку, она ему как раз оказалась почти до колен. Как он вообще здесь очутился? Ну ладно, я понимаю — разбитную взрослую девицу Филь-Филь тоже было жалко, но ее наказание хоть как-то объяснимо: вполне верилось, что шустрая блондинка может и обокрасть, и оболгать. А то и по голове съездить зазевавшемуся простаку. Но ребенок?! Да еще такой маленький?

Неужели его сбросили в колодец? Нет, тогда на теле было бы больше повреждений. Синяков и ссадин у него целая россыпь, но, слава богу, все несерьезные. А вот на спине обнаружилось то, что вызвало у меня скрежет зубовой и желание пойти собственными руками разобрать на лепестки того, кто это сделал. Бить такого

маленького ремнем или хлыстом — уж не знаю чем — до синих вспухших полос?! Выберусь и найду. И лично сделаю с садистом что-то гораздо более нехорошее...

М-да, нашлась мстительница... хорошо говорить «выберусь». А как это сделать? Я ведь даже подземелье до конца не обследовала, тот колодец, где я нашла мальчишку, — он тоже ответвление от основного коридора. Но теперь я не рискну пойти дальше одна, оставив ребенка. Во-первых, не на каменный же пол его класть, во-вторых, проснется и испугается. И так в полубреду принял меня за свою мать, что вообще не удивительно — здесь не слишком светло, а малец, думаю, не особо четко видел в его состоянии. Любое женское лицо материнским покажется. Особенно если она у него блондинка была, как Филь-Филь.

Съев одну дольку шоколада, я аккуратно завернула остальное в фольгу. Если что — лучше отдам ребенку. А свои силы вроде бы чуть подкрепила. Теперь надо поудобнее устроить находку у себя на спине и можно отправляться искать выход из этой, прости господи, задницы мира.

Хорошо, что я люблю читать, а в детстве так и вовсе проглотила какое-то нереальное количество книг. И особенно любила всякие исторические приключения. Там, например, я вычитала, как матери в некоторых южных странах носят детей на спине, даже если эти дети уже довольно-таки подросли и уже ни разу не младенцы.

Детенок продолжал спать — сон у него был ни разу не здоровый, время от времени он едва слышно постанывал и не просыпался ни в какую, что бы я с ним ни делала. Поэтому просто держаться руками за мои плечи он не мог. Но как с такой проблемой справиться, я знала — оставалось только радоваться питерской погоде, благодаря которой на мне, кроме рубашки, были еще ветровка и футболка. Вот футболку я оставила, а из свернутой ветровки изобразила нечто вроде длинного шарфа, которым связала запястья «наездника». Теперь можно было просто закинуть его ручонки себе на шею, подхватить под тощенькие лапки и устроить на спине на манер детеныша коалы. Во. Руки, конечно, заняты... зато ноги вполне могут идти и даже бежать, если надобность такая появится.

Следующие несколько часов слились в неясную череду света и тени, камней под ногами, камней над головой. Несколько раз я останавливалась, чтобы накормить все еще спящего мальчишку

очередной долькой шоколада — после нее он гораздо меньше стонал и дышал ровнее. Жаль, воды с собой взять было не в чем, именно поэтому я и сама напилась от пуза, и в ребенка влила сколько сумела.

Но бесконечно так блуждать было нельзя и я, ставя очередную метку на стене, — очень пригодился найденный кусок кирпича, который выпал из кладки, — решила, что, если в ближайшие полчаса не найду выхода, вернусь к бассейну. Там мы опять напьемся, отдохнем и отправимся исследовать другой участок подземелья. Ведь сквозняк я все равно ощущала на протяжении всего пути, куда бы ни свернула. Значит, выход есть, надо только его найти.

Думать о том, что все сквозняки созданы такими же колодцами, как тот, в котором нашелся подкидыш, я себе запрещала.

Мы выберемся. Точка.

Кажется, там, наверху, уже наступила ночь — мы с моим наездником шатались по катакомбам под городом достаточно долго, к тому же в самом подземелье стало гораздо темнее. Хорошо, что глаза привыкли, а еще какая-то плесень на потолке едва заметно флюоресцировала. Можно было двигаться, не рискуя переломать ноги.

Я устала как собака. И, почувствовав на лице дуновение свежего ветра — даже более свежего, а еще сухого и с примесью запахов человеческого жилья, — даже не смогла толком обрадоваться.

Сил на радость не осталось, похоже. Но и ладно, порадуюсь потом, а пока я прибавила ходу и скоро выкарабкалась на волю по полуобвалившейся каменной лестнице. Похоже, вынесло нас на какие-то задворки. И недалеко от помойки — вот теперь, на поверхности, к аромату свежего ветра отчетливо примешались не такие приятные запахи. Но это, наверное, и к лучшему.

Вряд ли те, кто потерял меня в песочнице, додумаются искать на помойке в другом конце города. А мы с малышом точно протопали несколько километров под землей, и я, конечно, не гений топографии, но направление чувствовала неплохо. Мы почти все время двигались на запад, если судить по солнцу, мелькавшему в редких колодцах.

Помойка была классическая, разве что без пластиковых бутылок. Зато с полным комплектом ароматов и крысами. Вот одна такая шмыгнула прямо у меня под ногами, отчего я едва не шлепнулась на кучу грязи и хлама. Тихо выругалась под нос и тут почувствовала, как на спине заерзал подкидыш.

— Жером, почему так плохо пахнет? Сию минуту вели убрать!

Этьен

Еще со времен королевских советов моей юности я запомнил, что самые важные вещи обсуждаются после закрытия. Совет Добродетели не был исключением.

Мы вышли на балкон выпить бокал освежающего. Блюстителю Добродетели отвел в сторонку блюстителя Мира — судя по жестам, тот оправдывался и даже усиленно извинялся. А ко мне подошел блюститель Справедливости.

— Брат Этьен, извините за мой, возможно, несвоевременный вопрос на заседании, — начал он. Замолчал, вероятно ожидая встречного извинения, но, не дождавшись, продолжил: — Честно говоря, меня самого давно раздражают частные песочницы. Если бы одну показательно закрыть, остальные, возможно, закроются сами.

— Так и закройте, брат Ремоз. У вас в подчинении две тысячи стражников.

— Это да, — не сразу ответил блюститель Справедливости, не потому, что раздумывал, а потому, что дожевывал грушу. Для себя я отметил, что во фруктовой вазе она была самой крупной. — Вот только мои подчиненные, извините, это не секрет, могут быть в сговоре с содержателями нелегальных песочниц. И как только мы придем с проверкой, выяснится, что она давно заброшена.

— Навестите ближайшую, да хоть сейчас, — предложил я, — и закройте лично.

— Хорошая идея, брат Этьен, — ответил коллега, сплевывая в кулак вишневые косточки так деликатно, как, по его представлению, должны делать господа. — Кстати, мы можем сделать это вместе. Я своей властью арестую охрану и приговорю к году колеса, а вы подберете самую неприятную фабричную вертелку, где с потолка капает вода, а под ногами шмыгают крысы. Слух о нашей совместной акции пройдет быстро, и остальные закроются. Ну?

Взгляд у собеседника мгновенно стал живым, мальчишеским — слабó? Такие вещи я просчитываю сразу и решаю сам, можно ли взять меня на «слабо» на этот раз или нет?

Сейчас — разрешил.

В начале поездки я попытался вернуться к вопросу, на который так и не получил ответа: о цветах из Тумана.

Туман подобен шаровой молнии, только еще загадочнее: все про нее знают, кто-то видел, но никто не может предсказать, где и когда она возникнет снова. Впрочем, есть разница — волшебным цветочным Туманом можно воспользоваться и временно проникнуть в другой мир, причем туда, где много цветов. Их можно перенести в наш и они, вполне свежие, будут давать дыхание больше недели и немножко дышать, даже когда засохнут. Еще я слышал, будто, кроме цветов, можно доставить людей, но не проверял.

Увы, блюститель Справедливости уходил от ответа и пару раз намекнул, что Ночные Клинки знают лучше и спрашивать надо у них.

Когда мы были на полпути к цели, я слегка пожалел о поспешном согласии. Карету блюстителя Справедливости обогнал всадник и сунул в окошко пенал, обвитый красной лентой, — срочное донесение. Карета остановилась, мой коллега вышел, вытирая пальцы платком, наверное, он и внутри что-то жевал.

— Брат Этьен, в квартале Озерных Лилий беспорядки — толпа возле префектуры требует дополнительные букеты по справедливой цене.

— Могу выдать из резерва повозку увядших гладиолусов, — ответил я.

— Спасибо, напишите распоряжение на всякий случай. Но мне все равно надо там побывать. А вы можете своей властью закрыть песочницу. Впрочем, если вы не уверены, что справитесь, отложим.

Это уже была наглость, но я решил не отступать. Только обязал коллегу оставить мне лейтенанта стражи для протоколно-процессуальных занудностей.

— И кстати, заодно узнайте, не известно ли местным мошенникам насчет пришелицы, — крикнул блюститель Справедливости, когда его карета сворачивала на соседнюю улицу.

И умчался в туче пыли. А я продолжил путь, не забыв отметить, с каким изяществом он вынудил меня сделать его работу. И задумался: о какой пришелице идет речь?

Вообще-то, этого полицейского министра, бывшего мелкого нотариуса-крючоктвора, я прекрасно понимаю. Порядок в Городе, о

котором он с такой гордостью докладывает, наполовину обеспечивают Ночные Клинки. С ними он в отношениях доверительных, деловых, любезных и старается не ссориться. По моим сведениям, посланники Ночного Братства заходят в кабинеты префектов без стука и главный стражник Города к этому привык.

А я этого не терплю. Когда-то к Ночным Клинкам я относился равнодушно, но после того, что случилось в прошлом году, — нет. Им ни разу не удалось со мной договориться. Потому-то, кстати, на запятках моей кареты и рядом с кучером — не стражники на грошовом жаловании. Это мои люди, тоже когда-то поссорившиеся с Ночным Братством, глазастые и быстрые. Отряд скромнее по размерам, так что я убедил Совет, чтобы эта скромная прихоть стала моей привилегией.

Песочница была на замке и под охраной сонного детины. Он не сразу сообразил, кто пожаловал, и сначала пытался играть в легендарного рыцаря Ганалда, когда-то в одиночку защитившего узкий мостик от отряда врагов. Когда сообразил — стал играть в дурачка. Но уже минут через пять поумнел, ответил, кто он по регистрации — оказалось, землекоп, сегодня у него выходной за праздничную работу. Потом нашел ключ, открыл дверь, повторяя: «Там сейчас только одна Ухова шлюшка, да и то не всерьез».

Все это время он удивленно глядел по сторонам, как неоперившийся соколенок, в гнездо к которому вместо долгожданной матери заявила ворона и стала спрашивать, почему он не каркает. Но когда дверь открылась, удивился еще больше, и было понятно почему: на песке не оказалось даже одной шлюшки, которая, по словам сторожа, там была.

— Хороший охранник, — заметил я и обратился к лейтенанту стражи: — К себе такого не возьмете?

Юноша проглотил обиду и, едва ли не встав на четвереньки, принялся обследовать площадку. А я направился на выход. Песок сам по себе не опасен, если ты с утра хорошо надышан, пару часов ничего не ощутишь. Но здесь умирали в мучениях...

Я прошел к карете и увидел того, кого ожидал встретить меньше всего. Лирэн Ран, согласно регистрации — закупщик трактирных вин, что позволяет ему в любое время находиться практически в любом месте. А также главарь Ночных Клинков, юный, наглый,

самоуверенный бандит, запугавший остальных головорезов и выбранный ими в «маршалы».

Обжорливый блюститель Справедливости его тоже боится. Я — нет.

Может, кстати, это продолжение шутки — специально заманить меня сюда на эту встречу? Нет, тогда рядом с главарем была бы не пара головорезов, а два десятка. Наши силы равны.

Все равно, пусть моя рука и не легла на эфес шпаги, но чуть придвинулась к нему. Выхватить длинный клинок быстрее, чем разбойники выхватывают короткий, меня учили еще на детской шпаге и я повторял упражнения каждое утро, даже в тюрьме, с длинной спицей.

Лирэн чуть-чуть посторонился, чтобы края наших плащей не соприкоснулись. Сказал, не поздоровавшись:

— Блюститель Созидания решил оставить пришелицу на песочке?

Я промолчал. И не усмехнулся. Лишь позволил себе почти незаметную презрительную улыбку, не сомневаясь — он заметит. Хотя страстно мечтал задать несколько вопросов насчет этой пришелицы. Ее притащили вместе с цветами?

Вместо этого я повернулся к лейтенанту стражи.

— Дверь закрыть и опечатать, бездельника, торчавшего рядом, — в казарму префектуры.

— По какому праву? — удивленно заметил прыщавый юнец с соломенными волосами, видимо адъютант главаря, еще не достигший такой же невозмутимой наглости.

— Именем Совета. — Я показал на флажок.

— Так вы приговорили ее к смерти? — спросил Лирэн без улыбки и я наконец до конца понял смысл его слов.

Боги и демоны пустого мира, эти идиоты что, и правда привели гостью из Тумана, а потом отправили ее в песочницу?

— Там пусто, — сказал я, глядя на адъютанта и показав на дверь. Либо пришелица невероятным образом сбежала... либо, что гораздо вероятнее, кто-то успел увести ее отсюда раньше, чем мы приехали. А жаль. Впрочем, опоздал не только я. Значит, шанс еще есть. — Лейтенант, исполняйте.

Можно было бы усложнить жизнь противнику и спросить регистрацию прыщавого юнца. Но я не сомневаюсь — он какой-нибудь

курьер, с бумажкой все в порядке.

Охранник песочницы стоял рядом с лейтенантом, готовясь идти куда прикажут. Но с появлением Лирэна повеселел — тот ему мигнул. Понятно, что из казармы его выпустят через час. Это уже не мое дело. Главное — на дверях печать Совета, и вот ее никто не решится ломать, ни за какие деньги и договоренности. Скорее, сломают стену.

Уже из кареты я бросил взгляд на маршала Ночных Призраков. А он посмотрел на меня.

Два взгляда. Два не прозвучавших слова.

«Убийца», — сказал я.

«Детоубийца», — сказал он.

Глава 2

Алина

Я от удивления остановилась. Этого оказалось достаточно, чтобы малой отвлекся от запаха и, не ожидая, пока неведомый Жером уберет источник, заснул опять. И хорошо. Сон — лучшее лекарство, особенно когда под рукой нет других. Аптек в этом милом городе я не видела. Бистро, впрочем, тоже.

Вот только про еду не надо думать! От шоколадки осталась четвертинка.

О чем тогда думать? О посапывающем грузе за спиной? Однако, как он властно потребовал клининговые услуги от этого Жерома!

Между тем импровизированная помойка осталась за спиной — не очень аккуратные аборигены швыряли в подземный вход что было ненужным. Я вышла на улицу, достаточно широкую и совершенно пустую, так как была крошечная ночь. К счастью, местное ночное светило, наверное луна, заменяло фонари.

Я остановилась немного передохнуть и заодно подумать. Надо было решать, куда двигаться дальше. Слева от помойки, в которой прятался подземный ход, тускло светились фонари городского квартала, даже в темноте выглядевшего не слишком опрятно. Обшарпанные полуразрушившиеся домишки, редкий тоскливый лай собак, какая-то подозрительная возня в особо темных местах.

Справа было просто темно. Совсем. И оттуда тянуло запахами пепла, свежей зелени и влажной земли. И звуки оказались более успокаивающими: треск цикад, шуршание травы, сонные вскрики каких-то птиц.

Честно говоря, и думать было не о чем. Так уж устроен мир, причем любой: страшнее человека зверя нет. Я совсем не уверена, что в трущобах меня и ребенка встретят с распростертыми объятиями. Точнее, может, и обрадуются — возможности ограбить, изнасиловать или вовсе убить.

А в темноте среди едва различимых деревьев вряд ли обитает что-то страшнее белочек и скворцов. Все же это почти город, а не

заповедная чаща в семи днях пути от ближайшего человеческого жилья. Значит, переночевать будет безопаснее там.

Правда, вряд ли получится отыскать что-то съедобное. За пропитанием так или иначе надо вернуться к людям. Но это лучше сделать днем, в надежде, что при свете дневного светила обитатели трущоб не кинутся вот так сразу убивать и грабить.

Решив эту несложную, но такую нервную задачу, я поудобнее устроила у себя на спине ребенка и не торопясь, осторожно двинулась в темноту, прочь от трущоб, по достаточно различимой тропинке.

Перелезла через остатки каменной ограды, похоже разобранной аборигенами на материалы. Под ногами хрустнул сучок, потом другой. Я присмотрелась к окружающим кустам. Вроде бы обычные, но смутно что-то не так. Не страшно, просто словно больные растения. Конечно, в лунном свете толком не разглядишь, в чем дело. Но ощущение неправильности присутствует.

Впрочем, скоро «больные» кусты и деревья закончились, словно я прошла через широкую живую изгородь и оказалась... на пустыре.

Ощущение было очень необычное — все в том же лунном свете можно было разглядеть, что это не просто окраина города, а именно пустырь, окруженный со всех сторон жилыми кварталами. Там, откуда я пришла, трущобы, вдалеке впереди, за опоясывающей это мертвое пространство лесополосой, вроде бы поприличнее районы: огней больше, здания выше. А тут — словно косо выкосило все городские постройки. Или их никогда не было? Парк?

Ладно, утром разберемся. Нет никакого смысла топтать дальше вглубь пустого пространства. Лучше устроиться у не слишком правильных кустиков. Здесь хоть травка растет, а вот дальше — голая земля.

Я аккуратно, хотя и ругаясь шепотом себе под нос, забралась в гущу странных кустиков и начала было снимать со своей спины все еще дрыхнувшего малька. И вдруг чуть ли не из-под самых моих ног раздался сердитый шепот повышенной хриплости:

— Ну, чего приперлась, дура? Других кустов не нашла? Нагадишь мне на голову — ноги переломаю!

Как я не умерла на месте — сама удивляюсь. Сердце чуть ребра не проломило, так затрепыхалось. Коленки сразу ослабли, я еще

успела подумать, что очень не вовремя: драпать надо, а ноги не идут. И как назло, детенок на спине проснулся и завозился, захныкал.

— Тьфу, еще и с довеском, — продолжал хрипеть голос.

А потом груды сухой травы и листьев под кустом зашевелились и оттуда вынырнула лохматая, словно у лешего, голова.

Натурально леший — в пегой гриве застряли листики и обломки веток, борода метлой и тоже украшена разнообразной ботаникой. Странный балахон до пят состоял, кажется, из мха, древесной коры и того, что когда-то было шкурками животных. Во всяком случае, в свете луны так оно выглядело. Глаза были большие, круглые и сердито блестящие из-под нависших бровей. А ростом леший оказался мне по грудь. Щупленький, но не сгорбленный. Наоборот, грудь выпятил колесом и воинственно выставил бороду. Мне показалось, что он даже на цыпочки встал, чтобы смотреться внушительнее.

— Здравствуйте, — вежливо кивнула я, поправив чуть сползшего по спине мальчишку.

И очень постаралась, чтобы голос не дрожал. Так-то я угрозы от него не чувствовала, ведь хотел бы напасть — сделал бы это молча. Но все равно...

Леший слегка удивился:

— Эт мне здравствуй? Ишь ты... ну и ты того. Значит. Че приперлась-то?

— Так пить хочется, что живот от голода подвело и переночевать негде, — выпалила я прежде, чем до конца додумала мысль.

Леший моргнул, а потом вдруг хрипло заухал в бороду, словно простуженный филин.

— Слышь, старуха? — отсмеявшись, позвал он. — Во как благородные-то! Пить ей! Аж шоб переночевать! Да с закуской! А лепестков тебе не надо задарма, девка?

Я даже не удивилась, когда соседний куст зашевелился и из-под него вылез еще один леший. Точнее, лешачиха. Старуха была еще ниже своего спутника и без бороды, а в остальном — точная копия. Такая же лохматая, в листьях и ветках, и балахон как по одной мерке кроили.

— Странная девка, — проскрипела эта бабушка, прищутив на меня один круглый совиный глаз. Сходство усиливал еще и маленький

крючковатый нос на морщинистом лице. — Одета не по-нашенски... Откуда такая?

— Издалека я, — даже не соврала ведь.

— Из-за канавы, што ль? — прохрипел леший. — От ить чудеса. Нешто за канавой девки в штанах ходят? Да мальцов на себе возят, что твои кобылы? В проклятых садах что забыла, заканавница? Или ты шпионка? Дык тут разнюхивать неча — пустые сады нынче.

— Нет, не шпионка. — Я вздохнула. Вроде бы нападать эти странные люди на меня не собирались. Но кто их знает? — Мне и правда негде переночевать. Если вы не возражаете, я пойду.

— Куда? — закаркала-засмеялась старушка. — Куда ты пойдешь-то ночью, дурында долговязая?

— Туда куда-нибудь, — неопределенно махнула я рукой в пустоту, осторожно отступая на пару шагов.

— Не гони дурь, девка, — грубо перебил леший. — В проклятых садах сгинешь и мальчика загубишь. Нам-то и плевать, да вот...

— Ладно тебе, Луи, не ворчи, — перебила старушка. — Чай, мы не господа и не эти братцы, которые бабу с дитем на смерть без разбору шлюют да в колесо суют. Ты, девка, вон к тем кустам иди. Там под корнями яма с сеном. Старый Франк, сталбыть, там жил. Да помер уже неделю как. Не бойсь, не здесь помер, на стороне. Ничья яма. Ночуй, нам не жалко. Лепесточники люди щедрые, хе-хе.

Этьен

Цроп, цроп.

— Крошка, ты чего не спишь?

К когтистым лапкам на краю стола добавилась мордочка и взглянула на меня с укоризненным удивлением: «Хозяин, ночь — мое время. Твой вопрос — к тебе».

Крошка, ты, наверное, права. Ночь — твое время. Может, ты сможешь ответить мне на вопрос: детоубийца я или нет?

...Удивительно, у короля были фаворитки (фавориты — другая история), у королевы — фавориты. Но они любили друг друга и умерли в один день. В день народного гнева. О подробностях не хочу думать, скорее всего, это случилось еще до того, как я покинул башню.

Когда пена схлынула и революция упорядочилась, — например, тех, кто хотел уравнивать права возниц и лошадей, подровняли по шею, — вспомнили про наследника престола. В королевском дворце разместили детский приют и он стал одним из его воспитанников. На словах идея была симпатичной — в огромных залах, где развлекался тиран, теперь воспитываются бедные дети.

Я пару раз посещал приют и жалел детишек. Слуги тирана не экономили на дровах и угле для дворцовых печей и каминов, а вот когда победила Добродетель, поставлять дрова во дворец постоянно забывали. Детишки постарше топили камин еще не украденной мебелью, не обращая внимания на то, что какой-нибудь резной стул из красного дерева стоил больше десятка повозок с дровами. Я их не осуждал, наоборот, однажды увидел и показал, как сломать столик, не посадив занозы.

Приют я посещал, чтобы проведать сына народа — так теперь именовали наследника. Народ сверг тиранию, родителей уничтожил, ребенка усыновил. Чтобы тот не забыл об этой милости, специальный воспитатель, уполномоченный Советом, каждые полчаса приставал с вопросом: «Ты кто?». За правильный ответ — погладят по голове, если скажет свое имя — погладят плеткой.

Только, как я выяснил, это не очень помогало. Воспитатель был ленив, частенько засыпал в кресле и не замечал, как прочие дети относятся к своему безымянному другу. А они, в том числе и подростки, по-настоящему ему кланялись, иногда шепотом называли «ваше высочество». Говорили, что если он коснется больного места, то затянется даже старая язва. А еще шептались, что рядом с ним легче дышится.

Сирот не только воспитывали, но и учили. Я выяснил, что принц не просто грамотен — он то и дело поправляет педагогов, а еще знает множество старинных королевских легенд и песен. И конечно же, не забыл, кто он такой. Нет, если разбудить ночью, то назовет себя сыном народа. Но если во сне заворочается сам, то велит камердинеру Жерому или няньке Луизе открыть окно, принести воды, оседлать с утра пони для прогулки по бескрайнему саду. Пусть Жером погиб в тот же день, что король, а нянька стала дочерью Свободы, он продолжает повторять. Пони, конечно, не оседлают, но воды принесут. И личный воспитатель, как мне сообщили, уже перестал замахиваться плеткой.

Все это я узнавал не только в дворцовом приюте — слухи, гулявшие среди народа, обсуждались Советом. В том числе, что однажды в засохшей королевской оранжерее внезапно выросли несколько тюльпанов. Сын народа играл в ней, пел песни, выученные с колыбели, песни, бесполезные в других устах. Но когда их поет наследник — цветы вырастают.

И однажды блюститель Справедливости принес на заседание Совета набросок картинки, срисованный со стены дома: ребенок с маленькой короной на голове стоит среди выросших цветов.

— Это опасно, — сказал он. — И пора прекратить. Его нужно переселить в одну из башен.

— Как говорил прадед свергнутого тирана, самая надежная темница — могила, — ответил блюститель Добродетели. — Примем решение прямо сейчас.

— Это невозможно без блюстителя Мира, а он на границе и будет завтра, — сказал я.

— Проголосуем завтра, — согласился глава Совета. — Но к полудню здесь будут все и никто не заболеет.

Я взглянул в глаза блюстителя Добродетели. Понял, что решение им уже принято. Оставалось понять, что делать самому.

Решил зайти во дворец. Но узнал, что сироты заболели какой-то скоропостижной болезнью, в приюте объявлен карантин и его обеспечивает личная охрана блюстителя Добродетели.

Следующим утром мне предстояла самая непростая фехтовальная тренировка в жизни. Во-первых, долгая. Во-вторых, я убедил спарринг-партнера сражаться на двух клинках, а сам не надел ручной защиты. И в-третьих, самое трудное было подставить под его короткий клинок левую руку, чтобы он разрезал вену, не разрубив сухожилие. Когда прибежал цирюльник, из меня вытекло крови не меньше, чем вина в большом королевском кубке.

Потом была трудная, но успешная борьба с врачом, явившимся следом за цирюльником: «Сегодняшний Совет слишком важен, я не могу остаться дома». С охавшей супругой, как всегда, было проще. В итоге она удалилась, пообещав упасть в обморок не раньше, чем дойдет до спальни, а врач уговорил меня выпить горячий бальзам, предупредив, что он действует два часа, а потом наступает упадок сил.

В зал Совета я вошел бодро. После начала обсуждения встал с затянутой речью и, почувствовав, что зелье уже не действует, резко махнул рукой. Сразу понял, что достаточно — я падаю. Я еще был в сознании, чтобы расслышать врача, склонившегося надо мной: «Взгляните сами, это не притворство».

В сознание я пришел уже дома и узнал, что решение принято. Ночью постучался курьер Совета со словами, что сын народа скончался...

Прощание длилось день, каждый желающий мог подойти к гробу со стеклянной крышкой и разглядеть бывшего наследника престола с расстегнутой рубашкой и хорошо заметной татуировкой тюльпана. Я тоже поглядел и мне показалось, будто стебель чуть длинней, чем был у принца.

Еще меня обрадовало, что болезнь, поразившая приют, закончилась, карантин отменили и все дети живы. К сожалению, также я выяснил, что в тот самый вечер они заснули рано и спали непривычно беспробудным сном до позднего утра, так что никто не помнил, что происходило ночью.

Окончательно поправившись, я переоделся офицером стражи и посетил три остальных городских приюта, не жалея серебра. В

третьем выяснилось, что в те дни там скончался чахоточный сирота. Его отнесли в скудельницу, хотели похоронить, но явился посланец Совета и велел передать тело медикам для исследований во имя народной науки.

— Вот она, сиротская доля, — заключил сторож, — и жизнь не сладость, и потом покоя нет...

Больше ничего узнать не удалось.

— Крошка, как ты думаешь, меня можно считать детоубийцей или нет?

Желтые глаза с укоризной взглянули на меня. Я было подумал, что она так и думает. Но понял причину: вспоминая и размышляя, я сломал четыре пера и ни одно не придвинул на край стола для захвата.

Алина

— Еще чего придумала! Цветы, они от магии растут. А не от каких-то там... луковиц! — Старая Франсуаза возмущенно повертела головой и даже пальцем мне погрозила. — Придумала, на-тко! Луковицы... Еще скажи — навозом цветы удобрять аль соломой укрывать. Из-за какой канавы-то ты вылезла, девка, простых вещей не знаешь?

Я озадаченно нахмурилась, с трудом удержавшись от того, чтобы почесать в затылке. Потому что... потому что вот же она, у меня в руках. Самая обычная луковица тюльпана.

Мир, в который я попала, странен до невозможности. Нет, я читала про попаданок, так им всем повезло гораздо больше — обычно каждая получает стандартный набор из принцев-драконов-эльфов-вампиров и дальше приключается вокруг них в свое удовольствие.

А меня угораздило провалиться в первую французскую революцию с магически-ботаническим уклоном. Буквально! Всего один день в компании лепесточников дал мне гораздо больше информации, чем сутки у похитителей и в подземелье.

Малыш, которого я спасла, так толком и не пришел в себя — все спал и спал. Я уже всерьез забеспокоилась, но Луи и Франсуаза только пожалы плечами и заявили, что ежели долго голодал малец, да еще и ни лепестка не нюхал — так и ничего удивительного. У нищих, бывает, по неделе мальцы дрыхнут, когда ни цветочка, ни бутончика засохшего. Для здоровья, конечно, не полезно. Но и не смертельно. Вот раздобудем ему хоть плохонький, но не совсем сухой цветок — и проснется.

Да, я уже усвоила, что в этом мире люди связаны с цветами гораздо сильнее, чем я привыкла, даже проработав три года в цветочном магазине. Жить без них не могут в буквальном смысле слова. Это уже не говоря о том, чтобы творить магию. Теперь, после того как свергли династию «угнетателей», а следом широкой косой прошли и по аристократии, с магией вообще стало кисло и невесело.

До революции тут было обычное магическое королевство — только связанное с цветами. У каждого дворянского рода была власть

над каким-то одним цветущим растением. Например, короли испокон века черпали свою силу из тюльпанов. Целые поля ими были засажены, и то место, возле которого мы сейчас обитали с компанией нищих-лепесточников, было главными королевскими садами.

Было, да сплыло. Я так поняла, что сначала переворот и борьбу за власть устроил кто-то из других дворянских фамилий, под лозунгом «долой засилье тюльпанов, да здравствует остальная свободная флора». Но фишка в том, что выступать против династии, веками владевшей огромными полями своих цветов, это все равно что против ветра плевать. Треснет король силушкой и останется от твоей мятежной ботаники немного мокрого силоса.

Поэтому хитрые — но не очень умные, судя по результату — заговорщики зашли с другой стороны. И для начала уничтожили все королевские тюльпаны.

Я так поняла, это было привезенное из-за моря заклинание-болезнь. Выпустили его впервые именно тут — в сердце королевских цветников. И черная пыль сожрала поля тюльпанов чуть ли не в течение одного дня. А потом мистически-волшебным образом перекинулась на королевские цветы в других садах. Уничтожила подчистую все, что торчало из земли хоть на сантиметр.

Вот только дальше все пошло не по плану. Заклинание-болезнь на тюльпанах не остановилось. И очень бодро принялось жрать все остальные лютики-маргаритки без разбора. Не успокоилось, пока не сожрало вообще все цветы в королевстве.

И тут грянул гром. То бишь революция. От которой прилетело всем: и старой династии, уничтоженной под корень, и аристократам-заговорщикам, притащившим на родину этакую дрянь, и вообще всем, кто не вовремя под руку подвернулся разгневанным народным массам. Да и в массах эта история понравилась не всем — мои новые друзья уж никак к аристократии не относились.

— Оно, конечно, дело хорошее, когда слишком заносчивым по шапке дали так, что башка отвалилась, — рассуждал дядюшка Луи, запивая свой рассказ кислым пивом из старой тыквенной бутылки. — Да только те, что зады свои на еще не остывших местах пристроили, они не лучше. Кабы не хуже-то. У аристократишек гонору было много, дык и воспитание имелось, и знания хоть кой-какие. Опять же, понятие о том, что графу какому-нибудь с нищим за лепесток драться

невместно. А нынче чего? Нынче всякая шушера верховодит, то лавочники, то воры.

Тетушка Франсуаза согласно кивала, мерно, как фарфоровый болванчик, в такт словам Луи. Казалось, она дремлет, прикрыв глаза. Но изредка круглый совиный глаз, которым она косилась на рассказчика, остро поблескивал.

А Луи знай распинаялся дальше:

— Этим все едино, кого до тычинки обобрать. А дело сделать или, там, повоевать с захватчиками, так крысы подвальные — и те смелее да разумнее будут. Соседи-то, думаешь, чего нас не завоевали, по благородству души? Держи карман шире. Сунулись почти все разом. Да только заклятье то зловредное и у них дыхание цветочное отняло. Едва заразу в свои земли не принесли. Теперь, сталбыть, к нам через границу всех пускают, кто такой дурак, что рвется. А обратно — шиш. И цветы нам продают втридорога...

— Но почему сами не выращиваете? — осторожно поинтересовалась я, устраивая спящего ребенка поудобнее.

— Глухая ты аль тупая? — недовольным голосом пробухтел Луи. — Сказано же ж — пропала магия цветочная. Нет дыхания. А без него как ты цветок вырастишь? Это тебе не кабачок! Еще скажи, что черноногих, что брюкву сеют, надо к этому делу привлечь!

Луи и Франсуаза заперхали-засмеялись. А я только вздохнула и снова пощупала в кармане луковицу тюльпана. Странно все это. Черноногие — крестьяне. Они выращивают овощи и прочую пшеницу. Как нормальные люди — сеют, поливают, собирают урожай. Все просто и понятно, хотя даже городское дно в лице лепесточников относится к сельским труженикам на редкость презрительно. Спрашивается, что мешает так же разводить цветы?

А вот. Нельзя, и все. Так не бывает, потому что так не бывает никогда. И прочие доводы такого же уровня логики.

На мое предположение, что стоит пойти и проверить то место, где раньше цвели королевские тюльпаны, парочка лохматых лепесточников ответила дружным смехом. И в два голоса объяснили глупой заканавнице, откуда цветы растут.

Я не стала спорить. Просто, когда рассвело, прошлась по краю выжженного поля и покопалась в земле.

И обнаружила луковицу. Самую обычную. Вполне живую.

Лирэн

Быстрее всего было с незадачливым охранником песочницы. Лейтенант оказался любезен и позволил мне задать несколько вопросов. «Да, привели шлюшку Филь-Филь, видел мельком прежде, на себя не очень похожая, но не мое дело... да, дверь заперли как положено... чтоб мне дышать чертополохом, если до вас хоть кто-то сюда приходил».

Бедолагу отправили в казарму префектуры. Я велел накарябать записку дежурному офицеру, чтобы тот после всех протокольных занудностей выставил парня, а не отдал под суд. Не люблю, когда люди страдают потому, что оказались не в то время не в том месте.

Потом отправился в свою резиденцию. По установленной традиции Ночные Клинки спят днем и просыпаются к раннему вечеру. Маршал на то и маршал, чтобы пренебрегать традициями, и я послал курьеров еще по дороге.

Первым явился Ухо, сонный и злой, он и правда спал. Мой второй разговор с ним за двое суток оказался еще неприятнее — недавнему сопернику на выборах пришлось и проснуться, и вежливо вытерпеть мои гневные насмешки: как он мог наказать виновного, не взглянув на него перед этим и не убедившись, что на песочек отправили кого следует?

— Осторожней, братец, — заметил я, — этак в следующий раз захочешь покарать мелкотырного воришку, а твои дуболомы не разберутся и отнесут на песочек тебя.

Ухо с достоинством снес все шуточки, только иногда поправлял повязку, закрывавшую левую часть головы. Для Братства не было секретом, что когда он в младых годах прислужничал в трактире, то запуская пальцы в тарелки по пути из кухни в зал, за что его немилосердно драли за ухо и оно стало в полтора раза больше правого. Потом, в какой-то уже взрослой истории, он потерял разросшееся ухо совсем, но кличка прилипла намертво.

Ничего больше не выудив из этого капитана, я занялся подчиненными — их я принял в полутемном парадном зале, с клятвой на большом клинке и сидевшей в углу старушкой-правдовидицей.

Правда ли, что у нее болит голова, когда звучит ложь, сказать трудно. Достаточно репутации.

Двое парней-поползней, напуганные уже самим приглашением в зал, и не думали врать — это я видел сам, так что старушка могла вздремнуть.

...Да, не так давно мы раздобыли цветочный компас. Извините, мы слышали, о такой добыче надо сообщить маршалу. Мы сообщили капитану, думали, он вам скажет. Он приказал поскорее им воспользоваться и, если появится Туман, нырять без промедлений. Если бы знали, как выйдет...

...Да, мы вспомнили, как пять, нет, шесть лун назад удалось не просто проникнуть в цветочный рай за стеной, но и вытащить продавщицу. К сожалению, она не оказалась волшебницей и с ней получилось нехорошо. Что делать, если Ухо так везет — именно в его квартале Туманная стена.

...Да, пришелицу мы и правда вытащили. Говорить с ней в ее странном мире мы не хотели — еще закончится Туман. Хотели расспросить здесь. Жаль, что так вышло...

— Вот что, — прервал я горемык, когда поток информации окончательно перешел в поток извинений, — идите к капитану, отрежьте второе ухо и принесите мне. Шутка. Вам просто придется побегать и поискать пришелицу. Приказ отдал я, исполнять немедленно.

К магии я отношусь без особого трепета. С давних пор убедился, что самые надежные и быстрые заклятия — в кошельке или в ножнах. К тому же в бывшем королевстве и магии-то толком не осталось.

Но есть несколько полезных магических штучек, действенных, как метко брошенный клинок. Например, цветочный компас. Простенькая стрелочка-перышко на доске, лежащая смирно и вдруг начинающая трепыхаться в направлении залежей цветов. Зачем такие игрушки мастерили при короле — не знаю. Но работает до сих пор. Если же за стеной запас и правда очень большой, то не просто реагирует, а вызывает Туман, а уж тот делает стену проходимой.

Было так не меньше пяти раз. Пара экспедиций закончилась тем, что смельчаки там и остались. Цветочных компасов у Братства три штуки, а так как у нас свобода, то они в одном месте не

задерживаются, переходя от капитана к капитану, например, после долгой игры в карты.

Как компасы оказались у Братства? Во время мятежа погибает множество хороших предметов, в огне пожара или в озлобленных руках. Ночные братья не злятся и стараются не дать погибнуть хорошим вещам. Потому-то у нас и оказалось столько сокровищ тирана.

Когда у меня будут дети, я буду им читать на ночь сказку, как толпа ворвалась во дворец, но ничего там не украла. И мы будем смеяться вместе...

Я усмехнулся и вернулся мыслями к недавней встрече. Вот действительно сокровище старого режима — убил любовника жены, сидел в тюрьме. Кстати, и умный, и добрый — при нем в колесных залах бичи висят на стенах.

С Этьеном можно было бы договориться. Я даже пробовал четыре луны назад. Выбрал мост через пересохший канал, где точно нет ничьих ушей. Прогулялись, поговорили о том, что будет, если внезапно власть Добродетели прекратится и из Совета останется он один.

— И что ждет ваших союзников из Братства? — с улыбкой спросил я.

Этьен ответил не сразу.

— Все непричастные к убийствам будут амнистированы и войдут в стражу. Но убийства будут расследованы.

— И даже уже расследованные? — без улыбки спросил я.

— Да, — ответил Этьен. — Нам есть еще о чем поговорить?

— Нет, — ответил я, удаляясь.

Глупая история, случившаяся в первые дни, когда меня избрали маршалом. Когда власть меняется, кое-кто думает, что власти нет и можно делать что хочется.

Тогда-то к одному из моих капитанов пришел бастард брата блюстителя Созидания. После свержения королевской власти бастарды были уравнены в правах с наследниками, но мерзавцу уже очень не терпелось и он предложил капитану пятьсот за брата и триста за его законного сына. Капитан заколебался, бастард накинул до тысячи, и головорезы получили приказ...

Я очень сердился — убить брата министра, не спросив разрешения у маршала... Капитан лишился поживы и статуса, исполнителей выдали страже, а уж те, не жалея языка, свидетельствовали против бастарда на суде. Выдать еще и промежуточное звено было совсем против наших правил.

Блюститель Созидания так и не простил. Похоже, он, бездетный, не так любил брата, как племянника. И считает виновным меня.

Поэтому если он захочет получить всю власть в Городе, то умрет. Или умру я.

Алина

Странный мир, странные люди. Конечно, если цветы не поливать, то они не вырастут. С магией, без магии — это мне неизвестно. Но в сухой пыли, да еще вперемешку с камнями, даже сорняки расти отказываются, если они не кактусы, конечно.

Переубеждать развеселившихся от моих предложений лепесточников я не стала, просто пошла и выкопала еще с десятков луковиц. Одну даже расковыряла. Убедилась, что та вполне жива и прекрасно может прорасти, если ей создать нормальные условия.

Меня другое удивляет — ведь здешняя великая революция случилась не вчера. Конечно, луковицы тюльпанов прекрасно зимуют в почве, но вообще-то не консервируются там навсегда. А тут вон сидят, затихарились, словно ждут чего-то. Магии, что ли? Или просто дождя? Так неужели за все это время ни разу не было нормального ливня над этими проклятыми королевскими садами?

Странно и непонятно.

Но вопросы цветоводства пока отступали на второй план перед более насущными проблемами. Что-то надо было есть, что-то пить. Да и спать в яме, наполненной сухими листьями и травой, так себе удовольствие. Особенно с больным ребенком на руках. Конечно, тетушка Франсуаза несколько раз повторила, мол, ничего страшного с мальцом не случится, если поспит подольше. Но я не слишком в это поверила, особенно когда заметила, как оба лохматых лепесточника отводят взгляд от дрыхнущего мальчика.

Что-то они недоговаривали. Бежать и сдавать нас с найденным за выкуп вроде бы не собирались, но... Но. Кормить нас даром тоже будут вряд ли. Поэтому стоило собрать информацию, раскинуть мозгами и решить, что делать дальше.

Чисто теоретически я могу в этих полях хоть репу вырастить, хоть картошку — были бы семена. Но урожай будет не завтра, и вообще, крестьянский труд не зря считается одним из самых тяжелых. Даже при моих продвинутых по местным меркам знаниях о растениеводстве легко не будет и до урожая еще надо дожить.

А пока... я сама не чувствую ни малейшего неудобства, когда рядом ничего не цветет. «Дышать» лепестками мне не надо. И в этом имеется огромный плюс. Потому что цветы и даже засохшие бутоны, да даже лепестки от них, в здешнем мире — самая устойчивая валюта, которой измеряется все. И любой нищий попрошайка, лепесточник, прежде всего стремится раздобыть в городе этот жизненно необходимый ингредиент.

А мне пока нужны всего лишь еда и вода. Во-первых, это значит, что мои надобности стоят дешевле, а во-вторых, если, как рассказала тетушка Франсуаза, пару завядших лепестков можно заработать, сдав в лавку зеленщика меру (поллитровую плошку) почек с кустов, растущих на границе проклятых земель, то потом эти самые лепестки сменять на провиант не составит труда. А может, и одеяло какое-нибудь старенькое выменяю.

— Ты, девка, главное, к самой границе не суйся, — поучал меня дядюшка Луи, пальцами расчесывая косматую бороду и выбирая из нее часть веточек. — Проклятые земли, они все равно что песочница, а днем — так и хужей. Увлечешься, сталбыть, задохнешься и приляжешь под кустом. Никто туда за тобой не полезет, так и сгинешь. Были тут умные такие, жадные. На кустах-то вдоль границы почек поболее. Дураков мало их там собирать. Рази что совсем безмозглые найдутся, проклятью на выкорм.

Я опять не стала спорить. Только вспомнила, как ночью, перед возвращением к полосе странных кустиков, которые тогда в темноте показались мне большими, чуть ли не полчаса бродила по пустоши, приглядываясь и принюхиваясь, искала место для ночлега. И ничего не почувствовала — вот вообще. Ни плохо мне не стало, ни хорошо. Да и утром, оставив малыша спать в яме с листьями, я же ползала за луковицами. И снова все было нормально.

Но и дядюшке Луи я верила. Своими глазами видела, как тетушка Франсуаза, подбираясь к кусту погуще, вдруг начала дышать тяжелее, хвататься за грудь, за горло, и наконец сдалась. Не дошла до добычи буквально пары шагов, но, видимо, решила, что овчинка выделки не стоит.

Через полчаса, когда парочка лепесточников ушла подальше, обирая дальние кусты, я осторожно сходила к тому самому. Постояла возле него, подышала. Пожала плечами и за пятнадцать минут собрала

полный мешочек черных липких катышков, ветки растения были ими буквально усыпаны.

В чем ценность этого добра, я не очень поняла. Но усвоила, что к проклятым садам за почками рискуют сунуться только совсем отбитые и отчаявшиеся — они же лепесточники и есть. Вроде как у этих товарищей самую чуточку получше с дыханием — на дольше его хватает. Но при этом в организме присутствует некий другой изъян, не дающий людям жить нормальной жизнью и заниматься приличным ремеслом.

Я так поняла, повышенная лохматость — один из признаков этого изъяна. Потому что мне издалека показали еще одну пару таких же товарищей — их пегие гривы мелькали над зеленью кустов, но к нам не приближались.

— Тута наш участок, сталбыть, — пояснил дядюшка Луи. И бесхитростно добавил: — Мы б и тебя шуганули, стукнутая ты какая-то и малец подозрительный. Да только роцца наша на сходе лепесточников на троих дадена. А старый Франк взял да и помер. Ежели сами себе третьего не найдем — кого попало подсунут. Роцца наша на почки хороша, давно на нее закатные чушки зуб точат, зашлют своего гаденьша, как пить дать, а мы и прогнать не сможем — не по-лепесточному это. Обчество осудит. А нам друг за друга держаться надо, иначе сгинем. Ну, и вот... ты первая пришла, мы тебя приняли, волоса разлохматили — все, боле чужих не надобно нам.

Я только хмыкнула про себя, но решила, что все логично. Даже у последних нищих бывает профсоюз. Вон «обчество» это и цену на почки держит, не позволяет демпинговать разным жуликам. Я так поняла, по свистку набегает несколько десятков таких вот лохматых леших и коллективно они способны затащить любого супостата поглубже к проклятым садам. А там бросят и даже если несчастный чудом выберется, больше он на территорию лепесточников под страхом плетки не сунется.

А насчет волос — ну, как разлохматили... мое короткое каре все равно не встало дыбом, так что до тетушки Франсуазы мне далеко. Но прическу «я у мамы дурочка» с горем пополам изобразить получилось. А балахон мне обещали справиться, как побольше почек наберу — не бесплатно.

Я опять же не стала возражать — это хорошая маскировка и место, где на первое время можно отдышаться и понять, что же дальше. И обдумать возможность вернуться на родную Землю.

Сначала Луи с Франсуазой просто не поверили тому, что увидели. Я мысленно обругала себя за жадность — зачем было обдирать второй куст, ведь уже с первого я набрала столько, сколько заказывали лепесточки. Хорошо еще, ума хватило не бежать сразу с радостными воплями, чтобы похвастаться добычей. Я успела вернуться и проверить, как там мелкий. Он все еще спал, но мне показалось, что вот-вот проснется — выглядел он лучше, чем вчера. А еще довольно активно ворочался и сопел, даже похныкивал — точь-в-точь как племянник когда-то, верный знак, что дите вот-вот проснется и потребует завтрак.

Так вот, я даже посидела возле ямы, потом сбегала к ручью — он находился на самой границе пояса кустов, с внешней стороны, далеко от выжженной пустоши проклятых королевских садов. Пустая тыква от дядюшкиного вина очень пригодилась — я ее выполоскала как следует и набрала воды. А еще намочила рубашку — уж больно чумазым оказался мой найденыш после всех наших приключений. Руки так и чесались привести ребенка в порядок. Но купать в холодной воде я его не хотела — мало ли, простудится. Здесь не подземелье с его бассейном, там хоть ветра не было.

В общем, удалось сделать вид, что двойную норму почек я собирала долго. Но все равно лепесточки впечатлились. И не знаю, может быть, на радостях ничего не заподозрили. А может, сделали вид, решив как-то меня использовать в дальнейшем. Бдительность, короче, наше все. А в остальном — ну, что же. Я ведь лохматых местных обитателей не меньше хочу использовать для того, чтобы осмотреться, освоиться и сбежать домой. Так что пока мы квиты.

— Ну, ты шуфра! — то ли недоверчиво, то ли восхищенно выдала тетушка Франсуаза и я поймала ее быстрый, острый и довольно молодой взгляд. И в который раз подумала, что с лепесточниками все не так просто, как они мне тут рассказали. — Ну, считай, лепешку и какой-никакой вялый бутон для твоего мальчика заработала.

Она еще раз взвесила в руке мешочек с почками и о чем-то задумалась. Ее спутник в это время чем-то шуршал в самой глубине

кустов. Потом вылез оттуда, держа в руках что-то вроде рыболовной сети, в которой запуталась груда мусора, листья и все те же вездесущие обломки веток.

— На-ка! — Он уверенно набросил эту странную конструкцию мне на плечи и на голову. — С нами пойдешь. Уж прости, девка, но странная ты, как до того края проклятого пустыря и обратно. Не оставлю я тебя тут одну, мало ли. И скупщика, опять же, проведать надо — чтоб знала, куда почки носить. Иной раз мы с бабкой приболеем, дык ты сходишь за троих. Давай, заматывайся как следует, чтоб ни штанов твоих бесстыжих, ни рожи гладкой не торчало.

— А ребенок? — Я держала хламиду на вытянутых руках и не спешила в нее заворачиваться.

— Так Франсуаза с ним останется, — ухмыльнулся леший. — Да ты не дергайся, девка, никто вам вреда не хочет. Такая, как ты, — находка. Дыхание у тебя долгое, даже среди лепесточников такие редкость. Мы с бабкой для вас лучший вариант, другие-то не пожалеют ни тебя, ни мальчика, начнут в проклятые места на поводке водить и вытаскивать, тока когда рухнешь. Знаешь как? Пояс железный, а к нему веревку — за нее и вытянут. А нам такого не надо. Набираешь много — хорошо. Артельно мы тут — всем больше достанется. А жадобничать сверх меры — не про нас. Опять же, ежели совсем много станем скупщику притаскивать, вопросы пойдут. Оно надо нам? Мы тут живем бедно, зато спокойно. Пошли, пошли!

И он подтолкнул меня в спину, не забыв набросить мне на голову край маскировочной сети.

Я только вздохнула. Честно говоря, было страшно. Потому что в этом мире я словно котенок слепой, толком еще не разобралась. И выбора — доверять лешим или не доверять... нет у меня особенно. Куда я пойду одна, а тем более с больным ребенком?

Еще порадовалась где-то в самой глубине души, что мысли бросить мелкого даже не возникло. Значит, не совсем я падаль последняя — хоть это утешает. Всегда боялась обнаружить в себе больше страха и мелкой подлости, чем совести и нормального человеческого сострадания. А то читать про подвиги в трудные времена легко. И осуждать тех, кто струсил, проявил слабость или еще как напортачил, тоже легко. Особенно лежа на теплом диване с плюшкой в зубах.

А как оно на деле повернется — про себя заранее никто знать не может. Остается только надеяться, что не оскотинишься вкрай...

Поэтому я поколебалась да и пошла за лешим. Тетушка Франсуаза на моих глазах уже влезла в яму с листьями, где досыпал мальчишка. И взяла его на руки. Может, мне и показалось, но обращалась она с ребенком бережно, ласково и как-то... не по обязанности тепло. Трудно, конечно, по двум минутам наблюдения о таком судить. А что делать?

Надеяться на свою интуицию и удачу, что еще. Вывела же она нас обоих из подземелья. И дальше, глядишь, вывезет.

Уходить из роши было тяжело. Но я все равно внимательно оглядывалась по сторонам и не могла не заметить, что мы с найденным попали сюда каким-то иным путем. Вот этих гор пахучего мусора под ноги нам не попадалось и мимо старой полуразрушенной башни, похожей на кривую водокачку, мы тоже не проходили. А когда начались узкие улочки среди сложенных из камней заборов, я вообще чуть не потеряла ориентацию в пространстве. Потому что они петляли, как кишечная система травоядного.

Я так загрузилась этой затейливой топографией, страхом не найти обратную дорогу к малышу, тревогой за то, что там Франсуаза вообще делает с ребенком, что, кроме особых примет местности, вообще ничего вокруг не видела.

Даже скупщик проскользил по поверхности моего внимания, как камень по ледяной поверхности замерзшего пруда. Корзинка с какой-то провизией, кусок полотна и бережно завернутый лешим в несколько слоев тряпки то ли вялый бутон, то ли горсть лепестков — все как сквозь мутное, да еще и рифленое стекло. И даже страшно не было наткнуться на своих похитителей, этих, с поползнем на щеке.

На секунду заметила взгляд какого-то сонного бродяги, работавшего дополнительной подпоркой стены обшарпанного здания. Бродяга посмотрел на меня, потом на моих спутников, мотнул башкой и вернулся к дреме.

Зато обратно в рошу ноги сами бежали, на удивление безошибочно сворачивая в лабиринте узких улочек каждый раз куда надо. Тревога нарастала, мне вдруг показалось, что вот сейчас придем — а в яме никого и...

— Ну, куда, куда несешься, — ворчал Луи, едва поспевая за мной. — Коза длинноногая. Где это видано — девка в штанах и скачет что твоя кобыла... не съели твоего мальчика, куда торопишься? Подождет пару лепестков, чай, не помрет!

Но я даже не пыталась притормозить. И как оказалось — не зря. Все же интуиция обострилась. То ли от стресса, то ли мир этот цветочно-извращенский так влияет.

Но в яме под знакомым кустом никого не было. Только старые сухие листья.

Как у меня сердце не выпрыгнуло с перепугу — непонятно. Хотя казалось бы — да я этого ребенка знаю чуть больше суток, с чего так переживать? А не знаю вот. Просто ребенок. Один. С ним и так случилось что-то очень нехорошее, иначе он не оказался бы в подземелье под «песочницей».

Беззащитный, маленький. Все внутри скручивало от одной мысли, что мелкий мог пострадать, пока я где-то ходила, курица наивная. Как чувствовала, что не стоит оставлять ребенка с малознакомыми лешими!

Накрутила я себя знатно, короче говоря. А потому чуть не села на землю, когда из-за соседнего куста раздался ворчливый голос тетюшки Франсуазы:

— От ить неслух! Ды полей ты этот куст и дело с концом, где я тут тебе уборную найду? Тоже мне, принц нашелся!

Ветки затряслись, там за ними кто-то хихикнул и послушно зажурчал, а еще через полминуты к спальной яме выскочил босой, лохматый и чумазый чертенок в моей рубашке до колен. Увидел меня и застыл на мгновение, а потом кинулся и...

Моя рубашка была ему велика — она и мне-то не по размеру, модный нынче плюс сайз на худущей палке. Так что неудивительно, что, пока мальчишка бежал ко мне, а потом обнимался с моими ногами, одеяние сползло с тощего плеча.

Я обняла мальчишку, а потом и вовсе подхватила его на руки, мимолетно удивившись, как он умудрился выпачкаться по уши за какие-то мгновения бодрствования. И только потом обратила внимание на то, как застыли лешие.

Тетюшка Франсуаза и дядюшка Луи стояли посреди полянки натуральными статуями. Мало того что окаменели, так еще и челюсти

у них упали, а без того круглые глаза вытаращились. И смотрели они на то самое тощее мальчишеское плечо. На котором цвел очень реалистично вытатуированный тюльпан.

— Матерь моя бутонная, — тихо просипел Луи через полминуты.
— Итить...

— В корешок, — согласилась Франсуаза, оседая под куст.

Я не очень поняла, что с ними происходит, но на всякий случай поправила на ребенке рубашку и спрятала странную татуировку. Червяку безмозглому ясно, что в ней все и дело. А раз оно — цветок, да еще не какой попало, тюльпан, то... ох ты. Во что я вляпалась?

— Тебя как зовут, радость моя? — Что бы ни было на ребенке нарисовано, это не повод его пугать, ругать или перестать тискать. — Давай знакомиться, раз проснулся.

— Нико, — тихонечко пропищал пацан и снова спрятал лицо у меня на груди.

И прижался так, словно сейчас нас силой начнут в разные стороны растаскивать.

— Вот и умница. — Я решила не форсировать события и вести себя так, словно вообще ничего необычного вокруг не происходит. Оно, конечно, я ни разу не специалист по маленьким деткам. Но примерное направление действий представляю. — Ты есть хочешь, радость моя Нико?

— Я твоя радость? — удивленно и слегка настороженно переспросил пацан, не отрывая лица от моей футболки.

— Еще какая, — заверила я. — Ну? Как насчет... что мы там прикупили, дядюшка Луи? А! Есть лепешка и сливы. Хочешь?

— Эдак ты щас ему все скормишь и нам одни запахи останутся. — Леший опомнился и сделал такое лицо, словно и правда ничего не случилось. Только с теткой своей переглянулся быстро, да и все. — На всех дели! По справедливости. А кутенку твоему уж достанет, чай, голодом не уморим.

Поначалу Нико говорил неохотно. Но я его буквально втянула в разговор. А потом не стало нужно и подталкивать — мальчик очень долго ни с кем не говорил, так что со мной наконец-то выговорился.

Все, что я услышала, напоминало сказку. Впрочем, я и так уже третий день в ней нахожусь. Так что сказкой больше...

Оказывается, Франсуаза как в воду глядела и наш Николя — принц. И даже наследник престола. Свои самые первые, золотые годы помнит смутно. Основное ощущение — ни одной свободной минутки. И просыпался, и засыпал, видя чье-то лицо. Конечно же, не мамы и не папы, а камердинера или учителя. Запомнил свою первую мечту о первом указе, когда наденет корону: немедленно дать отдых всем педагогам на год. Тогда он тоже отдохнет. А если королям так не положено, то сбежит из дворца.

Приключения начались раньше и оказались неожиданными. Самым страшным был не звон колоколов, не грохот выстрелов, не запах гари, а нарастающий страх на лице слуг. Он даже решил их успокоить песней рыцаря Гоналда о том, что бессмертным смерть не грозит, а смертным — зачем удивляться? Но слуги продолжали бояться, а самые высокопоставленные даже избавлялись от дорогих ливрей, как офицеры охраны — от эполет.

Потом ему ненадолго стало страшно. Потом — грустно, когда узнал, что погибли отец и мать, а он, оказывается, их любил.

Потом жизнь стала одновременно неприятной и интересной. Он жил в ободранных залах дворца с прежде незнакомыми сверстниками, тоже сиротами. Неприятными были холод, дрянная еда, которой не хватало, и побои. Интересными — игры и разговоры. Нико скоро понял, что детям запрещено даже думать, что он принц. Но дети — не взрослые, они о запретах долго не помнят.

К тому же как тут признать себя обычным сиротой, одним из ста опекаемых сыновей народа, если остальные сыновья и дочери, не понюхав увядших лепестков, начинают жадно глотать воздух и засыпать. А ему — да, неприятно, душновато, но вполне терпимо.

Ради новых друзей и подружек он стал напевать песенку, которую не знали ни няньки, ни учителя. Только мать-королева, иногда укладывавшая его спать.

В куче песка в углу зала стояло южное деревце в горшке, оно засохло, горшок украли, песок оставили — так вот из этого забытого песка вытянулся стебель. И раскрылся. Тюльпан. Нико аккуратно его сорвал, поднес к лицу Лизы, чуть хрипевшей во сне, и девочка радостно открыла глаза.

На другой день он повторил попытку. Этот цветок повариха обменяла на леденец, унесла.

А еще через неделю приютские залы окружили незнакомые люди в черных плащах и черных масках. На ужин подали вкусное рагу, от которого почему-то захотелось спать и не удалось проснуться, даже когда донеслись чьи-то тяжелые шаги.

Нико проснулся очень нескоро. Было темно, но понял по запаху лошади, что он внутри кареты. А еще был слышен плач. Потом шторка на окне чуть-чуть отодвинулась и донесся незнакомый голос:

— Ты знаешь, почему плачут эти люди? Они хоронят тебя. Ты мертв, сын народа. Помни это и слушайся меня, если не хочешь умереть по-настоящему.

Да уж, невеселый рассказик. И в голове сразу параллели с моим собственным миром и первой французской революцией. Тогда ведь тоже никто не казнил дофина — все же, насколько бы ни была кровавой эта вакханалия, публично рубить голову ребенку никто не решился.

Что, впрочем, не помешало потом уморить малыша втихую. Хотя было много слухов в земной истории о том, что ребенка спасли, увезли чуть ли не в Америку. Ну, и так далее. Кажется, в этом мире слухи только что нашли свое подтверждение: вот оно, пригрелось у меня на коленках и с перерывами тихонечко продолжает свой рассказ.

Я слушала внимательно и молча, как засохший куст в безветренную погоду. Точно так же вели себя и мои новые компаньоны по сбору шишек-почек. Судя по их лицам, бывало всякое, но такое они слышали впервые в жизни. Оба лепесточника устроились поодаль, прижавшись друг к другу плечами, как озябшие птицы. Круглые немигающие глаза только добавляли сходства.

Ну и я, конечно, тоже никогда не чаяла стать участницей подобных событий. Нет, книг много читала, сериалы смотрела, где дамы в платьях, а мужчины при шпагах. Не зря ведь учила французский и вообще обожала их культуру и историю. Но чтобы самой попасть в такую передрагу...

Но следить за сюжетом — мало. Надо точно понять, как устроен этот мир. И насколько он похож на Францию конца восемнадцатого века. Чтобы для начала выжить, а потом сказать ему «оревуар», или как тут вежливо прощаются? В мире, где ради чего-то могут убить

ребенка, задерживаться неохота. Я бы и в прошлое своей Земли не хотела попасть, а чужой — тем более.

Уже понятно — этот мир не монолитен. Не заводная шкатулка, где у каждого колокольчика свой молоточек. Есть разные группы влияния со своими интересами, есть интриги. А это — и опасности, и возможности. Например, ты в лесу накатишься колобком на волка, он только пасть раскрыл, а ты ему: «А я уже медведю на обед обещался, он точно не обидится, что ты меня съел?». И пока сидит волк с раскрытой пастью, покатиться в сторону лисы с той же сказочкой.

Впрочем, в этой истории даже непонятно, кто больший колобок: я — принцесса из цветочного магазина — или настоящий принц. Вот уж за кем должны гнаться все волки, лисы и зайцы этого каменного леса, так за ним. Потому что он — ушел.

«Слушайся меня, если не хочешь умереть по-настоящему», — сказал тот, кто увел ребенка из приюта.

Слушаться было просто. Сидеть молча в комнате, читать, точнее перечитывать, книги, писать и рисовать. Запрет был только один: общаться со сторожем. Соблюдать его оказалось несложно — сторож был глухонемым и неграмотным. Он заходил в комнату, приносил еду, показывал знаками, что если узнику что-то нужно, то он может написать записку. Одна беда — солнечный свет падал в окошечко три-четыре часа в день. По звону колоколов и недолго видимому солнцу мальчик догадался, что его держат в башне.

Нико нашел чем заняться и в темноте. И кстати, пользовался глухотой сторожа. А однажды решил с ним подружиться и для этого за месяц научил его читать и писать.

Это и привело к беде. Однажды незнакомец, заходивший в комнату раз в месяц, явился на две недели раньше.

— Это что такое? — прорычал он, показывая обрывок бумаги.

На нем было накорябано: «ПАЧИМУ ВИНВАТ МАЛЧИК? ПАЧИМУ В БАШНЕ?»

— Почему ты это сделал? — продолжал рычать визитер.

Среди книг, валявшихся в углу, был и свод законов Города Свободы.

— Каждый гражданин имеет право выучить грамоту и пользоваться грамотой, — ответил Нико, показывая на том законов. —

Я помог ему воспользоваться этим правом.

— Здесь мои законы, — усмехнулся визитер, запирая за собой дверь. — Ты можешь кричать или не кричать — он глухой. Я прощаю тебя на первый и последний раз, но урок ты запомнишь.

И толкнул мальчика лицом на кровать. Солнце еще не зашло и Нико разглядел, как его похититель достает хлыст...

А потом, когда все закончилось, взрослый гад — а как еще назвать мужчину, избившего хлыстом восьмилетнего малыша?! — потребовал от Нико то, ради чего ребенок был спасен.

Вырастить цветок.

Вот только... еще в приюте маленький принц заметил, что с каждым разом это все труднее сделать. Словно его сила угасает, уходит водой в песок. Это началось давно, а теперь, возможно от боли и потрясения, королевская магия исчезла совсем. И тюльпан не вырос. Что привело к еще одной порке — якобы за упрямство. И ужин в тот вечер не принесли.

Хозяин башни сделал ошибку — не сменил сторожа. А тот два дня спустя принес дощечку с надписью: «ТЕБЯ УБИТЬ. ГАВАРИТЬ БЕСПАЛЕЗНЫЙ АПАСНЫЙ».

Нико сбежал в ту же ночь. Глухой сторож не слышал эти месяцы звуков самодельного напильника и не заметил, что с остатками недоеденной пищи выносит каменную крошку. Кроме того, две простыни истлели, а на самом деле — ушли на веревки с узлами.

Мальчик не раз читал о таких побегах. И сделал все правильно. Но не подумал только об одном — перед таким побегом надо экономить силы. Сил хватило, чтобы спуститься на крышу, а потом, используя последнюю веревку, — до мощеного двора.

Вот там-то и сказались долгая неподвижность и недавняя боль. Нико знал, что существует несколько входов в старинные катакомбы. Он много читал об этом месте и решил, что сможет там спрятаться. Сначала шел, потом пытался ползти. А когда услышал неподалеку шаги патруля, добрался до закрытого колодца. Сил и времени спускаться уже не было, он просто разжал руки и полетел вниз — лишь бы не возвращаться...

На его счастье, дно колодца было засыпано толстым слоем странного песка — ребенок провалился в него почти по пояс. Но удар был все равно силен и Нико сам не помнил, как он сумел выкопаться

из зыбучей массы. Он потерял сознание. И очнулся, только когда его нашла я.

Постепенно рассказ мальчика перестал быть внятнм — Нико явно устал. Зевал все чаще. А потом ткнулся носом мне в плечо и затих.

— Заснул, бедолага, — сказала я, пытаюсь подстроиться под речь моих новых друзей.

Но они отсутствовали. Неужели лепесточникам стало неинтересно, чем все закончилось?

Я подложила под голову спящего Нико свернутую куртку — подушки надо завести со следующей полочки. Собрать побольше почек и...

И обернулась, услышав тихие шаги. Луи и Франсуаза приближались с большой сетью в руках.

Лирэн

Не все традиции Братства мне нравятся. Например, еженедельный ночной кутеж капитанов. Понятно, мы разбойники, значит, нам полагается обсуждать свои темные делишки с бокалом вина в руке. Все равно, когда моя власть станет крепче, возьму пример с правителей города: обсуждения за пустым столом, на нем — только бумажный лист с повесткой дня. Вот когда закончили — в соседний зал и уж там пировать.

Пока же приходится следовать традиции. Поэтому сегодня в полночь в трактире, неприметном снаружи и достаточно чисто-опрятном внутри, накрыт большой круглый стол для десяти капитанов и нескольких участников без статуса, зато с авторитетом. Это, между прочим, тоже искусство, необходимое для маршала, — не допустить к столу тех, кого почтенное собрание сочтет шушерой. И тем паче не обидеть всеми уважаемого.

Форма стола не имеет значения. Что главный я — и так всем известно.

В начале застолья — тост за удачу. Умный трактирщик — впрочем, у дурака капитаны не соберутся — заказывает для него бокалы особой выдувки, которые разбиваются только на крупные осколки. Потому что, осушив бокал за удачу, его тут же швыряют на пол. Если он не разбился, просто посмеиваются, но со временем ночные солдаты покинут такого капитана. Смекалка, сноровка, почтение к традициям — все это важно, но в нашем деле удача на первом месте.

Сегодня бокалы разбились все. Тотчас же из подсобки выскочили девицы — ночные ласточки — и принялись собирать осколки. Девицы, как вино и угощение на торжественном кутеже, тоже не абы какие — хорошенькие, свеженькие, будто дочки почтенных родителей, вчера покинувшие отчий кров. На лицах только улыбки и нет следов грубого обращения, голода или долгой бездушки.

— Славный капитан, под вашим ботинком стеклышко, приподнимите ногу.

— Ночной герой, осколок закатился под стол, дай пролезть... ой!

Осколков не так и много, но девицы все равно минуты три будут не только нагибаться, но и ползать на четвереньках между ног и ножек стола. Получать шлепки и щекотки, отвечать умеренными шутками про крепкую ладонь и не только ладонь. Потом — подливать гостям вино, приносить чистые салфетки.

Но все же их основной труд в эту ночь не официантский. Вокруг зала и на втором этаже пустые комнаты. Потому-то, получив шлепок, девицы поднимают головы, смеются, называют свое имя, говорят, что это имя тоже приносит удачу. Выпейте, поешьте, обсудите ваши капитанские дела и не забудьте про меня. Можно на секундочку присесть к вам на колешки? Все, я бегу, обсуждайте ваши мужские дела.

Ну да, вино, жаркое, девицы. Кутеж должен быть кутежом.

Под мои боты «закатились» не меньше трех осколков, хотя я подошв не поднимал. Одна девица за вежливость и неназойливость получила монету. Другая, пышная брюнеточка, сколько ни поднимала голову, сколько ни сверлила меня взглядом лакомки, осталась ни с чем. Я показал ей на слегка скованного Терсана — лейтенант, пусть и адъютант маршала, первый раз на таком почтенном заседании, лови с ним.

Конечно же, ни одной девицы я не коснулся и пальцем. Шуточки, гляделки — одно, любое касание — совсем другая история. Для меня лично. Маршал Ночного Братства имеет право на причуды.

Девицы унесли осколки, за столом из женщин осталась только Сычиха. Еще одна традиция Братства — на наш совет допускаются почтенные уважаемые женщины. Сычиха — негласный маршал, или маршалка, не знаю, как правильной назвать, всех уютных комнат в трактирах. Или заведений, куда ходят не поужинать. Если девица сбежит из одного заведения в другое с хвостиком в виде небольшого должка, именно Сычиха будет судом первой инстанции. Судит справедливо, потому и за столом.

Потому-то именно ей я доверил судьбу девочки Ли. Трактиров, гости которых лишь глазают на девиц, не распуская рук, немного, но они есть. В такой Сычиха ее и пристроила.

На столе уже появились новые бокалы. Мы выпили за честь Братства, за то, чтобы всегда чтить наши законы и плевать на остальные. Глубокий вздох, большой глоток за тех, кто когда-то сидел

за этим столом, а теперь перебрался в необозримые высоты или недосыгаемые глубины — тут разные мнения. Впрочем, согласно веселым песням, кто в глубине, тот капитанит над чертями.

Потом пили просто так, отшвыривали уже не бокалы, а пустые блюда, хватали закуску, мгновенно поставленную на замену. Я улыбнулся, отметив, что, кроме жаркого, стояли и вазы с пирожными. Никто из бравых капитанов не признается, что любит сладкое — я, кстати, не боюсь. Но половина из них, как и я, из сиротских приютов, где ничего слаще моркови не встретишь, да и то если украдешь. Поэтому вазы незаметно пустели.

Понемногу от шуток и здравниц перешли к делам. Я спросил, нет ли новостей о пришелице. Нет, как сквозь землю провалилась. Или и вправду провалилась, но не вылезла.

— В мои курятники не заглядывала, — усмехнулась Сычиха.

Я кивнул — так и есть. Сычиха лучше любого сыщика из стражи выпросит-вызнает прошлое любой новой девицы.

— А к вашим лепесточникам не могла затесаться? — почтительно спросил Ухо капитана квартала Роз, богатого, серьезного квартала, несмотря на то что он граничит с проклятым пустырем.

— Выспрашивать лепесточников — дышать гербарием, — неторопливо ответил капитан, дожевав очередное пирожное. — На неделе к этой братии прибилась лишь одна нищенка с мальцом. Они ее приголубили. Странный народ...

— Ну, даже у пришелиц нет магии, чтоб за три дня мальцом обзавестись, парни дышалкой поклянутся — она к ним не брюхатая попала, — хохотнул Ухо. — Да, кстати, Джарнет, она не могла укрыться у тебя, на твоём кладбище лодок?

Разговор пошел по кругу. Я подумал, что если девица укрылась у лепесточников, то это было самое разумное с ее стороны. Действительно, странный народ, который вроде бы и живет из милости на пустырях, и при этом общается со всеми, будто оказывает милость. Дышит одними лепестками, а может, и без них дышит — проверить трудно. Собирает шишки свежести — цветок, поставленный в отвар, дышит неделю. Маршал-предшественник хотел их погнать с пустыря вообще, заменить своими бригадами сборщиков, но ничего не вышло. Это как голыми руками охотиться на ежей — убить можно, да только добыча рук не стоит.

Кстати, у городских властей такое же мнение. Все живут законами Добродетели и Равенства, и только, но лепесточники — свободны. Не было бы Братства, пожалуй, пошел бы жить к лепесточникам...

— Ночной герой, я готова испытать твои печали и горести.

Я сперва почувял надвигающийся запах духов, потом на опрометчиво отставленное колено заскочила длинноволосая птичка. Спасибо, не полезла с поцелуями — иначе получила бы коленкой по мягкому. А так придется спровадить ласково...

— Не «ночной герой», а «брат маршал», поняла, козуля? — раздался бархатный баритон, после чего девица была экстрадирована с моей ноги и отправлена искать замену. — Брат Лир, мы выпьем бодрый отвар на балконе, чашка и для тебя готова.

Пить бодрый отвар, или кофе, собирались капитан квартала Роз и Джарнет, капитан квартала Кувшинок, — двух берегов почти пересохшей реки. Все капитаны равны, но ради этих двоих, пожалуй, стоит отойти от стола. Тем более глоток воздуха не помешает.

Из двух комнат второго этажа уже доносились смешки и вздохи. На балконе на кофейном столике стоял почти свежий букет — хозяин заведения получит утром хорошую премию за безупречный прием.

Я незаметно улыбнулся, глядя, как собеседники втянули носом аромат букета, после чего приготовился слушать.

— Брат маршал, — сказал Джарнет, — Ухо есть Ухо, но история с пломбой на песочнице уж очень плохая. Если хозяин Колес начнет лезть в дела стражи, он порушит много договоренностей. Надо дать ему окорот.

— Надо, — кивнул я.

Алина

— Ну, и чего всполошилась, дурында? — цыкнул на меня дядюшка Луи, заноса здоровенную сеть с уже привычно вплетенным в нее лесным мусором справа и начиная привязывать край к веткам особенно развесистого куста. — Дождь собирается. Мокнуть теперь, что ли? Особенно дитю.

Пока я выдыхала и чувствовала, как медленно отпускает сжавшуюся в пружину душу, тетушка Франсуаза уже прицепила свою сторону полога к другому кусту и залезла к нам с Нико в образовавшийся шалаш.

— Ты не смотри, что с дырами, — деловито велела она, забирая из моих ослабевших рук мальчика и кутая его в скинутую с собственных плеч хламиду. — Это лепесточный полог, ни капельки воды не пропустит, пока мы, значит, не разрешим. Лепесточники без цветочной магии живут испокон века, это точно. Вот только свои секреты у нас тоже имеются.

Я только кивнула, чувствуя, как усталость прошедшего дня наваливается на плечи мягкими лапами и неуклонно оседает тяжестью на ресницах. Еще успела вдруг заметить и удивиться тому, на что стоило обратить внимание сразу: от тетушки и дядюшки, таких на первый взгляд лохматых и чумазных, одетых в бомжовские лохмотья, почти ничем не пахло. Только когда Франсуаза с ребенком на коленях устроилась ко мне вплотную в нашей с Нико яме, я учуяла от нее слабый травяной запах.

— Спи, девка, — велел откуда-то из-за полога дядюшка Луи.

К нам в шалаш он почему-то не залез. И у меня еще хватило сил вопросительно посмотреть на тетушку Франсуазу.

— Ну, дык тут бабы с детишками, мужику места нет, — пожала та плечами, правильно истолковав вопрос в моих глазах. — Мужик снаружи спит, охраняет, вынюхивает и бдит. Одно дело, когда мы с ним вольная парочка, а другое совсем, когда семейством.

Эта ее «семейства» была последним, что я запомнила перед тем, как провалиться в сон. С одной стороны, вроде естественно — я в жизни столько нервов не тратила и не выматывалась так, как в этом

странном мире с его странными обитателями. А с другой — поневоле уже во сне догнала мысль: кажется, меня чем-то усыпили нарочно.

Но бояться и не доверять почему-то не получалось. Да и сон был приятный — теплый, пушистый и пах травами. А больше в нем ничего не происходило, словно я и во сне спала. Поэтому проснулась на редкость отдохнувшей и в странно приподнятом настроении.

И обнаружила, что мы с Нико остались в яме под пологом одни, ребенок все еще дрыхнет, уткнувшись носом мне в шею и обняв руками-ногами, словно любимую подушку. Сон его на этот раз — просто сон, не беспамятство. Поэтому мальчишка морщится и чихает, когда непослушная травинка из подстилки щекочет ему нос.

— Апчи! — в очередной раз выдал он мне в плечо и проснулся.

Приоткрыл один глаз, увидел меня и разулыбался так солнечно, что не улыбнуться в ответ было невозможно.

— Будь здоров. — Я села, сбросив с себя и ребенка ту самую Франсуазину хламиду. — Есть хочешь?

Маленький принц застенчиво кивнул и без капризов стал завтракать кусочком вчерашней лепешки, приправленной двумя оставшимися сливами. А я вылезла из шалаша и огляделась.

— Ты не видел, куда ушли наши друзья? — Понятно, что ребенок спал вместе со мной, но вдруг просыпался и что-то заметил? Или услышал?

— Нет, — покачал головой чумазики, на четвереньках выползая следом за мной. — Но это же лепесточники, они приходят и уходят, когда сами захотят.

— А ты много знаешь о лепесточниках? — насторожилась я.

— Нянюшка рассказывала мне сказки и легенды, — послушно кивнул маленький принц.

— М-да, — несколько разочаровалась я. — Не самый достоверный источник информации. Никак не поймешь, чего от них ожидать. Пока они к нам добры, но что будет дальше? И почему они добры? Какие у них мотивы?

— Лепесточники даже не совсем люди, — поделился ребенок. — В сказках говорится, что они почти что волшебные существа. Им тоже нужны для жизни цветы, но не так, как остальным жителям королевства. Ой, то есть республики. — Малец запнулся и глянул на меня как мышонок из-под веника, испуганно и настороженно.

Вместо множества слов я притянула мальчишку к себе и чмокнула в нос. Улыбнулась подбадривающе и поправила на нем собственную рубашку.

Кажется, ребенок не привык к таким проявлениям нежности, потому что одновременно испугался, смутился и почти растаял от удовольствия. Скорее всего, даже когда он был наследником престола, его не баловали обычной человеческой лаской: не положено это принцам. А жаль...

Так или иначе, через пять минут, когда я уже и защекотала стесняшку, и чмокнула в обе щеки, он немного пообвыкся и совершенно успокоился. Фантастический пацан, психика как у космонавта. Столько пережил и остался милым, жизнерадостным ребенком. Очень умненьким и способным.

— Лепесточки потому так и называются, что могут выжить на паре лепестков. И с ними же творить свое странное волшебство, хотя даже самые сильные маги нашего мира черпают дыхание магии только из цветущих полей, — немного заученно повторял он за кем-то.

Я внимательно слушала и подбадривающе кивала.

— Все дело в проклятых пустошах, — радостно продолжил маленький принц. — До того, как злое заклинание пришло в наше королевство и уничтожило сначала королевские тюльпаны, а потом и все остальные цветы, таких земель было мало. Но вокруг них всегда рос почечник. — Нико ткнул пальцем в ближайший куст и до меня вдруг дошло, что это не растения вокруг больные, это я не сообразила сразу — они просто особенные. Таких раньше мне не встречалось, вот и непривычно. — Так вот, жить возле пустошей и собирать почки могут только лепесточки. Обычные люди и даже надышанные маги здесь долго не продержатся, эти кусты вытягивают дыхание не хуже самой пустоши. Зато те почки, что ты собирала, годятся в волшебный отвар. Раньше им опрыскивали цветы в самых богатых цветниках и дыхания магии становилось в несколько раз больше. А теперь его добавляют в воду для срезанных цветов, привезенных из-за границы. Благодаря ему цветы не вянут по несколько недель и тоже дают больше дыхания.

— Все понятно, — задумчиво протянула я. — Но я все еще раздумываю, не уйти ли нам с тобой отсюда, пока не поздно. Вдруг

Луи и Франсуаза ушли, чтобы позвать... кого-то, кому выгодно нас продать?

— Ты что! — вдруг возмутился Нико. — Они ведь лепесточники! И тетушка вчера сказала, что они приняли нас в семью! Разве ты не слышала?

— Слышала, — покладисто кивнула я. — Но люди иногда говорят разные вещи, не всегда стоит им верить.

— Ты не понимаешь, — заволновался Нико. — Ведь даже в самых древних легендах сказано: слово лепесточника крепче камня. А еще они никогда не выдают своих. Если назвали нас семьей — все. С пустошей выдачи нет.

Этьен

— «Листок свободы» — самый свежий номер! Очередное торжество Добродетели! Кто прячет цветы от народа? Ночное Братство — легенда или выдумка? Кто ест хлеб Здоровья вместо хлеба Равенства? Почему у блюстителя Созидания голова все еще на плечах?

Я дернул шнурок — сигнал остановить карету. Статьи-размышления о том, почему народ меня еще не казнил, публикуются регулярно, но причины иногда меняются.

Мальчишка-газетчик с большущим номером регистрации на куртке шмыгнул к карете и протянул в раскрытую дверку резко пахнувший лист, потом поймал монету.

— Не ищи сдачу.

— Спасибо, гражданин блюститель, вы очень щедрый. Берегите вашу голову! — крикнул мальчишка на бегу.

Я развернул газету. Почти ничего нового — даже карикатура про меня старая: голова в руках, а на плечах — колесо, которое вертят изможденные работники. Как будто я иссушил городские каналы с запрудами и водяными колесами. Впрочем, может, меня и в этом обвиняют?

Под карикатурой была подпись: «На сколько лепестков я могу обменять этот залог?». Вспомнил шутку, родившуюся в тот же день, когда я стал блюстителем Созидания: голова гражданина Этьена в залоге у народа, но пока у него на плечах.

Почему же ее не снимут? С каждым годом в Городе все труднее дышать — заграничные цветы дорожают, бывшая королевская казна рано или поздно будет исчерпана. Кто в этом виноват? Конечно же, бывший аристократ, поссорившийся с тираном и освобожденный из башни народом. Если с меня снять голову, то вопросы будут к братьям из Совета, попавшим в князья из самой отборной грязи. Поэтому меня терпят, а бывшие «Королевские куранты», нынешний «Листок свободы», поливают грязью в каждом втором номере.

Надо подумать о чем-нибудь поинтересней. Сколько лет мальчишке-газетчику? Вряд ли меньше одиннадцати. Не подходит.

Вчера один из моих секретарей поделился любопытной новостью.

— Господин Этьен, — «господин» совсем тихо, — забавная история. На наших мануфактурах ищут.

— Кто и кого? — спросил я, понимая, что, если бы ответ был односложным, секретарь сообщил бы всю информацию сразу.

— Во-первых, ищет Ночное Братство. Нужны сведения о молодой женщине в странной одежде. Она может быть приставлена к работам, где не нужен язык, скорее всего, на колесе.

Речь идет о пришелице. Интересно, конечно. Но не более чем интересно. Вряд ли она знает песни, от которых растут цветы.

— Во-вторых, ищут мальчишку от семи до девяти лет. Глава охраны блюстителя Добродетели посещает мануфактуры и требует немедленно сообщать ему, если среди рассыльных, трубочистов и прочих мелких работников появится такой ребенок. За донесение полагается награда в годовое жалованье, а за молчание — беспощадная кара, от которой не спасете даже вы.

Вот здесь я еле сдержал удивление. Или не сдержал. Секретарь сделал вид, будто не заметил. Понял ли он, о каком ребенке идет речь, мне осталось неизвестным.

В тот же вечер я говорил с блюстителем Добродетели. Наша беседа с глазу на глаз, как всегда, напоминала поединок бойцов, когда каждый старается нанести другому рану, но еще больше — не получить раны самому.

— Конечно, это дело блюстителя Справедливости, — усмехнулся собеседник, — но дело очень уж неприятное. Согласно слухам, по городу бродит юный самозванец и выдает себя за принца. Поэтому я решил помочь брату-коллеге обнаружить его.

— Он обещает вернуть цветы на каждую клумбу? — спросил я.

Главный по добродетели пристально взглянул на меня. Мне почему-то показалось, что карикатура, на которой он держит в руках свою голову, была бы естественной. Будто он сам когда-то потерял свою, велел слепить из воска, раскрасить и так умело ее носит, что окружающие считают настоящей.

— Нет, — ответила восковая голова, — он вряд ли называет себя принцем. Но может вести себя так, чтобы его принимали за спасшегося наследника. Умный самозванец сам себя принцем не назовет, это должны сделать окружающие.

— Умный самозванец в восемь лет... — печально улыбнулся я. — Кстати, я ведь помню твои слова: «Если кто-то не проголосует — мальчишка будет жить». Так остался ли он жить?

Удар достиг цели — голова на несколько секунд стала восковой.

— Я отвечу на два вопроса, — наконец сказал собеседник, — и разговор закончится. Я не знаю, остался ли он жить. И я не знаю, где он сейчас находится. И еще дам совет, впрочем, он такой простой, что ты можешь догадаться сам.

Я промолчал, но посмотрел так выразительно, что услышал продолжение.

— Город Свободы простит тебе все проступки, кроме одного. Если бывшего придворного увидят рядом с маленьким самозванцем, последует прямое обвинение в покушении на власть. Поэтому, едва мальчишка окажется в твоём доступе, извести меня. Не смею отвлекать от вечерних планов.

И повернулся так быстро, что я даже не успел вежливо попрощаться.

Карета неторопливо ехала под ропот прохожих — ну да, тот самый блюститель-аристократ, чью голову почему-то не спешат снять.

Между прочим, я тоже ехал снять голову. На самом деле, устранить старшего надсмотрщика большой мебельной мануфактуры. На него донесли давно, я собирал сведения и решил действовать, лишь когда получил неоспоримые доказательства.

В чем провинился мерзавец? Заставлял подчиненных приносить вино и продавал приговоренным за гроши, а потом выяснялось, что они должны и за доставку. Расплата простая: согласие еще полгода проработать на колесе. Этак можно нового приговоренного отпустить за взятку, ведь рабочее место не пустует.

Из-за таких историй случаются бунты, и людей можно понять. Поэтому я решил пощадить мелких мошенников, а главаря снять с должности и передать страже.

Когда я приехал к фабрике, стражи еще не было. Но тотчас стало ясно, что она нужна.

— Беда, — крикнул младший надсмотрщик, подскакивая к карете.

— Твой главарь сбежал и оставил тебя за себя? — усмехнулся я.

— Нет. Он долго упрашивал главного мастера взять хотя бы часть вины на себя. Потом валялся в ногах у его жены. А потом схватил ее за шиворот, вытащил свинцовник, приставил к голове и сказал, что отпустит, когда сюда явится один из четырех членов Совета, он расскажет ему всю правду.

— Ждать стражу? — спросил секретарь.

— Обойдемся сами, — сказал я, легко соскакивая без ступеньки-подножки. — Ведь ему нужен блюститель, он и явился.

Конечно, это не мое дело. Нет, отчасти мое — я был обязан предвидеть все варианты. А еще... Бывает же у взрослых людей мальчишеское желание залезть на дерево. Вот и я решил понять, зря ли трачу часы в фехтовальном зале.

Издали негодяй и его жертва напоминали танцевальную пару, застывшую в странной позе у стены главного цеха. Полукольцо зрителей держалось на расстоянии. Свинцовник, даже ручной, — не нож, он поразит и за шаг, и за десять.

— О, сегодня день желаний, — раздался безумный смех, — министр прибыл сразу. Оставь шпагу и медленно иди ко мне.

Я так и сделал. Уже издали прочел в глазах негодяя его замысел: он не собирался ничего мне рассказывать. А просто планировал взять в заложники вместо малоизвестной дамы и требовать чего-то существенного. Ковер-самолет для отправки за границу? Мы их не ткем, скажу как начальник всех мануфактур.

Я успел перевести смех в гримасу и медленно направился к застывшей парочке. По дороге вспоминал обманное актерско-боевое искусство «тот-не-тот». Конечно же, я жалкий старик, который плетется, глядя под ноги. Конечно же, я мухи не обижу, потому что муху сперва надо поймать. Конечно же, я самый несчастный и безопасный из пятидесяти человек в этом зале...

Долго такой образ поддерживать трудно, но и идти — полминуты.

— Вот и хорошо, — услышал я рядом почти змеиное шипение, — а теперь...

— Игра окончилась! — гаркнул я в прыжке, не уступавшем скачку любого катланка.

Негодяй взвыл от боли — похоже, я сломал ему кисть руки, когда выворачивал. Но пальцы сделали свое дело. И пусть ствол был

перенацелен на стену, меня не только оглушило выстрелом, я еще и почувствовал боль.

Воющего мерзавца оттащили, а я озабоченно потрогал камзол и понял, что он дыряв, а пальцы стали влажными.

Алина

— Эт правильно малец сказал, с пустошей выдачи нет, — посмеиваясь, изрек дядюшка Луи, подбрасывая ветки в маленький костерок, прячущийся в специальной ямке. — Мы, лепесточники, тысячу лет своим умом живем. Нам все едино: королевство, республика. Господа там, братья-товарищи. Маги, не маги... нам никто не нужен и мы никому не нужны. А потому никто нам и не указ.

Похлебка в мятом, но тщательно оттертом от копоти котелке вкусно булькала, еле заметные отсветы костра играли на пушистых волосах наших леших, опять устроившихся рядом друг с другом. Они, когда на что-то отвлекались и начинали действовать машинально, всегда почему-то оказывались так близко друг от друга, как только возможно.

— Так уж и никому? — Я проследила, чтобы Нико как следует укутал босые ноги в принесенное тетушкой Франсуазой лоскутное одеяло, и снова стала смотреть на огонь. Мысли текли медленно, но на удивление ясно и четко. — А отвар из почек?

— А отвар всем нужен, — хмыкнул Луи. — И сейчас еще поболее, чем раньше. Вот потому нас братья-товарищи и не трогают, хотя и обзывают... — Он наморщил лоб, припоминая, щелкнул пальцами и посмотрел на Франсуазу.

— Пережитки экспла... татарской мифологии, — по-совиному ухмыльнулась тетушка, поправив на плечах лохматую шаль. — Это самое дурное и грязное ругательство, какое я слышала. А я слышала их немало, прошлая пустошь была рядом с большим портовым городом, погонщики и грузчики пошуметь любители, на три лье вокруг уши не убережь от их матерщины.

— Вот, — назидательно поднял палец дядюшка Луи и ухмыльнулся. — Пережитки мы. Оно, конечно, при желании можно нагнать к пустоши отряд хорошо надышанных свежими цветами гвардейцев да прочесать весь почечник от границы до границы. Только кому это надо? Столько затрат ради кучки бродяг, с которых ни пользы, ни прибýtка вдали от пустошей не добиться. А потом, кто почки им собирать будет? Нормальным-то людям, чтоб до середины рощи дойти,

два-три цветка вдыхать надо. И то обратно едва выползут, какой уж тут сбор. Особенно ежели учесть, что самые спелые почки растут у внутренней границы, у самой проклятой земли.

— Так что живи и ни о чем не беспокойся. — Тетушка Франсуаза сноровисто сняла котелок с похлебкой с огня, пристроила его на плоский камень и полезла под полог за деревянными ложками. Тарелок у лепесточников не водилось, все ели из одной посуды. — Мы тебя не гоним, а уж мальчика твоего и подавно. Все знают, что лепесточники детей не обижают. Выводят заблудившихся к родителям. Ну, а твой-то и так при тебе, хоть и не родной. Хороший пацан, и дышалка у вас обоих самая для нас подходящая. Оставайтесь.

Я тихонько вздохнула. Куда ж мы денемся? Во всяком случае, первое время. Потом-то я очень даже рассчитываю деться туда, откуда пришла. Домой хочу, в привычную, спокойную, — вот уж когда оценила весь свой «стресс» от общения с поставщиками, работниками и покупателями! — уютную и очень комфортную жизнь. Теплый туалет хочу, горячий душ, холодильник с едой. Интернет! Пиццу! Полцарства отдам за пиццу, которую никогда не любила и заказывала только для гостей.

Но на границе проклятых земель, бывших королевских цветников, об удобствах приходилось только мечтать. И обходиться малым. Да ладно бы я сама. Так ведь ребенок! Каким бы разумным и послушным ни был мальчишка, он все равно оставался мальчишкой.

И уже на третий день, вернувшись со сбора почек, я обнаружила его под кустом испуганного и в крови. Глянула на пропоротую сучком ногу и в ужасе подхватила мелкого на руки. К врачу! Немедленно! Только вот где его искать?

Как назло, Луи и Франсуаза с утра ушли налаживать контакты с еще одним приемщиком почек. Луи сказал, что сдавать одному привычному сразу много не стоит, тот начнет спрашивать и болтать, это может привлечь к нашему краю пустоши лишнее недоброжелательное внимание. А чтобы связаться с другим приемщиком, сначала надо договориться со своим братом-лепесточником, который сдает ему почки со своего участка. Короче говоря, процедура сложная, требует переговоров, торговли и тонкой дипломатии. И подарков.

В качестве подарка подошла моя резинка для волос с пучком пластмассовых разноцветных бусинок в перламутровом покрытии. Тетушка Франсуаза долго цокала языком, любовалась дешевой китайской безделушкой, вздыхала, а потом решительно раздербанила завязку, на которой держались бусинки, и стащила с нее половину красотей. Добытые блестяшки она завернула в тряпочку и припрятала «про запас». Мало ли, еще с кем придется договариваться и нести дипломатический дар.

Пучок на резинке похудел, зато стал сильнее звенеть и щелкать при тряске. Удовлетворенные лепесточки ушли, сказав, что вернуться к вечеру. А мы с Нико остались варить нехитрую похлебку и собирать почки с самых ближних кустов.

И по закону подлости ребенок сразу покалечился.

Конечно, пропоротую ступню я ему сразу промыла, даже залила каким-то не слишком ароматным, но достаточно крепким пойлом из заначки дядюшки Луи. Малыш пищал и вскрикивал, но не отбивался, и то хлеб. Самое же неприятное, по моему дилетантскому предположению, обломок окаянной деревяшки застрял в ноге. Я его даже нащупала. Но вытаскивать не решалась.

Ногу Нико я перетянула самодельными бинтами и села рядом, лихорадочно соображая, что же делать дальше. Рана серьезнее, чем просто ссадина или порез, тут нужно вытаскивать и зашивать. И здешние лекари умеют это делать, как-то в разговоре с тетуськой Франсуазой мелькнуло это знание. И не так далеко от пустошей в городе даже есть доктор, который не чурается иметь дело с лепесточниками. Я знаю, как его зовут, но понятия не имею, где он живет. И чем с ним расплачиваться за лечение — тоже непонятно.

Все наше общее невеликое богатство Луи таскает при себе, так что у нас под кустом сейчас ни монетки. Только полкоробка собранных мною почек, но их не хватит даже на завядший бутон. Лекарь, по словам Франсуазы, малый своеобразный и даже местами добрый, но бесплатно работать здесь не принято от слова «совсем».

Рука вдруг сама потянулась к уху. Хм-хм, серьги у меня простенькие по дизайну, без всяких камушков, колечки. Зато золотые, хорошей пробы и с алмазной насечкой. Наверняка они стоят сильно больше, чем один визит к доктору, но что делать?

Золото же в любом мире золото, это я уже выяснила. Не придется даже искать менялу, скажу лекарю, что я из семейства Луи, отдам серьги и Нико наложат пару швов. Только надо проследить, чтобы лекарь руки мыл... и прочую дезинфекцию с гигиеной соблюдал. А то знаю я французскую медицину конца восемнадцатого века: зашивать раны научились, а грязь из-под ногтей вычищать — не очень.

Под эти мысли я скоренько упаковалась в фирменную хламиду лепесточников, под которой было не разглядеть моих джинсов, завернула в такую же нашего маленького принца и, успокаивая закусившего губу детенка, припустила из приграничной рощи в город.

Адреса я не знаю, но язык мне на что? Обычно местные в курсе, где в их районе проживает лекарь с определенным именем. Подскажут.

Этьен

Боль лучше всего глушится злостью. Я очень злился. Не столько на мерзавца, сколько на себя — надо было издали разглядеть калибр свинцовника и понять, что такой крупный ствол мог быть забит не одной пулей, а картечью — семью-восемью пулями поменьше.

Когда я вывернул ему руку, пули ударили в каменную стену, разлетевшись по огромному цеху. Все, кроме одной. Вот одна-то и отскочила мне в бок.

Каждый фехтовальщик — немного анатом. По моим ощущениям, пуля застряла в одном из нижних ребер. Ничего особенно страшного, но пальцами не вытащить.

Я проковылял в кабинет директора мануфактуры, тут же подписал приказ об увольнении за продолжительное терпение мошенничества и непорядков. Пока я орудовал пером, телохранитель сделал мне перевязку, а секретарь принес из кареты парадный мундир — блюстителю Созидания негоже щеголять дыркой на боку.

— Брат Этьен, — секретарь, как всегда, с легкой улыбкой произнес официальное обращение, — предполагаю, вам придется познакомиться с Головой-на-плечах.

— Обновить знакомство, — заметил я. — Он зашивал меня пятнадцать лет назад, ворчал и взял двойную плату, так как фехтовальщики сами виноваты в своих ранах.

— Но про голову пел?

— Конечно, — усмехнулся я. — «Ведь моя голова еще на плеча-а-ах».

Этого чудаковатого хирурга, окончившего три университета, так давно звали Голова-на-плечах, или просто Голова, что настоящее имя подзабылось. Он мурлыкал песенку с этим припевом и брался за любые операции. То, что к нему иногда приносили мертвецов, конечно, шутка.

Говорят, что в день Освобождения в клинику вломилась толпа громил и главарь заявил, что тех, кто лечил аристократов, надо убивать.

— Мил человек, — ответил Голова, не отрываясь от операционного стола, — а когда вам оторвут голову или что поменьше, что вам тоже дорого, кто это вам обратно пришьет?

Громилы расхохотались и удалились. Кажется, Голову даже зарегистрировали и приписали к кварталу Лилий в его отсутствие. Префект тоже допускал, что однажды придется прилечь на операционный стол.

Но сегодня это предстояло мне.

Я отверг помощь телохранителя и побрел к карете сам. Секретарь был послан вперед, чтобы уважаемый хирург приготовился оперировать блюстителя Созидания.

Алина

Я шла вверх по улице, наполненная решимостью и надеждой. Так быстро и резко, что удивленные взгляды прохожих отскакивали от меня. И не только прохожих, но и патрулей, что встретились уже трижды.

С рекомендованным врачом мне повезло. Правда, повезло своеобразно. Когда я вошла, он был занят — совершал подобную операцию на ноге почти потерявшего сознание бедняги. Десяток зрителей глядели на происходящее и комментировали. Врач был нетрезв, помощник, державший больного, еще больше и постоянно рекомендовал не мучить человека, а отрезать ступню. Глянув на инструментарий, я подумала, что с этого, пожалуй, следовало начинать.

А еще представила, как он этой стамеской, или отверткой, или как это называется — зонд? Как он вот этим будет ковыряться в детской ножке. Да это уже шок.

Нет!

Видимо, сказала вслух.

Стоявшая рядом тетка посочувствовала:

— Не повезло тебе, лепесточек. Сегодня он слишком веселый. Вот что, а сходи-ка к Голове-на-плечах.

Я попросила подробностей.

— Он точно все сделает, если примет. Ну, если до него доберешься. Ступай в квартал Лилий — за угол, налево и наверх, не собьешься. Там тебе уже сухой ствол дороги покажет.

Так я и сделала.

Путь оказался дальний и интересный. Я поняла, что живу в Городе почти неделю, но так его и не видела.

Квартал, в который меня привела широкая улица, выглядел благоустроенней окрестностей пустыря. Тротуар — чище, лавки сменились изящными магазинами и витринами, а у входа висели букеты почти засохших цветов, которые в других кварталах продали бы в розницу. Я поняла, что могу читать вывески: «Аромат добродетели и скромности», «Платья равенства и целомудрия».

Впрочем, я бы не сказала, что именно платья на уличных манекенах выглядели целомудренно.

Если бы я притормозила и стала разглядывать, раскрыв рот, меня бы давно схватила стража. Но я остановилась лишь на секунду, узнать, куда свернуть.

Вот и нужный дом. Если люди перед крыльцом являлись живой очередью, то я этого не знаю. Главное — не растерять задор.

Дерни за веревочку, дверь и откроется. Я дернула, не пожалев сил. Дверь открылась почти сразу. На пороге стоял юноша в жилете с мечтательным лицом и раскрытой книгой в руках.

— Зачем так громко? Вы проглотили иголку или сели на нее? — спросил он, чуть подняв голову от книги.

— Нет, — чуть задыхаясь, ответила я. — У ребенка серьезная травма.

— Правда серьезная? — опять спросил юноша, не отрываясь от страниц. — Может, если все очень серьезно, вы отдадите его в музей медицины? Обещаю, что его очень бережно заспиртуют.

Моя одышка прошла, а энергия перешла в злость.

Для начала я шагнула вперед и поставила ногу на порог.

— А я обещаю, что тебя четвертуют и бережно сохранят все четыре половинки: в спирту, в рассоле, в соляной кислоте и в формалине!

Юноша выронил книгу, но успел подхватить. С моей ногой он ничего сделать не смог, поэтому повернулся и убежал, а я вошла. Для приличия, а также, чтобы никто из конкурентов-пациентов не попытал счастья, закрыла за собой дверь.

В холле было полутемно, наверх вела лестница. В углах действительно стояли какие-то заспиртованные экспонаты. Может, мне дали неточный адрес и это правда музей?

На лестнице показался юноша, уже без книги.

— Пожалуйста, проходите, — сказал он. — Профессор заинтересовался лепесточницей, которая знает про формалин.

Мой маленький принц, которого снова укачало у меня на руках, тихонько застонал. Я пошла наверх, надеясь, что лимит невезения на сегодня полностью исчерпан. Только бы приняли и вылечили.

Чтобы взбодрить себя, я вспоминала квартиру одного московского профессора, умельца возвращать потенцию пожилым мужчинам и

превращать собак в пролетариев. Интересно, у кого из них больше комнат?

Наконец мы дошли до приемной. Из-за закрытой двери доносилось: «И пью я воду, и ем траву, и не вижу любви в твоих очах. Но, наверное, немного еще поживу, ведь моя голова еще на плеча-а-ах».

Потом дверь открылась, вышел пошатывающийся субъект с забинтованной рукой.

Я услышала тот же дребезжащий, но бодренький голос:

— В следующий раз, мил человек, хватайся за нож правой рукой, эту больше зашивать не буду. Раньше утра не развязывай и не вздумай это выпить, а сбрызни шов. Лепесточница? Проходите, милая дама, рассказывайте, как недоглядели за отпрыском и что ему придется пришивать.

Я поежилась, вспомнив прошлого коновала. Тот был просто пьяный. А этот, не дай бог, еще и сумасшедший. Впрочем, доктора часто с приветом, а так совет пациенту он дал вполне профессиональный.

Перехватив дите поудобнее, я вошла в кабинет и застыла от удивления.

Лирэн

— Стареешь, брат мар, — шутили капитаны, когда я часа три пополуночи покинул кутеж.

Я отшутился — найду чего-нибудь веселое и без вас. Однако искать не стал и отправился на ночлег в свою башню.

Проснулся не ранним утром и узнал от гонца, что самое веселое произошло в трактире уже после меня. Да такое веселое, что пора спешить в трактир, пока прения не перешли в поножовщину.

Большинство девиц Сычихи разбрелись по номерам, но парочка осталась плясать с капитанами в зале под скрипача и разбитую мандолину. Музыканты старались, вино свое дело делало и капитаны понемногу падали под столы. Кроме одного. Девица в танце неосторожно отдала ему ногу, он закатил ей оплеуху, а потом снял кожаный пояс и заявил, что сейчас будет играть с ней в строгого папашу и дочку. Девица заявила, что такие игры ей не по нраву за любые деньги и пусть Сычиха найдет замену, которая согласится. Однако Сычиха уже спала с кем-то в номере, докричаться до нее не удалось.

Буян заорал, что строгие папаша не спрашивают и начал бегать за девицей, а та — прыгать через стулья и прятаться под столом. Хозяин заведения и персонал покинули место действия, чтобы не мешаться в игры серьезных людей.

Как рассказала испуганная подруга, скоро в руке девицы оказалась вилка, а некоторое время спустя громила на бегу на нее наткнулся. Это замедлило его прыткость и девочка покинула трактир через окно, а громила выпил еще вина и лег спать.

Когда солнышко взошло и даже стало греть, кутежеры проснулись и один из них обнаружил вилку, воткнутую в живот, причем так капитально, что вытаскивать опасно. Братство не было бы братством, если бы не стало обсуждать, что делать с вилкой. Их больше интересовало — кто виноват? Половина считала, что Сычиху за потерю контроля над персоналом надо разжаловать из капитанш в обычные шлюхи, а девицу найти и отдать обиженному — пусть играет

во что хочет, хоть в колбасника и поросенка. Остальные — дурак сам виноват и напоролся по заслугам.

Я пришел, когда одни были готовы резаться, другие — хохотать и брататься.

— А можно и так, — гоготал Ухо, — поймать и отдать мне на переучку. Через неделю она сама...

— Суд маршала! — сказал я самым трезвым и высоким тоном, на какой был способен. — Кто не подчинится суду маршала?

Как и положено, таких не оказалось.

— Суд таков, — продолжил я после подобающей паузы, — Сычиха заплатит сто монет за то, что ее не оказалось на месте ссоры. Девицу найдут, отдадут Сычихе, но как возместить штраф — отработать телом или руками, пусть решит сама.

Половина, мечтавшая о каре, загудела одобрительно-недовольно — легко отделалась.

— Все сто монет, — сказал я, — пойдут в казну Братства, а ты, — показал на обиженного, — не получишь из них ни гроша. С девицами нельзя играть в игры, на которые они не согласны. Это приговор!

Ответный гул был относительно тих. Если кто-то повышал тон, я пристально глядел в глаза и ропот стихал.

— Ладно, Мар, — вздохнула Сычиха, отсчитывая деньги, — но вилку я вытаскивать не буду. Вот, что, Мар, такая вот апелляция — сейчас мы проводим беднягу к Голове. Сходи-ка с нами, попроси маршала всех цирюльников сделать, быстро и как надо.

Братство загудело опять, дружно и одобрительно. Особенно те, кто были недовольны приговором. У нас же суд братский, приговоренный всегда имеет право на небольшую просьбу к судье, в подтверждение, что суд не превыше Братства.

Похоже, придется исполнить.

Я даже не стал объяснять Сычихе, что Голова-на-плечах — маршал хирургов, а не цирюльников, и собрался в путь, к счастью, достаточно близкий.

Глава 3

Алина

Доктор Голова-на-плечах оказался таким, как я и ожидала, — милым старичком, который бродил по большой зале вокруг стола, освещенного свечным зеркальным прожектором, и насвистывал свою фирменную песенку. Но удивилась я не ему. Его помощ... на самом деле помощнице. Высокая и дородная девица в серой полотняной хламиде и косынке, полностью скрывавшей волосы, стояла со скальпелем в руке, видимо, недавно вынутым из металлического сосуда с кипятком. Да, точно, вон жаровня, а на ней то, что больше всего напоминает металлический контейнер, в котором когда-то бабушка кипятила стеклянный шприц. У нас такой лежал в серванте, как память о допотопных и доодноразовых временах.

Есть у меня такая привычка — люблю смотреть на людей с предметами, делать прогнозы и почти не ошибаться. Так вот, я почти сразу поверила, что эта достаточно молодая особа в кожаном фартуке поверх хламиды, эта особа держит скальпель не для того, чтобы подавать его мастеру. Нет, мастером была она сама.

Тем более, на профессоре со странным именем фартука как раз не было.

— Давайте, показывайте вашего принца, — усмехнулся старичок, подслеповато щурясь на меня сквозь смешное пенсне — я такие тоже видела только в исторических фильмах и на картинках.

Стеклышки круглые, оправка без дужек, зато с пружинкой между «очками» — чтобы держаться на переносице методом прищепки.

Я вздрогнула, а окончательно проснувшийся Нико ухватил меня за руку.

Но старый лекарь быстро успокоил ребенка:

— Да не съем я тебя, не съем. И даже не укушу. Что там у тебя? Лапка? Вот и покажи. Не зря же мать с перепугу аж ко мне прибежала. Или зря?

Нико надул губы, но когда я села на лавку, на которую указал старичок, послушно высунул из под лепесточной хламидки

забинтованную ногу. Но когда доктор цепуо поймал его за щиколотку и начал разматывать повязку, задрожал и спрятал лицо у меня на груди.

И тут я поняла, зачем Голове-на-плечах помощница со скальпелем. То ли старичок в свое время очень любил закладывать за воротник, то ли его какая болезнь догнала, но руки у доктора тряслись так заметно, что поневоле становилось не по себе. А еще через пару минут я поняла, что этот недостаток не мешает дедушке оставаться гениальным для своего времени хирургом-диагностом.

Он был глазами и мозгами, а руками его стала девушка в фартуке. Глаза у них были очень похожие, так что наверняка дочка или внучка. Ну, или еще какая родственница. Вдвоем они моментально обнаружили зловредный обломок сучка в ране — правильно я его там заподозрила. Дали Нико настойку опия в вине, я только зубами клацнула про себя, но промолчала — не резать же дите наживую. Маленький принц сонно заморгал глазками и отрубился буквально в течении пяти минут.

А дальше я моргнуть не успела, девушка в фартуке р-р-раз и нырнула в рану какими-то страшенькими щипцами, предварительно чуть расширив ее скальпелем. Древесный вредитель полетел в ведро, принцеву лапку промыли, стянули непонятными скобочками — ого! Совершенно незнакомая технология! — и велели мне отсесть в уголок, чтобы оттуда не отсвечивать, пока ребенок не проснется.

Я встала и послушно отправилась на указанную лавочку. Но не дошла. Дверь в смотровую-операционную распахнулась так резко, словно ее открыли пинком. В помещение ввалилась странная компания. И первым делом какой-то щеголеватый молодой парень высмотрел меня.

И удивился:

— Филь-Филь?

— Прошу прощения, — перебил его еще один мужской голос. — всем разойтись! Нам срочно нужен доктор. Брат Этьен ранен. Проходите, брат Этьен!

А я подумала, что здесь сегодня не иначе как собрание странных личностей.

Лирэн

В королевские времена в центре города в светлое время были запрещены все экипажи, кроме кареты его величества, кареты королевы, гранд-епископа и еще десяти фаворитов. На самом деле льготных карет было тридцать — тирания. Остальные, если хотят гулять по городу, не пачкая ног, могут нанять портшез.

Когда короля свергли, то портшезы отменили — люди не должны носить людей, это же неравенство! Пешком ходили недолго, кареты сначала разрешили самым важным добродетельным шишкам, потом каретами и флажками-пропусками обзавелись человек сто — не тирания же!

Портшезы так и не вернулись. Поэтому несчастного раненого с вилкой в пузе тащили в кресле, прикрыв шторой для приличия.

Я шел чуть в стороне, болтая с Сычихой. Она совершенно справедливо считала себя виноватой в этой истории и хотела узнать, чем та закончится.

— Брат маршал, — просила она, — я дурочку накажу, когда найду... Вы просто расскажите всем, что она наказана, чтобы ее никто не тронул.

— Приговор вынесен, — напомнил я. — Кто осмелится что-нибудь добавить к нему, сам окажется под судом. Научи девиц бить таких кавалеров... они сами поймут куда. У меня был правильный приют: полез мальчик к девочке не спросясь, получил туда — не в обиде.

Разговор прервался, так как мы пришли.

Капитан Джарнет три раза дернул шнур звонка — фирменный знак Братства: три удара, три звонка, каждый через два сердечных такта. Выучить его несложно, и не сомневайтесь: если так постучать — хоть в бурю, хоть в мороз, за полночь, в дверь любого постоянного двора, — отворят без вопроса. Но тому, кто не в Братстве, так стучать не советую. Уже скоро придется отвечать — кто тебе разрешил? Придется извиняться, каяться, плакать, платить и радоваться, что все легко обошлось.

Вот и сейчас дверь открылась почти сразу. На пороге стоял парень с закрытой книгой в руках и с испуганным лицом. Но все же спросить он решился:

— Разве сейчас ночь?

— Ночная рана, — удостоил я его ответом.

Больше ничего сказать я не успел. В поле зрения влетела карета с флажком Совета — я сразу понял, что флажок настоящий, а не купленный. Не успела она остановиться, как с подножки соскочил молодчик в мундире со значком в виде перекрещенных молота и мотыги, символов созидания, с которыми он уж точно никогда не имел дела.

— Именем Совета, — зычно крикнул он и влетел в здание, оттолкнув привратника.

— Братья министры дозаседались до приступа геморроя? — проворчала Сычиха. — Чего стоим? Мы же первые пришли.

Братья вышли из оцепенения и понесли кресло ко входу. Чтобы у дверей столкнуться с группой, вышедшей из кареты. Первым был телохранитель-масочник, обе руки которого лежали на клинках и стволах, скрытых под мундиром. Второй вел под руку самого умного и опасного министра в Городе. Креслоносцы были на шаг ближе к двери, поэтому все же успели втиснуться.

Что же касается нас, то мы, к сожалению, оказались столь близко, что не заметить друг друга было невозможно.

— Надеюсь, — усмехнулся брат аристократ, — ваши Клинки пришли к хирургу не за данью?

С аристократами надо говорить по-господски. Я вспомнил все уроки хорошего тона, полученные в тех или иных случаях жизни:

— У вас превратные представления о моих друзьях. Мы не обижаем ни раненых, ни врачей, а пришли, чтобы исцелить последствия...

— Раздела добычи? — прервал меня Этьен с непринужденностью салонного остроумца, способного с фехтовальной точностью разрубить чужую фразу.

— ...незначительного инцидента, — закончил я. — Раны у ночных воинов — обычное дело, а вот что с вами, гражданин блюститель? Неужели ваши споры на Советах, э-э... столь остры, что нужна помощь хирурга?

Похоже, и я умею говорить как аристократ!

— Меня не интересуют подробности вашего инцидента, — холодно заметил собеседник, — вас не должны интересовать подробности моего.

В эту секунду лестничное окно над нашими головами открылось, в нем показалась голова горластого молодчика в мундире.

— Брат Этьен, нужно немедленно...

Голова исчезла, адъютанта, секретаря, или как еще называют шестерку министра, оттащили от окна и там показалась свирепая рожа Джарнета.

— ...кое-кому кое-что объяснить, — проворчал он.

— Нам следует подняться, пока у хирурга не появилась неотложная работа, — заметил министр и направился к двери.

Шел он теперь сам, первый телохранитель — впереди, второй замыкал группу.

Я и Сычиха вошли следом. Учитывая Джарнета с пациентом наверху, наша процессия напоминала свадебный пирог-трехслойник — три пожелания новобрачным, а шестерка министра — птичку из теста на верхушке пирога.

Что я слышу? Здесь Филь-Филь?

Этьен

Досадная ошибка — я прямо в карете правил черновик доклада об инциденте на мануфактуре, поэтому не успел предупредить секретаря. Ему следовало деликатно выяснить, есть ли посетители, и, если необходимо, выкупить место в очереди. Он же проявил прыть.

Когда я увидел, из кого состоит очередь, пришлось выходить, пока секретарь не получил более серьезную рану, чем я. Последовал неприятный разговор с опасным и умным мерзавцем.

Возможно, следовало приказать кучеру отправиться в ближайшую казарму стражи и продолжить беседу уже с подследственными. Но мне не хотелось публичного скандала. Поэтому я отправился в здание.

Секретарь, несмотря на противодействие одного из разбойников, прорвался в операционный кабинет, что выглядело не совсем разумно — следовало постучаться.

В любом случае, если скандал и неизбежен, он будет камерным.

Я мысленно поблагодарил профессора Голову-на-плечах за любовь к большим помещениям. В операционной оказалось достаточно места для меня, обоих телохранителей и секретаря — лично я остановился в дверях. А также для уже зашедших двух громил и третьего, занесенного на кресле.

Меня не совсем деликатно толкнули в спину. Это была дама увядшей красоты, отчасти компенсированной красно-золотисто-зеленым платьем и множеством украшений. Спорить даже с такой своеобразной дамой не хотелось, я понял, чего она хочет, взглядом приказал телохранителям не вмешиваться, и мы прошли в операционную.

Кроме нас, нашлось место для самого профессора, постаревшего и поседевшего после давнего визита. Девицы, видимо вызванной вымыть пол вместо помощника. И пациентки, одетой как лепесточница. Очень странно, но вряд ли более странно, чем все произошедшее до этого.

Секретарь взглянул на меня, на телохранителей и громко произнес:

— Приготовьтесь оказать неотложную помощь блюстителю Совета Добродетели!

— Мальчик, — сказала сверкающая дама, — ты забыл, что у нас равенство? Наш пациент прибыл первым!

Телохранители поглядели на разбойников, те, как и они, положили руки на спрятанные клинки. Даже пациент, сидевший на кресле, простонал еще раз и стал шарить на поясе.

И тут произошло то, чего я меньше всего ожидал.

Алина

М-да. Самое то — отвести ребенка к врачу, чтобы застать у того скандал, разборки и кучу странных людей, которые эти самые разборки устраивают.

И ладно бы они только между собой ругались. Эти чудаки на букву «м» еще и ко мне привязались.

Для начала высокий светловолосый парень, к которому все обращались со слегка небрежной почтительностью, называя «Мар», прищурился на меня зеленющими глазами, после того как один из его спутников обозвал меня фильфилью.

Черт! Я уже и забыла про эту противную ушлую девицу, стащившую мое лицо и наградившую своим. Честно говоря, была надежда, что за прошедшее время морок рассеялся. Сама себя в отражении я видела нормальной, даже специально рядом с ручьем выкопала ямку, чтобы получилось импровизированное зеркало. К тому же одежда моя уже к тому моменту, как я повстречала лепесточников, растеряла все признаки местной юбки и стала видна... хм. А всем ли? Или только лешим?

Пока все эти мысли бодрим галопом неслись через мой мозг, на сцене появились следующие действующие лица, и один, тот, который был выше всех, темноволосый верзила с широченными плечами, затянутыми в явно форменный камзол, первым делом впился взглядом в спящего у меня на руках ребенка, даже не обратив внимания на все остальное. Словно увидел что-то странное сквозь хламиду лепесточников, в которую я закутала Нико.

И вся эта компания как давай свáриться, кому первому помощь от доктора нужна! Причем, судя по всему, они в курсе были, что Голова-на-плечах именно голова, а руки нужные у его внучки — вот, теперь я это знаю, вслух прозвучало во время скандала. Потому что именно девицу хватали за рукава, дергали за фартук и пытались умильно заглянуть ей в глазки.

От их гвалта захныкал Нико, причем он и не думал просыпаться, — точно, спящий красавец у меня, — но тревожно возился и явно

чувствовал себя хуже. И больной лапкой подергивал, время от времени высовывая ее из-под хламиды.

На третьей минуте базара мне это надоело.

— Уважаемые братья и сестры, нельзя ли потише! — рявкнула я, справедливо рассудив, что на мой голос, даже такой громкий, дите тревожно реагировать не должно. Даже несмотря на то, что я встала и вылезла из своего угла, чтобы строго посмотреть на эту компанию скандалистов. — Здесь больной ребенок после операции. Имейте совесть!

Стало так тихо, что я моментально струсила и очень захотела попятиться обратно в свой темный уголок. А еще лучше — прошмыгнуть к двери и драпать до самой «полосы отчуждения» рядом с проклятыми садами.

Удержалась я силой воли и осознанием того, что, пока Нико окончательно не придет в себя, лучше все же оставаться под присмотром врачей. А для этого надо, чтобы толпа взрослых людей прекратила орать и суетиться без толку!

— Пф-ф-ф, лепесточница! Не слишком ли ты много на себя берешь? — первой опомнилась ярко разодетая тетенька под пятьдесят, больше всего похожая на нашу школьную поварицу тетю Катю, которую обрядили в карнавальный костюм с блестками и довольно умело загримировали под куртизанку.

— Да какая она лепесточница, это же... — попытался вякнуть парнишка, узнавший во мне девицу-воровку.

Но получил неожиданный подзатыльник от главного в толпе — блондина по имени Мар.

— Сестрица хотела что-то сказать? — подозрительно вежливо обратился он ко мне, чуть насмешливо поблескивая зеленью из-под ресниц. — Или, может быть, посоветовать дельное? — Теперь насмешка стала еще более явной.

Я на секундочку закусил губу, еще раз тщательно затоптала тлеющие угольки страха, посмотрела на спящего Нико и упрямо вздернула подбородок:

— Хотела. Если вы сами не можете договориться, кому из пострадавших помощь нужна быстрее, предоставьте это решать тому, кто действительно разбирается в ранах и лечении. Уж чего проще,

казалось бы, спросить уважаемого доктора, а не спорить без толку. Вы явно мастер наносить раны, но лечить их — другое мастерство.

На меня снова захлопали глазами, словно я сказала что-то из ряда вон выходящее. Странные люди, ей-богу. Психи!

Но тут, воспользовавшись паузой и относительной тишиной, в разговор вмешался сам господин лекарь. Точнее, госпожа. Бодро задвинув дедушку за спину, рослая девица в кожаном фартуке вышла вперед, сдвинула полотняную маску с лица и рявкнула:

— А ну, молчать всем! Будете дальше галдеть, рты позашиваю! Быстро показали, кому чего лечить! Господин профессор сам разберется, с кого надо начинать!

Угу, ее громовой рык моментально вправил мозги всей компании. Почему при этом парни продолжали коситься в мою сторону — загадка. Ну да, я сказала то же самое, так ведь они в ответ вроде как троллинг включили на тему: чирикай, птичка, интересно послушать.

Наверное, когда у тебя в одной руке скальпель, а в другой страшненькая кривая игла для наложения швов, твои просьбы и команды выполняют охотнее. Но у меня ни того, ни другого не было, чего тарашиться?

Между тем девушка выдернула из толпы пострадавших первый объект заботы — невезучего амбала, словившего вилку в середину организма. Ходить он не мог, поэтому друзья-товарищи притащили больного вместе с креслом, в котором он сидел и тихонько постанывал сквозь большую штору. Второй же пришел своими ногами и вежливо поведал, что в него попала пуля рикошетом. Тоже куда-то в область туловища.

И вот тот, который пришел с пулей, высоченный брюнет с лицом Алена Делона, оказался спокойным и вежливым товарищем, зато тот, который с вилкой в организме, решил, что сейчас самое время повыступать на тему «баба-доктор — это нарушение мирового порядка и конец света».

— Отойти от меня, женщина! — возопил он, вцепившись в штору. — Не тебе решать, как людей лечить! Мар, скажи шлюхе, чтобы...

Вот не знаю, что собирался сказать этот самый Мар, а я не вытерпела и, подобравшись к нашей с Нико спасительнице поближе, прошептала на ухо так, чтобы вилконосителю тоже было слышно:

— Доктор, может, вам бедолаге сознание потерять на время осмотра? Заговаривается вон. И болеть, опять же, меньше будет. А? Поленом хорошо получается, я слышала.

Наградой мне был слегка удивленный, но быстро наполнившийся благодарностью и предвкушением взгляд девушки. Без маски она оказалась вполне миловидной, хотя, если вспомнить пресловутую Филь-Филь и ее кукольную мордашку, наверняка являвшую собой здешний стандарт красоты, лицо лекарской внучки могло показаться грубоватым — крупные черты, решительный подбородок, большие глаза с неласковым прищуром, густые брови. Но по мне, так шикарная девица.

Особенно когда решительно отнимает штору у скандалиста, рассматривает его вилку и сдергивает с взмемекнувшего мужика штаны, приговаривая что-то на тему придурков, умеющих только рот не вовремя открывать и столовые приборы неприличными местами ловить.

Лирэн

«Никогда не сердись на женщин и кошек» — эту мужскую мудрость я слышал так давно, что уже не помню, от кого и где. Я просто ей следую. Проще всего с кошками — я их не люблю, они меня тоже, кошки — твари с повышенной понятливостью, поэтому мы не сердимся друг на друга, просто не попадаемся друг другу на пути.

С женщинами сложнее. Пару раз мне приходилось предупреждать их, что, если так продолжится и дальше, ничего не останется, как убить. Но чтобы убить, сердиться не обязательно, это я понял еще до того, как впервые в жизни напился вина.

Поэтому, когда пациентка лепесточница — не лепесточница открыла рот, чтобы заткнуть мужчин, я улыбнулся. Может, и промолчал бы совсем, но Жакто, парень с торопливым языком, попытался назвать пациентку именем воровки. Что было совсем нежелательно. Филь-Филь я видел своими глазами и понимал, что спутать двух дамочек можно при использовании большого запаса косметики и скромных чар.

Посему Жакто я урезонил и обратился к женщине. Спорить с ней я хотел еще меньше, чем сердиться. Хотелось просто услышать голос, понять, как у нее с соображением.

Не дурочка, совсем не дурочка. И не лепесточница. Дело не в том, что лепесточники простые. Они всегда говорят по-простому, как господа вроде брата министра, — он тоже таращится на дамочку, — так вот, господа говорят по-господски. Исключения бывают, но всегда по делу, а тут лепесточнице нет никакого смысла вести себя как не лепесточница.

Загадка!

Только разгадать эту загадку сегодня не удастся. Не принесла бы нелегкая брата министра Этьена, попросил бы Терсана, да вообще кого угодно, кроме бедолаги с вилкой в пузе, вежливо подкатиться к дамочке. «Вы, наверное, голодны и устали, пойдёмте отдохнем и решим все ваши проблемы, которые мешают вам разделить наше гостеприимство, вот сейчас и пойдём».

Не получится. Даже не проследить. Главное сейчас — не намекнуть, что к этой даме у меня интерес. Потому что враг, ждущий врача и умело скрывающий, что ему больно, поймет.

На женщин и кошек я не сержусь, а вот насчет мужчин обета нет. Этьен — человек честный, даже добрый. Просто человек на моем пути.

Оставалось лишь надеяться, что близкое знакомство со странной не лепесточницей всего лишь откладывается. Она ведь не зря так одета, ей только к лепесточникам и дорога, а уж там — найдем. И ребенок у нее странный: проснулся, но не плачет, а чего-то боится, явно не боли.

Жаль, что она поспешила с ним удалиться.

Мне осталось только смотреть, как дочка-внучка Головы сноровисто освобождает пациента от четырехзубца. Девка-лекарь, да еще по ранам, конечно, непривычно, но если бы я удивлялся таким мелочам, то маршалом бы не стал. Работает аккуратно и прытко, профессор ей советует, и всё славно.

Не прошло пяти минут, как вынута, зашито-залеплено и сообщено утешительным тоном, что можно спокойно пить вино, закусывать и предаваться прочим радостям.

Правда, последние слова бедолагу не утешили.

— Десять, — подвела итог девица, а профессор кивнул.

— Да ты и пяти минут не ковырялась, — начал было капитан, но я его прервал:

— Что-то ты его маловато оценила. Такое спасение стоит двадцатки.

Чтобы не быть осмеянным, капитан отсчитал десять монет. Потом, ворча, еще пять.

— Уважаемые братья, мы вас не задерживаем, — чуть нервно произнес шестерка министра.

Мы ухмыльнулись и направились к выходу, не забыв кресло и вилку с согнутыми зубцами.

Этьен

Не в моих правилах увольнять людей за проступки, которые им не были запрещены. Поэтому секретаря придется повысить — назначить директором мануфактуры. А на замену взять менее болтливого юнца. Впрочем, с самого начала предупредить, чтобы не трепал языком.

Пока приходилось краснеть. Осмотр еще не начался, а секретарь уже разболтал и Голове-на-плечах, и внучке все подробности происшествия на фабрике, как я чуть не погиб, спасая женщину.

Меня назвали героем и пришлось соответствовать — отказаться от сонного глотка. Тем более, по моим соображениям, боль должна быть недолгой: нащупал — вытащил.

Но и короткая боль — тоже боль. Лучшее средство против нее — дать работу голове. И я, лежа на жестком хирургическом ложе, задумался над тем, что только что увидел и услышал.

Проще всего с ночными разбойниками. У них был действительно случайный инцидент — они не крысились друг на друга и не обещали мстить. Поэтому над причиной, которая привела их к хирургу, можно было не размышлять.

Гораздо интереснее странная простолюдинка, одетая как лепесточница. Мне и без бандитов было понятно, что это маскарад. Но кто же она?

И не поторопился ли я назвать ее простолюдинкой? Голос, манеры. Возраст, угадать который так и не удалось.

Нет, она не аристократка. По речи, по мимике чувствуется: ей приходится не просто работать, но заниматься достаточно сложной и совсем не женской работой — командовать другими людьми, которые не всегда готовы сразу признать ее превосходство. Новый мастер в цеху, адвокат в зале суда, офицер наемников. Очень странная дама.

И красивая, да. Сейчас она явно не хотела выставить свою красоту на всеобщий осмотр. Это не просто изумруд в полутьме, это запыленный изумруд.

Может быть... Но если это прищелица, откуда у нее ребенок?

Вот ребенок — самое странное. Я не разглядел его лицо: мать — или не мать — поспешила закрыть ему голову. Что-то странное было в

самом тельце. Знакомые пропорции, подходящий возраст... а еще искривленный мизинец на забинтованной ноге — случайно, но мне известно, какая особая примета должна быть у каждого наследника королевского рода. В том смысле, что легкая кривизна может быть у любого мальчишки с улицы, но если королева родила мальчика без этого почти незаметного недостатка — значит, отцом его был не король.

Не слишком ли много совпадений? Странная переодетая дама, очень похожий ребенок, да еще столь не вовремя появившиеся ночные громилы с их наглым вожаком.

Впрочем, тогда надо предположить, что и я сам здесь появился не случайно и как-то предусмотрел пулю, застрявшую в ребре. Поток подозрительных предположений следовало прекратить.

Все могло быть проще. Каждый мой телохранитель по совместительству капрал стражи и мог бы задержать дамочку для проверки подлинности регистрации, если она есть.

Но делать такие непонятные глупости при бандитах... Нет!

Кстати, как там с пулей? Ох!

Внучка оказалась столь любезна, что передала щипцы Голове-на-плечах, а уже он показал мне только что извлеченный, почти не окровавленный кусочек металла. Да, обычная картечь для абордажного свинцовника.

Алина

Куда, ну куда меня понесло порядок наводить, а? Нет, не спорю, ситуация разрешилась и все стало гораздо приличнее. Даже боров с вилкой в организме притих и вел себя как паинька. Я уже не говорю о втором пациенте — тот с самого начала не шумел и терпеливо дожидался своей очереди.

Ну, так и без меня бы разобрались, зачем мне приспичило выступить?

Теперь меня сверлят взглядами аж сквозь накидку лепесточников и зуб даю — так просто не отпустят. Дура! Что теперь делать будешь?

Для начала я, конечно, изобразила улитку и упяtilась в свой самый темный угол. Попыталась прикинуться ветошью. Но фокус не прошел. Наоборот. Тот, который Ален Делон, вроде бы перестал коситься, но я кожей чувствовала его спокойное внимание. И ко мне, и, главное, к Нико.

А тот, который белобрысый мар, — это оказалось не имя, а сокращение от слова «маршал», — совершенно откровенно не сводил с меня заинтересованного взгляда.

Пока внучка Головы ковырялась в потрохах крикливого драчуна с вилкой, я попыталась было вдоль стеночки, вдоль стеночки просочиться к двери. Как бы не так.

Вроде никто ничего нарочно не делал, но по взглядам стало понятно: даже отсчитав своей спасительнице запрошенную сумму, — и весьма немаленькую, надо сказать! — компания маршала далеко не уйдет. Нет, они вежливо попрощались и покинули операционный зал. Но пока не закрылась дверь, я успела увидеть двух громил, оставшихся на лестнице. Это им почти незаметно кивнул чертов маршал.

Пока «Алена Делона» осматривал старичок-профессор, вполголоса разговаривая о чем-то с пациентом, я лихорадочно скрипела мозгами. Как бы сбежать? В окно? В операционной их нет, да и странно бы смотрелась тетка с ребенком на закорках, ползущая со второго этажа по стене. Это уже не говоря о том, что я ни разу не акробат и скорее убьюсь, чем спасусь.

Тем более что секретарь «брата блюстителя» тоже повел себя настораживающе: в коридор не вышел, только выглянул, заметил сторожевых амбалов и не менее демонстративно занял пост у двери, только внутри помещения. И уставился на меня со снисходительной наглостью, как бы говоря: куда ты денешься, оборванка! Сама за нами побежишь вместе со своим щенком, лишь бы в лапы нашим конкурентам не попасть!

И самое противное, что он был, кажется, прав. Несмотря на то, как раненный в бок блюститель чего-то там посматривал на ребенка, он все равно казался мне менее опасным, чем явно криминальная компания и ее предводитель.

Пока я унывала и вообще предавалась самобичеванию, моего плеча вдруг легонько коснулись. Я вздрогнула и поняла: девушка-лекарка, пользуясь тем, что ее дедушка не только занял разговором пациента, которому требовалось извлечь посторонний металл из туловища, но и зачем-то подозвал его сопровождающего, тянет меня куда-то в сторону, причем не к двери. Точнее, не к той двери, о которой знали все и которую так рьяно взялись охранять.

— Шевели костями, — шепотом велела лекарка, проталкиваясь вслед за мной в узкую и низкую дверку, скрытую панелями на стене. — Ишь, разохотились... так-то не наше с дедушкой дело, но ты мне помогла, а я помогу тебе. Давай на черную лестницу, там через помойку и в подворотню, да сразу в свою рощу не беги, заворачивай к соседним, по своей территории потом вернешься.

— Спасибо, — закивала я, а потом спохватилась: — Постой, как же деньги? Я не заплатила за лечение и...

— Иди, сказала! — рассердилась лекарка. — Считаю, твою плату я с того вилопузого и разговорчивого взяла. На вот. — И торопливо сунула мне в руки пузырек. — Мальчишка твой уже проснулся, но три дня натошак и перед сном давай по глотку. Потом придете швы снять, но чтоб вечером, когда темно. Все, проваливай!

— Спасибо! — повторила я, быстро сбегаю по лестнице.

А вслед мне прилетело:

— Захочешь еще кого вылечить, приходи потемну и почек захвати, с тебя возьму не золотом!

Я аж споткнулась о ступеньку. Оглянулась и вдруг спросила:

— А тебя как зовут?

— Пф! — фыркнула девушка. — Тебе зачем? Внучка Головы, и все.

— Но свое-то имя у тебя есть? — непонятно почему упрямяствовала я.

— Магали, — вдруг сказала лекарка.

И сразу же захлопнула там, наверху, дверь, отрезав слабый лучик света, освещавший черную лестницу.

— Магали — хорошее имя, — сонно пробормотал Нико мне в шею. — Доброе...

— Да уж, — согласно вздохнула я, осторожно выглядывая в тихий переулок.

Там было пусто и достаточно сумеречно, так что выскользнуть и прокрасться вдоль домов до соседнего прохода оказалось проще, чем я думала. А уж дальше включила первую скорость, благо примерное направление я запомнила. Быстрее, быстрее в проклятые заросли, там безопаснее.

Только на полпути вспомнила наставления лекарки Магали: не бежать в свою рощу, запутать возможных преследователей. Никто за нами не бежал, не пытался задержать. Но я послушно свернула в сторону.

Честно говоря, когда я окружным путем, через чужую рощу, дважды чуть не заблудившись насовсем и жульнически срезав путь сквозь черную проклятую пустошь, куда, вообще-то, мне категорически запрещали заходить лепесточки, уверяя, что даже я со своим «большим дыханием» загнусь в момент, добралась до знакомой стоянки, у меня натуральным образом подкашивались ноги и тряслись руки. Я даже не могла толком сказать отчего — от всепоглощающей усталости или от переживаний.

— Вы где были?! — с ходу накинулась на меня Франсуаза, выбравшаяся из шалаша мне навстречу. — Старый мой всю рощу обегал и окрестные улицы! Куда тебя проклятье понесло, дурная девка?!

Я только вздохнула, хриплым шепотом поведав о случившемся несчастье. И заверила, что нас с Нико уже подлечили, все проблемы остались позади, только мы очень устали.

Ворчливая, как гроза в начале лета, тетушка умчалась искать своего Луи, чтобы сообщить ему о нашем возвращении. А мне велела

немедленно спать, без ужина, раз такая усталая. Завтра, дескать, утром будем разбираться, где и как я лечила ребенка, чтобы от этого не приключилось новых каких проблем.

— А нитки вытаскивать обязательно? — все таким же сонным и жалобным шепотом спросил Нико, когда мы уже улеглись на подстилку. — Может быть, мы сами как-нибудь?

— Вряд ли, — честно вздохнула я. — Боишься лекарку?

— У нее инструменты страшные. — Мальчишка спрятался с головой под одеяло и мокро сопел мне в бок. — А еще мне те люди не понравились. Госп... брата Этьена я узнал. И он меня тоже знает.

Алко-наркоманский дурман продолжал действовать и малой опять задремал пару минут спустя. Я бережно его уложила, поместила под голову импровизированную подушку и вытянулась сама. Хотела поразмышлять над дневным приключением. Но голова неслышно сказала ногам: «Вам отдыхать, а мне трудиться? Дудки!». Поэтому этим вечером или уже ночью мне даже не пришлось считать местные звезды.

Проснулась я рано, когда еще не все звезды погасли.

Нико пробудился одновременно или даже чуть раньше и обрадовал меня с первых же слов:

— Я на ножку наступать могу. Нет, я не ходил, я только попробовал разочек. Вообще, даже бегать могу. Только недалеко, — честно добавил мальчишка.

— Надеюсь, бегать нам не придется, — зевнув ответила я, — а от наших дорогих компаньонов, Лу и Франсуазы, мы пока убегать не будем. Нико, пока они до нас не добрались, расскажи, кто такой этот Этьен, которого ты испугался? Это тот высокий, с зелеными глазами?

— Нет, я даже не знаю его кличку, — ответил серьезно Нико. — С ним были ночные грабители, они его слушают и боятся, значит, он у них главный.

Час от часу не легче — рассказ на рассвете опасней ночного сна. Значит, второй пациент, раненный в бок, показался малому опасней, чем бандит?

— До дня Освобождения, — при этом слове на лице Нико мелькнула гримаса, будто его в зарослях хлестнула ветка, — я только слышал про Этьена зи Ома. Он из старинного благородного рода, но не

ладил с моим отцом, а когда один кавалер стал мужем его жены, убил его и был арестован.

Я уже привыкла, что в этом непривычном мире детей обезболивают опиумом, а сами дети очень рано узнают обо всех аспектах отношений взрослых. Или почти привыкла.

— Внезапно убил? — спросила я.

И вдруг ощутила, что совершенно не хотела бы ответа: «Да, увидел в темном коридоре, пронзил и убежал, надеясь, что никто не видел».

— Нет, у них была дуэль, — ответил Нико тоном знатока тонкостей, — но Этьен не успел сказать, кто его секундант, и это позволило приравнять дуэль к убийству. Был выписан королевский ордер на арест, он позволял держать в заточении без суда. Этьен обиделся на короля и стал одним из братьев Совета четырех. Он несколько раз навещал меня в приюте. Наверное, это приказал главный брат, блюститель Добродетели. Он делал вид, будто интересуется, как мы живем в дворцовых залах, но я видел — ему интересны не кровати и тарелки, а только я. Несколько раз я хотел ему шепнуть: «Госпо...», нет, «брат Этьен». Нет... — Голос малого стал тише и напряженнее, веки дрожали, казалось, он сдерживал слезы. — Я хотел сказать: «Рыцарь Этьен, вы когда-то поклялись в верности моему отцу. Вспомните клятву, заберите меня отсюда! Мне здесь плохо, меня бьет начальник приюта, мне снятся сны, что скоро всё будет еще хуже и меня посадят в башню». Но я вспоминал, что Этьен сам сидел в башне по приказу отца, и каждый раз молчал. Однажды Этьен явился за мной, вывел из приюта, помог сесть на маленького горного коня, мы скакали по берегу полноводной реки, на другом берегу цвело огромное поле тюльпанов, а за ним белел загородный замок, и я знал, что там будет безопасно. Я проснулся в слезах, но успел смыть их до того, как проснулись остальные ребята. В приюте никто не видел моих слез!

Здесь был не приют, поэтому маленький принц не смог сдержать слез. Я дала ему выплакаться, протянула лоскуток ткани, игравший роль носового платка.

— Сюда идут Луи и Франсю, — внезапно серьезно сказал Нико, мгновенно превратившись из заплаканного малыша в мудрого юного беглеца. — Мы не скажем им про Этьена — лепесточники боятся вельмож. Они могут даже нас прогнать.

Я кивнула, приготовившись к ворчанью и вопросам.

Вопросов, к счастью, оказалось больше. Луи и Франсуаза в хороших кварталах бывали нечасто. Если бывали вообще. Едва Луи начинал ругаться: «Ох, дурная башка на дурных ногах, там же на каждом перекрестке страж на страже сидит и стражем командует!», как Франсуаза его перебивала:

— А действительно там такие господские улицы есть, что цветами вялыми как соломой усыпаны, а стража смотрит, чтоб никакой чужлец их нюхать не стал?

Я отвечала правду — иногда сухие букеты висят, но на мостовой их не видно. Сама подумала: равенство равенством, а в «хороших» кварталах лица обитателей были посвежей, чем вокруг пустоши, дышать там проще.

Когда дошло до медицинского центра Головы-на-плечах, любопытство окончательно победило ворчанье. Я развеяла еще одну легенду, что чудесному доктору служат люди с пришитыми головами. Долго и подробно рассказывала про медицинские инструменты, про удивительную девицу-телореза — так назвала внучку доктора Луи.

Что же касается нашего возвращения, то почти не отошла от правды — принесли раненого разбойника, доктор, который никому не отказывает, принялся его поскорее лечить, а нас выпроводили. Даже осталось непонятным, заплатили мы за лечение или нет.

— Ну, вот что, — подвел итог Луи, — обошлось — и славно. Только ты нас всегда предупреждай, чтобы мы знали, где искать, если что.

Я, разумеется, пообещала и на этом рассказ о вчерашнем дне завершился.

Начавшийся так неплохо день ушел у меня на сбор почек и борьбу с Нико. Насчет «легко ходить» он, конечно, по-мальчишески погорячился — скорее подпрыгивал, стараясь не касаться ногой почвы. Что, конечно же, не помешало ему ковылять за мной и помогать собирать шишки. Я снова и снова заставляла его присесть, но усидчивости хватало ненадолго. В итоге я послала его в землянку с просьбой наломать веток для костерка и постели.

Я же думала про слова Магали, предложившей сдавать шишки ей. Конечно, об этом мои ворчливые коллеги по участку не узнали. Эта

девица, управлявшаяся со скальпелем как бабушка с крючком, показала мне самой адекватной обитательницей этого мира. И есть шанс, что она знает про этот туман и как попадают сюда... И есть ли выход. Навестить ее придется точно. Правда, для этого надо организовать эксклюзивное почкохранилище. Туда я буду складывать то, что наберу сверх нормы возле самой пустоши — там кусты усыпаны почти сплошь. А Луи и Франсю стану радовать обычной нормой сбора. Мне нетрудно.

С этими мыслями и хорошим узелком почек я понемногу направилась к месту, которое можно было назвать домом.

Когда я приблизилась, Нико очищал ветви. «У него же мозоли будут», — подумала я.

При виде меня мальчишка что-то схватил и спрятал в тряпицу. Но все же в лучах закатного солнца я разглядела блеск.

Ну и задачка — разобраться с чужой тайной, да так, чтоб не обидеть малого.

Я пригляделась к сухим веткам, которые должны были стать основой нашего отопления. Некоторые, наиболее толстые, были точно срезаны. И это при том, что столовые приборы у нас отсутствовали как класс.

— Как ты ловко наломал ветки, — с чувством сказала я, показывая на несомненные срезы.

Принцев, наверное, с детства учат не лгать. Паренек вздохнул и показал мне кинжал, вынутый из груды древесных отходов.

— Откуда это? — спросила я с искренним удивлением.

Транспортировку с подземным купанием вполне можно приравнять к обыску. И такой интересный предмет я заметила бы точно.

— Выиграл у Жакко в три пальца, — смущенно ответил маленький принц, показывая подбородком куда-то в сторону. Я не сразу сообразила, что там соседняя роща, где есть свои лепесточки. — Мы играли на шишки, потом на дневной сбор. Когда он проиграл четыре дня, то отдал кинжал.

— Легко отдал? — удивленно спросила я.

— Не сразу, — улыбнулся Нико. — Но я ему сказал приютскую мудрость: проиграл и не отдал — значит, жабокрысой стал. Он подумал, что это заклятие, и теперь нож мой.

— Понятно... — протянула я, намекая паузой, что разговор не окончен.

Вообще-то, можно было догадаться, что лепесточники размножаются не шишками и не почкованием. Детишки у них есть и Нико хочется с ними общаться. Но привычка бродить по окрестностям может привести к более серьезным проблемам, чем сучок в ноге.

— Вот что, — сказала я, присев на кучу хвороста и приглашая Нико, — ты молодец. Ты хорошо играешь в три пальца, а еще очень хорошо чувствуешь опасность. Ты мне подробно рассказал про этого Этьена. Давай так: если мне будет нужно уйти с нашего участка, я обязательно тебя предупрежу. И ты предупредишь меня. Хорошо?

Маленький принц удивленно глядел на меня. Похоже, так с ним не говорили ни во дворце, ни в приюте.

— Обещай мне, что будет так, — продолжила я.

На одну секунду Нико нахмурился, а потом широко улыбнулся.

— Обещаю, что буду всегда тебя предупреждать, перед тем как куда-нибудь пойти. И когда буду собирать шишки, и собирать хворост, и резать сучья любых кустарников, кроме каменного орешника, его проще ломать. Обещаю предупреждать тебя всегда.

Его улыбка была очень уж широкой, а во фразе имелась какая-то странность, которую я уловила, но не осознала.

— А этим ножом ты можешь пользоваться, если тебе он нужен, — продолжил Нико.

— Спасибо, он мне понадобится, — согласилась я. — Но попозже. А сейчас давай приготовим похлебку, Луи и Франсю придут голодные.

И от голода неразговорчивые — эту особенность лепесточников я уже заметила и нашла ее не слишком удивительной. А вот если сытно накормить наших друзей, можно будет под вечерний костерок задать им несколько важных вопросов. А то их у меня уже столько накопилось, что того и гляди начнут сыпаться, как из дырявого мешка.

Приготовить похлебку, не имея толком даже посуды, я уже молчу о нормальных продуктах, та еще задачка. На нее ушел почти весь день, а мне пришлось вспомнить все, что я когда-либо читала или видела на экране о самых разных робинзонах. Результат получился сомнительный, но с голодухи пах так, что голова кружилась.

На самом деле это было просто зерно, больше всего похожее на ту пакость, которая бывает на свежих вениках. Если не ошибаюсь, на

Земле она называется сорго. На вкус — ну, примерно веники вареные и есть. Да еще варить надо до посинения, чтобы каша стала съедобной, хотя бы относительно. А когда вместо кастрюли у тебя обмазанная глиной и обожженная углями яма в земле, а вместо плиты — раскаленные на костре камни, которые ты в ту яму кидаешь... м-да.

И это мне еще повезло пригласить в суп какого-то невезучего дрозда. Или грача... не очень я в орнитологии. Птичку было очень жалко, но есть хотелось сильнее. Сама не знаю, каким макарон удалось сбить пернатое с куста брошенной палкой, не иначе от стресса всплыли детские навыки игры в городки — у меня папа был фанат.

Дрозд — не курица, но ощипывать его пришлось не менее долго и тщательно, зато похлебка отчетливо пахла не только вениками, но и мясом. По нынешним временам — невероятная роскошь.

— Эт откуда? — Луи, выбравшийся из темных зарослей, как никогда был похож на сердитого лешего.

Но почти мгновенно подобрел, учуяв запах вареной птицы и разглядев, чего мы с Нико накашеварили за день. А когда я вскользь сказала, что и почек мы набрали сколько велено, — вовсе расслабился, расплылся в улыбке и сидел ждал, пока варево остынет.

Франсуаза так откровенно не повелась на еду, но тоже была довольна тем, что у нас есть горячий ужин. Те две черствые лепешки, которые наши добытчики принесли с собой, вряд ли насытили бы всю компанию. А вот с супом — самое то, даже и на завтрак останется.

— Эк ты, — оценила она выкопанную в земле кастрюлю и вырезанные из дерева корявые ложки, которыми полагалось черпать из этого общего котла. — Сообразительная. Давно мы горячего не ели, с самой заварухи, считай. Хорошее было времечко, мы тогда...

— Было, да сплыло, — нахмурился Луи и сплюнул в сторону попавшийся среди крупы уголек. Ну да, ну да, при таком способе варки это еще ничего. — Толку жалеть. Сгоревшие пожитки, поди, не прибегут за хозяевами.

— А у вас были другие вещи? — осторожно спросила я. Собственно, это был один из тех вопросов, что мне давно хотелось задать. — Там, где вы жили раньше?

— Много чего было, — так же хмуро отозвался Луи. — Или ты что, решила, что мы оборванцами такими всю жизнь шатались? Оно, конечно, в роскоши не купались, но и под кустом не ночевали, с земли

не жрали. Шатер был, одёжа, скарб всякий, ложки-ножики. Эт ты правильно догадалась, раньше мы в другом месте жили, королевский-то цветник проклятым не был. Мы все ближе к горам обитали... туда, где людей много, не совались. А почки у нас королевские сборщики скупали. Хорошее было время, и цену давали справедливую. — Луи замолчал, подбрасывая заготовленные нашим младшим членом семьи ветки в костер, и мимоходом погладил пригревшегося возле него Нико по голове. Поморгал на огонь и вздохнул: — В один день, считай, все порушилось. Нам-то и дела не было до революций всяких, дурь одна. А оно вона как... Королевских сборщиков не стало, а потом пришли эти. — Он зло сплюнул в сторону и грязно выругался, а потом сам же прикрыл рот ладонью и испуганно покосился на ребенка. Снова грозно пошевелил бровями и закончил: — Когда мы им не захотели почки отдавать в четверть прежней цены, эти скоты пожгли нашу рощу, как и соседские. Вместе с вещами пожгли, и наших много погибло... Мы вон со старухой еле ноги унесли. Раньше-то за почки-шишки можно было господскую цену получить, — продолжал Луи свою ворчливую повесть. — Вот и жили почти как господа, не то что сейчас. Вот таких пичужек, — показал он на обглоданную ножку дрозда, — пяток на вертел нанизывали. А сейчас — ешь и радуешься!

Печально вздохнул, сплюнул и бросил косточку на дотлевающие угли.

Я продолжала слушать, а главное — анализировать. Когда-то лепесточники и вправду жили хорошо. Но были загнаны в собирательское бомжевание и, похоже, даже не смирились со своей участью, а к ней приноровились. Что-то магическое в этом народе есть: живут не моясь, не стирая, и при этом — вполне себе чистюли. И не хворают, несмотря на холодные ночи.

Но я-то лепесточницей не стала и не уверена, что стану. Потому что не хочу. Значит, мне, в смысле нам с Нико, необходимо менять социальную страту.

Пока видны два пути. Первый — узнать у Магали, сколько она готова платить за почки. У меня возникло стойкое убеждение, что мои новые друзья работают себе в убыток. Правда, чтобы с ней системно торговать, надо будет тут оставаться... решим.

И второй путь, еще интересней. Ямка, в которой ждут своей судьбы луковицы тюльпанов. Осталось понять, взойдут ли они, как

обычные земные цветы. И поможет ли Нико?

— Вот так и живем, — подытожил Луи. — Дурят нас перекупщики, спасибо, что не убивают. Ладно, спать пора.

Пора так пора. Тем более, что с каждым днем мне удавалось все больше обживать шалаш. Не то чтобы сами лепесточники были безрукие, но у меня сложилось впечатление, что они просто привыкли обходиться малым.

Но если раньше они жили по-другому, значит, этот вывод оказался неверным. Тогда почему же они так себя запустили и реально спали в земляных ямах?

В целом, я, кажется, догадываюсь. Когда человек переживает что-то страшное и тяжелое, когда теряет всю свою налаженную жизнь, ему в принципе не так просто оправиться от шока и не свалиться в самую настоящую депрессию.

А на лепесточников наложилось еще то, что выживать им стало в разы труднее. Едва-едва набирали почек-шишек на пару завядших соцветий и черствую лепешку. И это при том, что трудились с утра до ночи, заходя так далеко к проклятым землям, как только могли.

Голод, холод, шок и застарелая усталость отупляет. Не остается сил для борьбы, нет даже желания что-то изменить. И, пожалуй, мне стоит об этом хорошо подумать, чтобы самой не скатиться в это состояние.

Заснула я, несмотря на мысли, легко, проснулась рано. Сбегала к пустоши, где жить нельзя, быстренько собрала норму почек. А потом устроила небольшую бытовую авантюру — решила вымыть голову.

Сама успела себя проклясть за этим занятием. У привычных бомжей моего мира всегда найдутся какие-нибудь одноразовые емкости, хоть пластиковые бутылки. Здесь не было и подобия этого. Пришлось сделать небольшую запруду в ручье и кое-как плескаться в образовавшемся бассейне. А то ведь не только голова нуждалась в мытье, все остальное тоже неплохо бы привести в порядок.

Без мыла, шампуней и прочих кондиционеров. Из моющих средств — только зола из костра. Я когда-то читала, что ею и мылись, и стирали белье. Ну, что сказать. Если у меня когда-то будет выбор — использовать «натуральное» средство или купить самый химический шампунь — я знаю, что выберу.

Спасибо, день жаркий, волосы почти сразу просохли. Да и вся остальная я довольно быстро перестала стучать зубами и оделась в относительно чистую хламиду ниже колен, которую мне оставила Франсуаза. Надеюсь, развешенный в самой глубине кустов, поближе к пустоши — там жарче и суше — джинсы, носки и прочие трусы с лифчиком никто не сопрет.

Потом я выпросила нож у Нико и отправилась на свою тайную плантацию на пустоши, за особо густо разросшимися кустарниками. Спасибо тебе, принц, за игровые таланты — я аккуратно вырезала и вынимала клинышки почвы.

Удобрения, чтобы кинуть в ямку раньше луковицы, у меня нет, пусть будет охапка сухой травы, присыпаная тонюсеньким слоем все той же травы. Заодно луковица не углубится в почву. На двух были подозрительные загнилости — их я срезала.

Теперь этот секретный цветник, похожий на тайное кладбище, надо обозначить...

От работы меня оторвал Нико.

— Нож придется отдать, — тревожно сказал он.

— Вы снова играли и ты проиграл? — спросила я с наигранной усмешкой и досадой в душе — полезный был инструмент.

— Нет, — ответил Нико так тихо и спокойно, что стало страшно. — К Жакко приходили, спрашивали о нас. Он не выдал, но если не вернуть нож, то выдаст.

— Пошли отдавать, — сказала я, удивляясь собственной бодрой тональности.

Идти на дно полагается с оркестром, только так есть шанс спастись.

По пути Нико объяснил ситуацию. Оказалось, что родители Жакко — ну, не совсем родители, мать и отчим, — ушли к перекупщикам. Что разумно — собирали по холодку, на рассвете, пошли в город, когда началась жара. Нико выяснил, что родители его партнера по играм обходят нескольких торгашей, а потом ищут вино подешевле, так что ушли надолго.

И тут к Жакко заглянула не очень приятная парочка с сокольной татуировкой. Стали расспрашивать — не появилась ли среди лепесточников девица с ребенком? Обещали награду за правдивый ответ и кару за укрывательство.

Хитрец Жакко ответил: родители запретили говорить с незнакомцами, как хорошо, что во всех мирах одни и те же правила. Но если разрешат, я попозже загляну к вам в трактир «Сухая глотка» — гости сказали, что пойдут туда.

Потом отправился к Нико и велел принести кинжал. Иначе выдаст.

— Так мы отдадим нож? — спросил маленький принц.

— Нет, — ответила я. — Если он получит легкую добычу, будет шантажировать дальше. Мы пришли?

Нико согласно кивнул. Жакко со своей семейкой устроился достаточно уютно: вместо ям под кустами — подобие землянки с навесом. Под ним, к счастью, он был один.

Тощий пацан лет четырнадцати на вид. Не очень наглый, старающийся прикрыть наивность хитринкой во взгляде. Здесь должен проканать один способ.

— Так ты прине... Здравствуйте, сестра Лина.

— Здравствуй, мой непутевый братец Жакко, — сказала я. Подошла поближе, взглянула в глаза: — Братец Жакко, сейчас ты узнаешь мою тайну. Ты первый из лепесточников, кому я ее говорю...

— Но я не должен...

— Нет, — резко перебила я, — для тебя я соседка-лепесточница, а не посторонняя. Так вот, моя тайна такая.

Мальчишка с удивлением взглянул на меня.

В театральную студию Дома детского творчества я ходила только год. Но такие навыки не забываются.

Я сделала паузу. Усилила зрительный контакт. И в ту секунду, когда пауза могла стать затянутой, напряженным и четким шепотом сообщила напрягшемуся ребенку:

— Меня ищут неспроста. Я украла у них золото. Вот такое, — показала мальчишке золотую сережку. — И как думаешь, сколько у них украла? Вот столько!

Мой палец указал на кучку хвороста возле ног Жакко. Не такая уж большая кучка, но пацан вряд ли предполагал, что в этом мире может существовать столько золота. Разве что в сказке.

— И это золото уже потрачено, — продолжила я, взглядываясь остолбеневшему мальчишке в глаза. — И знаешь, что будет, если меня выдашь ты или даже не ты? Я скажу, что отдала золото твоей семье,

попросила закопать на участке и вернуть мне позже, а себе оставить десятину за услугу. Ты понимаешь, что это значит для твоих и лично для тебя?

Украдкой взглянула на Нико. Маленький принц поначалу не мог скрыть удивления, а потом умело сдерживал улыбку.

— Но... но это вранье, — пробормотал Жакко.

— Какая разница, вранье или нет, — улыбнулась я. — Они будут пытаться. Твою мать, твоего отчима и, конечно, тебя. Даже с тебя и начнут, у мамочки на глазах.

— Они будут... — встрял в разговор Нико и привел несколько примеров явно не из сказок гувернантки, а из прочитанных им исторических хроник далеких непросвещенных времен.

Я обрадовалась, что завтракала относительно давно и мой желудок пуст. Даже хотела прервать Нико, но, глядя на лицо потенциального доносчика, пришла к мысли, что такая инвестиция страха просто необходима.

— Конечно, они поймут, что ты ничего не знаешь, — тем же грозным шепотом сказала я, когда Нико взял паузу, — но к этому времени у тебя не останется руки, ноги и много чего другого. Тебе очень хочется, чтобы случилось так?

— Нет, — пролепетал мальчишка. — Сестра Лина, что мне делать?

— Ничего, — ответила я. — Ничего не говорить родителям, когда вернутся, и забыть о визите настырных незнакомцев. Всегда отвечай: «Я ничего не знаю», и тогда твои ножки, ручки, серые глаза, конопатый нос и невымытые уши останутся при тебе. Хочешь жить подольше — держись подальше от чужих тайн. Понял?

— Понял? — в ту же секунду произнес Нико и наш финальный вопрос прозвучал одновременно.

Для бедняги он имел эффект выстрела: парнишка упал на сухую почву, слегка дергая руками и ногами, будто проверяя, что они на месте. Убедившись, сел и принялся убеждать нас заикающимся голосом, что ничего не знает, ничего не видел, ничего никому не говорил и все забыл.

— Ну, всё, что я тебе сказал про пытки, это ты помнить можешь, — милостиво разрешил Нико. — Пока, до встречи.

Когда мы отделились от Жакко, сидевшего на земле в тревожных раздумьях, Нико спросил:

— Лина, ты ведь не брала золото у ночных воров?

Я честно ответила, что соврала. Маленький принц разочарованно вздохнул, но признал, что с золотом были бы проблемы.

На участке нас уже ждали Луи и Франсуаза. Старый леший был слегка возбужден вином и каким-то недавним событием.

— Быстренько забрались под веточки и не торчите тут, как главный городской флюгер! А то мы вас уже прогнали!

Луи был столь настойчив, что мы сперва выполнили его требование и только тогда я услышала рассказ.

— На сегодня мы сдались с хорошим барышом — тебе в руки крупные почки лезут, — начал Луи и протянул Нико что-то вроде леденца в серой обертке. — Мы заглянули в «Сухую глотку», там выпили, с собой взяли. Глядь, а середь бела дня ночные птички. Они нас тоже приметили, налили по кружке, стали спрашивать. Да не как в прошлый раз — не появилась ли среди лепесточного народа девица какая-то, а про девицу с малым. Девица, мол, светловолосая, худая, не то чтобы совсем молоденькая, но молодится.

Я выслушала это комплиментное описание с безразличным лицом. Нико, аккуратно развертывавший леденец, оставил это занятие и схватил меня за руку.

— А я им и говорю: как не появлялась, у меня-то как раз и появилась.

Я умею держать удар. Вздохнула, но негромко, догадавшись по интонации лешего, что всё не так страшно.

— Прибилась к нам эта пара, говорю, — продолжал Луи, — да только девица ленивая, а парнишка при ней — ледащенький. То животом болеет, то кашляет, то на ноге нарыв проявится, уж не вечная ли язва?

Нико чуть ослабил хватку, улыбнулся. Я поняла, что вечная язва — это или серьезная болезнь, или ругательство, вроде «холера ясна».

— Стала у меня выпрашивать, где лекари живут. Я указал и велел не возвращаться, мол, еще увижу — прогоню палкой с участка. Чего лекарь сделал с ее пащенком — вылечил ногу или совсем отрезал, — нам не знамо.

— Это он им так говорил, — уточнила Франсю, погладив Нико.

— Ночные соколы выругались, да какой с нас спрос? Остались допивать, а мы быстренько на пустошь. Не к себе, к соседу, — сказал Луи, показывая на левый участок. — Ему бутылку винца, пару грошиков, он слово дал, что этим скажет, если подкатятся, будто видел у меня бабу с малым, а потом я им палкой грозил, прогонял. Теперь сидите, хоронитесь до сумерек, мне надо других соседей навестить.

Я и Нико переглянулись. После чего я вздохнула и рассказала, что соседи, точнее их отпрыск, предупреждены, а маленький принц добавил подробности. Франсю охнула, Луи ухмыльнулся.

— Ну, пострадать, конечно, тоже неплохо... Лишь бы не перестрадать, — заметил он. — Ладно, молоко сбежало — творогом не стало. Лин, а на самом-то деле золотишка у тебя нет?

Сказано это было столь равнодушным тоном, что я прямо-таки ощутила свербящее напряжение вопроса.

— Вы замечательные друзья, — ответила я с беззаботной улыбкой, — но если бы я сбежала с мешком золота, наверное, приглядела бы местечко, где почки покупают, а не собирают.

— Ну да, так и есть, — промычал Луи, — правда твоя, девка.

На этом мы расстались. Франсуаза сказала выйти на сбор в сумерках, мол, ты глазастая и тогда найдешь.

— Как ты думаешь, нас не выдадут? — тихо спросила я Нико.

Мы только что покинули пустошь и вступили в одну из темных улиц. Все равно на такую тему громко говорить не хотелось.

— Лепесточки не дают клятв, — не сразу ответил мне маленький принц, — но, скорее всего, не выдадут. Если только спасая человека, который важнее, чем ты. Ведь они взяли нас в семью.

Мы решили, что настало время снять швы. Нико уже вполне ходил, слегка прихрамывая. Правда, иногда оступался — как еще объяснить грязь у него на руке?

За моей спиной был узелок с почками — что-то собрала вечером, что-то взяла из старых запасов.

В ясную ночь с ярким местным светилом можно было обойтись без фонарей. Я без труда нашла длинную улицу, ведущую вверх. Вот здесь, возле перекрестка с пересохшим фонтаном, надо свернуть направо.

Эта улица оказалась узкой, а высокие здания заслоняли лунный свет. Но в этих кварталах еще не уснули, и не все лавки закрылись. Вот эту лавку благовоний можно было даже назвать салоном.

Я усмехнулась. В прежней жизни в дизайне парфюмерного магазина попроще доминирует пластик, если же салон считает себя элитным, то старается обойтись без пластмассы и полиэтилена — дерево, глина, мыло ручной работы, узелки джутовых веревок. Здесь было примерно так: витрина со скляночками, подсвеченная свечами, установленными среди зеркал. Интересно, здесь есть шампунь?

— Уважаемая лепесточница что-то ищет? — раздался мужской голос.

Я обернулась. Вот дурочка безухая, почему еще не поняла, что в этом чужом мире опасность может появиться в любую секунду?

Опасностью были двое мужчин в простеньких камзолах, с нашивками-факелами и алебардами. Я поняла, что это стражники — один насупленный и высокий, ростом в две алебарды, второй, красномордый пузатый колобок, в полторы. На плечах висело какое-то огнестрельное оружие — то ли короткие мушкеты, то ли длинные пистолеты с крупным дулом.

— И для чего уважаемая лепесточница гуляет в такое время в этом районе? — продолжил колобок. — Или ее регистрация позволяет гулять где угодно и когда угодно? Разрешите-ка удостовериться!

Ёшки-кошки, как же быть?! Бежать не было смысла, даже будь у малого вполне здоровая нога. Заплатить почками? Но сколько они возьмут? Вероятно, захотят все. Наконец-то расстаться с золотом?

— Они не в розыске? — наконец-то открыл рот дылда.

— Не, — ответил колобок, — разве только по отдельности. Помнишь, на прошлой неделе было велено парнишку искать лет восьми, а еще девицу странной наружности и непонятного возраста.

— Вот же они, вместе, — столь же бесцветно заметил дылда.

— Да ну, — хохотнул колобок, — так не бывает. «Повстречались два сердечка у засохшей у подречки», — пропел он какую-то местную песенку. — Обычная лепесточница с обычным щенком. Искали-то маршальскую шлюху, забыл? А они покрасивше будут.

У меня отлегло от сердца. Стража, в отличие от воров, по-прежнему ищет отдельного ребенка, ну, еще девицу — меня. Если бы этот седой красавчик министр сообщил о нас местной полиции,

поступила бы ориентировка на пару. Но он, вот спасибо, господин-брат министр, такую подлянку делать не стал. Интересно, почему?

— Брат стражник, — тонко и пронзительно заныл Нико, — пожалуйста, подскажите, как пройти к доктору Голова-на-плечах?

Я печально вздохнула: он что, реально решил разжалобить этих охламонов?

— У мальчика болит животик? — зло усмехнулся колобок.

— Нет, — искренне ответил Нико, — нога. Второй месяц болит, с тех пор как мне башмаки купили на Пепельном рынке. Сначала чесаться стала, потом болеть.

Усмешка на круглой роже колобка сменилась тревогой и он отошел на шаг. Дылда с неизменившимся лицом попятился тоже.

— А давеча еще и руки зачесались, — продолжил мальчишка, показывая на грязь, которую он, к моему удивлению, забыл смыть. — Чешутся — не отчешешь.

Колобок сделал еще шаг назад. Дылда перехватил алебарду, выставив древко перед нами как барьер.

— Говорят, доктор Голова-на-плечах всех вылечить может, — плаксиво тянул Нико, — только если к нему вовремя прийти. Отпустите нас, пожалуйста. Не верите? Хотите, ножку покажу?

Поднял ногу, коснулся бинта. Теперь и колобок выставил древко, так что мы оказались перед перекрещенным ограждением.

— Не надо, не подходи, стой где стоишь! — взвизгнул он без намека на насмешку.

— Вечная язва, — открыл рот дылда. — Надо отвести на Пустырь Неисцелимых.

— Ага! — зло завизжал напарник. — На Пустырь отводит конвой в чумном костюме и получает двойной оклад. Хочешь — давай, веди сам! Можешь еще пащенко за ручку взять, чтоб не убежал!

Эмоции напарника передались дылде, он шагнул назад.

— А вообще, — сказал колобок спокойней, — идут к Голове, ну и пусть идут. Может, он и вечную язву лечит, откель нам знать. Идти-то вверх до перекрестка да три дома направо. Шевели своей ножкой язвеной, пока не отвалилась.

Мы не стали спорить и последовали указаниям.

— От вечной язвы невозможно исцелиться? — спросила я.

— Нет, — ответил слегка запыхавшийся Нико и, уловив мой интерес, продолжил: — Она поражает руку или ногу, потом начинает чесаться в других местах, потом появляются язвы, потом их нельзя скрыть и человек уходит на Пустырь Неисцелимых.

— А что такое Пепельный рынок?

— Он рядом с этим пустырем. Ходят слухи, что торгошники продают одежду умерших от язвы, поэтому покупатели требуют, чтобы ее прогрели над костром, но помогает не всегда.

Пока я обдумывала непростые отношения местных обитателей с проказой, Нико неожиданно сказал:

— Сестра Лина, ты такая удивительная! Ты знаешь так много, но иногда так мало!

К счастью, ассиметричный ответ нашелся сам собой:

— Вот мы и пришли.

Видимо, в двери был какой-то хитроумный глазок, открыли почти сразу и знакомый юноша пропустил без вопросов, даже заметил, что нас ждут.

Профессор уже отдыхал, Магали в гордом одиночестве беседовала с на удивление аккуратным скелетом и пересчитывала ему ребра, прикручивая их проволочками к груди.

— Слава свободе, — проворчала она, — в этих пособиях у нас нехватки нет. Не боишься? — спросила у Нико.

— Завидую, — ответил маленький принц, снимая башмак, — у него ничего не болит.

— И у тебя не будет, — усмехнулась Магали.

Меньше чем за минуту она обработала рану и избавила ее от ниток.

Нико даже не пискнул, только побледнел.

— Ну вот и все, — сказала лекарка. — Завтра-послезавтра ногу этим польешь, ходи осторожно. Принесла? — обратилась она ко мне, приглашая в соседнюю комнату.

— Да, — ответила я, развязывая мешок.

Такого эффекта я не ожидала. Магали пересыпала почки из ладошки в ладошку и не скрывала восхищения:

— Торговцы приносят отвар, который надо еще долго настаивать и выпаривать, очень сильно разведенный. А сейчас я просто чувствую

силу. Вот как они выглядят. До этого я видела эти почки только в ботаническом саду и в музее.

— А ты не пыталась сама собрать их? — осторожно спросила я.

— Бессмысленно, — вздохнула Магали. — Лепесточки чужих не любят, и смельчак пожалел бы, что сунулся. Да у меня к тому же столько свежих цветов не найдется, чтобы надышать себе даже половину часа рядом с проклятой пустошью. Загнусь в начале роши.

— А кто главный над перекупщиками? — осторожно спросила я. — Эти, которые явились с вилкой в пузе?

— Нет, — сказала Магали. — Этих торгашей патронируют люди блюстителя Справедливости — проще говоря, стражники. Потому-то они и не трогают лепесточников возле пустыря. Вот в нашем квартале будь осторожна.

Я вспомнила неприятную встречу у лавки благовоний. Но мы сидели в уютной комнате с зеркальной лампой на столе, светившей почти как электрическая. Страхи временно отошли.

— Расскажи мне, лепесточница Лин, — внезапно спросила Магали, — откуда ты знаешь про формальдегид и соляную кислоту? Ты вторая женщина в Городе, которая знает эти слова. Первая — я.

Вот тебе и поворот.

— В юности я училась... — осторожно начала я.

— Не сомневаюсь, — перебила Магали, вглядываясь мне в глаза, будто они были больны, — но где ты училась?

Я замолчала.

И тут раздался голос Нико:

— Сестра Магали, а вы не боитесь?

— Чего я должна бояться, мальчик? — удивленно спросила лекарка, похоже впервые не только обратив внимание на пострадавшую ногу, но и вглядевшись в лицо пациента.

Я слегка вздрогнула — интерес посторонних к моему принцу был нежелателен.

— Вы зададите вопрос и сестра Лина скажет правду...

— Она не твоя мама? — перебила его Магали.

— Не моя мама, — кивнул Нико с таким уверенным видом, что я с трудом удержалась от удивленной гримасы. — Итак, сестра Лина скажет правду о себе. Вы уверены, что вам безопасно ее знать? Может, лучше считать ее обычной, хотя и умной лепесточницей, которая

приносит товар? На неприятные посторонние вопросы проще всего отвечать: мне не было ничего от нее нужно, кроме почек с кустов, поэтому я ее ни о чем не расспросила.

Магали цокнула языком, широко улыбнулась:

— Ты тоже очень умный и непростой мальчик. Но я умею хранить тайны.

— Есть тайны, за которыми охотятся всерьез, — возразил Нико. Глаза у него были... Впрочем, чему я удивляюсь. Этот ребенок выжил для начала при королевском дворе, а потом в приюте. — И те, кто в мундирах стражи, и те, кто с татуировками на правой руке, используют правдовидцев.

— Это такая серьезная тайна, что мне придется отвечать в присутствии правдовидца? — без улыбки спросила Магали.

— Думаю, вам лучше обойтись без этой тайны, сестричка. — Нико кивнул очень серьезно, даже с легкой грустью.

— Ладно, твоя взяла, — хмыкнула лекарка. — Только потому, что не ревел и не звал мамочку, когда я швы накладывала и снимала, только потому и буду считать тебя взрослым парнем, к словам которого стоит прислушаться. Но и ты совет послушай: поменьше свети своей взрослостью перед малознакомыми людьми. А еще постарайся личико прятать. Да и плечо лучше не только в рубашку упаковать, но и жилеткой прикрыть. Понял?

— Понял, — снова кивнул Нико и прикусил губу, а потом вовсе спрятался, прижавшись к моему рукаву лицом.

Все же это ребенок, не стоит забывать. Каким бы взрослым и серьезным он ни хотел казаться временами.

Я обняла мелкого за плечи и сумрачно кивнула Магали.

— Спасибо. Может быть, когда-нибудь потом... поговорим еще. Ты лучше скажи вот что: сколько перекупщики просят с тебя за отвар?

— Золотой за меру, — скривилась лекарка.

А я присвистнула — ничего себе! Про почки-шишки и изготовление цветочного отвара я от Франсуазы успела узнать очень и очень много. И как его готовить, и как упаривать, и как разводить. Так вот, получается, те, кто сжег прежние жилища лепесточников и силком пригнал их на королевскую пустошь, наживаются дважды: сначала забирают у странного народца плоды их труда за бесценок, а потом,

приготовив из него нужную жидкость и еще разведя ее больше всякой совести, и здесь дерут пятерную цену.

— Считать, стало быть, тоже умеешь, — без улыбки кивнула Магали, заметив, видимо, мелькающие у меня в глазах циферки.

— Умею, — согласилась я, замороженно глядя, как лекарка выкладывает на стол монеты.

Некрупные, примерно с пятидесятикопеечный кругляшок. Тускло-желтые и даже на вид тяжеленькие. Одну, две, три... да это же целое состояние! Одежда можно нормальные купить или целую тележку продуктов, или...

Сама себя остановила, словно лошадь на всем скаку. Кто покупать будет? Алина, думай головой, а не жадностью. И не смотри, что Магали к трем золотым добавила еще девять серебряных и целую горсть меди.

— Слушай... — Голос охрип, пришлось откашляться. — Магали, ты хочешь, чтобы я приносила тебе почки постоянно?

— А как ты думаешь? — прищурилась помощница знаменитого доктора.

— Тогда помоги мне. — Я не стала долго рассусоливать и в ответ на вопросительный взгляд и напрягшиеся руки обнимающего меня Нико пояснила: — Если я начну сорить золотом в лавке или на рынке, много у кого появятся неудобные вопросы. Даже если за покупками пойдет кто-то из наших, все равно углядят, кому не надо донесут, и вот это все. Давай так: я возьму только серебро и медь. А на остальное ты купишь по списку то, что я попрошу.

— А ведь верно, — задумчиво прикусила губу лекарка. — Не боишься, что обману? — Она остро глянула мне в лицо.

— А какой тебе смысл? Особенно если хочешь и дальше получать почки по честной цене.

— И такие же крупные, отборные, — сразу поставила условие Магали, усмехнувшись и хозяйственно прибрав мешочек с добычей в карман фартука.

— Само собой. — Я кивнула и погладила немного расслабившегося мальчишку по спутанным волосам.

М-да, ему тоже не мешает помыться.

— С ценами не обману, будь спокойна. — Решительная девушка окинула нас взглядом и первым делом постановила: — Еды прямо

сейчас выдам. Тут поедите, а потом с собой корзинку соберу, такого, что полегче и на месте сварить можно.

— А кастрюля или котелок у тебя есть? Хотя бы на время, пока не купишь нам нужный? — тут же перешла к делу я.

— Даже так? — вздохнула девушка, задумчиво морща лоб. — Найдется. Вон там таз, кувшин и полотенце, мойте руки, пока я уберу Оливье, и садитесь за стол. Сначала накормлю вас, заодно посмотрю, так ли хорошо маленький братец ест, как говорит.

— Кого уберешь? — не поняла я, а потом взглянула на скелет и догадалась: — А! Хорошо, я осторожно, чтобы от Оливье ничего не отвалилось.

— Да ему все равно, — хмыкнула Магали. — К тому же он стерильный, я его неделю вываривала. Если вас не смущает такое соседство, и убирать не буду, отодвину только. Так как?

— Да пусть остается, правда, Нико? В компании ужинать веселее, — впервые за долгое время засмеялась я. — Правда, мелкий?

— А потрогать можно? — Иногда все же он вел себя как обычный мальчишка и это здорово радовало.

Вон заблестел любопытными глазами, а руки за спину спрятал, чтобы не показать нетерпения.

— Трогай, только не ломай, — хмыкнула Магали, — но сначала руки вымой!

Она вышла, а мы с Нико сперва занялись гигиеной, потом обстоятельно познакомились с полуразобраным Оливье, даже пощупали. И смиренно уселись за стол, не обращая внимания на то, что он вообще-то ни разу не обеденный. Какая разница, когда в животе урчит так, что впору затевать соревнование — у кого громче?

В общем, от лекарки мы ушли уже после того, как окончательно стемнело. Магали даже проводила нас часть пути, чем очень помогла — она знала все ходы-выходы, сквозные дворики-переулки, так что мы успешно миновали и патрули стражников, и несколько компаний лихих молодчиков.

Руки приятно оттягивала корзинка с крупами и копченой грудинкой, картошкой, зеленью и даже парочкой румяных яблок, что мы решили отнести Франсуазе и Луи. Кроме того, Магали снабдила нас еще одним хорошим ножом, куском не слишком приятно

пахнущего, но самого настоящего мыла и обшарпанным, но очень добротным котелком.

Короче говоря, для разнообразия эта жизнь повернулась к нам лицом, а не противоположным местом. Только вот надолго ли? Уже на подходе к нашей роце пришлось в этом усомниться.

Из каких именно кустов оно прыгнуло, я заметить не успела. Просто взвизгнула от неожиданности и выронила корзину.

А это непонятное уже с урчанием рвало когтями свертки и шипело и фырчало, добираясь до... грудинки. Ну, ни фигя себе! Да после того, чем мы с Нико рисковали, чтобы добыть эти несчастные свиные ребра, я сражусь даже с тигром, не то что с какой-то непонятной крысой, вздумавшей меня ограбить.

Визжать я не перестала, просто с испуганного диапазона переключилась на воинственно-гневный. Нико отлетел в противоположный куст, я его оттолкнула подальше от опасности и кинулась спасать свою добычу от неведомого монстра.

Монстр с шипением и урчанием копошился в свертках. Я бесстрашно — чуть не описалась, если честно — схватила с земли какую-то палку и со всей дури долбанула по корзине. Попала не по зверю, а по ручке, сломала и ручку корзинки, и палку, обозлилась еще больше, растеряла последние мозги и со злобным рычанием цапнула гадину за шиворот, отдирая от копчености.

И застыла, щурясь впотьмах. Потому что страшный зверь вдруг обмяк и повис словно дохлый. Только кусок грудинки не выпустил. А когда я перехватила свиные ребра, отпуская тварюшку и пытаюсь стряхнуть ее от греха подальше в траву, где можно будет наподдать ботинком, эта пакость изобразила корзину от дирижабля.

Как ей это удалось? Очень просто: вцепилась всеми четырьмя лапами в копченость и повисла на ней и под ней. Жадно урча, вгрызаясь во вкусное мясо прямо на весу.

— Это катланк! — Нико выбрался из куста, подошел поближе и теперь рассматривал напавшего монстра во все глаза. Но страха не выказывал. — Маленький совсем. Катленок.

Что оно котенок, я и сама уже разглядела. Кстати взошла луна. Расслабилась, но не слишком: на собственном опыте знаю, что киса — при желании зверь опасный, прокусить руку до кости и располосовать когтями на ленточки может даже самый умильный идомашний

двухмесячный потатик. А идти еще раз к лекарке, в ночи — не хотелось.

— Паршивый какой, — само вырвалось.

При том, что жадная тварь, все еще бессовестно жрущая наш провиант, в длину была почти со взрослую кошку, сомнений в ее младенчестве не возникало: типичный страдающий выкидыш помойки. Шелудивый, облезлый, с гноящимися глазами и покоцанными здоровенными ушами-локаторами. И тощий настолько, что я его веса на грудишке почти не чувствовала.

Жалко стало тварюку. И трогать боязно — мало ли какие на нем паразиты. Цапнет — еще и заражение крови словлю. Сама не знаю, как мне удалось сначала стряхнуть узурпатора в траву, а потом, бодро отбрыкиваясь ногой от гнусаво мяукающего монстра, отрезать от целого куска то ребро, которое он и так уже обслюнявил. И бросить заурчавшему гаденышу, в смысле котенышу.

— Пошли быстрее, пока он еще чего-нибудь из нашей еды не закогтил, — поторопила я Нико.

Мы припустили по едва видимой тропке в кустах. Я тихонько вздыхала на ходу — котейку было очень жалко. Не то чтобы я такая уж любительница, но все равно. Маленький, паршивенький...

Только нам самим особо есть нечего. Жить негде. И лечить наверняка лишайное, блохастое и с глистами тем более нечем...

— Он за нами идет. — Нико все время оглядывался. — Лапы заплетаются, от голода наверное.

— Целое ребро сожрал, сгрыз вчистую, даже ошметков не осталось, — проворчала я, тоже оглядываясь.

Дикая тварь из дикого леса действительно упорно ползла за нами через кусты. Тощий хвост волочился по траве.

Котенок добрался до моих ботинок, ткнулся в них носом и бессильной тенью растянулся на земле. Даже не мяукнул, только ушами шевелил.

— Лина?

— Вытащи из корзины ту тряпку, которую дала Магали, чтобы сделать из нее полотенце. — Я вздохнула, присаживаясь на корточки. Жалость победила. — Потом отстираем, надеюсь... Даже если этот заморыш сдохнет раньше, чем мы попытаемся ему помочь, надо все же попробовать. Да?

— Да! — уверенно и даже радостно кивнул ребенок.

Ну, кто бы сомневался...

— Где вы шляли, оглоеды?! — налетела на нас злющая, как осенний шмель, Франсуаза. — Луи уже искать собирался! Пошел до соседей, спрашивать, не было ли чужих! Чем думаешь, девка? Сказано же: сиди в самых зарослях и не высывайся! Схватят — мы тебе не защита!

— Прости, не успела предупредить, — покаялась я, проходя к спрятанному в ямку костру и укладывая сверток с обессиленным котенком на травку. — Мы у лекаря швы снимали с пореза. И еще много всякого случилось, придет Луи и я расскажу, чтобы не повторяться.

— Чего притащили? — Франсю все еще кипела возмущением, ее пегая грива если и не стояла дыбом, то весьма красноречиво колыхалась на ночном ветерке. Она отобрала у меня корзину и первым делом сунула нос туда. А на сверток у огня только покосилась подозрительно и хмыкнула: — Хорошее полотно, чего это? О! — Тут она забыла свой вопрос, потому что обнаружила невиданные сокровища: котелок, нож и прочие продукты во главе с грудинкой. — О-о-о! Где украли?! Никто не видел? По следу не придет?!

— Не украли, — надул губы Нико. — По-честному купили.

— На какие шиши?!

— Вот об этом подробнее, когда вернется Луи. — Я понимала, что признаваться надо.

А еще, даже если я не сумею помочь всем лепесточникам найти честную цену за их труд, то для Луи и Франсю это сделать можно. Я уверена, из роци на границе проклятых королевских садов мы с Нико рано или поздно уйдем. Пусть те, кто так по-доброму нас приютил, останутся сытыми и хоть как-то защищенными.

Подумав обо всем этом, я еще раз вздохнула и развернула полотно.

М-да... при свете костерка котенок оказался еще более жалким, тощим и паршивым. Может, сдох уже? Не шевелится... а, нет, вон ушами задергал и попытался приоткрыть один заплывший гноем глаз. Не скажешь, что это тот самый грозный монстр, что так отважно кинулся из кустов грабить прохожих.

— О-ля-ля! — эмоционально отреагировала Франсю, оторвавшись от корзинки и заглянув в сверток. — Лесной дух! Мертвый? Где нашли? Зачем вы его подобрали?

— Живой еще, — поправила я, осторожно поворачивая мордочку котенка так, чтобы получше рассмотреть. Вообще, интересно, в последнее время я будто бы стала лучше различать предметы в темноте. Вот сейчас — ну луна, ну костерок, это не слишком щедрые источники света. А я убедилась: не кажется. Кто-то уже отбивался от полудохлого грабителя, да не как мы, а по-серьезному: обширная ссадина на морде и кончик уха не погрызен, а стесан чем-то острым наискось. — Это не мы его нашли, это он нас нашел. Точнее, нашел он корзину с едой... а подобрали мы потому, что жалко стало.

Паршивец, как сгоряча прямо по-русски обозвала недоразумение я, или, как сделикатничал и переделал непонятное слово Нико, Паши́, оказался ценной находкой. Едва Луи или Франсуаза хотели меня отчитать за то, что предприняла столь серьезный коммерческий вояж, не предупредив их, как Паши открывал протертые от гноя глаза, мяукал, они переключались на него и начинали рассказывать о лесных духах, или, как уточнял Нико, катланках.

О катланках моя новая семья слышала много. Правда, с ними близко не встречалась. Все же я вспомнила биологические увлечения юности и поняла, что катланк — синантропное животное, с давних пор научившееся жить в такой опасной среде, как человеческий социум. Ну, то есть лесной дух предпочитает жить в лесу. Но если люди лес вырубят, катланк будет жить в оставшейся роще, на кладбищах, в ничейных сорных зарослях — в большом городе такие всегда найдутся. Питаться другими синантропами — воронами, крысами, бродячими собаками. Причем если обычный кот, — да, такие тут есть тоже, — увидев крысиную стаю, может задуматься, по зубам ли обед, катланк сразу примется за работу. Потому-то со времен древнего тирана Карла Мечерукого существовала смертная казнь за немотивированное убийство катланка. Позже замененное каторгой или ссылкой, но простой народ так хорошо запомнил изначальную меру, что катланков по привычке не трогал.

Понятное дело, все эти истории касались взрослых зверюг. Судя по тому, как тыкал себя в бедро Луи, показывая, куда дорастет это

недоразумение, если выживет, это будет как минимум рысь, если не целая пума. Еще бы они крыс боялись!

— Эти котики, — объясняла Франсю, с удовольствием похрустывая подаренным яблоком, — поумней некоторых двуногих. Они хорошо понимают, где дикая дичь, а где частная. Если куры по улице бродят — прихватить могут, а зачем выпускать? Зато в курятник, в овчарню, в свинарник не залезут.

Насчет овчарни я даже не удивилась. После того-то, как услышала, что животинке, мурлыкавшей на коленях у Нико, предстоит вырасти раз в пять, наверное, больше обычной кошатины, поэтому унести ягненка смогла бы вполне. Все равно выразила сомнение: вроде бы разумный, а влетел в корзинку.

— Так он малой и голодный, — пояснила Франсю. — У них, слышала, с людьми забавно выходит. Если поймали, в клетку заперли — так и вырастет зверским зверем, обиженным, что лишили свободы. А если совсем маленьким его человек воспитал, на груди пригрел, он будет ему верней, чем пес. Но не всякого признает. Того, кто мать убил, — никогда. Такой умник его скорее продать старается, у себя держать смысла нет. Если катленок человека признал, у него замурлыкался — все, нашел друга.

Я пригляделась. Нико подремывал, Паши тоже и еле слышно мурлыкал во сне. И обеими тощими передними лапами обнимал предплечье своей постельной грелки. Ага...

— Пусть остается, — подвел итог Луи. — Отойдет немного, сам охотиться станет. Они, как подружатся, чувствуют опасность для хозяина. Если ночью катланк в роще рычит и воет, туда не всякий вражина сунется — опасно.

Что же касается моего визита к лекарке, он вызвал споры, но итоговое понимание. Во-первых, моей новой родне понравилось, что я ушла осторожно, не попавшись на глаза соседям. Во-вторых, они признали, что я заработала по-королевски.

— Мы-то понимаем, — заметил Луи, — что нам плохую цену дают. Но далеко от пустоши отходить опасно. Да и не знаем мы никого в городе. Сунешься так к какому-нибудь аптекарю, а он возьмет и сдаст скупщикам и почки, и тебя за компанию. И вообще, лепесточники с незнакомыми не очень... боимся мы каменных домов и толпы. А вот ты нашла покупателя. Вроде и случайно, а вроде и сама.

Франсю подбросила веток в огонь и задумчиво качнула пегой гривой:

— Все равно пиявкам-перекупщикам надо товар относить. Иначе сообразят: с чего к нам заходить перестали? Да и лекарке своей скажи — сама пусть отваром цветы поит, ну паре знакомых выдаст, а продавать не суется! Мигом вычислят и башку оторвут. — Франсю еще раз вздохнула и вдруг потянулась погладить меня по волосам: — Бедовая ты головушка... не сидится тебе смирно на месте. Вон сначала невесть откуда аж в проклятые пустоши приبلудилась, теперь в город лезть не боишься, хотя по всему ж видно — не твоя это роща. Осторожнее будь, девка. Жалко, если сгинешь. — Она засопела сердито, быстро вытерла полрой хламиды лицо, проворчав что-то о том, как от костра вспотела, и скомандовала Луи: — Спать пошли! В кои-то веки сытые ляжем... Хороша каша-то на свинине! Помнишь, кабана мы завалили, когда ты свататься приходил, старый? Ладно... Небось дух лесной не покушает. — И полезла под полог.

— Главное, чтобы лишаем не наградил, — тихонечко себе под нос пробормотала я.

На первый взгляд этой пакости на коте не обнаружилось, все его проплешины оказались следами ран. Но кто ж его знает... без ультрафиолетовой лампы споры зловредного грибка не отследишь. Поэтому проще расслабиться — будет новый день, будут новые проблемы. Тогда и станем разбираться.

Я еще нашла в себе силы, чтобы плотно закрыть котелок помятой крышкой, перевязала остатки нашей трапезы полотенцем. Нет у меня уверенности, что кошка не решит ночью подкрепиться. Он-то не лопнет, но мне хочется и самой утром нормально позавтракать, и ребенка покормить.

Завтра надо заняться хозяйством. И встретиться с Магали — она сама придет на окраину рощи рано-рано утром, когда сплетники из близлежащего квартала еще спят. Принесет первую часть того, что мы договорились купить на те деньги, которые я ей оставила. Дел будет очень много...

А еще стоит проверить, как там луковки тюльпанов поживают. Мне в упор не верится, что нормальное растение, получив плодородную землю, дополнительную подкормку и правильный полив, останется в таком анабиозном состоянии. Ведь луковицы не умерли!

Сохранились в земле. Может, конечно, и сгниют через годик, но пока у них есть я и все шансы, которые со мной пришли.

Я быстро умылась холодной водой из ручья, вытерлась вторым куском ткани, тем, на который не попала шерсть заморыша Паршивца. И полезла в шалаш, продолжая раздумывать над тем, что я завтра сделаю по хозяйству. И почек же еще собрать надо — и обычную норму, и про запас, и для Магали...

Мысли в голове выстроились в утомительный хоровод и бесконечно кружили перед внутренним взором, не давая расслабиться и отгоняя сон. Из-за этого мне все время было неудобно лежать. Приходилось очень осторожно ворочаться, чтобы не будить остальных.

Не знаю, как долго я мучилась, но вдруг в щеку ткнулся мокрый нос, потом сместился к уху и Паршивец негромко заурчал, мягко перебирая лапами по моему плечу. Я, может, и отпихнула бы немытое животное, но неожиданно уснула.

Этьен

— Брат Этьен, эта женщина пришла опять.

Почему-то дама решила, что блюстителю Созидания у себя дома должен быть добрее, чем на рабочем месте, в министерстве. Вчера и позавчера проверить ей это не удалось: первый раз совещание так затянулось, что она не дождалась, когда я вернусь, вчера я так устал, что домашний секретарь, сообщивший ей: «министр уснул», не соврал.

Сегодня я вернулся рано и отговорок нет. Моя репутация, как говорят в народе, трактирная скатерть, но зачем добавлять густое пятно «мучитель бедных женщин»?

— Распорядись, чтобы ее пропустили, — велел я, окидывая взглядом пространство — что из вещей может стать особо любопытным для постороннего глаза и вызвать толки?

Прошелся по кабинету, остановился, чтобы позволить двум лапам со втянутыми когтями опереться о мои колени, а влажной мордочке ткнуться в руки.

Домашних катланков называют «котами для ревматиков». Когда он кладет передние лапы вам на колени, погладить мордочку можно не нагибаясь.

«Му-у-урл, мне остаться?» — спросила Крошка.

«Не надо, — мысленно ответил я, поглаживая катланка. — Если она испугается, пойдут слухи, что я держу в доме опасных диких зверей. И еще хуже, если она не испугается, погладит тебя, а ты мурлыкнешь в ответ. Мне придется исполнить любую просьбу».

«Вот еще, буду я мурлыкать кому попало».

Большая кошка неторопливо покачала головой и удалилась. Вовремя, так как в дверь уже деликатно постукивал секретарь.

Когда входит посол чужой державы, перед ним идет герольд, сообщающий о важном визите. Герольдом незнакомой дамы был аромат. Нет, не дешевых духов. Но смешивать три даже самых дорогих аромата... Помещение придется проветрить.

Мне можно было даже не приглядываться, как одета незнакомка. Впрочем, такое сочетание золотого с зеленым и красным не позволит потеряться в толпе.

— Здравствуйте, добродетельный брат Этьен, я Лианса Шивонэ. Приношу глубочайшие извинения за непродуманный, неразумный и неосмотрительный поступок моего несчастного мужа — только несчастному человеку могла прийти в голову мысль о таком злодеянии. Надеюсь, ваша рана уже исцелена?

Исцеленная рана напомнила о себе короткой, но ощутимой болью в боку. Славный профессор, точнее его славная внучка, сделали все как надо, но предупредили — чувствоваться будет недели три. Прошла половина срока.

Не люблю современные церемонии, но слово «сестра» к жене такого негодяя неприменимо.

— Садитесь, горожанка Шивонэ. — Я указал на стул, выдвинутый секретарем. — Я разделяю ваше мнение о дерзости и неосмотрительности поступка вашего мужа, но непродуманным его бы не назвал: прихватить на мануфактуру заряженный свинцовник — не секундный импульс. Что вы готовы сказать еще, кроме изъявления сочувствия и извинений?

Следующие три минуты я так и не понял, скучал или наслаждался. Мальчишкой мне доводилось переодеваться конюшонком, сбегать из дома и посещать грошовые спектакли для простонародья, два гроша — стоячее место, пятак — стул. Я не скардничал, но старался стоять, чтобы грызть орехи, кидаться скорлупой в сидящих буржуа и кокетничать с девицами. И конечно же, смотреть спектакли: «Любовь и клинок», «Кровавый амур», «Дьявол кроется в будуаре». Насколько мне известно, репертуар не изменился, просто в названия добавлено слово «добродетель». Благородные злодеи, а иногда и неблагородные разбойники рассказывали со сцены, как дошли до нынешней жизни.

Похоже, мы смотрели одни и те же спектакли.

— Обида каплей за каплей наполняла сердце несчастного, он заглушал темный голос внутри, но был бессилён. И вот однажды эта чаша...

— ...излилась подобием взорвавшегося вулкана, — перебил я просительницу, повысив тон, — и пламенный поток истек, никого не щадя в своем гневе... Горожанка Шивонэ, вы хотите, чтобы ваш неосмотрительный супруг остался жить? — добавил я тоном деловых совещаний.

— Да, — прошептала она.

Похоже, пыталась выдавить слезу, но домашней репетиции оказалось недостаточно.

— Я уже позаботился об этом. На послезавтрашнем суде огласят мое мнение как пострадавшего: «Там, где не было смерти, не должно быть и казни». Не пророк, но предсказываю приговор: пожизненное штрафное колесо.

— Вы очень милосердны, благородны и добродетельны, — с чувством сказала супруга негодяя.

Я понял это чувство, точнее чувства: наигранное чувство благодарности и не скрываемое чувство, что вот это милосердие для нее как раз второстепенно.

— Но все деньги, найденные в доме, пусть их и было немного, конфискованы, — продолжила она.

— Это закон, — вздохнул я. — Работники, даже на штрафном колесе, получают жалованье. Половина причитается Городу на возмещение ущерба, половина половины — на прокорм заключенного, остальное получите вы, — договорил я официальным тоном, понимая, что это издевательство.

— Остальное — три медяка в месяц, — вздохнула Лианса, — а у меня две взрослеющие дочери, непривычные к тяжелой работе. Денег в доме, — повторила она, — и правда было немного. Я не знала, что он вымогает взятки.

Меньше всего мне хотелось шутить и спорить. Город Свободы — не то место, где мошенники могут копить. Конечно же, негодяй тратил взятки в лучших тавернах с кабинетами уединений. Потом, притащившись домой, кидал жене остатки — купи какой-нибудь наряд, может, сам покупал дорогие духи. Может, приносил сладости девочкам.

Сама мадам, конечно, знала о занятиях мужа, но девочки не виноваты. К тому же в ее лице было что-то знакомое.

— Вы живете при мануфактуре? — спросил я

— Да, но нам велено искать другое жилье.

— Можете жить в нынешнем, — сказал я. — Будете надзирать над кухней для рабочих, советую не повторять ошибки супруга. Также я разрешаю взять в дом жильца. Копите приданое для дочерей.

Мне показалось, будто ароматы гости стали еще настырней, а ткань платья — ярче. Не говоря о лице. Невольно перед внутренним взором вдруг встала совсем другая женщина: за серой обтрепанностью неприметного наряда лепесточницы — внимательные глаза, чистое спокойное лицо. Не красавица, но отчего-то запомнилась.

— Гос... брат Этьен, вы столь добры и милосердны. Вы снизошли ко мне, живой вдове преступного мужа. Я...

Гостья привстала, придвинула стул.

— Вы увидели во мне несчастную женщину. Вы так добры. Так добродетельны. И... И так одиноки. Как я бы хотела вас отблагодарить!

Да, я одинок. Пожалуй, единственный плюс наступившей свободы — то, насколько просто стало развестись. Моя бывшая жена, надеюсь, счастлива.

А вот насчет «отблагодарить» — это из пошлой пьески, над которой смеются даже мальчишки. Теперь стало понятно и ее платье, и духи. Она решила дать взятку собой.

Хорошо хоть, не привела дочку! Или двух сразу.

Я позвонил в колокольчик.

— Приготовьте предписание на мануфактуру, — сказал я секретарю, — и отправьте завтра. Покажите выход горожанке Шивонэ, распорядитесь проводить до дома. Я проверю, как было исполнено мое поручение, но очень прошу вас не обращаться ко мне без необходимости. Всех благ, здоровья дочерям!

Наверное, я встал слишком порывисто — просительница прервала поток благодарностей и заструилась к выходу, шурша платьем.

Я открыл окно. Должно выветриться скоро. Снова вспомнилось, кого на одну секунду напомнило мне ее лицо. Та самая странная посетительница Головы-на-плечах с еще более странным и почти знакомым маленьким пациентом. «Почти» — не хочу признаться сам себе, что это он, потому что помочь не смогу.

Нет, она точно не смогла бы так себя вести. Она не девица. Но сохранила то, что женушки и вдовушки Города в эти годы почти не умеют хранить, — женское достоинство. Это чувствовалось во всем, даже в простом повороте головы.

Очень странная, очень интересная женщина. Ставшая хранительницей ужасной тайны. Но при этом интересная мне и без

нее.

«Крошка, ты согласна?»

Длинная кошка внимательно взглянула на меня. И вдруг подняла уши, а шерсть встала дыбом.

Ничего хорошего такая реакция не предвещала.

— Брат Этьен, — быстро сказал секретарь, раскрывший дверь без ритуального стука...

Глава 4

Алина

Утром оказалось, что Паршивец еще тощее, страшнее и покоцаннее, чем я разглядела при лунном свете. Прямо не котенок, а страх божий. А когда мы с Нико его отмыли в ручье — на удивление, мелкий недокормыш не сопротивлялся, только жмурился и уши прижимал — и вычесали репы, от него и вовсе остался шнурок с глазами.

Окрас у шнурка обнаружился самый что ни на есть подзаборно-лесной: серый в полоску. Зато на уцелевшем ухе обнаружилась кисточка, а голова на контрасте с остальным шнурком выглядела непропорционально большой и солидной. После того как шнурок обсох, конечно.

Выражение морды у него было такое brutally-мрачное, что я даже первичные половые признаки проверять не полезла — и так все было понятно.

Магали, в назначенный час поджидавшая меня у крайнего дома и получившая еще один мешочек с почками, помимо всего прочего одарила нас чрезвычайно вонючим, но очень полезным мылом: блохи на Паршивце сдохли в корчах прямо в процессе купания. Я даже смутно припомнила, что, перекладывая покупки из своей котомки в подол моей хламиды, лекарка бормотала, дескать, вши и прочие гады — вещь противная и никому не нужная, даже лепесточникам. Тем более что в этих зарослях проклятых, небось, еще и клещи бывают.

А Франсю, после того как мы выкупали зверя, посуетилась в соседних кустах и притащила пучок какой-то травы, увешанной соцветиями, похожими на больных паучков. И велела заварить, чтобы потом всем выпить. Включая «лесного духа». Она уверяла, что лучше средства от пузятых червей еще не придумали, а что горькое — так и потерпеть можно.

На удивление, кошка даже не шипела, не плевалась и вообще внимательно слушала, что там Нико втолковывал ему вполголоса в обрезанное ухо. Потом вздохнул и позволил влить себе в пасть целую ложку горького, как хина, и жгучего, как перец, зелья. Я сама едва не

скончалась, когда его попробовала, и больше всего хотела бы высунуть язык и окунуть его в ручей, чтобы смыть гадость.

Слава богу, на этом наши ветеринарно-хозяйственные дела закончились, начались просто хозяйственные. Франсю и Луи забрали Нико и отправились собирать сегодняшнюю порцию почек для перекупщиков. Паршивец ушел под куст и там устроился спать. А я осталась готовить обед, — одно удовольствие, оказывается, когда у вас после долгого перерыва есть, из чего можно приготовить! — переоборудовать шалаш, сооружать нормальные постели, нормальный очаг, присматривать за котом и вообще суетиться. Идти за почками-шишками моя очередь будет после полудня.

Насчет очага я, конечно, не специальный специалист, поэтому решила начать с более понятных вещей: набила мешки, которые Магали купила для тюфяков, сеном. Его по краю пустоши, там, где ближе всего к черной пустой земле, было очень много — здоровенные лохматые кочки поросли жесткой длинной травой. Раньше я ее пыталась рвать и едва не осталась без рук: мало того что зараза оказалась упругой и прочной, так она еще и резала ладони.

Но против нормального ножа, раздобытого у лекарки, трава оказалась слабовата и пошла на улучшение наших жилищных условий. Я злорадно опрыскала ее водой с ядреным лекаркиным мылом, высушила на солнышке и похихикала в сторону местных клопов: фигу им, а не комиссарского тела. А то я уже нашла на собственных боках подозрительные красные пятнышки. Может, конечно, ветки кололись... но лучше перебдеть.

Закончив с самыми срочными делами и мысленно вздохнув по поводу нормальных человеческих условий, которых все равно в шалаше не достигнуть, я присела на минутку рядом с котом и немного поностальгировала сначала о том, что в доме лекарки можно было сидеть за нормальным столом на нормальном стуле и умываться не из ручья, а из подобия старого дачного, зато самого настоящего рукомойника...

Потом не выдержала и всхлипнула. Уже не из-за бытовой тоски, а просто... я же все время гнала от себя мысли о доме. Мужа и детей у меня нет, слава богу, но есть родители! Есть сестра, есть друзья, с которыми я пуд соли съела и еще столько же собиралась съесть. Как они там? Столько времени прошло, с ума ведь сходят.

А я, получается, пополнила жутковатую статистику пропавших без вести... Неужели и правда — вот это все вокруг навсегда? Я не увижу своих? Не вернусь домой?

Шершавый, как наждачка, язык неожиданно слизнул катившуюся по щеке слезу. Я дернулась и чуть не уронила кота, который уперся передними лапами мне в колени и серьезно заглядывал в глаза.

— Спасибо. — Последний всхлип утонул в громком и выразительном «мур-р-рвур-вур», я вытерла лицо и улыбнулась: — Хороший котик. Может быть, даже не лишайный. Хочешь каши? Немного осталось холодной, на всех не хватит, я только для Нико в миску отложила, но он, я уверена, не будет возражать и поделится с тобой.

— Вур-ра-а-ау! — такое впечатление, что кот понял все слова до одного и очень одобрил замысел.

Хотя я не сделала ни единого движения в сторону подвешенного на тонкую ветку дерева котелка, в котором и пряталась миска с остатками каши для мелкого.

Выделив ему треть малышовой каши, я вздохнула и иронично пощупала себя за складку на животе. Складки не было. И никакого фитнеса не понадобилось.

Ну и ладно, должно же быть хоть что-то положительное в этой истории? И вообще, хватит думать, прыгать надо. В смысле — пока все заняты, пойти к проклятой земле и, во-первых, собрать самых крупных почек для Магали, а во-вторых, проверить, как там мои тюльпаны. Вообще-то, должны были проклюнуться.

Паршивец не захотел оставаться в лагере один, вот только что сидел на солнцепеке и вылизывался после внеочередной трапезы, и раз — уже бежит следом, недовольно мяукая.

Я попробовала на него шикнуть — бесполезно. Махнула рукой и решила: хочет — пусть идет. Устанет — ну, понесу немножко. Кот, не кабан же.

Хотя идти на самом деле было совсем недалеко. Все же полоса кустов вокруг проклятой земли не слишком широкая — не больше километра. Вообще, конечно, странно город устроен, если у него по центру такой здоровенный пустырь. Или я ничего не сообразила, а королевские сады на окраине? Ну, логично, вообще-то... надо будет уточнить у наших лепесточников.

За этими мыслями я добралась до собственного цветника. Раздвинула последний куст, мешавший рассмотреть кусок земли, и затаила дыхание.

Лирэн

Главного редактора «Листка свободы» я видел впервые. Маленький, сгорбленный, лысый — с опасной и обманчивой внешностью. Его ремесло очень опасно. Например, напишет газета, что у капитана в сиротском приюте была кличка «Крысенок» — и что с этим делать? Даже если выйдет опровержение, первое слово всегда окажется дороже любого второго.

Поэтому главного редактора я навел лично.

— Добрый день, уважаемый брат Лирэн, — сказал он, закрывая дверь, — у вас есть рекомендации по содержанию нашей газеты?

Сказано было максимально вежливо и беспечно, тревогу почти удалось скрыть.

— Практически нет, — улыбнулся я, — единственное, мне кажется, что вы уделяете блюстителю Созидания меньше внимания, чем эта персона заслуживает.

— Хотите еще больше? — облегченно улыбнулся редактор. — Нам это нетрудно. Мы готовим материал о том, что в квартале, где живет этот министр, за последний год трижды пропадали маленькие дети. Никаких обвинений, что вы! Только рассказ о пропавших малышах и маршрут кареты брата-вельможи Этьена. Мы не вправе помешать людям мыслить и приходиться к выводам.

— Я бы предложил чуть менее обвинительный подход. В статье на первой полосе вашей газеты. У меня есть несколько мыслей о том, что могло бы в ней быть.

— Позвольте...

Редактор взял короткий карандаш, придвинул лист бумаги.

— Уважаемый брат Этьен уникален своей скромностью и трудоспособностью. Он занят так, что у него нет времени отвечать на критику. Недавно он спас женщину от злодея — здесь побольше красивых и кровавых подробностей, вы должны их знать или хорошо выдумать. Спас, но запретил об этом говорить. Но такие благородные дела — кинжал без ножен в ранце.

Карандаш носился по бумажному листу, на лице редактора была удивленная и испуганная улыбка.

— Можно заметить, что ни один из других блюстителей не решился бы на такой самоотверженный поступок. И предположить важную особенность умного, скромного и отважного брата Этьена: он вполне справился бы с обязанностями любого другого блюстителя, но никто не смог бы заменить его на его посту. И то, что брату Этьену доверено лишь производство, — предрассудок, не позволяющий в полной мере использовать деловые качества бывшего аристократа, который в свое время совершил личное восстание против короля.

Редактор непонимающе взглянул на меня, потом усмехнулся, а потом стал совсем серьезен.

— Вы понимаете, что ваша просьба ставит нас в очень непростую ситуацию. До этого дня мы неоднократно писали о брате Этьене, но...

Я аккуратно поставил на столик перед редактором два столбика, упакованных в ткань, одинаковой высоты.

— Сто? — почти прошептал редактор, а я кивнул, оценив профессиональное умение видеть конечную сумму не пересчитывая.

— Мы можем опубликовать письмо читателя с его частным мнением по поводу личности брата Этьена, — неторопливо заговорил он.

— На первой полосе газеты и заставив мальчишек-разносчиков выкрикивать содержание, — уточнил я, поставив еще один столбик.

— Это возможно, — улыбнулся редактор, не трогая столбики, — но газета ради своего реноме будет вынуждена опубликовать письмо другого читателя, с немного другим мнением о брате Этьене. Иначе невозможно.

— Да, — согласился я, — но только в следующем выпуске газеты. Письма, хулящие и хвалящие брата Этьена, не должны быть рядом.

Редактор молчал. Я поставил на стол четвертый столбик золотых монет.

— Договорились, — сказал он после короткой паузы и подталкивая столбики к себе. — И все же, — добавил он чуть тише, — вы понимаете, какие последствия вызовет эта публикация для уважаемого брата Этьена?

Я широко улыбнулся и встал. Редактор понимающе кивнул.

Полчаса спустя меня ждал разговор в заброшенной башне, куда менее приятный. В обязанности маршала входит суд, и сегодня для

него был очень серьезный повод.

Подсудимого втолкнули в полутемную комнату. Он неуверенно вошел на середину, оглянулся, увидел меня, поклонился.

— Подойди к стене, к факелу, — велел я, — и представься.

— Простите, маршал, меня зовут Габош, — неуверенно произнес парень лет на пять младше меня.

— Габош, расскажи, что ты сделал, и помни, что прощение начинается с искренности.

Парень сделал глубокий вдох и начал сбивчивый рассказ о том, как недавно он зацепился языком с соседом, капралом стражи, и спросил: сколько начальство заплатит за очень серьезную и важную тайну? Дуралей ничего не пообещал капралу за посредничество — просто «скажи, сколько твои платят», и все. Но служака без награды не остался — он прекрасно знал, кто его собеседник, и получил пять монет за то, что сообщил нашему квартальному капитану: ваш паренек торгует тайнами.

Я печально вздохнул. Расплатиться с дуралеем полагалось мне, причем собственноручно.

— Габош, ты даже не пытался поделиться этой тайной со своим лейтенантом, не говоря уже о капитане? — спросил я с нескрываемой надеждой.

Бедняга замотал головой. Потом сообразил, что молчание — себе дороже, и быстро сказал:

— Маршал, я готов поделиться тайной с вами, прямо сейчас!

— Так не пойдет, Габош. Ты выставил свою тайну на торг, а мы никогда не берем то, что имеет цену, за просто так. Даже у самой последней крысы, — добавил я, почти не изменив тон. — За сколько ты был готов продать свою тайну страже?

— За... за двадцать или тридцать монет.

— А за сколько ты продашь ее мне?

— За одну монету, — прошептал побледневший парень.

Я кинул золотой кругляшок. Габош немного поползал за ней по полу, нашел, поднял и начал рассказ.

— Я приютский, из того приюта, что был в королевском дворце. Попал туда за неделю до того, как умер Маленький тюльпан. Вы понимаете?

Я кивнул. У наследника короля были разные прозвища.

— Я с ним не общался почти, видел в столовой. А неделю назад, когда мы носили раненого капитана к лекарке, увидел мальчишку. И вот не знаю, может, ошибаюсь... Но он похож.

Габош продолжал бормотать.

Я молчал, стараясь успокоиться. Во-первых, дураку — жить, тайна, которую он хотел продать, не касалась Ночного Братства. Только вот стоила она не двадцать монет, а раз в десять больше.

Во-вторых, что делать мне? До этой минуты мальчишка казался прикрытием, отводом глаз у странной дамочки. Хотя мальчишка породистый, я мог бы сам заметить. Пожалуй, сначала стоит на него поглядеть самому. И чем меньше будет попутчиков в этой истории, тем лучше.

И нельзя оставить без наказания дурака.

— Габош, — сказал я, вставая со стула, — напомни клятву, которую ты дал, вступая в Братство.

Парень заикался, запинаясь, но вспоминал относительно складно. Когда он дошел до слов: «И делить с Братьями свою добычу», я остановил его.

— Ты понял, что понес добычу на продажу, не поделившись?

— Да, — кивнул Габош.

— Это не последнее предупреждение. А единственное.

Я выхватил клинок. Мне хватило двух секунд — Габош даже толком не вскрикнул, а просто скривился от боли, озираясь — куда делось его левое ухо.

Я отвернулся, обтер клинок и вызвал лейтенанта.

— Помоги ему, чтобы обошлось без лекаря.

Алина

Вообще, сажать тюльпаны несложно. Ямка в три глубины луковики, конусообразная, на дно немного — совсем немного — удобрений и чуть соломы, чтобы будущий цветок не проваливался слишком глубоко. Если луковица подпортилась — срезать больное место, присыпать углем. Поливать в меру, при нормальных дождях — вовсе не лезть, само впитает сколько надо.

Подходящее время года опять же. Хотя в этом королевстве кривых цветов, как я выяснила, почти вечная весна. Ну, раз весна, значит, тюльпану самое место.

Было бы удивительно, если при соблюдении всех условий нормальный цветок не проклюнулся бы. У меня это просто в голове никак не укладывалось.

И что же? Я оказалась права!

Один, два, три, пять, семь... все семь луковиц! В смысле, семь нежно-зеленых стрелок среди слегка рыхлой прогалины, в одну линию, аккуратно и стройно. Ура? Ура!

— Это что? — Жаркий шепот возле уха едва не заставил меня клонуть носом в свежую грядку.

Слава всем тюльпанам мира, сразу дошло: это Нико, а не кто-то посторонний и даже не наши лохматые лепесточки.

— Никогда не подкрадывайся ко мне со спины, — едва отдышавшись, выдавила я. — Пожалуйста.

Но, кажется, мои слова пропали впустую, потому что его мелкое высочество меня не услышал. Да он и дышать забыл, во все глаза тарашась на проросшие будущие цветочки. Вот натурально замер как мраморная статуя, даже тонкое горлышко в вырезе мешковатой хламиды не шевелилось.

— Нико! — окликнула я жертву цветочного гипноза, а когда не помогло, потянулась и постучала его ладонью по спине.

Мальчишка вздрогнул, ожидаемо поперхнулся воздухом и закашлялся до слез.

Пока я усаживала дите под куст и успокаивала, взгляд упал на кошачью морду, маячившую среди листы. Выражение у нее было

наполовину хитрое, наполовину виноватое. Короче говоря, такое, что я сразу догадалась:

— Ах же ж, мелкий шпион! Это ты его привел? Зачем?!

— Не ругай Паши. — Нико наконец-то прокашлялся, но голос все еще звучал сипло.

И порядком ошарашенно. Я уже не говорю про глаза, которые на худющем личике казались теперь ненормально огромными. Ни дать, ни взять — сбежавшая с экрана ноутбука анимешка.

Воспоминание уже привычно царапнуло душу глухой тоской и я поспешила прогнать его подальше. Жить надо здесь и сейчас. Особенно когда возле грядки нарисовалась слишком заинтересованная проблема.

Нико окончательно пришел в себя только после того, как Паршивец вылез из своего укрытия, забрался к нему на колени, обмурлыкал и тщательно вылизал шершавым языком мальчишескую физиономию. А когда он очнулся, я чуть было не потеряла свою с таким трудом обретенную клумбу.

Потому что его магия решил мне помочь и заставить цветы вырасти и распуститься прямо здесь и сейчас. Естественно, с помощью волшебства.

Это еще хорошо, что помогать он решил не всем росткам сразу, а выбрал самый крайний с того боку, что ближе всего к нам. И минуты три сосредоточенно дышал на него носом через сложенные ладошки. А потом уселся по-турецки и вперил взгляд в зеленую стрелку, торчащую из земли.

Я с интересом наблюдала за его действиями, хотя на самом доньшке души скреблась какая-то колючка-сомневалка. Что-то было не так во всем происходящем, но я, увы, не успела сообразить, что именно.

Сначала загипнотизированный и согретый дыханием росток очень взбодрился и начал на глазах увеличиваться. Острая зеленая пика вытянулась и раскрылась стеблем и листочками, потом на конце стебля набух бутон. У меня аж в животе заледенело — какая красота! Нет, я видела такое на экране, когда весь процесс много дней снимают на камеру, а потом пускают в быстрой перематке. Но вживую-то выглядит в миллион раз волшебнее!

Прямо настоящая магия, которую я впервые своими глазами видела так близко. И уже хотела вслух обрадоваться, когда катланк, внимательно наблюдавший за представлением, тревожно мяукнул.

Тюльпан, удивительно яркий, лилово-розовый, только начал по-настоящему раскрываться. И вдруг... что-то случилось. Так же быстро, как до этого рос, цветок начал чернеть, скукоживаться, словно его охватило невидимое пламя. Всего несколько секунд — и на месте зеленого ростка осталась уже знакомая выжженная проплешина.

Нико загнанно вскрикнул и я моментально забыла о ботанике: у ребенка пошла носом кровь. А еще он так безутешно рыдал, что сердце буквально рвалось на части.

— Тихо-тихо-тихо, мой тюльпанчик. — Я села прямо на землю, затащила ребенка на колени, обняла и позволила ему уткнуться мокрым лицом мне в плечо, выплакивая в него всю несправедливость этого мира. — Ну что ты, цветочек мой... ну поплачь, поплачь. Пусть боль выльется. Плакать — очень правильно...

Тихонько гладила мальчишку по спине, заодно позволяя катланку тоже забраться на свои колени и прижаться к мелкому, утешительно мурлыкая.

Постепенно слезы утихли, Нико стал меньше вздрагивать и всхлипывать. Но прижиматься ко мне не перестал. Да мне и не надо было, самой не хотелось его отпускать.

— Все? — спросила я спустя некоторое время, глядя одновременно и ребенка, и котенка, распластавшегося по нам обоим.

— Да... — Нико шмыгнул носом и быстро вытер мокрые щеки рукавом. — Только... больше не будет цветов... никогда. Это я виноват...

— Не-не-не! — пришлось сесть и перехватить мелкого иначе, чтобы он сидел верхом на моих коленях, а кота мы и вовсе зажали между собой. Так было удобнее говорить, глядя маленькому тюльпану в лицо. — Что значит «не будет»? Вон, смотри! Еще шесть штук вполне бодро торчат, растут и никуда не денутся, будут цвести, как миленькие.

— Они тоже умрут, — безутешно всхлипнул Нико. — Все цветы умирают...

— Вот еще! — Я решительно расцеловала маленького принца в обе замурзанные и мокрые щеки. — И не подумают! Просто не надо

их торопить и подстегивать магией. И тогда все будет хорошо.

— Думаешь? — Нико глянул на меня с такой смесью надежды и отчаяния, что я закивала головой, как настоящий китайский болванчик.

— Уверена! Ведь та болезнь, от которой погибли прежние сады, магическая. А на наши цветы, из нашего мира, которые сюда привозят, она не действует — стоят в растворе и позволяют вам дышать. Значит, если вырастить эти тюльпаны без магии, обычным способом...

— Наши? Из другого мира? Обычным способом? — Нико открыл рот.

У него даже глаза стали круглые, рыдать сразу забыл.

— Упс... — Хотелось с размаху вlepить самой себе подзатыльник. Вот дура болтливая! — Ты же понимаешь, что это страшный секрет? — Я очень серьезно посмотрела мальчику в глаза. — Ничуть не меньше того, который о твоём происхождении. Или об этой нашей с тобой тайной клумбе. Никому нельзя рассказывать. Вообще никому.

Лирэн

— Они сказали, что старик прогнал женщину с мальчишкой?

— Да, оба соседа. Причем каждый повторял, что, кроме него, это могут подтвердить лепесточники с других участников.

Я кисло улыбнулся. Тайну слова «кроме» знают и дети, и взрослые. «Дай мне леденец, клянусь отдать завтра вечером, ведь у тебя нет честных друзей, кроме меня». Чтобы не попасться на такую хитрость, сопляков следует заставить повторить обещание. Так, чтобы слово «кроме» не прозвучало.

— Услышав «кроме», вы решили порыться всерьез?

— Не успели. Когда мы вернулись в «Сухую глотку», там оказался лейтенант стражи и захотел узнать, чего мы требовали от лепесточников. Мы договорились, что не отвечаем на вопрос, если немедленно уйдем.

Ругать парней не было смысла — они сделали что могли. Братство с незапамятных времен жило на договоренностях с властью. Одна из них — почки на пустоши. Сборщики сдают их только скупщикам, скупщиков охраняет стража, золотая пена этой кухни течет блюстителю Справедливости. На самом деле — персоне, которую в шутку и всерьез называют королем Свободы, блюстителю Добродетели. О том, что Братство не влезает в этот бизнес, договорился еще мой предшественник. А я подтвердил договор, когда стал маршалом.

Поэтому моим ребятам бродить вокруг пустоши — все равно как, не надышавшись цветов, лечь отдыхать на песочек. Уносить ноги придется очень скоро.

Понятно, запреты существуют для того, чтобы их нарушать. Но всякий раз надо четко понимать, во сколько это обойдется. Предположим, прямо сейчас в эту дверь введут единственного отпрыска свергнутой династии. И что мне с ним делать?

У маршалов своя клятва перед Братством. Я обязан думать о его интересах. Значит — немедленно договориться с блюстителем Добродетели о цене, которую он даст за мальчишку. Или в золоте, или в привилегиях. Уверен, в этом случае он за ценой не постоит.

Уверен я и в другом: если он узнает, что принц у нас, начнется немедленная война на уничтожение. Договоренностей с Советом четырех у нас несколько, и самая серьезная — не про пустошь и не про почки. Мы просто не лезем в дела власти. А держать у себя наследника престола — самое явное покушение на власть.

Это мне скажет каждый капитан, каждый лейтенант Братства: мальчишку надо отдать, и немедленно. Бывают случаи, когда лучше продешевить, чем промедлить. Если же найти мальчишку и спрятать по хорошему надежному адресу, — спрятать не от стражи, от своих, — то чем я буду отличаться от крысливого Габоша? Нет, буду, сделаю гораздо хуже: одно дело торговать тайной, другое — спрятать у себя эту тайну вживую.

Я рассмеялся над собой — вспомнил старую сказку о глупце, который поймал кролика, начал в мыслях обменивать и продавать с выгодой, а когда башня фантазий поднялась до сундука с золотом, кролик вырвался и ускакал.

Мальчишка и его странная патронесса должны быть на пустоши.

Надо удостовериться самому. Сделать то, что не удалось моим людям. Заодно проверить, способен ли я повернуть такую штучку.

И еще меня интересовала дамочка. Самое странное, после нашей недолгой встречи интерес касался уже не вопросов, откуда она и какие у нее способности.

Она очень умна, как мне показалось. Мимолетное ощущение, укол интуиции, которой я привык доверять. А еще женщина красива, причем не той красотой, которой нарочито слепят чужие глаза. Опасное сочетание — ум и красота. Было бы интересно увидеть ее в чем-то другом, чем мешковина лепесточника.

Впрочем, для этого ее надо просто увидеть. Чем я и займусь.

Этьен

Настроение было хуже некуда, как и положено после плохих новостей. Так что Крошка сердилась не зря.

У блюстителя Добродетели есть привычка — перед тем как что-то обсуждать на Совете, поговорить с каждым из нас. Для этого он и пожаловал. Отказался от бокала вина — впрочем, я не был настойчив — и приступил к делу сразу:

— Мы в очень плохом положении, надеюсь, вы понимаете и без меня.

Я понимал. Я мог бы и сам продолжить его монолог. Доходы падают, средств на заграничные цветы зарабатываем мало, в сундуках свергнутого короля уже показалось дно. Плохо с пищей — дождей нет, горные реки, которые питают город и окрестные поля, иссыхают. Недовольство повсюду, и можно гадать, чего ждать в первую очередь: бунта голодных, бунта измученных жаждой, бунта задыхающихся.

Все это я знаю и мог бы сам сказать. Но интересно, к какому выводу придет мой гость.

— В Городе слишком много дармодышащих, — заявил собеседник. — Их число нужно сократить.

Я промолчал и тут, хотя мог бы заметить — аристократов сократили, в смысле уничтожили. Дышать легче не стало.

— Необходимо начать с лепесточников, — продолжил блюститель Добродетели. — К ним постоянно прибивается различный посторонний народец, каждый из них собирает почки по два-три часа в день, а остальное время они пьют и спят.

— Вам виднее, — ответил я, — но, если не будет лепесточников, кто же соберет почки?

— На пустошь можно приводить бригады приговоренных к колесу — разнообразная работа всегда полезна. Двое-трое надыханных стражей заставят два десятка оболтусов за день выполнить норму, которую лепесточники выполняют за неделю.

— А куда денутся лепесточники? — спросил я.

— Свобода требует тяжелых решений, — вздохнул собеседник. — Для самых сильных вы найдете место на мануфактурах, что же

касается слабых, то смерть иногда избавление.

— В народе говорят: лепесточника убить — свое счастье погубить, — заметил я. — Эта мера не понравится многим. Не поискать ли нам иные пути? Например, узнать, за сколько лепесточники сдают товар и сколько денег остается скупщикам. Может быть, это...

— Кстати, насчет того, что говорят в народе, — перебил меня собеседник. — Мне сообщили из типографии «Листка свободы»: завтра должна выйти очень интересная статья. Кто-то считает, что из всех бюстителей-министров только вы справляетесь со своими обязанностями. Интересно, кто?

— Мне это тоже интересно, — ответил я с улыбкой, хотя с огромным трудом сдержал удивление. — Газета про меня и прежде писала много чего, я никогда не спорил.

Мы несколько секунд глядели друг другу в глаза.

— Этьен, — наконец произнес гость, — вы и вправду хорошо справляетесь со своими обязанностями. Но заменить можно каждого.

Я назвал эту мысль очень мудрой. После чего намекнул, что готов прощаться.

Уходя, бюститель Добродетели повернулся ко мне.

— Да, напомню насчет мальчишки-самозванца...

— Так его все еще не нашли? — усмехнулся я.

— Не нашли. Но тот, кто найдет его раньше меня, сообщит мне в тот же час, лучше в ту же минуту. Тому, кто захочет укрыть самозванца, замена будет найдена немедленно.

И ушел, больше не сказав ни слова.

Алина

— Конечно, я понимаю. — Тюльпанчик завозился у меня на коленях и снова обнял обеими руками за шею, умудрившись зажать безропотно муркнувшего кота между нами. — Я сразу знал, что ты не такая, как все... Но про цветы... ты уверена? Точно уверена, что они вырастут и расцветут?

— На все сто! — Эх, хотелось бы на самом деле так чувствовать. А то ведь сомнениям в голове так просто не прикажешь: вон пошли! Они, сволочи, роятся, как дрозодилы над подкисшим помидором, и жужжат, жужжат в самую душу: а вдруг ничего не получится, а вдруг? — Даже больше!

С другой стороны — вот почему бы цветам не вырасти? Ведь вон они, торчат из почвы, острые, нежно-зеленые и совершенно настоящие. И луковки были здоровые, не склизкие, хорошего цвета... Короче говоря, я постановила: здесь будет город-сад. Даже и без города можно.

Нико сидел-сидел, пыхтел мне в шею и явно думал, какими бы вопросами меня засыпать. То ли про цветы, то ли про другой мир. А кот мурлыкал. И неожиданно, но очень удачно ребенок задремал. Я выдохнула и малодушно понадеялась — а вот если унести отсюда мелкого, вдруг получится убедить Нико, что ему все приснилось?

Совесь моя проклюнулась почти сразу, так что я сама себя пнула и отругала. Этот ребенок к своим восьми-девяти годам пережил такое, что на двух взрослых хватит, и уж точно научился отличать сон от яви. И кто помешает ему улучшить момент, проверить кусты и найти клумбу? Вот именно.

Нико я аккуратно умыла влажным куском ткани — хорошо, что крови из носа накапало совсем чуть-чуть. Уложила чуть в стороне от клумбы под особо развесистый куст и посадила на накидку рядом с ним Паршивца, строго велев:

— Охраняй!

Кот посмотрел на меня так, словно все понял, и послушно улегся вдоль вытянутой маленькой руки. Положил лобастую башку на локоть Нико и снова завел свою мурлошарманку-колыбельную.

А я отошла на пару шагов и снова села — отдышаться. Слишком много всего случилось за короткое время. Тут надо бы хорошо все обдумать... Ага, обдумала одна такая. Мысли на этот раз повели себя не как мушки, а как натуральные тараканы — брызнули в разные стороны и забились в щели между извилинами, как только я включила в мозг «свет».

Я посидела минуты три, плюнула и решила: если не думается головой, значит, надо поделаться что-то руками. В частности, полить клумбу, присмотреться повнимательнее к каждому ростку, потом сбегать на пустошь и выковырять еще десяток луковиц. Или два десятка. Половину тут посадить, будет вторая клумба. А половину...

Что, если зайти подальше вглубь черной пустоши и попробовать организовать секретные посадки прямо там? Я же могу принести туда и земли немного отсюда, и травы на подушечку для луковицы, и воды для полива. Так, решено. Будет у меня две секретные экспериментальные клумбы и одна супер-два-раза-секретная.

Нико спал как младенец. Я запоздало сообразила, что во всем виновата его магия — мелкий выложился по полной и просто устал. Так что, скорее всего, будет спать долго.

— Я отойду, далеко. — Отчего-то разговор с кошаком получился на полном серьезе, словно он действительно понимал людскую речь. Впрочем, чему удивляться? Это в человеческой природе — наделять животных собственными чертами. — Мелкий спит, и хорошо бы, чтобы спал подольше. Но если вдруг проснется или ему что-то будет угрожать — зови меня. Понял? Ори, голосина у тебя о-го-го какой. Сам в драку не лезь, маленький еще.

И слегка офигела, когда внимательно слушавший катланк кивнул. Взял и самым натуральным образом кивнул!

Елки зеленые, что за мир... то у них цветы магичат, то коты кивают. Не удивлюсь уже, если в один прекрасный день этот шнурок с глазами начнет разговаривать.

Организовать клумбу в самом сердце проклятой пустоши, с одной стороны, оказалось проще, чем думалось. А с другой — сложнее.

Нужное количество луковиц я откопала довольно быстро, хотя и перемазалась по уши в серо-черной пыли. Заметила странную вещь: чем дальше от края бывших королевских садов, тем мельче луковицы и

тем глубже они в почве. Словно сами попрятались туда, куда вообще-то корни нормальных тюльпанов не закапываются.

А еще само качество этой странной пыли внушало мне опасения. Не верилось что-то в плодородность подобной почвы. Значит, что? Значит, надо натаскать не только травы, воды и луковиц, но еще и нормальной земли. Куда натаскать? А вот место оказалось как раз легко найти. Мне требовалось такое, чтобы было спрятано от посторонних глаз — мало ли какой лепесточный орел с края рощи углядит цветущее нечто. Так вот, королевские сады только на первый взгляд казались плоской равниной. А на деле оказались изрезаны неглубокими лощинками. Словно кто-то очень давно провел по земле гигантским гребнем, расчертив ее волнами.

Ложбинки неплохо прогревались на солнце и были спрятаны не только от посторонних глаз, но и от ветра. Это хорошо. А вот таскать туда все нужное — ы-ы-ы. Я взмокла и шепотом ругалась самыми заковыристыми названиями растений на латыни. Почему-то это казалось уместным и неплохо помогало сбрасывать пар.

Когда с новой грядкой было покончено, я проверила, не проснулся ли маленький принц, походя погладила кота и, тихо вздохнув о своей заезженной делами доле, пошла собирать почки. Раз уж я теперь точно знаю, что от местных проклятий мне ни холодно, ни жарко, так и растения я обобрала самые крайние, те, которые никто, кроме меня, никогда не трогал.

Полный мешок добычи натрясла буквально за полчаса, тогда как обычно сбор такого количества зеленоватых смолистых шариков требовал чуть ли не полдня трудов. Надо взять на заметку. Зачем мучиться в тех кустах, где урожая меньше, если можно улучшить момент, сбегать туда, куда никто, кроме меня, не сунется, и быстренько покончить с работой.

Нико проснулся только к вечеру, когда я давно уже принесла его в шалаш, приготовила обед-ужин, успела поболтать с нашими лепесточниками и напоить кота второй порцией горькой травы от «пузырных червей». Мелкий продрал глазки, но все равно моргал осоловело и явно был не прочь поспать еще примерно часиков десять.

А самое главное, за что его просто хотелось расцеловать, Нико молчал. Ни тебе вопросов, ни детской болтовни. Это нормально, когда у ребятенка впечатления и страшные секреты дольше первой встречи с

приятелями не держатся. Это значит, что малыш растет в безопасности и доверии к миру. Но сейчас не менее замечательно было то, что наш маленький тюльпан достаточно повзрослел, чтобы уметь сохранять важные тайны.

Третья порция пахучих смолистых почек привела Магали в состояние восторга и ажитации. Она зачарованно перебирала пальцами в мешочке и очень глубоко дышала. Бормотала еще себе что-то под нос про вытяжки, возгонки и дистилляцию. А потом полезла в другой кошель за золотом.

Получила в ответ мой укоризненный взгляд и опомнилась.

— Два мешка чечевицы, копченый окорок, четыре одеяла, сушеные овощи, полотно на одежду и на белье, которое потоньше, нитки, иголки и ножницы, — начала бодро перечислять лекарка, перекладывая с места на место разные свертки и кули в одноколесной тележке, похожей на строительную тачку. — Но это все еще за прошлую партию, и я остаюсь должна больше половины суммы! Может, зелья какие? Лекарства? Вещи посерьезнее?

Я поняла, что лекарка готова, скорее, остаться моей должницей, но получить еще одну партию почек. Хоть завтра. Договорились на послезавтра — я помнила просьбы своей новой семьи не обделять товаром и обычных скупщиков. Если совсем по чесноку, я их все же обделяла, не весом, а качеством. Собирала в два мешка, и все, что покрупнее, шли в тару для Магали.

М-да. Нет, лекарства нам, конечно, пригодятся. Надо только сообразить, какие именно. Аптечку собрать — всегда дело хорошее. А вот насчет серьезных вещей — все сложнее.

Мне Луи с Франсуазой вчера вечером многое объяснили. Хотя я и сама догадывалась, но все же когда сказано вслух, то сразу становится нагляднее.

Конечно, лепесточники тоже люди. Они были бы не прочь жить в нормальном доме, — в их интерпретации дом все равно был переносной, что-то типа юрты, как я поняла, — пользоваться добротными вещами, содержать кое-какой домашний скот. Нормально питаться, опять же, любят все, даже лесные люди с загадочными обычаями.

Но вместе с тем реальная жизнь диктует свои условия. Луи, сурово сунув брови на догорающий в ямке костер, долго вздыхал и чесал бороду, прежде чем выдать полный расклад. И расклад этот вышел уж больно невеселый.

Лепесточников не оставят в покое. Даже если мы не попадемся перекупщикам с нашим левым каналом лекарского сбыта, эти жадные господа рано или поздно захотят увеличить барыши. И первым делом исключат из цепочки такое своевольное звено, как лепесточный народец.

Когда беда случится, угадать невозможно. А поэтому лучше быть готовыми в любой момент. Я зря подумала, что абсолютный минимум удобств у этих людей — от страшной бедности и неумения заработать чуть побольше денег. Нет, сложно было, конечно, особенно когда скупщики откровенно обманывают с ценами.

Но все равно, это не единственная причина аскетизма. Просто чем меньше ты имеешь, тем меньше потеряешь. А еще — дальше и быстрее убежишь, когда настанет момент.

Первый пожар в рощах лепесточников многому научил. Пусть важные господа и простые горожане считают их странности синонимом дикости и глупости. Они ошибаются. Лохматый народец тысячелетиями выживал рядом с проклятыми землями не просто так.

А еще они, вопреки первому впечатлению, очень сплоченное общество. Которое умеет собраться в единый кулак и если не ударить, то хотя бы отвести чужой удар. Умеет собрать и проанализировать слухи, чужие мысли, болтовню и даже взгляды.

Правда, пока старейшины загадочного народца еще не знали, куда им увести своих людей. Но они думали над этим и даже, как я поняла, отправили какое-то количество разведчиков в разные концы известных им земель. Лепесточники собирались уходить надолго, обрывая все связи с другими людьми.

И именно поэтому не хотели обзаводиться нужными, но громоздкими вещами.

— Тут дело такое, Лина, — грустно рассуждала Франсю. — Привыкли мы с горем пополам, но обходиться малым. Трудно было привыкать, больно. А приноровились как-то. И теперь что — сейчас вещичек накупим, а к хорошему-то телу в момент прильнет. И снова через боль бросать все? Не хочется...

— А и без припасов уходить опять же страшно. — С другой стороны костра завозился Луи. — Думать надо... сильно думать.

Вот теперь, встретившись с Магали, я усиленно думала, как завещал наш лохматый Луи. Который даже в голове не держал, что они с Франсю уйдут одни, без нас. И припасы, которые он мне наказал запросить за почки, больше касались будущего выживания Нико, ну и моего. А лохматые лешие, по их словам, обойдутся малым.

Встряхнувшись, я еще раз переворошила в голове эти воспоминания и деловито принялась перечислять Магали, чем именно она может теперь расплачиваться за почки:

— Нам нужно сухое мясо, знаешь, такое, тонкими полосками? Чтобы с прожилками сала обязательно. Вот прямо мешка три можешь этого мяса притащить, сколько бы оно ни стоило. Потом... ага. Гороховая мука. Мешок. Мазь, вон ту, универсальную, для заживления любых ран. Сухие пилюльки, все три вида. Сушеные овощи. И фрукты можно. Ткань, только шерстяную и самую толстую-теплую, какую найдешь. Кожу, погрубее и попрочнее, с одну овчину...

— Уходить собрались? — спросила вдруг Магали, которая до этого спокойно чиркала что-то на клочке бумаги, словно ей вполне хватало лунного света и того тусклого, словно одинокий светлячок, фонаря, что горел в половине квартала от места нашей встречи.

— Скорее, зимовать, — уклончиво ответила я.

Ну да, зима здесь очень относительная, во время нее даже цветы не перестают цвести. Точнее, не переставали раньше. И настать она должна еще через несколько месяцев.

Магали остро глянула в мою сторону, лунный свет отразился в ее зрачках. Потом она вздохнула и почему-то оглянулась, прищурившись на тот самый одинокий фонарик. Показалось или там кто-то зашевелился?

В любом случае лучше лишний раз не нарываться. Я подцепила Магали за локоток и живо утащила ее в кусты. Обычно сюда никто из жителей города уже не заходил. Я сама видела: буквально три шага от границы роши — и незваный гость начинал задыхаться. А ведь это всего лишь горожане, из тех, что победнее, старались собрать жалкие ошметки хвороста, чтобы растопить дома плиту. Видимо, совсем нищие, раз рискнули.

Магали сначала открыла рот и вытаращила глаза, как рыбка, которую вынули из аквариума. Потому что я ее на те три шага вглубь и затащила. Но вдруг удивленно моргнула и застыла столбом.

— Там кто-то был, лучше не рисковать, — на всякий случай объяснила я. — Давай я тебя проведу до другой улицы... я тут уже присмотрелась немного. Бросай тележку, уходи сегодня налегке. Я тебе ее выкачу под утро куда-нибудь поближе к дому, потом заберешь.

— Как так? — отчего-то шепотом спросила девушка, положив руку себе на горло.

Потом она оголила запястье и принялась считать себе пульс. Об остальном Магали, кажется, забыла.

Этьен

На родителей я не жаловался ни в детстве, ни во взрослые годы. Во-первых, они не отдали меня в Благородный пансион, считая, что там подростки учатся преимущественно порокам. Еще как были правы! Во-вторых, дома я почти не шалил, домашние учителя радовали отца рассказами о моих успехах, поэтому он на меня почти не обращал внимания. Гуляет мальчик по саду, сидит в беседке за книгой — и славно.

Родители очень удивились бы, узнав, что в беседке за раскрытой книгой в сыновьем камзоле сидит кухонный или конюшенный мальчишка, разглядывает картинки и поедает оставленный ему мармелад. А я, в его куртке и надвинутой на глаза шляпе, слоняюсь по окрестным улицам.

Ни разу не разоблачили!

В этот вечер мне пригодилась детская сноровка. Я выбрал самый подходящий ночной костюм — смотрителя фонарей. Он бродит по улицам с крюком на недлинном шесте и, увидев погасший фонарь, подтягивает вниз, чтобы вернуть темноте почти бесполезный, но привычный огонек.

Как блюститель Созидания, я знаю, что три года назад в городе горели три тысячи ночных фонарей, а нынче — всего полторы. Но профессия сохранилась и сегодня я ее представитель, в черном плаще, с большим ранцем за плечами и багром в руках. Конечно, с официальным жетоном фонарного смотрителя на плаще и более важным жетоном на камзоле под плащом. А также при шпаге и коротком клинке для левой руки. Времена беспокойные, враги Свободы не дремлют, как фонарщику гулять безоружным?

Чтобы разговорить осведомленных встречных, в потайных карманах было другое универсальное оружие — россыпь золотых и серебряных монет. Чтобы не сбить дыхание рядом с пустошью — как следует вдохнуть охапку цветов и сунуть щедрую пригоршню лепестков в карман.

Остается понять, для чего мне понадобилась эта детская авантюрная прогулка. Ответ, наверное, тоже в детстве. Не люблю,

когда мне угрожают. Поэтому, когда добродетельный диктатор намекнул, какие меня ждут неприятности, если обнаружится, что я как-то связан с пропавшим ребенком, я решил сам разобраться, что происходит на пустоши. Найти ту самую лепесточницу с мальчишкой и...

Что дальше, я не знал. Необходимо подтвердить догадку, а уж решение придет само.

— Крошка, ты согласна?

Катланк внимательно посмотрел на меня. Если я правильно умею читать выражение мордочки своей большой и длинной кошки, она согласилась. Но приняла свое решение и скрыла от меня.

Причем скрыла так удачно, что я обнаружил слежку, лишь когда выбрался из дома, втайне от слуг, охраны и дежурного секретаря. Что делать, у катланков свои тайные ходы, и я вряд ли когда-нибудь узнаю, каким воспользовалась Крошка в этот вечер. Кошки не говорят о свободе, они ей живут.

Такая прогулка была у нас не впервые, правда, раньше в парке загородного замка. Если днем гулять по городским улицам с взрослым катланком, да еще не самым мелким, как Крошка, зевак окажется не меньше, чем на карнавале. Ночью же, когда все кошки серы и невидимы, никаких хлопот. Я шел впереди, иногда прошупывая шестом глубину луж, иногда слышал шуршание за спиной.

Если строго следовать городской карте, маршрут был длинный, но я срезал половину пути знакомыми с детства закоулками и дворами. Если приходилось идти улицей, я честно глядел по сторонам, но в эту ночь фонари светили все. Потом начались кварталы, где их убрали как предмет, совершенно не нужный местным обитателям. Пару раз мелькали огоньки патрулей стражи. Что же касается меня, то смотритель фонарей должен уметь ходить в темноте, и мне это удавалось.

К канавным ароматам прибавился запах зелени. Впереди была пустошь — место загадочное, но вряд ли более опасное, чем остальной город.

Внезапно из полутьмы вынырнули три тени.

— Что делает почтенный фонарщик в квартале, в котором нет фонарей? — послышался насмешливый голос.

Даже в темноте был отчетливо виден короткий клинок.

Лирэн

Старый брат Туан был ворчлив, полуслеп и почти не покидал свою комнату в моей башне из-за ревматизма. Но рядом с ним всегда был букет почти свежих цветов, бутылка лучшего вина, а неподалеку подремывал мальчишка-прислужник, готовый мгновенно вскочить и исполнить любую просьбу. Брат Туан помнил все имена, все цифры, все события, бывшие и на прошлой неделе, и в прошлом месяце, и три года назад. К нему стекались все новости, имеющие отношение к Ночному Братству, и ни одна не пропадала.

И даже не это было самое главное. Все события Города не лежали в его голове беспорядочной грудой, а выстраивались в пирамиду, и он легко отличал вершину от подножия.

— Богатой ночи и безопасного дня, брат Туан, — приветствовал я, войдя в комнату. — Мне нужны интересные новости о скупщиках почек, обитающих вокруг пустоши.

— Мы их не защищаем и они нам не должны, брат маршал, — проворчал Туан.

— Это известно и мне, — терпеливо ответил я, — тебе же известно гораздо больше.

— В начале года их было двадцать, сейчас — двадцать два, — почти сразу начал Туан не ворчливым и не скрипучим тоном. — Новых трое, один прежний зажимал доход и министр Добродетели отправил его на песочек. Еще один, по имени Гоэш, делает это гораздо ловчей — его не только не разоблачили, но месяц назад он выдал дочку за полковника стражи с приданным в пятьсот золотых.

— Это пригодится, — заметил я.

— Три дня назад торговцы попросили министра Добродетели прислать свою защиту, — продолжил Туан. — Кто-то стал торговать почками помимо них. Теперь, кроме стражи, вокруг пустоши рыскают тайные патрули.

— Благодарствую, брат Туан, — улыбнулся я.

Старый ворчун напомнил, что Братство не интересуется политикой и пустошью, но я спорить не стал, раскланялся и удалился.

Братство и вправду не интересуется пустошью. А я твердо решил пройти по этой запретной территории и разобраться с загадочной дамочкой и ее еще более загадочным сыном. Причем сделать это один. Мои спутники — длинный клинок, короткий клинок и россыпь цветочных головок в кармане, все же рядом пустошь.

В это время суток по городу бродят только катланки, стража и мы. У каждого своя добыча, и я, не встретившись ни с Братьями, ни с конкурентами, удачно добрался до непритязательных заведений вокруг пустоши, где лохматые бедолаги обменивают свою добычу на вино и еду. Впрочем, одно из этих заведений не такое уж и непритязательное. Его хозяину есть что терять, а мне — есть о чем его спросить.

Трактиры вокруг пустоши, в отличие от веселых мест в других кварталах, с темнотой уходят на покой. Но мне придется его нарушить.

Я подошел к двери и постучал. Не как Братство, а как колотит стража — два размеренных удара и дробь из трех нетерпеливых.

Золото всегда под охраной — я лишний раз убедился в этом, когда на пороге возник крепкий и крупный парень, не похожий на хозяина. Крупный, но неповоротливый, поэтому он даже рта раскрыть не успел, как был стукнут затылком о стену и стал временной мебелью.

Хозяин тоже уже пробудился. В его правой руке был заряженный свинцовник, но я сблизился с ним одним прыжком и он благоразумно предпочел положить оружие на прилавок своего заведения.

— Госп... брат ночной маршал, я теперь плачу вам, а не страже? — испуганно и тихо шепнул бедолага.

Я подавил вздох. Популярность — плохая штука, хоть и в узких кругах.

— Пока нет. В этом месяце платишь тому, кому и прежде. Я пришел не за деньгами.

Собеседник умело изобразил отсутствие удивления.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о том, что произошло на пустоши за последний месяц. Рассказывай все, а я скажу, какие подробности мне нужны.

— Откуда все знать бедному торговцу...

— Который недавно выдал бедную дочку за бедного полковника с очень бедным приданым, — продолжил я зловещим шепотом. — Старина, не корчи дурака: ты не беден, а тот, кто богат, всегда много знает. Рассказывай, если хочешь, чтобы я быстро ушел.

Охранник уже очухался, сел на пол, но здраво решил не вмешиваться. Скупщик вздохнул и начал сообщать мне все новости подряд, в том числе и те, что еще не дошли до всепомнящего брата Туана. Я слушал, кивал, иногда поторапливал собеседника, когда тот говорил об украденном вине и просроченных грошовых долгах.

То, что почками стали торговать помимо скупщиков, новостью для меня не стало. Рассказывая об этом, старик поглядел на меня — не ваши ли этим занялись? Я промолчал и даже не улыбнулся.

— Кроме того, на третьем участке от улицы Птичников к двум сборщикам прибилась женщина с ребенком.

— Чуть подробней, — попросил я.

— Откуда — неизвестно. Молодая или, скорее, молодится. Крепкая грудь — может много собирать. Едва она появилась, пройдоха Луи, хозяин участка, стал сдавать вдвое больше и очень хорошего качества.

— Мальчишка — ее сын?

— Скорее всего, но мне не говорили, я сам не приглядывался, — ответил скупщик. — Слышал, что однажды он сильно поранил ногу, мамаша ткнулась к ближайшему цирюльнику, а потом пошла к профессору Голова-на-плечах...

Я спросил, когда это было. Скупщик ответил, что на прошлой неделе.

— Ровно десять дней назад, — уточнил я. — Видишь, как подробно я знаю. Помни это и говори всё.

Впрочем, особо интересных подробностей я не выяснил. Разве что недавно появилась легенда, будто женщину с малым выгнали, но мой собеседник ухмыльнулся: это невозможно, лепесточки женщины взяли в семью.

— Ладно, старина, мне достаточно, — наконец сказал я. — Перед тем как расстаться, мы заключим сделку.

Скупщик взглянул на меня радостно и напуганно одновременно.

— Ты дашь мне в долг сто монет. Через месяц тебе их вернут. Если за этот месяц до меня не дойдет слух, будто в гостях у бедного трактирщика побывал маршал Ночного Братства. Услышу — ты потеряешь не только деньги.

Скупщик посмотрел раздраженно, но тотчас улыбнулся. Провел ладонью по боковой стенке буфета, сунул руку в образовавшийся паз,

вынул мешочек, протянул мне.

Я взглянул на охранника. Тот окончательно пришел в себя, сел на дальнюю лавку и равнодушно смотрел, как хозяин беседует с гостем.

— И еще. Я буду рад, если этот молодец проводит меня на пустошь, в гости к пройдохе Луи.

— Он... Он не знает дороги, — робко ответил хозяин.

— Все приходится делать самому, — вздохнул я в ответ. — Помни и не болтай.

Этьен

Самое разумное было бы еще минутку побыть заблудившимся фонарщиком, чтобы спросить у этой любопытной тройки, что ей нужно. Но я знал, что так не будет.

И был прав.

Из-за угла вылетела серая тень и сшибла ближайшего любопытника. Взрослый катланк редко весит больше пастушьей собаки, но я бы предпочел атаку двух собак сразу — как отбиться от них, я представляю, как от катланка — нет. Жертва Крошки не знала тоже и лишь махала руками, отчаянно вопя.

— Оборотень! — испуганно крикнул парень справа.

Центральная фигура молча развернулась к Крошке, взмахнув клинком...

Аристократические отпрыски нередко ограничивают фехтовальные уроки тремя основными позициями, тремя выпадами и тремя защитами. Мой учитель нашел во мне благодарного и приставучего ученика, так что я даже ему доплачивал, независимо от отца. Кроме владения шпагой, он обучил меня управляться и с короткими клинками, прямыми и изогнутыми, с облегченным мечом, пехотной пикой и алебардой.

Шест фонарщика по длине вполне соответствовал алебарде, а разница в тяжести принципиальной не была. Первый удар я нанес по руке — нечего махать ножом на мою кошку, второй в живот, третий — в голову. На три жеста ушло меньше секунды. Потом я развернулся, собираясь приветить парня, обозвавшего Крошку оборотнем, но от того уже остался лишь затихающий топот.

Бедолага, отведавший шеста, скрючился на разбитом тротуаре, живой, но не опасный. Для полной безопасности я поднял выпавший клинок и закинул в темноту.

Крошка, убедившись, что ее жертва не сопротивляется, перестала клочить его одежду и кожу. Но по еле слышному фырканию я понимал, что она сейчас — кипящая кофейная турка на углях, готовая пролиться в любую секунду.

Значит, с ним и поговорим.

— Приятель, — сказал я ласково и спокойно, — ответь мне сам: на тебе нет мундира стражи, но ты пристаешь к прохожим с вопросами. Кто тебе это приказал?

«Приятель» промычал и слегка махнул рукой, даже в темноте было видно, что она в крови. Крошка фыркнула так, будто капля кофе упала на уголь.

— Нам некогда, — терпеливо продолжил я, — ответь, пожалуйста.

— Пря... прямой приказ блюстителя Добродетели, — наконец сказал парень. — Мы вместе со стражей ищем тех, кто приходит на пустошь и покупает почки помимо скупщиков. Мы подумали, что вы хотели положить их в ранец фонарщика.

— На сегодня твой дозор окончен, — усмехнулся я. — Утешься тем, что почки мне не нужны. Забери своего друга и иди отдыхать.

— А... Он... Он не съест? — пробормотал парень.

— Нет, — честно ответил я. — Ступай.

Парень помог подняться на ноги напарнику. Тот хотел найти оружие, но я посоветовал им удалиться и бедняга в разодранной одежде убедил товарища по несчастью, что лучше так и сделать. Несколько секунд спустя в темноте затихло кряхтение и шарканье.

История вышла интересней, чем ожидалось. Вообще-то, я был равнодушен к торговым делишкам блюстителя Добродетели. Меня больше интересовало, что за смельчак решился нарушить столь серьезно охраняемую монополию. Быть может, мне предстоит получить ответы на обе загадки сразу.

Я свернул за угол и встретился лицом к лицу с третьей загадкой.

Лирэн

Задолго до появления в Ночном Братстве у меня сложились с темнотой доверительные отношения. Когда был мальчиком на побегушках, поесть как следует удавалось только ночью. Потихоньку и создав иллюзию, что от окорока не отрезали и не черпали из горшка мягкий сыр. И все это приходилось делать в полной темноте. Из приютов я тоже убегал не среди бела дня.

Насыщенное приключениями детство научило не только ходить ночными улицами, но и слышать издали ночные шорохи. Вот и сейчас до меня отчетливо донеслись встречные шаги. Я сразу понял: идет кто-то один. Пусть без особого опыта прогулок в темноте, но все равно топает быстро и уверенно.

Следовало или отскочить и следить со стороны, или встретиться лицом к лицу, чтобы задать пару вопросов ночному гуляке. Естественно, пощекотав клинком. Отскакивать в грязь не хотелось и я шагнул навстречу...

...блюстителю Созидания собственной персоной, в плаще фонарщика и при прочих атрибутах этой уважаемой профессии. Луна, выскочившая из-за тучи в оазис чистого неба, осветила место randevu столь ярко, что ошибка исключалась.

— Какая забавная встреча, брат Этьен, — произнес я с почти не наигранным изумлением. — На пустоши, куда вы спешите, открылась мануфактура и вы решили проинспектировать ее перед сном?

— Пока не открылась, — не смутясь ответил мой самый могущественный и самый опасный враг. — А куда направились вы? Впрочем, можете не отвечать: по звону в вашем кармане могу догадаться — вы кого-то недавно обобрали.

Счет в игре равный. Но как ее продолжить? Или решить нашу вражду одним ударом клинка? Если это удастся, моя ночная прогулка была заранее благословлена всеми древними, новыми и будущими богами.

Пш-шиф-фш!

У ног моего врага возникла серая тень. Он мог бы погладить слегка выгнутую спину почти не нагибаясь. Ручной катланк, взрослый

и крупный. Мечта моего детства. Были времена, когда я безмолвно плакал по ночам, то выдумывая отца-воина, который вернется из-за семи морей и спросит с обидчиков сына, то представляя, как тайно от всех воспитаю такого же, как я, сироту-катланка, а он однажды внезапно появится и всех порвет когтями. Потом я сам научился рвать и спрашивать с других.

Но дуэль на сегодня отменяется. Даже ручной катланк не будет сидеть на месте, увидев клинок, направленный на хозяина. Это не пес, ему не прикажешь. И траекторию боевого броска катланка предугадать труднее, чем прыжок самого обученного пса. Тем более ночью. Развлечься непринужденным остроумием?

И тут я разобрал звук дальних шагов, дополненный легким стуком. Кто-то не очень уверенно шел и катил одноколесную тележку.

— Блюститель Добродетели разрешил вам ограбить лепесточников, перед тем как их... — насмешливо продолжал проклятый вельможа, не имевший сноровки разбирать ночные звуки.

— Тихо, — перебил я его резким шепотом. — Хочу выяснить, кто тут возит добро по ночам.

И отступил в тень кособокого домишки, возможно последнего перед пустошью. На лице врага мелькнула гневная гримаса, мол, кто тут приказывает?! Но любопытство победило и он шагнул ко мне, причем так близко, что я ощутил аромат дорогого лосьона на выбритых щеках.

Что-то ткнулось мне в ногу и невежливо отодвинуло. Я догадался, что между нами замер ручной катланк.

Когда минуту спустя показалась тачка и ее хозяин, мы оба глубоко вздохнули, чтобы не присвистнуть. Во-первых, это была хозяйка, во-вторых — наша знакомая лекарка. Она целенаправленно катилась в сторону пустоши.

Позволив ей немного отойти, я двинулся следом. За спиной тотчас же послышались тихие шаги. Пару раз я хотел остановиться и зашипеть, но это было бы несправедливостью: пусть мой враг крался не так осторожно, как его кот, но издаваемый им шум все же топотом не являлся.

Потом лекарка остановилась. К ней тотчас же подошла фигура, которую я опознал и в темноте — знакомая лепесточница, которая точно родилась не в лепесточном роду.

Рядом скрипнул камушек под ногой. Мой непрошенный попутчик тоже замер и стал прислушиваться к негромкому, но вполне различимому разговору о провизии, одежде, лекарственных снадобьях. Судя по списку, готовился дальний поход. Только чей?

Впрочем, догадаться нетрудно. Слова мануфактурного министра о том, что мне разрешено ограбить лепесточников, подтвердили слухи, которыми делились со мной и брат Туан, и капитаны. В ближайшее время лепесточникам грозят такие неприятности, что для них было бы самое разумное удрать всем. Даже без чечевицы, одеял и сухих лекарств.

Полного понимания все еще не было. Братство тратит тысячу монет в год на то, чтобы писари, официанты, кучера, — самая простая обслуга, которая всегда хорошо знает, о чем говорят господа, — вовремя сообщали об их планах. Даже если эти господа называют себя «братьями». Вот только речь должна идти об окончательном решении Совета Четырех, а не о намерениях и мыслях. Когда решат, что сделают с лепесточниками, тогда я узнаю сразу...

Между тем если мой сосед по подслушке и умел красться, то стоять в засаде — нет. Под его ногой хрустнула ветка. Мнимая лепесточница проворно подхватила лекарку под локоть и потащила в рощицу. Я осторожно двинулся следом, с грустью отметив, что по-прежнему иду не один. Спасибо хоть, народный вельможа старался брать пример с катланка и больше не хрустел.

Уже шагов через двадцать я понял, что не зря надышался перед походом. Идти стало нелегко, будто я побежал по холму вверх. Но не более того. Первого признака недышки — невидимых тонких пальцев, слегка берущих за горло, — пока не было. Если не принять мер, с каждым получасом эти пальцы будут толще, а давление — сильнее. Пока, к счастью, нет и этого.

Может, мой незванный попутчик отвалится и побережет свою грудь для счастья народа? Нет, к моему печальному сожалению, он по-прежнему шагал сзади, подражая катланку, и дышал ничуть не хуже, чем прежде.

А вот у лекарки произошла предсказуемая неприятность. Похоже, ей не следовало соваться на проклятую землю. Или произошла и сразу прошла. Интересно.

Незаметно для себя мы сократили расстояние на несколько шагов. Я отчетливо видел, как девица-доктор щупает себе горло, а потом делает непонятные манипуляции с рукой. Что это, гадание, магия? Если у кого-то и могло сохраниться волшебство в Городе Свободы, то лекари — первые кандидаты.

Поразмышлять вдоволь о врачебной магии я не успел. Мою ногу опять задела спина катланка. Зверь вышел вперед, замер и тихо зафырчал.

Что с ним? Не хватило дыхания или почуял опасность? То, что катланк предвидит врага, я знал.

Алина

Окончив короткую самодиагностику, лекарка посмотрела на меня. В этом взгляде было и удивление, и радость, правда, оба эти чувства были какие-то... чересчур яркие сначала, а потом Магали набросила на них покрывало сдержанности и притушила сияние.

— Я еще не знаю, в какой академии ты училась, но догадываюсь, где это было, — наконец сказала она, дыша ровно и спокойно. — Ты принесла дыхание. Ты как свеча — она освещает себя и светит другим.

Сравнения со свечкой я не оценила — горит, горит, а потом огарочек в мусор. Уж лучше быть вечной лампочкой. Но на что же намекает моя новая знакомая? Дыхание в этом мире — вопрос не последний, все так загадочно, что мама не горюй. И при чем тут я?

Разобраться в ее намеках не удалось. Сначала из темноты со стороны улицы донеслось фыркание. Зоолог из меня — от слова «никакой». Все равно, чуйка подсказала, что это не ежик кашляет.

— Затаившийся катланк, — шепнула Магали, быстро оборачиваясь и напряженно поводя плечами. — На людей не нападает, — добавила она с немного искусственной уверенностью.

Я хотела расспросить ее о катланках, но не успела. Позади нас зашуршали кусты, и оттуда нахально вывалилась неразлучная парочка — Нико и Паршивец. Нахально — потому что кому-то сегодня прилетит по пыльным штанам и хвосту в репьях! Сказано было дома сидеть и за мной не ходить? По штанам обещано за непослушание? Сказано. Обещано. Ну вот. За мной не заржавеет.

Мелкий увидел сначала меня и заискивающе улыбнулся. Но потом напоролся взглядом на Магали и остановился — у той было такое лицо, словно она поймала мои мысли и готова вкатить неслуху парочку уколов вне очереди. А вот Паши ничего не смутило — хвост трубой и уверенно двинулся на звук фыркания.

Мой взгляд зафиксировал серую тень, бегущую в темноту, проследил ее и я разглядела еще одно четвероногое, выдвинувшееся вперед, и силуэты двух двуногих, стоявших рядом. Четвероногое было интереснее всего: кошка высотой с добермана, но раза в полтора длиннее. Мои глаза уже обвыклись в этой полутьме и я поняла, что

Паршивец намерен вымахать в нечто подобное. Ну, ни тюльпанчика... себе! Это ж целая почти пантера!

Дальше началось натуральное представление. Кошки осторожно сближались — по шажочку, медленно, плавно, словно перетекали с лапы на лапу. Не знаю, воображение у меня разыгралось или просто крыша поехала, но ощущалось это почти дословно так:

ПАШИ. Мяу! Ты на охоте?

НЕЗНАКОМАЯ ЗВЕРЮГА. Му-у-ур. Я не охочусь. Мой двоелап. Я с ним пришла.

ПАШИ. У меня тоже есть двоелап. Мой двоелап следом идет. И еще один мой двоелап вот стоит. Самка.

Котенок замер в выжидательно-боевой позе. Нико решил, что сейчас его питомца будут рвать, и побежал в темноту.

НЕЗНАКОМАЯ ЗВЕРЮГА. Нападет — укушу!

ПАШИ. Сперва меня!

НЕЗНАКОМАЯ ЗВЕРЮГА. Не нападет — не укушу. Следи за своим двоелапом!

Паршивец подскочил к маленькому принцу и сел перед ним так, что Нико остановился на полном скаку и чуть не кувыркнулся через собственного питомца.

Материнский инстинкт, он, зараза, непредсказуем, как мигрень. Я помчалась следом спасать обоих шибздигов, если эта незнакомая Багира прыгнет на моего Маугли. Но здоровенная кошатина замерла в той же позе задумчивого сфинкса, что и наш замухрышка. Похоже, и правда вела с ним какую-то мур-мяу беседу, а не просто у меня в ушах звенело.

В эту минуту ветер подвинул облачную завесу и местное ночное светило исполнило функцию фонаря. Что позволило двуногому, стоявшему ближе всех к Багире, уставиться на меня.

Не отставать же! Я тоже принялась его разглядывать и сразу же узнала. Тот самый широкоплечий красавец брюнет средних лет, заглянувший в клинику с пулевым ранением. На этот раз он был без группы сопровождения — не считать же его другого незнакомца. И не в мундире, а в черном плаще и с каким-то жезлом повышенной длины — то ли оружие, то ли рыбацкий багор.

На самом деле, брюнет сперва взглянул на Нико. Мне приходилось видеть подобные взгляды, я называю их «взгляд-кадр».

Посмотрел, запомнил, сделал нужный вывод, получил ответ и больше не смотрит.

После чего он начал пялиться на меня. И я сделала то же самое. Заодно решила поиграть в физиогномику — прочитать это лицо.

Мужчина и вправду интересный. Едва заметные морщины в уголках глаз и резкие складки у губ. Даже что-то похожее на давний шрам. Но нет и намека на заскорузлость или окаменелость. Наоборот, мальчишеская легкость. И взгляд. Не без усталости, зато с готовностью в любую секунду выбросить эту усталость ко всем чертям. Скажу ему: «Сорви мне звезду своим багром», тотчас же примется ловить.

Проблема была в том, что этот взгляд ну никак не мог заменить разговор. Брюнет продолжал пялиться, делая вид, будто никогда не устанет и первой в разговор надо вступить в мне. А мне, между прочим, хотелось отпустить домой лекарку.

Первая фраза родилась внезапно. Будто я, усталая после работы, вошла в лифт и не успела дверь закрыть, как четыре веселые лапы втянули туда хозяина, а кроме лап, на уровне моего пуза оказалась здоровая слюнявая морда.

— Он не кусается? — спросила я, ощущая себя той же дурочкой из лифта.

— Если бы она ощущала от вас опасность, то набросилась бы уже давно, — непринужденно ответил брюнет. — Она этого не делает, значит, вы для меня безопасны. Ее зовут Крошка.

КРОШКА. Му-у-ур. Ты откуда?

ПАШИ. Мя-ау. Злой двоелап сделал гром. Мать умерла. Я бежал. Есть хотел. Псы кусали. Нашел маленького двоелапа и большую самку. Они добрые. Мои двоелапы очень хорошие, но странные.

КРОШКА. Му-у-ур. Все двоелапы странные.

Тут уже высокий-плечистый фыркнул вслух. Словно слышал разговор и насмешничает. Я только поморгала и оставила свои мысли при себе. Сейчас о другом думать надо: как разойтись без потерь и желательно навсегда. Не спорю, мужчина симпатичный. Вот только в данный момент мне меньше всего хочется продолжать знакомство.

— Я могу чем-то помочь... — дальше он чуть запнулся, но не сказал набившее оскомину «сестрице», а очень вежливо и правильно выдал: — Мадам?

— Можете, — кивнула я с уверенностью, которой не чувствовала. — Можете забрать своих спутников и сва... кхм... проводить мадемуазель лекарку до дома. А то ночью в городе можно встретить не только галантных мужчин, но и всяких неприятных личностей.

— Неприятная личность — это, надо думать, я? — выдвинулся из темноты второй персонаж и я тут же узнала криминального блондинчика с наглыми зелеными глазами.

— Пока вам достался титул спутника господина с кошкой, а дальше посмотрим на ваше поведение. — В моем голосе старательно переливались легкое уверенное высокомерие и примерно полкило неприязни.

— Вы разбиваете мне сердце, мадам. Я всегда был сам по себе, а вы принизили мое великолепие до какой-то кошки! — «Господина», к которому его приписали, засранец демонстративно не упомянул.

— Это ваши проблемы. — Моей улыбке позавидовала бы самая матерая кобра-завучиха из школы для трудных подростков. — Думаю, вы разберетесь между собой без посторонней помощи. После того, — подчеркнула фразу голосом, — как проводите мадемуазель лекарку до дома.

— Вот спасибо, сосватала гусей лисе, — непонятно фыркнула Магали, под шумок незаметно пришедшая в себя от каскада сюрпризов и вернувшаяся в свое обычное хмуро-ироничное состояние. — От таких провожатых неприятностей больше, чем пользы. Гуляйте, господа хорошие, в другую сторону, а до дома я сама доберусь.

Зеленоглазый вдруг рассмеялся:

— Как видите, брат Этьен, мадемуазель вам не доверяет. Поэтому, думаю, уместнее всего блюстителю мануфактур отправиться восвояси. А я провожу обеих девушек... по месту назначения.

— На две половинки разорвешься? — саркастично удивилась Магали, переходя на «ты».

Кажется, с этим ухарем она была знакома лучше, чем с плечистым брюнетом.

— Зачем же. Просто хочу предложить свое гостеприимство обеим мадемуазель.

Оппа!

Насторожилась не только я. Магали ошетибилась, как та самая Багира, то есть Крошка. Не к месту мысли, но я не могла не оценить

юмора блюстителя мануфактур. Хороша «Крошка», размером с целую крошищу!

Сама кошатина подняла шерсть на загривке. Паши тоже встопорщил усы и толкнул боком Нико, явно тесня его в мою сторону и вообще поближе к кустам.

Брат Этьен — я наконец вспомнила имя брюнета — обернулся к своему спутнику и лишь слегка приподнял бровь:

— Боюсь, вы слишком много на себя берете, брат Лирэн.

О!

Так, кажется, пока эти двое будут выяснять отношения между собой, у нас есть шанс сделать ноги. Шанс был бы еще больше, если бы не Магали. Чисто теоретически я могу уволочь ее вглубь рощи и вообще к тюльпановой грядке, туда никто не залезет. Но это выход только на самый крайний случай, потому что лекарке надо домой и желательно потом еще вернуться с нашими припасами. То есть...

М-да, все усложнилось. Как минимум надо искать новое место встречи.

Я прищурилась на застывших в напряженной позе мужиков и бочком-бочком подобралась к Магали. Прошептала на ухо:

— У брюнета преимущество — у него огнестрел и кошка. А у нахала только огнестрел. Так что двигай ближе вон к тому переулку и тикай, а мы рванем в заросли. Что-то мне подсказывает, что брат Этьен не будет стрелять вслед и наглому гаденышу не даст это сделать. Встретимся послезавтра... у зеленой бочки.

Магали искоса глянула на меня и кивнула. Тележкой она явно решила пожертвовать, оставив этот трофей мужчинам. Ну, и правильно, все нужное мы из нее уже выгрузили в самой гуще кустов, а себе она новую заведет.

Условное место «у зеленой бочки» — на самом деле секретное слово, код почти что шпионский. Если кто-то из этих двоих незваных мужиков обладает настолько тонким слухом, что улокаторит наш шепот, пусть гадает до посинения, в каком именно месте мы собираемся в следующий раз назначить randevu.

Что-то мне подсказывает, конечно, что никто не запретит установить слежку за домом Головы-на-плечах и просто тащиться следом за Магали, куда бы она ни направилась. Но в способности

нашей лекарки я верила, тем более что она сама сказала, что сумеет уйти от слежки, не в первый раз.

— Подумай на досуге, какого черта эти двое искали возле проклятой рощи, — шепнула я напоследок.

Магали нахмурилась вопросительно, а потом вдруг прикусила губу и так выругалась, что я едва не присвистнула от восхищения.

— Уши оборву поганцу, — пообещала лекарка самым кровожадным голосом, а потом бросила ручки тележки и так рванула по указанному переулку, что только пятки засверкали.

Поскольку двое мужчин все еще напряженно пялились друг на друга и здоровенная Крошка в связи с этим охраняла своего брюнетистого двоелапа от другого, блондинистого двоелапа, отреагировать они не успели. Ну и мы с Нико терять времени не стали — мелкий хапнул Паши поперек пуза, я схватила ребенка за руку и мы дружно припустили в родные кусты, как два зайца от охотничьих собак.

Наверное, я даже не удивилась, что двое мужчин моментально перестали сверлить друг друга взглядами и рванули было за нами. Но, кажется, даже их высокое положение в обществе, надышанность цветами и наверняка спрятанные по карманам свежие бутоны не помогли им так бодро драпать по заколдованной местности, как это могли сделать мы. Так что преследователи предсказуемо и очень быстро стали отставать.

— Мадам! — судя по голосу, вслед нам орал брюнет. — Мадам, подождите, я... мы не причиним вам вреда! Нам необходимо поговорить, это касается вашей безопасности!

Ага, нашел дурочку. Моя безопасность сейчас в моих ногах. Чем быстрее я ими перебираю, тем безопаснее становится.

— Мадам! — О, и блондин орет, словно пароход в тумане. Ну, пусть покричат, им полезно. Наверное. — Мадам, не делайте глупостей!

Не буду. Вот честное слово, прямо сразу послушаюсь такого своевременного совета. Ни одной глупости в ближайшее время. Один только бег в темноте по пересеченной местности с ребенком и кошаком на буксире.

Когда мы остановились, крики преследователей давно затихли далеко позади. Мы с Нико дышали как два паровоза, а Паши

недовольно мяукал и скреб лапами по куртке мальчика, добиваясь того, чтобы рука, намертво стиснувшая котенка поперек пуза, хоть немного разжалась.

— Уф-ф-ф... за припасами придется вернуться позже, — отдышавшись, выдала я в темноту скорее для себя самой. — Луи сходит утром.

— Ага, — согласился Нико, отпуская наконец Паршивца на травку. — Я с ним схожу.

— Ничего подобного, — зловеще ухмыльнулась я, ловко ловя непослушное дите за шиворот. — Ты у нас отбегался, ваше тюльпаньшейство. Обещала по штанам надавать, если пойдешь следом?

Нико так жалобно заморгал на меня длинными ресницами, что я чуть было не растаяла, как мороженка, в лучах луны. Но героическим усилием сдержалась и даже изобразила грозную нахмуренность.

Тут ко мне прилез мурчать и тереться об ноги второй неслук, тот, которому было обещано по репьястому хвосту.

Подлизываются, засранцы!

— Ну, Лина-а-а... мы же как лучше... а если бы не Паши, та большая катланка тебя бы съела!

Лирэн

Опыт ночных побегушек у меня тоже с детства, как и умение кричать на бегу. В детстве я орал «не догонишь!», позже — «стой, хуже будет!» и почти всегда был прав. Даже увесистый сверток монет не стал помехой — приходилось носиться и не с таким грузом.

А вот бегать наперегонки с катланком еще не случилось. Причем гнусная бестия не кинулась следом за девицами, как охранная псина. Она угадала направление хозяина и мчалась впереди, разумеется, не только него, но и меня. А так как народный вельможа бегал медленно, едва вырвавшись вперед, она села, ожидая.

Об эту зубастую недвижимость я и споткнулся на всем ходу. Огромная кошка решила, что это я ее обидел, а не наоборот. Надо мной нависла недовольная морда, глаза сверкали ярче луны.

— Э-э, все в порядке, — пробормотал я. — Вот поверь, за всю жизнь ни одной кошки не обидел и начинать с тебя не собираюсь.

Рука наконец-то дотянулась до клинка, так, на всякий случай. Случай пришлось отложить: едва она легла на рукоятку, глаза засверкали еще ярче и к ним прибавился вид клыков. Очень умная тварь, надо такую завести.

— Крошка, правда, мы это не едим? — насмешливо спросил слегка запыхавшийся конкурент.

— Вы встали на моем пути, — сказал я, слегка отодвигаясь от животного. — Для многих это стало последней ошибкой.

— Пока что это вы лежите на моем пути, — усмехнулся главный мануфактурщик. — Впрочем, вы ошибаетесь: не в моих правилах топтать за убегающими дамами.

— Если так, то вы их нарушили, — проворчал я, поднимаясь и отряхиваясь с таким спокойствием, будто рядом не было ни огромной кошки, ни врага.

Мануфактурщик промолчал. Следовало раскланяться и разойтись. Но в сознании застряли слова: «Это касается вашей безопасности».

— Я был бы... — Как в таких случаях говорят господа? — Я был бы признателен, если бы вы пояснили недавний намек на безопасность... э... объекта вашего интереса.

Молчание полувидимого собеседника было столь длительным, что я уже решил расстаться, как вдруг он ответил:

— Среди моих коллег есть желание убрать лепесточников с пустоши, возможно, руками разбойников. В интересах дамы, кем бы она ни была, оказаться от этой проклятой плантации подальше.

— А также ее воспитанника, кем бы он ни был, — добавил я с сарказмом, который народный министр, конечно же, понял. — Что же касается меня, могу заверить: пока я маршал, Братство в этом не участвует.

— Могу заверить? Или заверяю? — Даже в полутьме улыбка собеседника была отчетливо видна.

— Я маршал, поэтому могу. А вашей власти не хватает выполнить или даже пообещать, — ответил я максимально четко и холодно, после чего удалился во тьму.

Даже удачная прощальная колкость не способна утолить обиду поражения. Поэтому назад я почти бежал, не оглядываясь по сторонам. Если бы кто-нибудь встал на пути, то, пожалуй, я обрадовался бы, а вот он — не совсем. Однажды с моей дороги исчезла чья-то тень, но столь шустро, что гнаться не было смысла.

Бокал, и не вина, а чего-то покрепче. Выспаться и решить, как сделать так, чтобы загадочная дама и мальчишка — кто он, я теперь не сомневался, порода видна — уже следующим вечером стали моими гостями. Это придется организовать, договориться с кем-то из капитанов. Но все — завтра...

Возле входа в башню меня ждал лейтенант Терсан.

— Удачной ночи, маршал, — приветствовал он меня. — Вас ждет незнакомец, уже больше часа.

— Ему не предложили отправиться домой и явиться днем?

— Он показал знак курьера Совета Четырех и заявил, что не уйдет, пока не поговорит с маршалом.

Этьен

Главной счастливицей неудачной ночной экспедиции стала Крошка. Она углядела или унюхала задремавшую в кустах крупную птицу вроде сойки или вороны и позаботилась, чтобы птичка не проснулась. Сперва предложила добычу мне, а когда я отказался, гордо направилась с ней в зубах в сторону дома, подняв хвост.

Мое настроение было менее радостным. Отчасти задача выполнена — я действительно увидел тюльпанчика. Но поговорить с ним, а также с дамой, взявшей неофициальное опеку над ребенком, не удалось. Плюс прикоснулся к чужой экономической тайне, которую можно назвать страшной. Торговать почками в обход кураторов блюстителя Добродетели — хуже, чем торговать чем-то втайне от ночных кураторов, подчиненных моего недавнего собеседника.

Разбойнички, узнав о таком, посмеются и выкатят серьезный штраф. По моим сведениям, эта братия карает сталью за обман только своих. А вот народный диктатор будет беспощадным. По уму, следовало бы бежать за лекаркой, чтобы ей об этом рассказать.

И обида напоследок — негодяй был прав. Я не могу пообещать, что не допущу расправы над лепесточниками. Среди которых последний отросток уничтоженной династии...

...и дама, с которой опять не удалось пообщаться. Хотя с каждой нашей короткой встречей моя симпатия к ней только возрастает.

С такими мыслями я дошел до дома. Крошка, еще раз предложив мне свой пернатый трофей и получив отказ, куда-то ушла его разделять и поглощать. А я направился спать, попросив камердинера передать секретарю: будить только в случае важных событий.

Стук в дверь был вежливым и настойчивым. Я отошел от сна за пару минут, наскоро умылся, подобающе оделся и открыл.

— Доброе утро, брат Этьен...

— Вы с важными новостями, — прервал я вежливого секретаря.

— О важности судить вам, но они плохие, а такие вы просили сообщать неотложно и в любое время суток.

Первой новостью стал свежий «Листок свободы». На главной странице был ответ на недавнее письмо, расхваливавшее меня. Ответ был небольшой и сухой, его смысл сводился к тому, что блюститель Созидания слишком о себе возомнил и он глубоко заблуждается, если считает себя незаменимым.

Важен был не текст, а подпись — «Секретариат Совета».

— Вы сказали о новостях. Продолжайте, — попросил я с улыбкой.

— Совет принял решение заменить вашу охрану. Люди, которым вы платили, должны сегодня же получить расчет и не сопровождать вашу персону, иначе они станут нарушителями закона. Секретариат прислал собственную охрану, она расположилась в комнате для прислуги у главного выхода.

— Надеюсь, есть и третья новость? — опять улыбнулся я.

— Сегодня вечером внеочередное заседание Совета и вас там ждут, — бесстрастно продолжил секретарь.

— Во сколько заседание? В восемь вечера? Отлично, у меня будет время выспаться, — ответил я. — Если будильник не прозвонит, постучите через три часа.

Подождал, когда дверь закроется, сладко зевнул и лег спать.

Алина

— Чужая катланка — не оправдание собственного вранья! — сурово выговаривала я, шагая сквозь лунные заросли к нашему шалашу. — А еще принц. Разве особа королевской крови не должна держать данное слово в три раза крепче, чем его подданные? А ты нарушаешь!

У Нико непритворно задрожали губы и я мысленно обозвала себя тупой идиоткой — нашла время напоминать ребенку о прошлом! Не случилось же почти ничего. А даже если и случилось — выбирать надо выражения!

Но оказалось, мелкий скуксился вовсе не из-за горьких или болезненных воспоминаний, а от банальной обиды.

— Я не нарушал! Не нарушал слова! — шмыгнул он носом, останавливаясь в самой середине куста и очень по-детски выпячивая нижнюю губу.

Господи, он всегда такой разумный и серьезный, что я забываю, насколько Нико еще на самом деле ребенок.

— Ладно. — Я вздохнула, чувствуя собственный педагогический провал всеми фибрами души. Ну, не могу больше ругать или тем более шлепать детенка, когда у него такие мокрые глаза и дрожащие губы. Никакая из меня воспитательница, увы. — Не нарушал так не нарушал.

— Я правда... — Нико почему-то упорно не желал оставить неприятную тему и даже призвал в свидетели нарисовавшегося из тьмы Луи.

Леший явно шел нас встречать и с облегчением выдохнул, разглядев процессию в кустах. Но, оценив пустые руки, тут же едва заметно нахмурился и глянул вопросительно.

Объяснить подробности я не смогла, поскольку маленький тюльпан упорно требовал подтверждения своей честности:

— Дядя Луи, скажи ей! Скажи, что раз я сказал волшебное слово, то клятва не считается и все по-честному!

— Какое еще волшебное слово? — Мне бы о произошедшем думать, огорчаться и грузиться по поводу того, что налаженный канал

снабжения под угрозой, и вообще, какие-то подозрительные личности стаями вокруг шныряют.

А я выспрашиваю у ребенка, что он там придумал за волшебные слова, чтобы хулиганить и не слушаться. Вот есть мозги, нет?

— Это он, сталбыть, тебя обдурил, — хмыкнул Луи. Кажется, объяснения по поводу припасов он тоже решил оставить на будущее. — Ты, Лина, в другой раз, когда будешь обещание с кого брать или о чем спрашивать, следи, сталбыть, чтобы он словечко «кроме» не вернул. Старый то обычай, детский. Да только и взрослые пользуются, бывает.

Я удивленно моргнула и припомнила, что там конкретно сказал мне Нико в ответ на повеление сидеть дома и по кустам за мной не шариться. И правда, маленький поганец сказал, что будет ходить только вот тут по полянке и рядом, никуда не сунется, кроме... кроме ручья.

— Поня-а-атненько. — Я грустно усмехнулась. — Буду знать. А теперь, мелкий, бегом сам вытряси пыль из своих одежек и спать! Чтобы через пять минут оба лежали носом в подушку. И никаких «кроме»!

— А пыль обязательно? — озадачился Нико, понявший, что гроза прошла мимо, и слегка по этому поводу обнаглевший.

— Еще бы, — ехидно хмыкнула я. — Обещано пыль из штанов выбить? Я, в отличие от некоторых, на всякие хитрости не горазда. Поэтому или ты сам справишься, или я прямо сейчас помогу.

— Не надо! — Сообразительный ребенок моментально стартанул с места, только трава прошелестела, а их с Паршивцем уже и след простыл.

Мы с Луи посмотрели ребенку вслед и даже посмеялись, но без особого веселья. Помолчали немного — ждали, когда к нам подойдет Франсуаза, возившаяся у костерка, а потом помогавшая мелким справиться с заданием.

— Все плохо? — это она и спросила, когда наше младшее поколение скрылось в шатре и прекратило хрустеть там соломой, из которой я соорудила всем матрасы.

— Думаю, не слишком хорошо, — кивнул Луи, глядя на меня. — Поймали лекарку?

— Не то чтобы, — свет от нашего малюсенького костерка едва различимыми багровыми бликами играл в листьях ближайших кустов, заставляя воображение причудливо выхватывать из этих рисунков разные образы, в основном, тревожные. — Магали скорее всего нормально добралась до дома, но наше место встречи, увы, нашли посторонние.

— Наверняка вскрылась продажа почек мимо скупщиков, — скривила губы Франсуаза.

Она с самого начала этого боялась и не стеснялась высказаться на тему того, что жадность — это плохо. Причем намекала лепесточница вовсе не на гору припасов у шатра, растущую после каждой нашей встречи с Магали, а на саму лекарку. Мол, начнет торговать оптом и в розницу — пиши, пропало. Сразу заметут.

— Магали не настолько глупа, — в который раз вступилась я за нашу деловую партнершу. — Но, кажется, там какой-то непредвиденный фактор вмешался. В любом случае, перед рассветом надо сходить и забрать то, что она сегодня привезла, мы спрятали это недалеко от границы роци. А дальше...

— А дальше хотелось бы хоромов, да есть только хижина, — уже знакомой поговоркой ответил Луи. — Оставишь знак на новом месте встречи, а сама ждать не будешь. Возьмем то, что есть, и уходим. Братья уже передали птичий щебет в другие пустоши, в этом королевстве мы не одни такие, есть еще на крайнем севере и у западных гор несколько совсем закрытых поселений. Но, боюсь, и до них жадность человеческая доберется. Мы угрозу костями чуем, который день. Поэтому наш народ уйдет в другие земли. Еще один день и Мы покинем королевство, есть тайные тропы, на которых нас будет сложно задержать. И вы с маленьким принцем уйдете с нами.

Он так это сказал, словно не спрашивал, а отдал приказ. Собственно, так оно и было.

Сердце тоскливо сжалось — мне было очень страшно и больно уходить из места, где, пусть и только теоретически, существовала некая дверка, через которую можно попасть в другой мир. Можно вернуться домой, можно...

— Если останешься — и сама сгинешь, и дитя погубишь, — очень веско высказала Франсуаза, словно подслушав мои мысли. — А он без тебя не уйдет, хоть мы его на веревке тащи. Тюльпанчика тут убьют и

ты сама не найдешь то, что ищешь. Потом, может быть, когда крови в головах людей станет поменьше, нахлебаются свободы и равенства полными кружками... тогда, может быть, вернемся.

Я только кивнула. Через силу. А потом сказала:

— Припасы только не забыть забрать. Тайные тропы или нет, а есть надо и на них, и на новом месте, пока еще обустроимся.

Лепесточки дружно кивнули.

— Под утро сходим. Чую я, как время поджимает, угроза как камень над тропинкой, дохни слишком громко — свалится на башку, — угрюмо завершил разговор Луи. — Хоть бы завтрашний день прожить спокойно, а там уж...

Я мысленно взмолилась — пусть! Пусть будет спокойно еще хотя бы завтра!

Увы, желаниям моим было не суждено сбыться.

ЭПИЛОГ

Алина

Кучку припасов до рассвета никто не тронул и мы с Луи благополучно перетащили ее к шалашу. Даже успели высунуть нос из роши и осмотреться на близлежащих улочках.

Сначала показалось, что все тихо. Но через минуту напряженного вслушивания Луи зло шмыгнул носом и потащил меня обратно в заросли.

— Что? — тревожно осведомилась я.

— Совсем плохо дело, — сказал лепесточник и выругался. Обычно он себе такого не позволял и я поняла, что все еще хуже. — Обложили со всех сторон. На встречу с лекаркой больше не суйся, поняла? Не вернешься. И ей ничего хорошего не прилетит. Жаль, прямо сейчас уйти нельзя, надо дожидаться, пока соберутся все, и еще получить ответ с птицами. Мы должны уходить одновременно, иначе те, кто отстанет, пропадут.

Сердце забилося в горле, словно хотело дезертировать из моего тела и улететь раньше, чем эта странная лепесточная птичья почта сработает. Предчувствие или я просто слишком нервничаю? Пойди разбери...

Весь день прошел в напряженном ожидании. Чтобы как-то занять себя, Нико с Паршивцем, а заодно и наших леших, я предложила после того, как упакуем и распределим по заплечным мешкам все наши пожитки, пойти и устроить последний и ударный сбор почек. Ну да, здесь продать их уже не получится. Но ведь на новом месте надо будет с чего-то начинать. Вряд ли там много свободных проклятых пустошей. Даже то, что тамошние лепесточники безропотно подвинутся, чтобы принять беглых братьев, не означает, что им выделяют самые богатые сырьем места. А если у нас будет запас...

— Дело говоришь, девка, — решил Луи. — Щас нашим всем свистну, пройдемся напоследок в самой глубине короткими забегами, оберем пожирнее. И ждать ответа от братьев будет проще.

Дело пошло чуть веселее. Конечно, тяжесть на душе никуда не делась и беспокойство все время грызло, заходя то с одного боку, то с

другого. Еще и тоска по прежней жизни разгоралась все болезненнее. Но все равно, простая и понятная работа помогала.

— Слышь-ка, — вдруг сказала Франсуаза, обирая последние почки с соседнего куста.

Я обернулась к ней, заодно окинув взглядом все видимое пространство. О... кажется, тут собрались все лепесточки роши. Куда ни глянь — везде зелень шевелится.

— Слышь-ка, — повторила Франсуаза, как-то озадаченно почесав нос. — Тебе ничего, нормально дышится?

— Да вроде... — Я пожала плечами и вздохнула.

Клумбы-то мои тут останутся... О! Так, надо еще успеть несколько луковичек выкопать. Мало ли как оно на новом месте будет.

— Ну ладно. — Франсю снова занялась почками.

А через несколько минут Луи подал сигнал об окончании сбора. Да и правда, уже темнело. Так что все ушли, а я чуть задержалась — за луковками.

Когда я прибежала к шалашу, он был уже собран. Серьезный и немного осунувшийся Нико держал в объятиях Паршивца.

— Ну все, сталбыть, — кивнул Луи, завидев меня. — Пришел сигнал. Выдвигаемся. Пойдем в сторону от города, обогнем рошу и выйдем за старыми винокурнями. А там и дорожка в горы. Через перевал станем уходить, там тропок много, на каждой стражника не поставишь, даже если захочешь.

Я тоскливо кивнула и оглянулась на далекие башенки города, видневшиеся над зарослями. Где-то там проход домой... а я уйду не туда.

Увы, это было слишком оптимистично. В смысле — думать, что нам дадут так просто покинуть рошу. Едва вся наша компания присоединилась к толпе таких же оборванцев с серьезными лицами — каждый почему-то так и норовил погладить по голове Нико, потрепать за уши Паршивца и похлопать по плечу меня — и мы все двинулись вдоль роши в нужную сторону, как из густых зарослей вылетела уже знакомая Багира-Крошка и зарычала, преграждая путь.

Никто еще не успел среагировать, как следом за ней из тех же кустов вывалилась Магали, тащившая на закорках окровавленное тело давешнего брюнета. Потом раздался выстрел, все подпрыгнули, я в страхе впила глазами в беглецов, но стреляли не они и не в них. На

тропу выскочил еще один знакомый — наш криминальный зеленоглазый блондин. В его руках был дымящийся пистолет старинного вида.

Он зло усмехнулся и сказал:

— Опоздали. Облава идет, от винокурен дорога тоже перекрыта. Надо попробовать уйти подальше к пустоши, насколько хватит вашего дыхания. Может быть, наемники Добродетели не сумеют вас оттуда достать.

КНИГА II. Глава 1

Лирэн

Спать я лег лишь под утро, выпив не один, как собирался, а три бокала орешки — накрепчайшего зелья, выгнанного из орехов и дробленых косточек. Орешку считают кабацким напитком низшей пробы, но, если ее сделали правильно, голова потом не болит.

Ночной разговор оказался очень неприятным. Сначала собеседник выразил обидчивое сожаление, что пришлось долго ждать. Ни с кем из капитанов он общаться не стал:

— И не только из уважения к вашей иерархии. Мне нужно, чтобы решение было принято как можно скорее, а принять его может лишь глава вашего Братства.

Лицо визитера закрывала большая маска с вырезами для глаз. При короле в таких трудились палачи, но нынче всенародные казни проводятся редко, а исполнители масок не надевают. Судя по запаху, этот палач жевал густой цветочный конфитюр: освежает рот, дает немного дыхания, а главное — меняет голос.

— Какого же решения ждет от нас уважаемый Совет?

Вместо ответа «палач» показал мне две бумажки. Самое главное я увидел сразу — цифры 1500.

— Если вы согласитесь, я ставлю недостающую подпись, вы в любое время суток обращаетесь в казначейство и получаете указанные суммы. Одну — для исполнителей, другую — вам лично. Оставить себе, поделить — это решать вам.

— Хорошие деньги, — сказал я, глядя на невидимое лицо. — Что за них следует сделать?

— До заката вы должны предоставить представителю Совета сотню проворных молодцов, разбитых на хорошо управляемые десятки. Они должны заранее надышаться, действовать придется на пустоши. К каждой десятке будет прикреплен наш куратор.

— Надеюсь, им не придется собирать почки? — усмехнулся я.

— Нет. Заняться сборщиками. Если прикажут их арестовать — арестовать. Если убить — убить. Любого пола и любого возраста.

— Так сколько же человек придется убить? — спросил я с беззаботной улыбкой.

— Столько, сколько будет сказано на месте: пять, десять, двадцать. Сотню не понадобится точно. Однако приказ куратора должен исполняться мгновенно, как лично ваш.

Я зажмурился, вдохнул и выдохнул, мысленно прослушал детскую песенку и вспомнил какую-то молитовку. Потом ответил:

— Дело даже не в суеверии, мы все знаем, что убить лепесточника — к беде. Дело в старом обычае Братства, он называется «попрокурорить». Слышали?

Собеседник ответил, что нет.

Я продолжил:

— Нельзя же нанять для убийства как для прополки огорода. Необходимо объяснить — чем так зловреден этот зловредный человечек? Не отдает долги из принципа? Поджигает дома вдов и сирот? Погряз в противоестественном? Убил отца и мать? Пусть половина сказанного — ложь, все равно обычай есть обычай. Так что же такого плохого сделали лепесточники?

На этот раз паузу взял собеседник. А я приглядывался и думал: поделится ли мне с ним сделанным открытием?

— Лепесточники нарушили один из основных запретов Города, — наконец сказал он, — и подлежат наказанию. По решению Совета оно будет осуществлено руками вашего Братства. Думаю, для вас этого должно быть достаточно.

— Уважаемый блюститель Добродетели, — улыбнулся я, — если вы снимете маску, я окончательно поверю, что Совет принял именно это решение.

Люди, которые неумело скрывают лицо, почему-то очень обижаются, когда их разоблачают. Я разглядел злобную гримасу даже под маской. Мой собеседник ее так и не снял. Но проглотил остатки конфитюра и говорил уже узнаваемым голосом:

— Не менее уважаемый глава, или маршал, так называемого Ночного Братства! Если вам необходимо, чтобы я, как вы выражаетесь, «попрокурорил», я назову вам еще одну вину лепесточников. Они совершили ошибку, которую в первую очередь делают вельможи: решили, что Город не может обойтись без их услуг и им сойдет с рук все. Не пройдет и суток, как они очень серьезно в этом разочаруются.

Правда, исправиться смогут не все. Сказанное относится и к вашему Братству. Мы терпим его как застарелую болячку, избавиться от которой слишком хлопотно. Но иногда хирургу приходится ампутировать руку или ногу, а не удалять зловерный прыщ!

Видимо, брат блюстителъ забыл, что находится не на заседании Совета или на трибуне переполненной площади. Он кричал, и, несмотря на маску, было видно, как брызгает слюной.

Я откинулся в кресле, как пассажир на почтовой станции, когда до дилижанса два часа, и сделал вид, будто задремал. Или даже не сделал вид.

— Думаю, я сказал достаточно, — продолжил гость. — Сейчас для нас важнее всего быстрота. Я пришел к вам, чтобы принятие решения не затягивалось из-за посредников. Каков ваш ответ?

— Подождем, — ответил я, натурально зевнув. — Мне необходимо собрать совет капитанов и тогда мы решим.

Добродетельник чуть не прикусил маску изнутри. Может, и нарочно, чтобы не сорваться. Встал, ушел без прощания. А я отправился к себе в спальню. Достал бутылъ, выпил два бокала, потом третий и лег. Еще подумал, что надо бы и вправду созвать на вечер совет капитанов. Ладно, проснусь и прикажу.

Меня разбудил Терсан. Его голос был немного взволнован.

— Брат мар, меня послали к вам с просьбой прийти на совет капитанов.

Несколько секунд я тер невыспавшуюся голову. Значит, я все же успел отдать приказ. Но кому? Нет, нельзя сходить с ума. Пока что в своей жизни я не совершил ни одного дела, которое не запомнил.

— Капитаны собрались сами, — уточнил лейтенант. — У них к вам очень важные вопросы.

— Все капитаны? — спросил я.

— Не все, но больше половины. Они очень просили прийти к ним поскорее.

Судя по закатному солнцу, до вечерних сумерек оставалось немного. Я освежился бокалом легкого вина и пошел за Терсаном.

По традиции, совет проходил если не в трактире, то в подземном зале.

Я сел во главе стола, оглядел лица. Да, девять человек, больше половины. По крайней мере, одно решение они принять могут.

— Ночной удачи и дневного покоя, — приветствовал я. — Давайте приступим к делам.

— Без дел мы бы так борзо не прискакали, — проворчал кто-то.

Я одернул наглеца взглядом и посмотрел на Джарнета — самого пожилого из капитанов. Начинай.

— Маршал вершит судьбу Братства, — начал он, как и положено, в третьем лице, — но маршал не может принимать важные решения, не посоветовавшись с братьями.

— Маршал не принимал, — в тон ему ответил я, — он решил посоветоваться с капитанами.

— Иногда решение что-то отложить само является решением, причем очень опасным, — начал Джарнет, но я его перебил:

— Пока маршал спал, человек в большой маске напрямую стакнулся с капитанами?

Все замолчали.

Потом опять заговорил Джарнет.

— Да, нам пришлось поступить именно так. Маршал должен знать...

Пошел нудный треп о том, что я знал и так: нас терпят, но могут и уничтожить, нужно взвешивать действия, некоторые просьбы нужно выполнять даже бесплатно...

Я слушал и понимал: оратор тянет время. Он чего-то ждет. Но чего?

И тут открылась дверь. Появился Ухо — капитан, которого не любят, презирают, но боятся. Если лица всех были напряжены, то его — сияло.

— Введите! — приказал он.

Этьен

Когда настала пора уходить, главной проблемой оказалась Крошка. Катланка встала между мной и дверью. Она фырчала, била хвостом о паркет и постоянно растягивалась на полу в том месте, где должна была ступить моя нога. Упорно-безнадежная борьба продолжалась до прихожей. Офицер караула Совета с интересом глядел на нас: возможно, он впервые увидел домашнего катланка.

Наконец я присел и погладил серую морду:

— Крошка, сейчас ты мне не поможешь. Я сделаю все, чтобы мы встретились. Оставайся здесь и не покидай дом, пока он безопасен для тебя.

Слуги получили необходимые инструкции, пока они здесь, кошка голодной не останется. Что же касается книг, старых вещей и самого дома, я попрощался с ними уже давно и уходил не оглядываясь.

Караул, присланный Советом, был вежлив. Например, он воздержался от обыска. Я этим воспользовался, пока собирался. Теперь, в пути, чтобы занять время, проглядывал «Листок свободы».

Заметил официальное сообщение от блюстителя Справедливости. Пространная преамбула сообщала, что самозванство — особо антидобродетельное преступление, оно вовлекает в обман честных людей, извращает их добрую волю и должно наказываться особо беспощадно. В конце перечислялись изменения в действующем законодательстве. Отныне самозванство, независимо от возраста самозванца, каралось как минимум пожизненным заключением в тюрьме с особыми условиями. Такому же наказанию подлежал тот, кто помог самозванцу или встретил его и не донес властям.

— Могли бы просто написать — уничтожается, — шепотом проворчал я.

В зале Совета отсутствовал блюститель Добродетели. Я воспользовался этим и обратился к блюстителю Мира — самому глупому и поэтому самому надежному из коллег.

— Вполне возможно, что в ближайшее время я отбуду в командировку. Если это случится, я хотел бы передать свой дом под

ваш патронаж. Условия обычные: пользование в отсутствие хозяина, доход от аренды внешних строений, сохранность имущества. Буду благодарен.

— А я — признателен, — улыбнулся коллега в пышные усы, которые, как он считал, обязан носить каждый военный.

Он было пустился в расспросы, но я положил на столик заранее подготовленный договор и сел на канapé, предлагая ему сесть тоже и подписать.

— Ну, вот и отлично, — облегченно выдохнул я, представляя чувства прокурора, собравшегося вынести решение о конфискации и узнавшего, что имущество под патронажем главного генерала. — Был бы очень признателен, если бы вы сохранили прислугу, арендных доходов на это хватит, и позаботились о кошке.

— Как это мило — «позаботиться о кошке», — услышал я насмешливый голос, — особенно о кошке, способной позаботиться о хозяине.

Я обернулся. Рядом стоял блюститель Добродетели, за его спиной — двое охранников в масках, в куртках мышиноного цвета, означавших скромность и принадлежность к народу.

— О заботливой кошке мы еще поговорим, — продолжил он, — а пока начнем совещание, у нас слишком мало времени. — Блюститель Добродетели говорил кратко: — Лепесточники нарушили экономические договоренности, но главное не это. Они ввязались в политику, укрыв на пустоши малолетнего самозванца. Найти и арестовать его обычной полицейской акцией невозможно. Необходимо решить проблему лепесточников как таковых — отстранить их от сбора почек. В процессе этого будет решена и проблема самозванца. Тот, кто даст клятву убраться из города, сможет выйти за кордонную линию, конечно же после обыска и конфискации всех недобродетельно нажитых ценностей. Обязательному задержанию подлежат только мальчишки от пяти до двенадцати лет и их родители или опекуны. Их судьбу, — скороговоркой закончил блюститель Добродетели, — решат наши помощники из так называемого Ночного Братства. Вот резолюция. Трое членов Совета уже поставили под ней подписи. Дело за вами, брат Этьен.

— Как блюститель Созидания, — неторопливо начал я, — не вижу экономической целесообразности в таком решении. Что же

касается мальчишек-самозванцев, для начала следовало бы убедиться, что они существуют.

— У меня есть доказательства, что именно брату... пока еще брату Этьену, — с ухмылкой заметил блюститель Добродетели, — известно о таких мальчишках на пустоши больше, чем любому из нас. А вот и свидетель.

Двое мышиных стражников убрали ширму у стены. За ней на низком табурете сидел бедолага с перевязанным лицом и руками.

— Это следы знакомства с заботливой кошкой, — с той же усмешкой продолжил блюститель Добродетели. — Ты узнал его голос?

— Да, — ответил тот, — и голос, и лицо, только он был одет как фонарщик.

— Ты послужил Добродетели и можешь удалиться. Гражданин Этьен, мы не будем тратить время, спрашивая у тебя, зачем ты ходил на пустошь. В ближайшие дни ты сможешь дать пояснения народному прокурору и присяжным. Братья, теперь вы согласны, что не ошиблись, подписав вторую резолюцию нашего Совета? Три «за» при одном воздержавшемся.

Блюститель Справедливости взглянул на меня со злорадным торжеством, блюститель Мира — с печальным сочувствием.

— Заберите у гражданина шпагу и проводите во временное жилище, — распорядился блюститель Добродетели.

Лирэн

На вошедшего я взглянул с интересом, а он на меня — со страхом, вдруг я отрежу второе ухо?

— Габош был наказан по правилам, — заметил Джарнет. — По правилам ли поступил ты, не поделившись с капитанами его тайной? Напомни ее, парень, и не трать наше время.

Габош немного сбивчиво, но в целом верно пересказал наш разговор.

— Итак, — заявил Ухо, — маршал узнал, что среди лепесточников скрывается мальчик, очень похожий на принца. И что же сделал маршал? Пусть его ответ будет быстрым и честным! — почти визгливо заметил он.

Во взглядах было не только нетерпение, но и злорадство. Я понял, что не ошибся, заметив слезку во тьме. Или ошибся, не разобравшись с ней.

— Я был на пустоши. С мальчишкой не разговаривал и, как вы убедились, сюда его не привел, — ответил я максимально честно.

Несколько секунд слышались удивленные вопросы: «Это принц или нет?». Я молчал.

Джарнет ударил по столу рукоятью клинка и все стихли.

— В любом другом деле, — начал он спокойно и мягко, — нам бы хватило твоего объяснения. Сейчас — нет. В одну ночь ты отказал самому сильному человеку в Городе и ходил искать встречи с тем, кого этот человек боится и ненавидит больше всего. Этого достаточно, чтобы нам объявили войну на уничтожение. Да, наше Братство бессмертно. Нас не уничтожат, но загонят в щели, как крыс, и этого не хочет никто. Маршал стал угрозой для всех и, пока он спал, старейшина капитанов, Джарнет, исправил его ошибку. Не ради денег, а ради прежних отношений Братства и власти.

— Сделав еще большую ошибку, — сказал я. — Детоубийство и цареубийство, особенно когда они совмещены, это пятно на века. Недаром добродетельный мерзавец решил спихнуть эту работу на Братство — себя защитить, а нас запятнать.

— Лирэн, — старейший капитан в нарушение правила обратился ко мне по имени, — ты прав, это пятно. Но сейчас надо тушить пожар и я не вижу другого выхода.

— Надо было бы поручить это ему, его руками, — зло сказал Ухо. Я взглянул на него и он заткнулся.

— У нас нет права разжаловать тебя, это дело большого совета, — продолжил Джарнет. — Но мы вправе лишить тебя полномочий. Отдай клинок маршала. Надеюсь, когда история с лепесточниками закончится, тебя выберут снова.

Я неторопливо вынул клинок, полученный почти год назад. Поднял. Взглянул на Ухо, да так, что тот нырнул за чью-то спину. Метнул — лезвие вошло в столешницу почти наполовину.

И вышел быстрым шагом.

Этьен

То, что ничего хорошего меня не ждет, я понял, когда за дверями секретарского холла дежурный лейтенант гвардии Совета передал меня личной охране блюстителя Добродетели. Я слышал, что этих ребят набирают из узников тюрем, осужденных за столь нехорошие проступки, что защищать их отказалось даже Ночное Братство, если они в него входили.

— Сопроводите гражданина подозреваемого и привезите лекарку-торговку, — сказал лейтенант, возвращаясь в холл.

— Туда, сюда, — проворчал один из охранников в мышинном мундире и черной маске, довольно-таки неучтиво срывая мою шпагу с пояса. — Дыхалки не хватит по городу бегать.

— Не дури, Жареф, — заметил второй, тоже делавший вид, что не замечает меня. — Лучше бегать по городу, чем плестись по пустоши. Вот там точно дыхалки не хватит. Адрес лекарки знаешь? Эй, мелкий, дуй и спроси, пока работу не перехватили.

Третий охранник, самый мелкий по габаритам и, видимо, юный, вернулся в холл.

— А ты двигай! — гавкнул мне объемный громила и толкнул прикладом короткого мушкета.

— Прошу повежливей, — сказал я, оглядывая полутемный и полупустой коридор и заодно дав конвоирам шанс на выживание.

— Повежливей — не вопрос, — осклабился его напарник, хватая меня за правый локоть. — Позолоти дорожку, мы тебя поведем со всем почтением, как кабанчика на праздник.

— Если его уже обыскали, — сплюнул Жареф, — карманы пусты, как вылизанные соты... Нет, не обы...

У завязтых бретеров защитный кинжал для левой руки всегда висит предупреждающе открыто. Конечно, висел — сейчас в Городе Свободы дуэли закончились. Бретеров я особенно не уважал, но с левым клинком тренировался не меньше, чем со шпагой в правой руке, а носил, конечно же, не открыто.

А удивился Жареф, когда увидел лезвие, торчащее из плеча напарника. К нему я столь же быстро добавил пару порезов — раны не

смертельные, но их получателю будет чем заняться, кроме выполнения своих обязанностей.

Жарефу повезло меньше. Он решился стрелять из короткого ружья, ему не хватило одной секунды. Когда у меня хотят забрать жизнь, тут не до гуманности. Если сам захочу отдать свою жизнь — отдам, а пока — извините.

Конвоир сползал по стене, исследуя рану, тут хватило одного резкого укола. Я возвратил себе шпагу и пошел по коридору быстрым уверенным шагом.

В день Освобождения королевский дворец подвергся столь тщательному разгрому, что годился лишь на склады и детский приют. Энтузиазм толпы миновал дворец старшего герцога, обиталище королевского брата. Вот в нем-то и заседал Совет Четырех.

В незапамятные времена я пробыл три года в королевских пажах, не раз дежурил и в герцогском дворце. У пажей всегда полно историй с фрейлинами, поэтому мне были ведомы не только парадные залы и коридоры, но и служебные лестницы...

— Он сбежа-а-ал!

Третий, самый счастливый конвоир наконец-то вышел из холла и углядел меня в конце коридора. К той секунде я уже вспомнил три подходящие лестницы, одна из которых гарантированно должна была быть открыта, зато запиралась изнутри. И не ошибся.

Разумеется, я сбежал этажом ниже, слыша отдаленные крики и рев горнов — к моей поимке подключили весь дежурный караул. Разумеется, я открыл дверь, после чего рванулся наверх той же темной бесфонарной лестницей. Пробежал мимо запертой двери, гнувшейся под каблуками, прикладами и алебардами, поднялся на два пролета и присел в максимально возможном отдалении от окна, впрочем уже не освещавшего лестницу.

Раздался грохот упавших досок, на площадку подо мной вылетела толпа, чуть не проломив перила. Разумеется, все взглянули вниз, разумеется, все понеслись туда.

— Стрелять! Живым не брать! — крикнул кто-то в охвостье погони.

Я удовлетворенно вздохнул. Виды на меня со стороны добродетельника не шли дальше убийства. Похоже, он не мечтал о

показательном процессе и казни, а просто хотел избавиться от меня поскорей.

Пусть мечтает.

Разумнее всего было бы прождать здесь пару часов, а потом выбраться тайной калиткой и проведать дом. Но в голове засел приказ арестовать лекарку. Пусть она сама додумалась торговать целебными почками, все равно изрядная доля вины в ее злоключениях на мне. Надо сделать небольшой крюк, предупредить девицу...

Крюк оказался чуть больше планируемого. Выйти пришлось через парадный вход, с разрубленным мундиром и легкой раной. Двое недостаточно бдительных часовых, надеюсь, остались живы.

В эту минуту к герцогскому дворцу подъезжала курьерская пролетка с наисвежайшим запасом заграничных цветов. Пусть она и относилась к моему ведомству, экспедитор-охранник отказался менять маршрут и его пришлось выкинуть на мостовую. Кучер оказался сговорчивее, когда я пообещал ему десять монет и показал окровавленную шпагу.

Мы немного отъехали от дворца, когда пара лошадей понеслась, и было с чего. Матерчатая крыша разодралась в клочья и на гору хризантем упало что-то длинное и гибкое, узнанное мной даже в потемках.

— Бешеный катланк! — в ужасе крикнул кучер.

Меня никогда не удивляло чье-то наблюдение, что катланк умнее собаки. Но я не ожидал такого сочетания собачьего ума с собачьей верностью: сбежать из дома и понять, где находится хозяин.

Кучера удалось успокоить и некоторое время спустя он прибыл к дому доктора Голова-на-плечах.

В приличных кварталах горят яркие фонари. Тот, что ближе всего к парадному входу, освещал неприглядную картину — двое молодцов в мышинных мундирах тащили к карете лекарку, а еще один грубо держал пожилого доктора.

Я велел кучеру подъехать поближе, а также попросил Крошку остаться на месте. И выскочил, держа руку на шпаге.

— Уважайте старость!

За спиной грубияна, удерживавшего почтенного профессора, вырос мой главный враг и ударил по затылку рукоятью клинка. Доктор

удивленно замер на месте, так как его никто не держал.

Охранники, тащившие девицу, немедленно прекратили это занятие. Один из них прицелился в маршала воров и жить тому оставалась одна секунда...

Но мне хватило ее, чтобы одним ударом сохранить жизнь своему заклятому врагу. Напарник охранника выхватил шпагу и кинулся на меня. Вероятно, это был бывший аристократ, забывший имя, но не фехтовальное умение. Я с трудом отбил два удара и получил царапину.

Бить в спину ножом подло. Но этот удар моего врага, похоже, спас мне жизнь.

— Не время для благородства, вельможа, — сказал мне Лирэн — наконец-то я вспомнил имя врага.

— Но время для визита вы нашли, — заметил я, убирая шпагу в ножны.

— Делать было нечего, хотел проведать даму, но чуть опоздал. Мадам, каковы ваши планы?

— Поскорее удалиться отсюда, — ответила лекарка. — Без меня профессору ничего не угрожает.

— Последний вопрос, — ухмыльнулся главарь негодяев. — Мы разбегаемся или держимся вместе?

— Зачем вам наше общество? — спросил я. — Разве к вашим услугам не сотни клинков?

— Именно сейчас — мой один, — вздохнул Лирэн. — Что мы решили?

Решение было простым — предупредить об опасности прищелицу и принца.

По пути бывший главарь поведал об инструкции, данной карательным отрядам: уничтожать всех лепесточников, но детей от пяти до двенадцати лет и их семьи захватывать в ожидании приказа.

Уже скоро усталые коняги дотащили экипаж до границы пустоши. Лирэн выскочил первый, потом обернулся ко мне:

— Придется выйти. Впереди цепь из наших. Меня они пропустят, вас тоже. Но сбоку отряд стражи. Давайте возьмем по охапке цветов.

Я кинул испуганному кучеру кошель и мы рванули в темноту. Уже скоро обернувшуюся для меня вспышкой и ударом.

Алина

— Он прав. — Магали, отдуваясь, уложила свою ношу под куст и быстро начала раздевать, добираясь до раны. — Уходите как можно глубже. Туда, где вас не достанут.

— А вы? — Я быстренько уронила поклажу под соседний куст и стала помогать лекарке, не слушая ее злобного шипения.

— Мы не лепесточки и все равно не сможем дышать там, куда вы уйдете.

— Чушь не мели, — рыкнула на него Магали. — Вы оба надышанные и с бутонем в каждом кармане. Да и я не лыком шита. Но вот этот господин точно истечет кровью, если сейчас ее не остановить и не сделать перевязку.

— Сколько времени тебе нужно? — Зеленоглазый блондин закусил губу и прищурился в заросли.

А потом щелкнул и только тогда я сообразила, что он перезарядил пистолет и достал еще один из-за пояса. Собирается отстреливаться? Мама... Что-то как-то это все страшно и ни фиги не весело...

Наверное, от страха мозги заработали быстрее и четче. И выдали план действий. Руки сами, словно без участия разума, подавали, придерживали, промокали и затягивали там и так, как велела Магали.

Уже через минуту раненый брюнет был перевязан, а вооруженный до зубов блондин дернут сзади за куртку.

— Уходим все вместе. Вглубь. Будьте добры, помогите своему другу, не может же девушка и дальше таскать здорового мужчину по пересеченной местности.

— Моему другу?! — Блондин так изумился, что сначала похлопал глазами, а потом без писка и прочих глупых пререканий взвалил брюнета себе на спину и вдруг усмехнулся, глядя мне в лицо: — Куда смогу — донесу. Но в самую глубь не получится, даже с бутонями у лица. Так что вам надо быть готовыми к тому, что оставите нас и двинетесь дальше. Это к лучшему — я так просто не собираюсь сдаваться и заберу с собой столько подонков добродетельного мерзавца, сколько получится.

Искоса глянув на Магали, я кивнула. В памяти сам собой всплыл тот странный случай, когда лекарка не задохнулась в кустах, хотя я затащила ее достаточно глубоко. Но тогда у меня не было времени как следует обдумать это происшествие. Да и позже не получилось — события полетели как камни с крутого обрыва.

А теперь там, за полосой кустов, слышался странный и опасный шум, от которого волосы вдоль позвоночника вставали дыбом и коленки сами начинали подгибаться. Хотелось упасть в листья, закрыть голову руками, зажмуриться и твердить: «Меня здесь нет, меня здесь нет!».

Но нельзя. Со мной люди. И ребенок! Так что, Лина, взяла себя в руки и...

— Там видно будет, куда вы сможете пойти. — Я помогла Магали быстро собрать в холщовую сумку, висевшую у нее через плечо, все ее инструменты, снадобья и бинты, а потом за руку потащила к тревожно переговаривающимся чуть в отдалении лепесточникам, с которыми оставался Нико.

— Надо уходить вглубь пустоши? — сразу спросил Луи. — Перекрыли пути?

— Да. — Я кивнула. — Другого выхода нет.

— Если те, что на нас охотятся, со свежими бутонами и надышанные, достанут, — озабоченно покачал головой леший.

— Все равно деваться некуда. Идемте, быстрее! — скомандовала я, мысленно охая — предводительница нашлась... а куда деваться?

Дальше все слилось в мутный калейдоскоп торопливой ходьбы, почти бега, страха, нарастающих выкриков где-то там, позади, тяжелого дыхания и усиливающейся паники.

Блондин пер брюнета и зло пыхтел на ходу, Нико вцепился в мою руку и вздрагивал от каждого резкого звука, даже если это был треск сучка под его же ботинком. Внешне он старался не показывать страха, не ныл, не плакал. Но был бледен почти до синевы, а глаза казались черными из-за ненормально расширенных зрачков.

— Дальше нам хода нет, — остановил всю колонну смутно знакомый лепесточник, на вид самый старый в нашей компании. — Задыхаться будем. Придется драться.

Судя по тому, как грамотно начали рассасываться по кустам и укрытиям кивающие ему соплеменники, они давно все для себя

решили и не собирались безропотно подставлять шеи под нож.

Зеленоглазый тоже примерился, под какой куст уронить раненого, но вдруг получил тычок от запыхавшейся Магали.

— Надо идти дальше! Она — дыхание! — коротко рявкнула лекарка, ткнув в меня пальцем. — Ну, чего вылупились?! Неужели столько времени рядом прожили и не заметили, что она вообще не задыхается без цветов?

— Она пришелица. — Блондин поглядел на меня очень задумчиво, словно внутри своей головы взвешивал и приценивался, сколько золота взять за каждую часть тела. — Конечно, ей не нужны цветы. А вот мы...

— Она не просто пришелица, она пришла из того же мира, что и дед, — вздохнула Магали. По ее виду было понятно, как не хотелось лекарке выкладывать все карты на стол, но сейчас у нее не было иного выхода. — Ну! Соображайте! А вы — тем более! — Ее палец уверенно ткнул в одного старого лепесточника, потом в другого. — Ваши же легенды! Про древних предков! Так вот она такая же. Не только сама дышит, но и другим дает дышать. Поэтому все должны уходить в самую глубь пустоши и тогда мы спасемся!

Оппа!

Мне стало еще больше не по себе, потому что на меня никогда в жизни так не смотрели. Тоже мне, нашлась кислородная машинка на всю палату.

Все повернулись и вытаращились так, словно у меня на голове минимум две пары рогов выросло.

— Как интересно, — протянул блондин и в его зеленющих глазах засветились непонятные искры. Непонятные, но явно опасные какие-то. — А вы полны сюрпризов, мадемуазель.

— Некогда болтать. — Я нагнулась и подхватила Нико на руки, вскользь заметила, что Паршивец держится рядом с нами и одновременно поближе к Крошке-Багире, повернулась к Луи и велела: — Раз я такая необыкновенно дыхательная, так и нечего время терять, враги близко! Бегом!

И правда, азартные крики загонщиков стали ближе, в прорехах зелени мелькали пятна факельного света. Судя по звукам, те, кто решил этой ночью поохотиться на лепесточников, думали, что это неплохая забава. До нас долетел даже смех кого-то из охотников.

Я зло поджала губы и ломанулась прямо в сторону выжженной пустоши. Отведу народ к своей грядке с тюльпанами. Ну да, получается, посторонние увидят результаты моих экспериментов. А что делать? И так уже расшифровалась по самое не могу.

Вот только мои спутники, которые вроде и поверили Магали, чем дальше мы уходили от городских огней в темноту, тем неувереннее двигались вперед. А потом и вовсе начали останавливаться, хватаясь за горло и за грудь.

Черт! Неужели Магали ошиблась? Неужели люди задохнутся?!

Я застыла, мгновенно выпав из одной паники в другую. Завела людей, понадеялась на свои непроверенные способности, а они задохнутся. И что мне делать?!

— А ну, прекратите! — вдруг в голос рявкнула Магали.

Все сразу посмотрели на нее, в том числе и я.

А лекарка, красная от бега и гнева, уперла руки в боки и продолжала разоряться, как торговка на базаре:

— Сами себе страх придумали, от него и задыхаетесь! Ну?! Как я заорала, так и дышать стало легче, а? Я вот не задыхаюсь. И он, — тут Магали ткнула в бессознательного, но вполне себе сопящего брюнета на спине у блондина. — А все почему? А потому, что он не знает, что здесь ему нельзя дышать! Не боится, сам себя за горло не сжимает и дышит ее дыханием спокойненько!

Рядом со мной первым глубоко вздохнул блондин. Его зрачки изумленно расширились, он рывком поправил на своей спине раненого и схватил меня за предплечье, заглядывая в лицо. Потом перестали корчиться Луи с Франсуазой, потом...

Потом где-то уже совсем близко затрещали кусты и грубый голос рявкнул:

— Здесь они! Попались, голубчики!

Вот тут уже стало не до удивления и попыток разузнать, что там такое удивительное с дыханием и моим присутствием. Мы все дружно ломанулись сквозь заросли, словно стадо испуганных оленей, куда угодно, лишь бы подальше от погони.

Вопли преследователей стали еще азартнее, в них слышалась злая радость и какое-то нездоровое предвкушение. Они пока еще не задыхались и я даже поняла почему, когда оглянулась и заметила

мелькнувшего среди веток мужчину. У него на лице была полотняная повязка, набитая чем-то. Наверняка свежими цветами, в руке — ружье.

Вот гады! Они действительно хотели убить всех лепесточников!

А иначе почему эти сволочи начали бы стрелять? Не разбирая в кого — в детей, стариков, женщин... в спину.

— Быстрее!

Я прямо чувствовала, как свинцовые шарики устрашающих размеров свистят вокруг, ломают ветки и дырявят листья. Единственное, на что меня хватило, это не бежать по прямой, а драпать как заяц, рваными зигзагами.

С ребенком на руках это было непросто, тем более что Нико вдруг начал брыкаться и кричать:

— Лина, пусти, я сам! Сам!

Да шаз-з-з...

Только стиснула сильнее, пригнулась и прибавила скорости. Мысли в голове метались перепуганной птичьей стаей — не дай бог, остальные лепесточники бросятся убежать в разные стороны, они или задохнутся, или попадут в лапы загонщикам!

Но боялась я зря — даже если паника и погнала перепуганных людей куда попало, преследователи не дали нам ни малейшей возможности сменить направление. Нас целенаправленно гнали в самую глубину проклятых территорий.

Они же не знали, что нам того и надо!

Правда, мои невольные спутники все никак не могли поверить в «чудо», то и дело спотыкались и тормозили. Точнее, хотели бы притормозить, но головорезы с оружием оказались страшнее неизвестности впереди.

Поэтому, когда перед нами замаячила серая земля, просвечивая между редкими ветками, а крики загонщиков слегка отстали — даже с масками на лице эти сволочи не рискнули соваться настолько глубоко в пустоши, — люди, вместо того чтобы остановиться, прибавили ходу.

Сначала мы все бежали, не разбирая земли под ногами. Потом, когда серый пепел пыльным облаком окутал всю толпу, поневоле стали останавливаться. Кашлять, задыхаться, но не оттого, что воздух вокруг проклят, а просто запыхались и мелкая пепельная взвесь забила рот и нос.

Какое-то время все кашляли и терли лица, кто-то опустился прямо на землю, кто-то пытался поддержать товарища. И только время спустя до нас дошло: крики загонщиков больше не слышны совсем, даже кромка зелени осталась за гребнем серой земли. Погоня прекратилась.

Тогда, что называется, считать мы стали раны. То есть сначала народ ошалело оглядывался и явно тихо офигевал от того, где мы все очутились. А потом застонал и опустился в пыль Луи.

— Что?! — Я кинулась к нему, так и не выпуская из рук Нико.

— Нога, — пропыхтел наш родной леший, задирая тунику.

Штанина на правом бедре уже пропиталась кровью.

— Кто еще ранен? — Магали, едва пришла в себя после сумасшедшего бега, тут же вспомнила, что она не просто мимо медицины проходила. — Осмотрите себя и соседей, на бегу от страха могли не почувствовать! Кого задели, даже вскользь, подходите сюда, надо быстро промыть раны и наложить повязки! Неважно, что мы дышим рядом со свечой, — кивнула она на меня. — Мешать внутренние жидкости с этим пеплом не стоит, вдруг он ядовитый.

Дальше для меня все какое-то время было как в тумане — похоже, нагнал откат. Шутка ли — столько бежать, спасаться от пуль, чувствовать, как тебя загоняют, словно зверя, бояться смерти, причем даже не своей... даром такое не дается.

На мне, к счастью, не оказалось ни царапины, Нико тоже не пострадал. Но среди лепесточников были раненые, а еще мы недосчитались одного малыша и нескольких самых старых жителей роши.

Это было ужасно. Потому что вернуться за пропавшими мы не могли. Слава богу, буквально через пять минут одна бабушка с тем самым пропавшим малышом догнала нас сама — как оказалось, она отстала совсем немного, просто пыталась отдышаться за ближайшим взгорком. Туда, кажется, тоже доставала моя сила «свечи».

Но двоих дедов мы все же потеряли. Ох... а кроме этого, имелась пуля в бедре у Луи, пуля в плече у брюнета — Этьен, его зовут Этьен, я вспомнила. Еще несколько сквозных ран, довольно много царапин, ссадин, и полно ушибов.

Лирэн — тоже вспомнила, видимо, бег по пересеченной местности в условиях хреновой видимости, да еще и под обстрелом, стимулирует мозги лучше витаминов — отделался парой ссадин и

ожогом от пороха на левой руке — как я поняла, отстреливался и пытался перезарядить оружие на полном скаку. Даже думать не хочу, как он это делал, главное — не пострадал.

Казалось бы, чего мне жалеть этого нахала. Но он все же пришел, чтобы предупредить нас, и защищал от загонщиков. Значит, как минимум сейчас мы с ним на одной стороне и его враги — наши враги.

Вообще, его присутствие беспокоило меня даже на фоне всеобщего триндеца. Становилось не по себе от взглядов, странно от прикосновений — он помог мне усадить Нико рядом с раненым лешим и придержал под локоть, когда споткнулась.

Брюнет Этьен все еще не пришел в себя, но он меня так не тревожил. Вежливый мужчина, и вообще... какой-то прямой, прозрачный, что ли. А этот хитрован — у него даже зеленые глаза как у лиса, какие-то раскосо-насмешливые.

— Плоховато дело, — отвлекла меня от размышлений Магали, утирая пот со лба.

— Что?!

— У меня с собой есть лекарства и инструменты, чтобы достать пулю из плеча господина Этьена. Но вот с бедром старика все сложнее. Глубоко засела. Нужен большой хирургический набор и другие снадобья. Денек лохматый еще потерпит, а потом свинец в ране его убьет. Надо вынимать.

Я не успела вздохнуть — еще одна ягодка-проблемка в большую корзину, как раздался удивленный детский голос:

— Мамочка, что это?

Я тихонько заскулила, как Муму с кирпичом на шее. Что еще такое? Местная проклятая форма особо агрессивно-прожорливой жизни? Яма без дна?

Сделала несколько шагов в сторону голоска. И обругала себя вороной повышенной забывчивости. Правда, по-доброму.

Девчонка трех-четырёх лет пялилась на маленькую грядочку, на то, чего в этом разнесчастном городе не видали и дети ее постарше, — на растущие цветы. На мою тюльпанную плантацию. Да, ее обитатели пока еще подростки-недоростки. Однако за два дня, которые я их не посещала, они вытянулись в длину, а бутончики раскрылись. Скромно, несмело, но все равно даже в полутьме было видно — это цветы, а не какая-то форма лука-порая.

Я тихо рассмеялась так, что слезы заручьились по пыльным щекам. Хоть какая-то добрая новость за эти проклятые сутки!

Вокруг собирались лепесточники, даже Луи потребовал, чтобы его подвели. Глазели, шептались, кто-то встал на колени, чтобы поближе рассмотреть цветок. Протянул руку, но трогать не решился — вдруг тот исчезнет от такого панибратства.

Я опять усмехнулась, вспомнив добрый анекдот, как другой мужик нырнул, спас Муму, развязал.

— *Благодарствую, — прогавкала откашлявшаяся собачонка.*

— *Говорящая собака! — изумился мужик.*

— *Говорящий мужик! — изумилась Муму.*

Вот так же дивились и лепесточники, увидев растущие, а не срезанные цветы.

— Похоже, Филь-Филь-вторая, убежав с песочка, не теряла времени даром, — услышала я насмешливый голос.

Рядом стоял Лирэн. Смешки смешками, но я чувствовала — он удивлен не меньше других.

— Будете обзывать чужими именами... — хотела закончить: «Превращу вас в крысу». Но я подумала, что у меня еще не столь солидная волшебная репутация, да и с этого нахала станет потребовать демонстрации могущества. — ...сама буду называть вас Зеленоглазым Крысом.

Нахал присел на корточки. Я даже испугалась: вдруг тоже словил пулю и полчаса играл в героического мужчинку? Но он просто хохотал. При таком освещении сразу и не поймешь — всерьез или придуруется.

— Назовите ваше настоящее имя — и больше никаких обзывалок.

Ну, что тут будешь делать?

— Можете называть меня Линой, — сказала я.

— Если это ваша работа, то вы вправе называться «Волшебница Лина», — заметил Лирэн, не торопившийся подниматься и глядевший на тюльпан.

Я хотела ответить, что мое чудо — полчаса нормальной садоводческой работы в день. А еще — что хватит пялиться на меня и цветы, надо помочь раненым.

Но тут та же девчонка, обнаружившая тайную плантацию, тихонько сказала:

— Ой, как легко дышится! Даже танцевать хочется.

Я в очередной раз поразила лепесточникам. Этот несчастный табор только что спасся от погони и должен был зализывать раны, заодно считать товарищей, кто не выжил, и плакать. А они, то ли как дети, то ли как ученые, стали исследовать находку. Просили меня отойти, подходили к моей любительской клумбе, вдыхали. И пару раз пускались в пляс.

К моему удивлению, Лирэн начал командовать. И, к еще большему удивлению, его слушались. Магали попросила вскипятить воду — он распорядился выкопать яму и развести костер в ней. Запретил зажигать факелы и показал, как сделать потайной фонарь. Велел четверем юнцам надыхаться цветами — у него в торбе оказался целый ворох — и установил наблюдение. Потом приказал женщинам приготовить еду, но мы и без него сообразили. Война войной, а желудок сам командует.

Когда он подошел ко мне, я уже наломала два хлеба и нарезала окорок.

— Как-то вы легко стали у них командиром, — заметила я.

— А это проще простого, — усмехнулся Лирэн, подхватывая кусок. Несмотря на темноту, я поняла, что он безошибочно выбрал самый толстый. — Знаете, как называют лепесточников? Королевство без короля, банда без атамана. Кто говорит умные вещи, а главное — вовремя, тот и маршал лепесточников. И почему я в детстве не стал лепесточником? Впрочем, тогда кто бы им помог?

— А если маршал станет говорить глупости? — прервала я философствование с набитым ртом.

— Будет говорить глупости или умности не ко времени — просто перестанут слушать, — невнятно ответил Лирэн, доедая второй кусок. — Спасибо за угощение, сейчас проверю своего раненого друга.

Слово «друг» было сказано с такой презрительно-насмешливой интонацией, что я, уже решившая отчитать нахала за покусовничество, усмехнулась сама.

Скоро весь наш табор потянулся к застолью. Из ямы поблескивал огонь, на небе горели звезды. Не хватало только гитары — «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» — и нормальный туристский поход. Хотелось смеяться и плакать. Впрочем, сейчас больше всего хотелось есть.

— Между прочим, — шепнул Лирэн, подсаживаясь ко мне с куском хлеба, поджаренным в ямочном костре, — вся история-то из-за него. А еще, я слышал, принцы звериный язык знают.

Нико почти ничего не ел. Он сидел между Крошкой и Паршивцем и действительно разговаривал с катланками. В отблесках подземного костра четвероногая подружка Этьена казалась настоящей пантерой.

— А они будут выяснять, он погиб или нет? — шепотом спросила я.

— Они трусы, — презрительно сказала Магали. — Будут подходить, уткнувшись носом в букет, но едва запершит в горле — убегать. Впрочем, в приморских городах есть особые костюмы для тех, кто ищет клады на дне моря.

— Будет так, — уверенно, без шуток сказал Лирэн. — К утру главному добродетельнику доложат, что облава прошла успешно и все лепесточки уничтожены — ведь слово «принц» в официальном приказе не прозвучало. Подлец захочет увидеть тела. Ему скажут, что все сгорели. Он повторит приказ — ему принесут кучу золы с обгоревшими помоечными костями. Но все это — не раньше чем завтра, — закончил он и сладко зевнул.

Я доела бутерброд и поняла, что тоже не мешало бы ненадолго отдохнуть. Даже не засыпать. Закутаться, положить под бок Нико с Паши и поглядеть, лежа, на звездное небо, как и полагается в туристическом походе. Хоть и таком экстремальном, как наш.

Проснувшись я от холода — Нико рядом не было. Воздух посвежел, звезды поблекли, приближался рассвет. А еще под конец мне приснилось, что неподалеку кто-то яростно спорит. И это был не сон.

— И еще раз говорю: ничего он тебе не даст! — донесся злой шепот Магали.

— Но я же вчера... — ответил Лирэн.

— ...ему помог, — докончила Магали тем же свистящим шепотом. — Он был в нервной прострации, тебя не запомнил и не выдаст тебе даже пузырька!

— И еще раз говорю, — чуть тише, но столь же напряженно-насмешливо заметил Лирэн, — ты не пройдешь посты.

— Стража — трус на ротозее, — усмехнулась лекарка. — Выпили вчера за победу над стариками и заснули.

— Кроме стражи, — уже не насмешливо ответил Лирэн, — там мои люди. Они знают: если заснуть на шухере, проснешься в тюрьме и свои не вытащат — за дело попал. Они и меня заметят, скорее всего. Но я сквозь них пройду, а ты — нет.

— Зато если я проберусь, то возьму все, что надо, — упрямылась Магали.

Я слышала спор все отчетливей и отчетливей, потому что приближалась почти ползком. На полпути наткнулась на подслушивающую парочку — Нико и Паршивец. Маленький принц что-то шептал или мурлыкал, будто переводил коту.

— Не проберешься, — повторил Лирэн. — У нас в Братстве двойные уши. Вот слышу, что к нам крадутся.

— Доброе утро, — сказала я, вставая. — А я нашла выход!

Оказывается, я умею спорить быстро, резко, тихо. И самое главное — успешно. За три минуты я убедила Магали и Лирэна, что идти должна я. Точнее, мы вдвоем.

— А если они без тебя задохнутся? — неуверенно возражала Магали.

— Ты же человек науки. В смысле, знаний, — напирала я. — Уже могла эмпирически убедиться — без меня они вполне дышат, когда вокруг грядки кучкуются. Я нарочно шагов на тридцать отходила от группы — и ничего. А вот без тебя раненым будет плохо.

— Хуже всего, если не вернешься, — проворчала Магали тоном окончательной капитуляции.

После чего достала кожаную нашейную сумейку с блокнотиком и маленьким чернильным набором и стала набрасывать список.

— Еще одна заморочка, — без ехидства заметил Лирэн. — Сейчас посты мы пройдем, но затемно вернуться не успеем. С рассвета у моих людей, или уже не моих, — беспечно заметил он, — закончится контракт, они уйдут и вместо них поставят много стражи. Тогда опять придется темноты ждать.

— И пули в ранах будут ждать темноты, ага, — проворчала Магали. — Эй, пострел, тут взрослые дела.

— Если узелок небольшой, фунт-полтора, его может принести Крошка, — сказал Нико, не обративший внимания на замечание. — Я с ней поговорил, еще и Паши подтвердил для убедительности, что так она спасет хозяина. Она согласилась.

Я была уверена, что лекарка съязвит в ответ, но Магали серьезно посмотрела на Нико.

— Так лучше. У катланка не отнимут, а вам и вправду не надо по свету шастать. Она-то поймет?

— Да, — ответил Нико, — только спросит разрешения у хозяина.

Я заметила, что он не называл Этьена по имени.

Дальше было небольшое чудо из тех, к которым пора бы уже привыкнуть в этом мире. Маленький принц встал, что-то муркнул большущей кошке и та пошла за ним как пес на поводке.

Мы отправились следом. Раненый брюнет лежал на ложе из сухих листьев — умница Магали. Он уже пришел в себя.

— Доброе утро, мадам. — Этьен почти удачно изобразил улыбку. — Простите, что не могу вас приветствовать стоя. У вас нет лучшего варианта, чем использовать мою кошку в качестве почтового голубя?

— Нет, — ответила лекарка. — Медикаменты нужны до вечера.

Этьен не стал спорить. Он протянул руку, положил на загривок своей пантеро-рыси, потом поманил меня пальцем, взял мою правую ладонь другой рукой и тоже поставил на кошачью голову. Животное пристально и печально взглянуло на меня, будто спрашивало: «Ты правда ему поможешь?».

— Да, — синхронно сказала я и громко мяукнул Паши.

Я ожидала от Этьена какой-нибудь банальности вроде «не перегружайте кошку», но он лишь улыбнулся, потрепал кошку по уху и закрыл глаза.

— Пошли, я еще список не дописала, — шепнула Магали.

Мы прошли двадцать шагов от импровизированного лазарета до импровизированной столовой.

— Вдвоем идти всегда лучше, — улыбчивым шепотом заметил Лирэн. — Между прочим, на свое первое серьезное дело я тоже пошел с девчонкой.

— Какое? — не удержалась от вопроса я.

— Пустяк. Или не пустяк. Последний побег из приюта, для разнообразия — с подружкой. Заодно обчистили директора. С вечера опоили, усыпили, это отдельная история, зато крепче, чем он, могли спать лишь мертвецы. Ошуровали жилище, как сумели, вынесли все, что смогли выдержать хилые плечики двух заморышей-недокормышей.

Вообще-то, за то, что он творил с воспитанниками, полагалось зарезать, но я был тогда еще добрым.

— А что сделал с подружкой? — недовольно спросила Магали. — Продал в публичный дом?

Зря она так с ним. Неожиданно я оказалась на стороне наглого блондина.

— Нет, мадам, — ответил он почти без паузы. — Тогда я еще никого не мог продать, так что ее продали без меня. Зато через три года я ее оттуда вытащил, со всеми честно расплатился, нашел мужа, сам был сватом, знаете, какая морока? Муж оказался на удивление приличным, правда, чтобы на улице не болтали, пришлось отрезать языки двум соседям и трем соседкам. Кстати, в вашу лечебню не обращался скоп пациентов с одинаковой бедой?

— Вроде бы нет, — ответила слегка удивленная Магали.

— Конечно, не обращался, — рассмеялся Лирэн. — Я пошутил. Отрезал только один язык, да и то не весь.

Магали растерянно замолчала, а я неожиданно обрадовалась — срезал.

— Ладно, — наконец сказала она. — Наболтайся сейчас, потом долго молчать придется. Да, — обратилась лекарка уже ко мне, — замри, я на тебя фонариком посвечу. Ты лепесточную одежду здесь оставь. Лепесточнице сейчас по городу гулять — как мышке пожаловать на кошачью свадьбу.

Умница! А я так и поперлась бы в одежде отверженного племени, которое со вчерашнего вечера стало преступным.

Проблему решили быстро. За несколько встреч с Магали у меня накопился небольшой гардероб, можно выбирать. Когда я переоделась, Лирэн признал меня вдовушкой чиновника средней руки.

Магали то ли прочитала краткую молитву, то ли выругалась, Франсю произнесла какое-то заклятие, Нико прижался ко мне напоследок и мы, наконец, двинулись в путь.

Через несколько шагов я остановилась, замерла: не услышу ли следом тихие мальчишеские шаги? Нет, маленький принц и его котенок остались в лагере.

— Он дал слово и не пойдет, — еле слышно шепнул Лирэн. — Он уютский мальчишка!

Пока мы крались по гостеприимной пустоши в сторону проклятого города, — Лирэн впереди, я на три шага сзади, кошка рядом, — меня мучил один и тот же вопрос: почему я так хотела пойти? Зачем это лишнее приключение?

Ответ был ясен и прост: если не сделать чего-нибудь этим утром, до вечера не доживу. Вся моя терпелка, все силы ушли на вчерашний бросок, когда нас едва не поймали.

Останусь здесь — меня переclinит и скрутит. День-деньской ждать чего? Когда явятся монстры, обвязанные букетами, проверять, живы мы или нет? Мужчины хотя бы смогут отдать жизнь в бою. А я?

Может, это эгоистично. Но бывает, когда так надо поступить: сразу после работы пойти не в семью, а на долгий шопинг. Или в бар с подружками, выпить винишка. Иначе сгоришь и никому уже не поможешь. А вот сейчас мне казалось, что если пойти прогуляться, отойти от этой пустоши, то выход найдется.

— Стоп! — донесся еле слышный шепоток. — Тут стража. И не спит. Обходим, пока не выйдем на моих.

Я вздрогнула, видимо от рассветного ветерка. Все же мы идем не в бар, а в город, где каждого из нас хотят поймать. Разве что кроме Крошки, да и то, пока еще не видели рядом с нами.

Мы прошли не меньше двухсот шагов почти невидимой тропинкой, когда Лирэн остановился и сделал отмашку рукой. Внезапно раздалось резкое уханье какой-то птицы и я не сразу поняла, что это он.

Секунду спустя из кустов ответил такой же «сыч».

— Кто сигналил? — услышала я незнакомый хриплый шепот.

— Маршал.

— Бывший маршал, — раздалось из-за куста, — ты куда это направился?

М-да, начало разговора нерадостное. Недаром блондинчик взял паузу. Нет, все же ответил, в прежнем насмешливом тоне:

— Объясните кто-нибудь дорогому брату Ухо, что маршал становится бывшим только после Совета Братства.

До меня донеслись разноголосые шепотки: «Он прав». Похоже, в кустах засела целая банда. Разобрался бы он с ней поскорее, а то, судя по небу, скоро настанет пора не сычей, а жаворонков.

В мою ногу что-то ткнулось. Я машинально опустила руку и почесала за ушами невидимую голову на уровне бедра. Похоже, эта «крошечная» пантера признала меня временной хозяйкой.

— Лады, — сказал неприятный тип по кличке Ухо, когда-то отправивший меня на песочек. — Тогда скажи, пока еще не бывший маршал, все ли лепесточки померли? Да ты-то сам как выжил? — На этот раз в шепоте Уха слышалось искреннее удивление. — Может, ты вообще мертвец?

— Если я мертвец, — голос Лирэна стал совсем веселым, — я на твоём месте, Ухо, не высывался бы. Забыл мудрость: с мертвецом связаться — мертвецом оказаться? А насчет лепесточников... Помните, братья, другую мудрость: умный кот всех мышей не переловит? Вы свою работу честно сделали, я свою. Так, братья?

В кустах раздался ожесточенный спорящий шепот. Похоже, большинство братьев согласились. Крошка тихо муркнула — люди, чего стоим, договаривайтесь быстрее!

Лирэн сделал шаг вперед:

— Ну а так, братья, давайте, во имя Братства, все сейчас на одну минутку закроют глаза и никто никого не увидит.

В кустах замолчали. Может, аудиопсихолог я никакой, но молчание было напряженным.

— Вот что, брат мар, — донесся молодой голос, — живой ты или мертвый — проходи, твой путь — твой путь. Но мы глаза не закроем. Каждому сказано было — и стражникам, и нам: если кто пропустит любого мальчишку с пустоши, того на тысячу кусков порвут, а перед этим — всю его родню, даже если он сирота. Найдут и порвут. Мы увидеть должны, что ты один идешь.

— Клянусь клинком и жизнью, что мальчишка со мной не идет, — ответил Лирэн уже без всякой насмешки.

Опять завозились, послышалась реплика Уха: «Не ве...», но его заткнули.

— Нет, брат мар, — наконец сказал тот же рассудительный молодчик, — эта игра с высокой ставкой и твоей жизни маловато будет. Глаза не закроем.

— Ну, если вам моей жизни мало, — протяженно и напряженно сказал Лирэн.

Несмотря на темноту, я разглядела, что его правая рука сжимает клинок, а в левой — огнестрел. Крошка тихо зашипела, предчувствуя битву...

...которой я совершенно не желала. Мы же, блин, идем за лекарствами, а не за новыми ранами.

Поэтому я вышла из темноты, приблизилась к Лирэну. Надеюсь, света, чтобы разглядеть мое светлое платье, хватало.

— Я тут за компанию с господином, — сказала негромко и спокойно. Сердечко, зараза, чего ж так бьешься? — Вам обещали что-нибудь отрезать за мимохожую женщину?

Опять шепот, уже изумленный. Гадло по имени Ухо шипел, что меня уже видел, и вообще. Его перебивали, говорили, что насчет женщин и девиц категорического приказа не было.

— Тише, братики, стражу разбудите, — заметил Лирэн прежним насмешливым голосом и в кустах затихло.

— Тогда мы пошли, — сказала я, надеюсь, что ровным тоном. — А вы смотрите и хватайте всех мальчишек, которые идут с нами. Кошку только не хватайте: она и откусить может что-нибудь самому шустрому.

И вышла вперед, да еще дернула за рукав Лирэна. Так резко, что ему пришлось шагнуть следом.

Крошку тем более не пришлось просить. Она так и кралась рядом с нами. Поэтому когда из кустов вышла фигура и встала на пути, — мальчишек высматривать, что ли? — то сразу отошла, увидев, о какой кошке речь.

Нас пропустили молча. Лишь потом донесся тот же молодой голос:

— Счастливо, брат мар. Ты уж постарайся не ссорить нас с властью.

Лирэн зло усмехнулся:

— Пока что, братья, я уберег вас от проклятия колдовского племени, одновременно не поссорив с властями. Так что думайте наперед, кто вам маршал, а кто в яму утянет из-за жадности и трусости.

Бросил напоследок ядовитую гранату, называется. А пока в кустах молчали, обдумывая его слова, мы уже вошли в трущобную улицу.

Шагов через триста пустошь окончательно осталась позади. Ночь тоже почти закончилась, силуэты домов выплывали из синеватого сумрака.

— Ты зачем влезла? — внезапно и резко спросил Лирэн, останавливаясь и за руку разворачивая меня лицом к себе.

Я слегка опешила. Ничего себе претензии! В чем я виновата? Не дала мальчику подраться? Ну, извините, не за этим шли.

— Теперь они все тебя видели! — продолжил Лирэн еще резче, подходя вплотную и буквально шипя мне в лицо.

Похоже, обиделся всерьез. На что? Ага, понятно — сама разрулила ситуацию, стала лидером. Еще и его потащила, как собачку на поводке. Эхе-хе... мужское эго — оно и в другом мире мужское... это самое.

Спорить не хотелось. Делать мне больше нечего, стоять посреди трущоб и препираться с блондинистым мальчишкой. То есть не мальчишкой, конечно, юным мой спутник ни разу не выглядел, особенно когда такой злощий. Но разобиделся он как пацан, так что... Впрочем, как обращаться с петушистыми пацанами, я в курсе.

— Извини, пожалуйста. Ты герой, ты смог бы их победить. И двоих, и троих. И даже пятерых... — Осторожней, Аля! Поймет, что я так над ним смеюсь, — обидится еще больше. — И мы бы прорвались. Но я испу... Я подумала, что меня могут ранить, и решила их уговорить.

Лирэн замолчал, развернулся и потащил меня дальше по улице. Я споткнулась о какую-то выбоину и охнула так, чтобы в этом междометии утонул мой смешок.

Блондин отпустил мое предплечье, за которое волок, и вполне галантно взял под руку.

— Ну, что есть, то есть, — пробурчал он на ходу вроде как примирительно. — Карте место, кость не перекидывают. Мы уже подходим. Стой здесь и молчи, не вздумай снова соваться поперек маршала.

Я послушно прислонилась к теплой стеночке. Интересно... это она с вечера не остыла? Или мне просто кажется?

Лирэн скользнул за угол, а я сделала пару шагов и стала подглядывать. Ну а что, я же не лезу, только смотрю. Вдруг надо будет быстро драпать?

— Крошка, будь наготове. — Пальцы, зарывшиеся в шерсть животного и ощутившие прикосновение теплого меха, подарили хоть какую-то уверенность.

И не напрасно — она мне понадобилась буквально сразу.

У дверей профессорского дома как почетный караул стояли двое стражников. Стояли и пристально вглядывались в каждого редкого прохожего.

И что делать? Опять хватать героя за рукав, чтобы не полез в драку?

Хватать за рукав не пришлось, слава всем тюльпанам и прочей местной ботанике. Лирэн сам не рвался в бой. Отпрянул обратно за угол, наступил мне на ногу, резко обернулся, узрел мой нос в сантиметре от своего и зашипел не хуже рассерженного Паршивца.

Сам сцапал меня за руку и оттащил на прежнее место:

— Я кому сказал: не лезь?!

— Да я и не лезу. — Руку пришлось выдирать силой из крепких пальцев. — Ай! Да не щипайся ты, гусь лапчатый! Я только осторожно выглянула, чтобы знать, пора уже драпать или подождать, пока ты вяжешься в драку со стражниками.

— Я гусь?! — поразился блондин. — Да кто тебя щиплет, нужна ты... Ладно. Сейчас узнаем, что там с Головой, с чего бы добродетельному Совету присылать сюда стражу. Как-никак, он лучший лекарь в городе, пусть и без диплома от бывшего королевского общества. Свои болячки братья из Совета таскают именно ему и вряд ли рискнут остаться с геморроем, но без волшебных свечек.

— Ну у тебя и познания, — хмыкнула я, ловя собеседника за полу. — Чтобы узнать подробности, необязательно лезть в лоб. У дома есть черный ход.

— Женщина! — по-кошачьи фыркнул Лирэн. — Ты разговариваешь с главой Ночного Братства. Не тебе учить меня обходным путем. Неужели ты думаешь, что в Совете одни дураки и у черного хода нет стражников? Да их там больше, чем у парадного!

— Да-да, братец гусь, — сладко улыбнулась я в полутьме. — У черного хода наверняка охрана. А у самого черного, ну того, про который никто не знает, тюльпан даю, посвободнее. Сейчас Крошка сходит и проверит, правда, дорогая?

— Крошка? Хм... — Он еще что-то хотел сказать, но не успел, потому что за углом в предрассветном мареве послышались голоса и звяканье амуниции.

Мы, не сговариваясь, прильнули к углу — Лирэн повыше, я пониже, а у самой земли наша кошачья спутница.

Через пару минут наблюдений братец гусь перестал сопеть мне в макушку, сообразил, что ради удобного обзора мы тут почти обнимаемся, и шустро отпрянул.

Подумаешь...

— Они приносили к Голове своего раненого товарища, — после секундного молчания озвучил очевидное Лирэн. — Потому и под дверь торчали те, кого добрый доктор не пустил в приемную. Теперь ушли.

— Ага. — Мне опять надоело спорить и препираться, хотя самоуверенный блондин отчего-то будил во мне вредину и хулиганку из младшей школы.

— Крошка пусть проверит, что там возле черного хода, — распорядился Лирэн. — Возле обоих черных ходов. А я кое-что проверю с парадного. Ты стой тут! Поняла?

— Да поняла, поняла...

Раскомандовался тут. С другой стороны, все же, насколько я уяснила, мужик у нас — своеобразный «маркиз ангелов» и преступно-подкрадывательного опыта у него больше. Так что пусть...

Через полчаса мы наконец попали в дом лекаря. Ну, как попали — Лирэн зашел нормально один раз, потом выскочил и чуть ли не за шиворот заволок меня. Спешил очень. А Крошка влезла в окно, она оба входа проверила и не нашла там ничего, кроме помойного ведра, из которого добыла селедочный скелет. С ним и улеглась на пороге, после того как вежливо предложила мне угоститься находкой.

— Ну? — Сам доктор вошел в приемную хмурый, я бы даже сказала, злой. — Письмо есть?

Лирена он почему-то проигнорировал, обратился исключительно ко мне.

— Есть. — Я кивнула и полезла в карман за запиской. — Не столько письмо, сколько список нужных инструментов и лекарств.

— Вот засранка! — заругался Голова, выхватывая у меня бумажку из рук и впиваясь в нее взглядом. — Говорил же: не суйся, дура... нет, молодежь всегда самая умная, лучше знает!

— Прошу прощения, — вежливо прервал его Лирен и тут же огреб.

Доктор его заметил и вызверился:

— Ах вот кто во всем виноват! Паршивый мальчишка! Я тебя предупреждал! Живо раздевайся, я тебя...

— Э-э-э... — слегка забеспокоилась я.

Потому как не поняла, что там доктор собрался делать с моим спутником. Может, и надо бы всыпать, не спорю, если блондин и правда «во всем виноват». Но мне ж еще обратно на пустошь возвращаться, а одна я могу не пройти через выставленные кордоны.

— Снимай рубашку, засранец! — Сухонький и сердитый Голова подскочил к широкоплечему блондину и дернул того за одежду. Кажется, у них несколько более близкое знакомство, чем я думала. — А то я не вижу, что ты в двух местах скособочился и нормально не шевелишь правой рукой!

Самое удивительное, что Лирэн, покосившись на меня и недовольно хмыкнув, послушался. И оказалось, что он ранен не только в руку, но еще и в бок. Точнее, ему прилетело как-то вскользь, до трещины в ребре и здоровенной ссадины. Так-то ничего серьезного, но больно наверняка.

— А еще воевать собирался, — зловредно наябедничала я суетящемуся лекарю, успевшему не только размочить и промыть раны, но и перебинтовать ребра блондина тугой повязкой.

И запахло, кстати, от повязки так знакомо...

— Йод?

Голова хмуро на меня зыркнул и кивнул:

— Йодоформ. Эти иномирные дикари за сорок лет так и не усвоили пользы стерильности ран и повязок.

— Понятно... — Я прикинула возраст доктора с веселым именем, потом покопалась в памяти и вспомнила, в каких книгах читала про йодоформ, присвистнула.

Получается, милый лекарь провалился в древнюю Францию то ли до, то ли во время, то ли сразу после Второй мировой. И прижился... С

одной стороны, это открытие внушает надежду, с другой — повергает в уныние. Домой хочу!

Похоже, отсутствие главной лечащей силы в лице Магали положительно подействовало на Голову. Руки профессора не тряслись, он все делал сам, почти без помощи меланхоличного юного ассистента, покинувшего свой секретарский пост на входе.

— Я смотрю, вы спелись, — пробурчал Лирэн, осторожно надевая рубашку и косясь в окно, где уже всюю цвел рассвет. — А нам, между прочим, надо было вернуться до того, как утро выгонит на улицы кучу народа и страже у пустоши придет смена. Днем там и проверяющие шляются, и много кого принести может, так что даже мои братишки не смогут пропустить нас. А ведь есть вариант, что им заплатили и отпустили. Тогда в кустах будут сидеть слишком добродетельные господа, которые мне ни разу не родственники.

Я спохватилась и тут же закусила губу. Черт. Луи может не дотерпеть до вечера, и вообще...

— М-м-мря! — Крошка доела свою добычу и ткнулась пахнувшей селедкой мордой мне в руку. — Мр-р-ры!

— В принципе, донесет, — задумчиво сказала я, погладив нашу Багиру между ушей. — Если упаковать самое необходимое в корзинку, кошка спокойно минует стражу. А остальные лекарства мы доставим позже.

Всегда знала, что кошка способна подражать любой другой твари. И растянуться на диване, как змея. И охранять хозяина, как собака. А такая умница, как Крошка-катланк, еще и понять, что от нее требуется стать на время почтовым голубем. Или сенбернарром, к которому приторочен пакет первой помощи.

Поначалу кошка ничего не понимала и увертывалась. Но я несколько раз произнесла: «Этьен!». После чего она замерла, как музейная статуэтка, и не препятствовала нашим общим трудам — профессор помогал завязывать, Лирэн советовал.

Наконец мы выпустили Крошку с черного хода на еще пустую улицу и она умчалась, задрвав хвост.

Одна проблема, будем надеяться, решена. Мы вернулись в докторский кабинет и Лирэн налил себе большой стакан из графина.

— Есть люди, которые выпьют воды и есть не хотят, — заметил он, — а бывает и так, что вода нагоняет прожор.

«Дай воды напиться, а то так голоден, что и заночевать негде», — с усмешкой подумала я, но промолчала, так как поняла, что тоже голодна. Ночью было особо не до еды, к тому же долгая беготня не только утомила, но и вызвала расход сил.

К счастью, профессор и его ассистент тоже вспомнили о завтраке. С ним оказался затык. Я не сомневалась, что в старину в таком благополучном доме всегда водилась прислуга — не докторское дело носить дрова и выгребать золу. Прислуга нашлась в виде девицы, напуганной вчерашним вторжением стражи и поэтому уклонившейся от своих обязанностей.

Я запретила всем трем мужчинам охать и подтрунивать. Провела сеанс ободрительной психотерапии и восстановила у бедняжки расстроенный трудовой функционал. Девица вскипятила воду для напитка, по вкусу ничем не отличавшегося от привычного кофе, нарезала хлеб и разные вкусности.

Мы позавтракали, после чего я оказалась во власти недавней присказки. Организм, зараза, еще недавно утверждавший, что не поел толком, теперь пытался склеить глаза, убеждая, что и выспаться не удалось.

«Надо бы попросить организовать нам лежбище на чердаке или в подвале, — сонно подумала я. — Сейчас спрошу девочку горничную».

— Кто что хочет, а я — спать, — заявил нахальный Лирэн, вытирая руки о скатерть. — Вот кушетка для меня.

И завалился в соседней комнате, несмотря на протесты ассистента, заявившего, что это его софа для дневного отдыха. Захрапел сразу — может, нарочно, а может, и естественно.

Я вздохнула и попросила горничную найти мне что-нибудь по соседству. Горничная поспешно указала мне на соседнюю комнату — начинался прием и ей полагалось сидеть у входных дверей вместо секретаря, ставшего ассистентом.

Наверное, давно мой сон не был таким приятным и тревожным. Приятным — в чистой кровати, с бельем, подушкой и одеялом я спала только в другом мире, а может, и в другой жизни. Тревожным — потому что сон прекрасно уживался с мыслями, что позавчера ложе было неудобным, зато ситуация не в пример стабильней. Сейчас я хоть

и вылеживаюсь на мягком, но оказалась в положении загнанной зверушки. И тот факт, что я не главный объект охоты, как-то не радует.

Сейчас-то подушка, одеяльце. А вот завтра где ночевать придется?

Поэтому я не удивилась, что проснулась легко — от громких разговоров неподалеку.

— Они мне всю скатерть на башку накрутили, чтобы мозги не вытекли, — донесся то ли плаксивый, то ли пьяный голос.

— Было бы чему вытекать. — Голосок собеседника был резче и звонче. — Не рыпайся, не мешай доктору.

Поспишь с таким соседством! Я встала, вышла из своей комнатухи, увидела, что лежбище Лирэна пусто. Надеюсь, ему хватило ума не пойти в приемную точить лясы?

К счастью, хватило. Нахальный блондин тусил в помещении по соседству с приемной. Окно было зашторено, Лирэн стоял в полумраке возле скелета и вполголоса беседовал с ним.

— Это как же тебя, парнишка, угораздило? — искренне спрашивал он, проводя пальцем по ребрам и производя простенький музыкальный ритм. — И жил, небось, не очень счастливо, и теперь все на тебя глазают. Зато никакая псина твои косточки не погрызет. Может, и мне так же распорядиться после своей смерти? Мудрая, еще не старая женщина, ты знаешь, как из человеков скелеты делают?

Вот нахал!

— Тех, кто так решил при жизни, — прошептала я, — сажают на муравейник. И людям трудиться не надо, и у дурака есть время одуматься и отказаться.

Лирэн удивленно взглянул на меня и хохотнул.

— Тише! — резко сказала я.

Блондинчик решил обидеться, но услышал разговор из приемной и замолчал.

— Это где же такое приключилось? — заботливо спросил доктор. — Не на пустоши?

— Нет, уже после, — отозвался тот же резкий голосок, — в таверне. Стали о нашем замечательном маршале говорить, кто он — сокол или крыса. Ну, и дособорились до табуретов и бутылей. Брату на брата просто так клинок вынимать нельзя...

Лирэн превратился в замерший слуховой аппарат, но подробностей о себе не узнал.

Раздалось недовольное ворчание Головы:

— Да что такое! Нет Магали — нет бинтов! Мне шустрить, что ли?

Послышались приближающиеся шаги и дверь в наше убежище-подслушище открылась. На миг нас ослепило солнце, бившее в окно приемной. Я все же разглядела пациентов и смогла их сосчитать. Или не смогла. И сделала не очень приятный вывод.

Но поделиться им с Лирэном не успела. Нас заметили.

— Брат мар, — уважительно, но с легкой насмешкой обратился к нему парень, державший за плечи своего товарища, сжавшегося в кресле в ожидании бинта, — надеюсь, с вами ничего особо страшного не случилось?

— Ну, вот совсем ничего, — бодро заявил Лирэн. — Вы-то живы?

— Я-то жив-здоров, — ответил парень. — Женни только разбили табурет о макушку, когда предложил за ваше здоровье выпить. Вы уж возвращайтесь поскорей, ссоры тогда закончатся.

— Вернусь скоро, — ответил Лирэн. — Слушайте, Томасен и Женни, одна просьба. Простая маленькая просьба от вашего маршала, которого очень легко порадовать и совсем не надо огорчать. Вы уже заканчиваете? Ну, тогда пообещайте, что меня здесь не видели.

— Не вопрос, — улыбнулся Томасен. — Слово брата, что я вас здесь не видел, а если мне показалось, что видел, то никому об этом не скажу, кроме родного отца, да и то потому, что он давно помер.

Не успела я понять, что же подозрительного в ответе, как услышала Лирэна:

— Милый братец, зачем так сложно? Видишь мой клинок? Просто взгляни на него и скажи коротко: никому ничего не скажу. Можно с «кроме», можно без — неважно.

Голос блондина был тихий, но такой напряженный, что воздух слегка зазвенел. Томасен уже без улыбки повторил обещание, так же сделал и Женни.

— Давай-ка я помогу обмотать тебе голову, братец, — сказал Лирэн прежним насмешливым голосом.

Помог ассистенту и кивнул уходящим братцам.

Я пристально взглянула на него.

— Думаешь, этого недостаточно? — спросил блондин с легким наскоком.

Ох уж эти грозные и ненаблюдательные мужчины...

— Этим двоим достаточно, — ответила я, — а как быть с третьим? Одноухий парень стоял у двери, увидел тебя, развернулся — и наутек. Видимо, решил, что с его бедой здесь не помогут.

— Здесь был и третий? — растерянно произнес Лирэн.

После чего произнес длинную, громкую и эмоциональную фразу с перечислением мифологических существ и насильственных соитий между ними. Профессор заткнул уши, ассистент сел в кресло, оставленное пациентом, скелет, как мне показалось, вздрогнул.

— Это хорошо, — заметила я, — а что будем делать?

— Дыма нет, огня нет, а дом — горит, — спокойно, но и не думая извиняться, ответил Лирэн. — Уходим.

Вот уж не думала, что этот дом такой уютный! Из него не хотелось уходить, как неохота вылезать из-под крыши, когда на улице льет как из ведра.

Но придется. Один одноухий козел умчался делиться с кем-то увиденным. Потому что другой козел, еще большей козлиности, вздумал поболтать со скелетиком. И спалил наше убежище, надо поскорее уходить.

Профессор и ассистент не то чтобы все поняли, но прониклись нашим настроением.

— Бинтов побольше возьмите, — говорил Голова.

Лирэн отбивался, но я сама распахнула его торбу и затолкала пакетик с бинтами.

— Если нас не поймают, — хотела добавить «по известно чьей глупости», но сдержалась, — от лишнего бинта будет польза. А поймают — все равно.

Похоже, мне и вправду было все равно. Особенно когда мы спустились по черной лестнице и, озираясь, вышли в тот же проулок, в который ранним утром выпустили кошку. Сейчас-то солнце явно перевалило за полдень, но мне было не до солнца.

Которую неделю живу в туристическом экстриме — ни поесть, ни попить, ни умыться! Наконец-то нашла место, где едят за столом, а спят на кровати. Разве я не заслужила полдня отдыха?! И тут одному мальчику пришло в голову погулять где не надо.

За что это мне? За что это все?!

— Могли бы и не бежать впереди страха. Этот писливый урод не сразу сообразил бы, кому меня продать, да и надо ли продавать. Остались бы, поели еще печенья с маком — очень оно вкусное... Э... Ты чего, всерьез?

Нет, блин, луком глаза натерла! Я уже и не пыталась сдержаться. Прислонилась к какой-то стене и нырнула в рыдания.

Ну правда, за что?! Украли из родного мира — между прочим, братки этого блондинистого оболтуса. С кем-то перепутали, чуть не казнили. Скиталась подземельями, нашла человечка, более несчастного, чем я сама, наверное, поэтому и сдерживалась эти дни. Поселилась на бомжовском пустыре, а оттого, что в этих бомжах есть какое-то волшебство, жизнь под открытым небом и не сытней, и не чище. Чуть-чуть приспособилась, купила котелок, суп варить, и плед, чтобы накрываться, так загнали в глушь под угрозой смерти. Пробралась мимо бандитов в приличный дом — и тут ни умыться, ни поспать толком.

Бегают козочка между волком и мясником, так ей еще не дают травку пощипать. У-у-у!

— Нет, правда, что ты? Зачем? — бормотал Лирэн.

Я его даже понимала: крутой сильный мужик, все разрулит, всех победит. И не знает, что делать с бабьим хнычем. Ни посмеяться, ни закричать — сам виноват.

Все меня здесь обижают. Я что, обидеться не могу? Не могу-у-у?!

— Ну, не надо, я сказал: прекратить! Быстро! Немедленно. Ну, пожалуйста... Увидят, — бормотал князь всех местных воров, — или уже бывший князь? — переходя от диктата к мольбам.

Между прочим, если увидят, то, пожалуй, это не худший вариант. Даже если это будет поисковая группа, неважно чья, главного добродетельника или бывших подчиненных. Я не самый великий конспиролух, но догадываюсь, что люди, которых ищут, снуют с сосредоточенными лицами от угла к углу, а не устраивают слезных уличных сцен. Так что пусть скажет спасибо, собеседник скелетов, за мою импровизированную конспирацию.

Стихийный проливной плач начал переходить в управляемую истерику. Ничего, кому-то психологическая разгрузка, а кому-то — урок.

— Не хочу на пустошь! — бормотала я. — Хочу домой! Выспаться хочу, поесть нормально. Хочу в бассейн, хочу в спа. А цветы видеть не хочу! Ни тюльпаны, ни розы, ни гвоздики! Чтоб они все засохли! Я и без них дышу!

Лирэн дернулся, будто хотел зажать мне рот, но замер.

— Правда можешь? — спросил он с такой неподдельной искренностью, что хотелось не шутить, а ответить. И, увидев мой кивок, сбросивший в пыль три-четыре слезки, продолжил: — Если бы я так мог, то не плакал бы, а смеялся.

— Найди мне спа-центр, а еще салон красоты, а еще номер с кроватью, чтобы спать до вечера. А лучше — до утра. И чтобы ни одна сволочь, ни с одним ухом, ни с двумя, ни с тремя, не беспокоила! — ожесточенно сказала я, глядя ему в лицо сквозь слезы.

— А что такое спа-центр? — растерянно спросил Лирэн.

В его голосе было что-то детское, когда взрослые говорят незнакомые слова и нужно их понять, иначе разговора не получится.

Ох ты зараза! Ни хамством, ни мольбами, ни окаменелой мордой он меня бы не одолел. А вот тон малолетнего почемушки — всепробивная пуля.

И я, не замечая, что слезки понемножку высыхают, стала рассказывать про такие привычные, такие надоевшие и такие желанные сейчас удовольствия моего потерянного мира. Блин, да я мешок золотых и воз цветов в придачу отдала бы за бассейн. Чтобы бурливо погонять шесть-восемь дорожек туда-сюда. Потом выйти, чуть обсохнуть, зайти и растянуться в хамаме. Потом обтереться большим белым полотенцем, хны-хны!

Впрочем, остаточные слезы не кипучи. Тем более я из ревущей тетки превратилась в интересного рассказчика. Лирэн слушал, задавал уточняющие вопросы, я отвечала, почти перестав всхлипывать.

Мы остановились рядом с какой-то лавкой. Мой спутник метнулся туда и вернулся с большой бутылкой.

Если вино — выплуну. Если плохое — в рожу. Но напиток оказался чем-то вроде легкого сидра, приятным, умеренно сладко-кислым и пряным забродившим компотом.

— Это тебе для пополнения глазных боезапасов, — с прежней уверенной усмешкой пояснил он. — Забавно у вас, даже побывать захотелось.

Вот нахал! Плеснуть, что ли, в него компотом? Жалко, вкусный.

— У нас был король Энр Пятый, Несгибаемый Жезл, — столь же легко продолжил Лирэн. — Он так тиранствовал, что до сих пор сказки сказывают. Отбирал лучших девиц из всех сословий, переодевал русалками, велел плескаться в озере во дворцовом парке, сам изображал морского черта на скале и требовал, чтобы слуги-раки ему на скалу девиц затаскивали, ну и их там... короче, оправдывал прозвище. У вас тоже ничего с этими плавательными озерами. Кстати!

Лирэн остановился и ударил себя по лбу.

Мои слезы настолько просохли, что я разглядела: ударил, почти не коснувшись.

— У нас же и сейчас играют в развратную аристократию. Только без раков и чертей. И мы отдохнем и укроемся до ночи. А называется эта забава — салон Испытания добродетели.

— Салон Испытания добродетели? — переспросила я. — Что это такое?

— Так ты не знаешь, что это такое? — ответил Лирэн, окончательно вернувшийся к прежней насмешливости. — Понимаю. Лепесточки, с которыми ты связалась, самые добродетельные жители города. Они прозябают в такой нищете, что пороки к ним не липнут, как мотыльки к огню.

— Ответь на вопрос, иначе опять заплачу, — сказала я.

— Сейчас, — поспешил с ответом Лирэн. — В Городе Свободы очень многие верноподданные граждане не могут забыть времена тирании и разврата. Поэтому в театрах ставят пьесы о том, как добродетельные юноши и непорочные девицы, попавшие в растленное общество, на вечеринки и балы, падают в пучину порока, правда, в конце обычно из нее выныривают. Некоторым горожанам, конечно не бедным, хочется проверить, устояли бы они в такой ситуации или нет? Для этого и устроены салоны Испытания добродетели. Туда можно пройти или по знакомству, или хорошо заплатив на входе. Очень важное условие: участники бала непременно носят маски. А еще, чтобы испытание было особенно трудным, можно арендовать отдельный кабинет с мягким диваном и удалиться туда после танцев, конечно же вдвоем.

Я не смогла сдержать усмешки:

— А как к этому относится стража?

— Ее добродетель в этом случае подвергается своему испытанию — мздоимством. И она его почти всегда проигрывает. Идем?

— Да, — кивнула я. Слезы высохли, уличная драма закончилась.
— Погоди, но ведь балы обычно начинаются поздним вечером, при свечах.

— Ты права, такой салон закрывается перед рассветом. Но посетителей пускают туда уже сейчас. Ведь, как ты, наверное, знаешь...

— Я почти ничего не знаю, — огрызнулась я. — Меня притащили сюда, отправили на песочек, а оттуда я сбежала к лепесточникам, от которых нельзя ничего узнать, кроме того, как они сами живут.

— Ну, не знаешь — объясню, — без насмешки улыбнулся Лирэн.
— Настоящие аристократы погибли, сбежали или пошли в гувернеры. Теперь в господах люди попроще. Некоторые — добропорядочные лавочники, они если и привыкли пировать допоздна, то лишь в своем доме. Поэтому они посещают салон довольно рано, чтобы вернуться домой к первому рожку ночной стражи. Ну, и хвастаться — был в салоне Испытания добродетели и не поддался порокам. Кстати, добропорядочные горожане должны быть в курсе всех событий. Будем идти, читать вместе и ругаться с олухами, наступившими нам на ноги. Эй, малый!

Пробежавший мальчишка вручил Лирэну газету и умчался, понимая, что сдачи не потребуют.

— «Гнусный заговор разоблачен: блюститель Созидания в сговоре с презренными лепесточниками планировал удушить Город Свободы», — с чувством прочел Лирэн. — А так как моего Братства не существует, обо мне ни слова.

Я тоже уткнулась в газету и мы пошли, действительно спотыкаясь о ноги прохожих. Ругаться и угрожать я предоставила Лирэну. Делал он это эффектно, мастерски и особенно зло, как любой мужчина, недавно вытерпевший женскую истерику.

Глава 2

Алина

Мы бродили по улицам час или больше. Город выглядел мрачно. Несколько раз мы обходили большие толпы возле лавок без вывески и слышали злой шепот: «Скоро и без заговоров дышать нечем будет!».

— Это за цветами, разумеется увядшими, — объяснил Лирэн. — С тобой гулять опасно: привыкнешь, что цветы не нужны, расстанемся — и не заметишь, как задохнешься.

Я промолчала. Сказать «не гуляй» было бы грубо, а «не расставайся» — глупо. Хотя... Просто так взять и расстаться мне бы не хотелось. Франсю и Луи — кстати, как там бедняга? — были милыми соседями, однако, чтобы мне более-менее понимать лепесточников, с ними надо было бы прожить лет десять, чего я не планировала. Маленький принц — что с тобой сейчас, Нико? — ребенок, за которого я взяла ответственность. Но ребенок — это ребенок. Пусть такой же чудесный, как и лепесточники.

А с этим красавчиком я, пожалуй, смогла бы подружиться и в своем мире. Да, конечно, красавец-мужчина, самый крутой, веселый, наглый — продолжите список. Но внутри этой оболочки, на которую я по самое не могу насмотрелась в обычной жизни, было крепкое ядрышко. За одну наглость в лидеры разбойников не выбирают.

Между тем спутник, не догадывавшийся, что он объект моего рассуждения, остановился.

— Звякалки у меня завсегда с собой, но пополнить запас не помешает.

— Снимешь наличку с банкомата? — спросила я.

Лирэн удивленно взглянул на меня, словно услышав что-то знакомое и при этом непонятное.

— Потом объяснишь, — сказал он, скрываясь в дверях лавки, которую по внешним признакам можно было назвать дорогим магазином.

Я осталась у дверей, вглядываясь в газету. Местный алфавит я так еще и не освоила.

Начал накрапывать дождик. Я уже хотела зайти внутрь, но услышала:

— Уважаемая гражданка, вас потеряли?

Рядом был уже привычный патруль стражи. Вежливый — понятно, сейчас я не лепесточница. Но что-то ответить надо.

Выручил Лирэн, выскочивший из лавки.

— Дорогая, ты, надеюсь, исполнила гражданский долг? — мгновенно сказал он.

— Не успела, — удивленно ответила я, включаясь в игру.

— Уважаемые хранители порядка, я сам вас искал, чтобы спросить. Там на углу какой-то шутник недавно нарисовал тюльпан с короной. Это, что ли, теперь разрешено?

Оба стража, несмотря на оружие и амуницию, превратились в сухие листья и буквально улетели туда, куда указал Лирэн.

— А вот нам — в противоположную сторону. Не бегом, но быстро, — сказал он. — Я снял с этой банкомамы или банкопапы, как там у вас. — Он хлопнул себя по отяжелевшему карману.

— Никого не зарезал? — спросила я.

— Ежегодный налог за спокойный сон. Братство их в этом году еще не навещало, зато явился сам маршал. Пошли, пока не полило. Это можно выкинуть.

Газету я выкидывать не стала, зато соорудила из нее подобие шапки, что восхитило Лирэна. А я обрадовалась дождю. Вообще-то, настоящего ливня в городе я еще не видела, так, морось. Но я не раз наблюдала, как лепесточники умели собирать даже самые скудные водные дары неба. Из этого дождика средней интенсивности они себе уж точно создадут запасы. Да и тюльпанчики не надо поливать.

В очередном проулке Лирэн внезапно звякнул в одинокий колокольчик. В стене открылась дверь, мой спутник туда шагнул, потом вышел и протянул мне изящную белую маску, украшенную цветами.

— Это первое правило посещения салона, — сказал он, натянув на лицо черную маску со скрещенными шпагами. — Без масок сюда нельзя. К тому же, если ты, впав в порок гнева, заколешь обидчика, не снимая маски ни с него, ни с себя, тебя еще могут пустить сюда в следующий раз. А вот сорвать маску с твоего обидчика, даже мертвого, — нельзя.

Мне захотелось снять маску с него самого — понять, смеется он или серьезно. Но Лирэн уже вошел и мне оставалось последовать.

Невзрачный коридор привел нас в достаточно большой зал. Половину занимали столики, почти все пустовавшие. Местный служитель открыл дверь в кабинет. Там, кроме столика и стульев, была софа.

— Изучим меню и начнем с чревоугодия, — сказал Лирэн. — Маску можно бросить на диван.

И я опять не ответила на колкость, так как поняла, что хочу есть. Причем не какой-нибудь сухарь с печенкой на бегу. Нормального супа — вот чего я вождедела эти дни.

Вот только как изучить меню? Строчки, как и в привычном нам шрифте, полагалось читать слева направо, это уже поняла. Что, к сожалению, не помогало усвоить смысл прочитанного.

Придется попросить о помощи кавалера. Раз уж он даму ужинает, пусть ей меню и читает. Или если меню нет, то рассказывает.

— Закажи, пожалуйста, похлебку, — попросила я.

Еще одна проблема коммуникации с местным народом — я разбираю их язык, но там, где не уверена, предпочитаю использовать уже услышанные слова. К тому же освещение нашего кабинета было очень уж скудным: плотные шторы надежно закрывали узкое оконце, а свет настенных свечей позволял предаваться любым порокам, кроме чтения текстов, включая отсутствующее меню.

— Похлебку? — переспросил Лирэн.

— Да, — кивнула я и уточнила: — Горячий отвар из мяса и корней, с приправами.

Мой собеседник улыбнулся, потом рассмеялся. Похоже, я выбрала не совсем подходящее слово, что-то вроде «хлёбово» или даже «хрючево». Моя стряпня на пустоши вполне подошла бы под это определение. Чего спорить.

— Лучше заказать суп, — наконец сказал Лирэн. — Если принесут похлебку, мне придется вылить ее на лакея или приказать ему съесть самому.

В эту секунду колокольчик на стене сказал мелодичное «дзынь-зиль». Я заметила, что шнурок через дырку уходил в зал — звон заменял стук в дверь.

— Войди, — распорядился Лирэн. — Славный малый, — усмехнулся он официанту, которых здесь, как я поняла, называли лакеями, — моя дама желает суп «Развратный герцог». Также жаркое «Неумеренный граф», фруктовую корзину и цветник на закуску. Да, большую бутылку вина «Отдых сладострастника»...

— И такую же бутылку фруктовой воды «Похмелье пропойцы-аристократа», — сымпровизировала я.

Лакей-официант взглянул на меня с таким удивлением, будто заговорила софа, накрытая узорным покрывалом. Я тоже с интересом смотрела на него, точнее на расшитую ливрею, только сейчас разглядев сюжет рисунка: на берегу речки сидели пастух и пастушка, правда одетые как жених и невеста, а над ними вместо амурчиков кружили крылатые чертенята.

— Да, — продолжил Лирэн, — и еще корзиночку хлеба «Благородный нахлебник».

Лакей удалился, аккуратно закрыв дверь.

— Суп и жаркое будут готовить, — сказал Лирэн. — Вино и закуски принесут сейчас.

— Я не хочу вина, — ответила я.

— И я не хочу, — с печальной усмешкой вздохнул Лирэн. — Пойми, деточка, в жизни бывают минуты, когда вино само хочет нас.

«Подотри соплю под носом, разболтавшийся философ!» — вспомнила я бабушкину присказку. Но не озвучила. Во-первых, при всей своей наглости он не сопляк. Во-вторых, вспомнила другую мудрость, уже собственную: не мешай другим учить тебя жизни. Просто живи как считаешь нужным и пусть другие болтают что хотят.

Все равно обидно. Чтобы отвлечься, я задумалась, о каком же «цветнике» шла речь? Настоящие срезанные цветы стояли на столе в высокой вазе и выглядели вполне свежо, как за день до утилизации в нашем салоне.

Я начала вспоминать почти забытые трудовые будни. Да так старательно, что почти не слышала болтовни Лирэна, как он, выпив море вина, скрывался от врагов, догонял врагов и побеждал их. Да-да, думала я, мальчики никогда не пьянеют, просто иногда выпьют и им не везет больше, чем если они трезвые! Эту мудрость я, конечно же, не озвучила, а прокрутила в своей голове.

Что такое «цветник», я поняла, когда после нового звона в кабинет явился лакей с огромным подносом. Там было блюдо с волованами и птифурами. Судя по запаху, все закуски были мясными, причем ветчина или паштет изображали головки различных цветов. Лакей также поставил блюдо с небольшими хлебцами, две большие бутылки и два бокала.

Лирэн кивнул. Лакей наполнил бокалы и удалился.

— За удачу, Лина, — улыбнулся мой спутник.

Я улыбнулась тоже и, не успев понять, почему я отвожу бокал, вылила вино на пол. Кабинет наполнил столь изысканный аромат, что я мысленно назвала свой поступок преступлением. Однако, как говорил Наполеон, это было преступлением, но не ошибкой.

Поэтому я столь же легко и непринужденно поставила бокал на стол, наполнила из второй бутылки и на всякий случай отхлебнула. Или я угадала с названием, или мне сделали коктейль по заказу. В любом случае от такого напитка и правда можно протрезветь. Это было что-то вроде имбиря и лимонного сока. Но главное, в напитке не присутствовал алкоголь.

Смотреть на Лирэна было занятно. Выражение его лица напоминало дракона, который закогтил дерзкую принцессу, взмыл за облака, подбросил, поджарил гневным дыханием, проглотил. Выплюнул, регенерировал, спустил на землю. И так пять раз подряд без остановки.

Потом он резко выбросил руку, схватил мой бокал за ножку, потянул на себя. Мне показалось, что оторвется или моя десница, или стеклянная верхушка, или он перебросит меня на свою сторону стола вместе с сосудом. Поэтому я отпустила бокал. Главное — не вскрикнула.

Сильный, зараза! И что делать, если выльет в лицо? Убивать или убежать?

Лирэн приподнял бокал и вылил в винную лужу на паркете. Аромат в кабинете стал насыщенным.

— Женщина, за удачу можно пить только вино, — наставительно сказал он и потянулся к бутылке.

Умный не всегда уступает — иногда уступать нельзя. Но можно пойти на компромисс, чтобы не рушить наш тандем.

— Я выпью вина за удачу, но столько, сколько налью сама, — сказала я, надеюсь, твердо.

Схватила бутылку — тяжелая, зараза! Отметила, как рука Лирэна потянулась ко мне, но остановилась на полпути. Налила две столовые ложки. Аккуратно поставила на стол бутылку, стерла пальцем каплю, спускавшуюся по стеклу, лизнула и почти незаметно вздохнула — такой напиток пролился!

Лирэн дернул за незамеченный мною шнурок. За стеной, как я поняла, достаточно солидной, тихо звякнул колокольчик.

— Нужно вытереть, — сказал он лакею и пустил по столу монетку на ребре.

Тот подхватил ее быстрее, чем тропический ящер языком зазевавшуюся мушку, и исчез за дверью.

— За удачу, — повторил Лирэн, поднимая бокал.

Я выпила свою скромную порцию и одобрила свою решимость. Два таких бокала, пожалуй, уложили бы меня на софу.

В кабинет вбежали двое мальчишек-лакеев в ливреях попроще, с тряпками и ведром. За пару минут они победили винно-имбирный потоп, получили еще монету и скрылись.

Я съела парочку «цветков». М-м-м, это нечто! Как после них вернуться к лепешкам на пустоши? Может, захватить несколько с собой, в коробочку или корзинку?

Лирэн взял мой бокал, улыбнулся, наполнил его имбирным напитком. Себе налил вина.

— Вот что любопытно, — заметил он, прихлебывая вино и надкусывая корзиночку с розой из ветчины. — Мне нередко встречались дамы, прекрасно понимающие, что им нужно. Но они-то на своем пути к райскому винограду обычно умильные и стговорчивые. А вот дама, неуступчивая в мелочах, — редкий фрукт.

— Понимаю, — улыбнулась я, ругая себя, что доедаю четвертый волован. — Вы предпочитаете женщин особо уступчивых и предупредительных. Они и вам вина нальют, и сами выпьют, и поцелуют вам ручку, и вымоют ножки, и откроют ротик, только когда вы разрешите. Только цели у таких дам бывают интересные. «Да, да, да», а когда вы выпьете этого прекрасного вина на два бокала больше, чем думали...

— Я всегда знаю, сколько пить, — вставил Лирэн, но я предпочла напор поезда, который, как известно, остановить невозможно.

— Выпьете, ляжете спать, а эта дама не только вас разденет и разует, но заодно и отрежет голову. Вот такая у нее была конечная цель. Согласитесь, что и в неуступчивости есть плюсы.

Лирэн удивленно взглянул на меня и расхохотался.

— Да, встречал я и таких девиц. Имел дело. Но, как говорит наш общий друг, «ведь моя голова еще на плечах». Насчет вас у меня сомнений нет — моя голова в безопасности. А есть вот такой интересный вопрос, насчет тебя. Догадываюсь, что ты...

Я внутренне напряглась.

— Что ты на своей Земле, пока там жила, часто командовала мужчинами. Была вдовой хозяйина большой мануфактуры или землевладельца. Ведь так?

Блин, ну и фантазии у молодого человека! Я представила себя женой олигарха или барыней-сударыней-помещицей. Интересно, ей полагалось самой ходить с кнутиком по полю, подгонять землеробов, или поручать эту функцию кому-то другому?

От моего фырка несколько капель ароматного бульона полетели на скатерть. Тем временем мозг услужливо прокручивал биографию, выставляя метки на руководящих эпизодах.

Средняя школа, я временный капитан волейбольной команды. Нет, мужчин в подчинении не было.

Вуз, да, была старостой. Тоже ненадолго.

Школа, я уже училка. Тут командовать мужчинами, конечно подросткового формата, пришлось. Не то чтобы работа совсем не понравилась — не понравилось, как платили и что при этом требовали.

Ну, а потом — офисные кабинеты, консультационные столики, даже была тренером. Ну да, иногда и мужчинами командовала.

Но не будешь же рассказывать такие скучные нюансы этому борцу с гусе-лебедем. Хотя он смотрит на тебя с интересом и этот интерес можно назвать искренним.

— Мне иногда приходилось командовать мужчинами в больших лавках, в которых продавали цветы, — наконец ответила я. И тут же задала вопрос, который даже не задумала — он сформировался в голове по своей программе. В ту самую секунду, когда поняла, что нам предстоит совместное путешествие. — А твои ребята, которые

очистили большую лавку и заодно прихватили меня, они еще делали такие набеги?

Спросила и замерла, не зная, какой из ответов будет страшнее. Или «это было последний раз, лимит переходов закрыт», или «ходят через день, следующий рейс завтра».

Удержусь ли я от немедленной просьбы: возьмите меня, пожалуйста! Я вам обеспечу контейнер роз и вагон тюльпанов, только верни-и-ите!

А как же Франсю, как же Луи со своей раной? И этот мелкий принц, похоже приручивший меня так надежно, что за спиной незаметно вырос пышный лисий хвост.

— Мои ребята пытались, — неторопливо ответил Лирэн, державший в руке крыло величиной с дамский веер, — но с тех пор удачи не было. Даже Туманный компас ни разу не дернулся. Лина, похоже, ты радостно огорчилась, я прав?

Ух ты, криминальный психолог! Разгадал, зараза, увидел. Как-то даже не очень приятно сидеть напротив чавкающего рентгена!

— Я даже понял, почему мои ребята не смогли сразу найти тебя на пустоши. Лепесточники приняли тебя в семью, а они своих не сдают. А уж малой-то как на тебя смотрел! Это удача в его годы — по приютам помыкаться и встретить такую мамочку.

Последнюю фразу Лирэн сказал с тихой печальной завистью. Мне от этого все равно легче не стало. Захотелось если не испортить ему аппетит, то добавить на рожу немножко задумчивости.

И я вывалила другой вопрос, возникший еще вечером, когда этот герой явился с пистолетом и шпагой защищать нас от гвардейцев Добродетели, да и своих ребят.

— Со мной понятно. А ты почему защищаешь лепесточников?

Ох, Линка, не провоцируй. Еще скажет: «Действительно, с чего бы это?».

Но Лирэн взглянул серьезно, наморщив лоб. Наконец ответил:

— Почему? Ну, во-первых, меня с детства называют Криллэ. Легенду о нем ты тоже не слышала?

— Лепесточникам она явно была не интересна, — ответила я со свирепой кротостью.

— Ну да, эти пустырные ребята действительно далеки от таких историй. Рассказываю. Давным-давно, во времена Эннера Великого,

был такой сержант, бастард скромного рыцаря, короче человек не очень-то заметный. Когда король отправился в очередной поход, этот Криллэ командовал отрядом легкой пехоты. Поход не задался, король отступил и велел поставить сержанта в караул то ли на лесной просеке, то ли в горном ущелье с приказом протрубить, когда появится вражеский авангард. Армия разбила лагерь, развела костры, некоторое время спустя услышала трубу. Уже стемнело, король считал, что враги биться ночью не будут, а сколько их, расскажет Криллэ, когда явится. Некоторое время спустя труба прозвучала опять. Потом снова и снова. Потом явился гонец и сказал, что Криллэ сражается в этом узком ущелье. «Господа, на коней, — повелел король. — Вы не можете проявить меньше благородства, чем этот полупростолюдин». Когда подмога явилась в ущелье, враги бежали, а Криллэ обнаружили под горой вражеских трупов. «Ваше величество, вы велели мне трубить, а отступить — не приказывали», — прошептал он.

— Красиво, — заметила я. — Это называется медаль «Слабоумие и отвага».

— А что, в вашем мире такую дают? — спросил Лирэн с таким серьезным интересом, что я еле сдержала смех. — Если такая была бы у нас, я получил бы ее еще в пять лет, когда стая ребят, каждый старше меня, решила бросить щенка в реку.

— И у них не получилось? — спросила я с искренним интересом.

— Щенок остался сухим, зато из речки пришлось выбираться мне, — ответил Лирэн. — В приюте незнакомцы пытались угадать мое имя и иногда думали, что оно — Криллэ. Кстати, тот самый герой выжил и дослужился до маршала. Но так получается не у всех. Ты слышала историю про башню Криллэ?

— До этого вечера я не слышала даже про Криллэ без башни.

— А это совсем недавняя история, не с таким хорошим концом. Был парнишка-простолюдин, получивший это имя в детстве и решивший его оправдать. Пошел в королевские солдаты, заработал офицерские погоны и дворянство, попал в гвардию. В тот год, когда все случилось, он был в чине капитана и охранял королевский арсенал рядом с дворцом. Настал День Свободы, дворец пал, а этот Криллэ все еще удерживал свой объект. Ему предлагали сдаться, он отвечал, что с поста его может снять или маршал гвардии, или король. Маршал благополучно сбежал, а когда ему показали голову короля, Криллэ

ответил, что теперь тот точно не может отдать ему приказ, и продолжал сражаться. Когда же у него не осталось людей — они не погибли, а разбежались, — просто взорвал арсенал. Я этот треск запомнил на всю жизнь. Среди прочего рухнула и коронационная башня, в которой принцы становились королями по-настоящему.

— Им подгоняли корону по размеру головы? — уточнила я, слегка поеживаясь от героических картин, промелькнувших в моем сознании.

— Нет, корону надевали в коронационном зале. В этой башне происходило что-то более важное, после чего короли могли выращивать цветы, их не касаясь. Твой мальчишка в этой башне не бывал точно. Ну вот, теперь ты поняла? Я — Криллэ, который делает то, чего от него не требуют. Короче, как ты говоришь — слабоумие и отвага...

— Что не помешало тебе возглавить местных воров, — усмехнулась я.

— Может, и помогло. Я легко дошел до лейтенанта при капитане, узнал, что другой капитан проиграл деньги и хочет свалить вину на мальчишку-гонца. Я при всех назвал его клинок бесчестным, суд приговорил нас к поединку, я его повалил и щекотал ножом, пока он не сказал правду. Потом были выборы, два кандидата крысились друг на друга и подговорили голосовать за меня. Да, славная была история.

— Ну, это «во-первых», — напомнила я, — а во-вторых?

— А во-вторых, — сказал Лирэн с насмешливой улыбкой, — у меня есть для тебя одно интересное предложение.

И он посмотрел на диванчик.

Это что за сюрпризы? «Кто девушку ужинает, тот ее и?...» Пусть выразится ясней, тогда я решу, с чего начать — с короткого вводного словесного курса насчет непристойных предложений или сразу с пощечины.

Между тем Лирэн подошел к диванчику, поднял свою черную маску и протянул мне мою.

— Надень. Без нее здесь можно находиться только в кабинете.

— Мы уходим? — удивленно спросила я.

— Мы же еще не доели. Мы будем танцевать.

— Я не умею, — ответила я, практически не чувствуя себя врушкой.

О местных танцах я не имела даже теоретического представления.

— Здесь не умеют все, — улыбнулся Лирэн. — Мы будем умело делать вид.

Уф-ф, кто девушку ужинает, тот ее всего лишь танцует. Но я пока не сдавалась.

— Разве мы пришли сюда не для того, чтобы спрятаться за дверью, где нас не заметят?

— Когда заперлись мужчины, у них важный деловой разговор, они что-то задумывают на будущее или делят добычу. А вот надолго запереться с женщиной — это всегда немного подозрительно.

Вот свинская мужская зараза!

— Разве с женщиной запираются не для этого? — теперь на диван указала уже я.

Лирэн покачал головой.

— Вот именно «это» происходит быстрее всего. А вот парочка, которая ест, выходит, танцует и возвращается, — наименее подозрительная. Пошли кружиться! Пусть думают, что я шепчу о любви, а я буду рассказывать о лепесточниках.

— Хм... — мой скептицизм рос, как бешеный бамбук в каком-нибудь китайском лесу, — ну, пошли... Только предупреждаю: если оттопчу ноги — не жалуйся.

На самом деле, это было, конечно, преувеличение. Уж что-что, а танцевать я любила и умела. Только вот современные танцы. Менуэты, мазурки или, того хуже, Марлезонский балет — это не ко мне.

Зал, в который мы спустились по узкой лестнице с затейливыми резными перилами, оптимизма не внушал. Такое впечатление, что в борделе попытались устроить Версаль. То есть поверх несколько выцветших бордовых обоев навертели белых занавесей, поставили мраморные статуи по углам, зеркала прилепили на каждое оставшееся пустым место. И завитушки, завитушки с позолотой.

Ну и паркет, натертый до зеркального же блеска. Вот паркет был единственным, что хоть как-то меня утешило — в темном полированном дереве смутно отражались светлые платья вычурно изогнувшихся дам и белые панталоны кавалеров, делая пол похожим на старый пруд с лебедями.

— Я эту тоску точно танцевать не хочу. — Лицо само по себе сморщилось от особенно заунывного пассажа местной скрипки.

М-да? Это называется «развлечения аристократии»? В кино про трех мушкетеров и то веселее выглядело...

— Вам не по душе высокий стиль танца лучших королевских балетмейстеров? — с какой-то стати развеселился Лирэн и так на меня глянул, что с ходу захотелось либо укубить его за нос, чтоб не задибал, либо еще какую каверзу совершить.

— Тоска, — вздохнула я, отчаянно давя в себе мелкую хулиганку.

Не ко времени она проснулась и не к месту. Мы тут прячемся, вообще-то.

— Имеете что предложить? — вдруг хитро сощурился пакостный маршал местных воров.

Ну, точно жулик с Привоза из какой-нибудь колоритной одесской постановки.

— А можно? — Соблазн неожиданно оказался велик.

Ну правда, меня как следует и по маковку задолбала звериная серьезность происходящих вокруг событий. Сдохнуть можно, так все вокруг мрачно, пафосно и вообще паршиво.

— Нужно, — отозвался прожженный преступник, одарив меня клыкастой усмешкой.

Зубы у Лирэна были отличные, белые, ровные, а вот клыки чуть длинноваты, выступали за ровную линию резцов, придавая улыбке слегка диковатый и опасный вид. И почему-то именно этим он выбил мне пробки совсем к фигам тюльпаньим.

— Тогда нам нужна музыка повеселее. Эти заунывные стенания можно как-то поправить? — Я кивнула на спрятанных за драпировкой музыкантов.

Там точно была скрипка, что-то ударное, а также парочка трубачей. И еще кто-то с чем-то незнакомым, но явно музыкальным.

— Были бы деньги, сыграют хоть танец дикарей из-за моря, — заверил Лирэн и ненадолго оставил меня на нижней ступеньке лестницы, скользнув в сторону музыкантов.

— А давай, — шепнула я ему вслед и тихо рассмеялась.

Кажется, вино, которым мы запивали нехитрую закуску, было немного более пьянящим, чем я сначала подумала.

— Seriously? — Парень обернулся и глянул на меня еще заинтересованнее, хотя, казалось бы, куда уже. — Может, вообще что-

то из латинейских колоний за морем? Южных таких? Они горячие ребята.

Быстренькая ревизия слегка хмельного разума высветила где-то в путанице извилин мысль, что это, должно быть, похоже на южноамериканские мотивы типа самбы, румбы и прочей сальсы. А что? Пропадать, так с музыкой. Тем более что пропадать я как раз не собираюсь, я вообще не я, а просто слегка пьяная женщина, решившая устроить оргию в духе прежней династии и «преодолеть соблазн».

А если кто вякнет, что при дворе не танцевали таких разнузданных танцев... ха! Пусть докажут! Может, я бывшая горничная страшно тайного клуба королевы, в котором фрейлины ее величества развлекались ламбадой?

Ну-у-у... ровно через полминуты выяснилось, что я в чем-то была права. Ключевое слово тут «в чем-то». Потому что ни одному латиноамериканцу и в кошмарном сне не приснится то, что заиграли местные виртуозы звуков и нот. А вот про ламбаду — это была пророческая мысль. Если, конечно, бывает ламбада под африканские завывания и барабаны в ритме польки.

— Я видел, как это танцуют! — довольно бодро заявил вернувшийся из-за драпировки Лирэн, с поистине великолепным самообладанием игнорируя возмущенные возгласы остальных танцоров.

Глаза у маршала воров подозрительно блестели и я начала подозревать, что хмельное вино оказалось немножко слишком не для меня одной. Хотя вроде он местный крепкий мужик и наверняка завсегда с кабаков и прочих зланных мест. С чего бы так разобралось?

Но вот на два метра он от меня отскочил совершенно зря. И принял позу токующего павлина с оттопыренным хвостом тоже не слишком удачно. Во всяком случае, я не выдержала и захихикала. А Лирэн в ответ сделал возмущенный прищур котика.

— Куда тебя понесло? — Бесцеремонно подтащив слегка упирающегося мужчину к себе поближе, я сама положила его руки себе на талию и обняла партнера за шею. — Неправильно ты все видел, если так. Ничего, сейчас научу... Стоп! Не прыгай, ты же не горный козел. Просто бедрами надо вот так... Ага! Во-о-от!

— Боюсь, мадам, — глаза маршала воров стали почти круглыми, но я бы не сказала, что он был против моих телодвижений, — что вот этот танец мы не сумеем правильно станцевать, пока не ляжем.

— Ха! — Я откинула голову и тряхнула волосами. — Слабак! Повторяй за мной!

Лирэн

Она сошла с ума, не иначе. Эта женщина... я совершенно не ожидал того, что случилось. Нет, я осознавал, что у розового вина чуть более сладкий вкус, чем положено. Но это было нормально, здешние хозяева всеми силами обеспечивали своим посетителям качественный «соблазн». Подумаешь, несколько травок, чтобы расслабиться и на время отодвинуть реальность, углубившись в возбуждающие фантазии.

Взрослые люди, такие как я и эта пришелица, легко справлялись с розовым, так, чуть-чуть, на короткое время получая свободу от забот.

Если честно, я намеренно не сказал Алине об этой интересной добавке. После ее истерики со слезами и всего остального решил, что женщине не помешает немного расслабиться и отдохнуть.

Ну, и если уж совсем откровенно, я хотел понять, какого черта Этьен все время на нее пялился. Что в ней такого завлекательного? Не молодка, не красотка. Теперь, когда косметическая внешность Филь-Филь окончательно с нее слезла, и вовсе — обычная придорожная травка, даже не с королевской клумбы. Я уже молчу о сравнении с ярким цветком.

А что лучше поможет женщине проявить себя, как не вино со сладким привкусом легкомыслия?

Но такого результата я не ожидал.

Поначалу все шло как обычно. Разве только я несколько раз поймал себя за ставший вдруг слишком болтливым язык. Это было странно — никогда на меня вино со сладостью так не действовало. Да та же горлодеровка повышенной крепости и вонючести не могла сбить мне голову набок! А тут едва успевал мысленно зажимать себе рот.

А на мою невольную спутницу и вовсе подействовало так, что мне окончательно снесло все крепостные стены. То есть сначала она начала улыбаться и отвечать на подколки, потом тоже слегка разоткровенничалась и довольно благосклонно приняла мое предложение укрепить маскировку танцами. А вот дальше...

Неладное я почуял еще на лестнице, но ничего уже не смог поделывать ни с ней, ни, что самое ужасное, с собой. Эту женщину я

назвал невзрачной пыльной травкой на фоне яркой клумбы? Полно, где были мои глаза? И все остальные чувства?

Глаза у нее, кстати, серые, ничем не примечательные. Пока не загораются вот этой сумасшедшинкой и не мечут искры обжигающего бесшабашного веселья. А как она...

Я думал подшутить. Я рассчитывал смутить. Посмеяться потом вместе — самое большое. А теперь? Кто тут теперь смущается? Кто настолько ошарашен и... очарован?! Я?! Да быть не может!

Как она двигалась. А как светила вся. И как от нее пахло. У меня голова кругом пошла. И не только от невероятных па и умопомрачительной непристойности танца, но и от всего остального. И от желания сию секунду схватить это невероятное в охапку, бегом утащить по лестнице в самую дальнюю комнату, а там... даже не считая обжигающего вожделения — просто спрятать, чтобы ни один посторонний мужчина не смел видеть этот огонь!

Боги и демоны, что это был за танец. Как шипели все разряженные куклы, в которых превратились ранее казавшиеся красивыми дамы. Как смотрели на нас их кавалеры — за один такой взгляд можно убить.

А эта ненормальная, кажется, уже ничего не замечала. Во всяком случае, улыбалась она так, что возгорелся бы даже мокрый камень в последнем болоте!

А я не камень, дьявол возьми всю добродетель на свете. Поэтому не следует удивляться тому, что поцелуи начались еще в коридоре, когда мы возвращались в свою комнату. Пусть скажут спасибо, что не на лестнице!

Самое главное, Алина вовсе не была против. Она целовалась так, словно хотела меня не просто попробовать, а даже немного съесть. Жарко, голодно и напористо, совершенно не соответствуя сложившемуся образу пусть бойкой, но солидной, взрослой и уже непригодной для романтики матроны.

— По-подожди. — Мы уже добрались до своей двери, провожаемые вполне понимающими взглядами посетителей и слуг. И я попытался взять ситуацию под контроль. Нет, я не был против продолжения! Но! — Подожди. Это все розовое. Когда пройдет его действие, ты пожалеешь и...

— Да что ты говоришь, — незнакомо улыбнулась ненормальная.
— Мсье маршал, я слишком взрослая женщина, чтобы не понимать, чего хочу. И детская доза спиртного тут ни при чем, даже если в нее подмешали какой-то афродизиак.

Голос ее звучал абсолютно трезво и уверенно, а глаза сияли все теми же шалыми огнями, которые только стали еще ярче.

Я не выдержал и зарычал:

— Сама напр-р-росилась, женщина!

И снова впился в эти непристойно припухшие губы жадным поцелуем, одновременно яростно дергая шнуровку на ее рубашке. В ответ получил не менее яростный укус и рывок за ворот.

Где эта дверь?! Почему она заперта? Дьявол, она в другую сторону открывается. Сейчас...

— Брат маршал! Брат маршал! Бра-а-ат ма-а-аршал! — Громкое шипение из-за ближайшей драпировки далеко не сразу дошло до моих затуманенных страстью мозгов. Только после того, как шипящий пришел в совершенное отчаяние. — Брат маршал!

— Что?! — Я моргнул, осознал растерзанное декольте своей дамы, едва не взвыл, сдернул полуснятый камзол и накинул Лине на плечи, запахнув поплотнее. — Чего тебе?!

— Брат маршал. — Из-за занавески, скрывающей нишу в глухом конце коридора, высунулась...

— Филь-Филь?! Ты что тут делаешь?! И какого дьявола тебе от меня надо именно сейчас?

— Прости, брат маршал. И ты извини, подруга, — ухмыльнулась белокурая авантюристка, скользя в нашу сторону. — Я не хотела портить вашу борьбу с соблазнами. Но на твоём месте, Лирэн, отложила бы залипушки на полчаса и послушала. Тут у нас такие цветочные поляны пахнут, что тебе по ветру должно быть. Только вот с подружкой твоей я обсуждать не нанималась, мало ли, растреплет. Скажу наедине. Это важно, маршал, зуб даю.

Я прищурился и оглядел бедовую девицу с ног до головы. Задержал внимание на невинном личике и вздохнул. Раньше Филь-Филь всегда была на моей стороне и не раз действительно приносила полезные новости в клювике.

— Алина, подожди меня в комнате. Две минуты.

— Хм, — несколько скептически ответила пришлица и я мысленно взвыл, понимая, что белобрысая вестница порушила нам все настроение и больше за этот вечер приятного ничего не случится.

А вот неприятностей, судя по всему, уже тем самым ветром принесло.

— Две минуты. Пожалуйста, — повторил я, мысленно упрашивая свою спутницу не поддаваться женской мстительности и не устраивать разборок с Филь-Филь за прошлую подставу.

— Ладно. — Дверь за спиной тихонько скрипнула и греющее присутствие самой странной женщины в моей жизни пропало.

— Ну? — Я надвинулся на веселую девицу, заталкивая ее обратно в нишу, из которой она вынырнула.

— Да тут такое дело... — Филь-Филь выглянула из-за моего плеча, убедилась, что в коридоре больше никого не видно, и улыбнулась...

Есть песни, которые я узнаю с первой ноты. Напитки — с первой капли. Вот и эту улыбочку я оценил с первого движения губ. Оценил и прочел.

Она сделала то, что надо. Добилась своего. И очень радовалась чему-то, чего я еще не видел.

Никаких размышлений не было — тело все решило само. За спиной вблизи никто не стоял, опасность могла лишь прилететь. Поэтому тело отскочило в сторону и брошенный кинжал воткнулся в стену. Я рванул обратно, распахнул дверь в комнату и...

Успел увидеть, как серая тень, перекинув через плечо бессознательное тело Алины, выпрыгнула из окна.

Этьен

Если ты ничего не можешь сделать, надо спать — эту истину я запомнил с детства, когда болел мотыльковой сыпью. Был такой маленький, что всерьез поверил, будто пятнышки, высыпавшие на коже, напоминают мотыльков. А если не похожи, ты просто не пригляделся. Уже потом, когда выздоровел, узнал настоящий смысл названия: три четверти заболевших ребят живут не дольше мотылька в холодную пору.

Тогда мне первый раз повезло, я оказался в счастливой четверти. Запомнил испуганный голос матери, непритворно озабоченный голос отца и ровную речь доктора:

— Что сделать еще? Я сделал все, что мог. Вам остается молиться всем богам. Ему — спать.

«Как хорошо, что мне не надо молиться, еще пропущу одного из десяти древних богов», — подумал я, засыпая. И проснулся три дня спустя, почти здоровым.

Тогда я болел в кроватке из дорогого дерева, на перине, набитой лебяжьим пухом, под балдахин, стираным в ароматной воде. Сейчас моим ложем был грубый плед на груди сухих листьев, подушкой — камень, завернутый в рубашку, а между мной и небом со сгущающимися тучами был навес из веток и листьев. То, что единственное доступное мне занятие — это спать, я прекрасно понимал и без врача.

Проснулся только один раз, когда ко мне приблизилась делегация с неожиданной просьбой — доверить им Крошку. На одну секунду меня буквально затопило желание крикнуть «нет!». Я и так лежу тут раненый и несчастный, у меня только один друг, пусть хвостатомяукающий, а меня хотят лишить и его!

К счастью, мне хватило сил вынырнуть из-под этой волны. Даже не из-за уверенности, что без дополнительного ланцета и пинцета кто-нибудь умрет, я например. Катланки — не вьючные мулы и не почтовые голуби, так что я с самого начала сомневался в успехе предприятия. Но оставаться здесь и ждать, когда наши враги решатся

удостовериться своими глазами, жив ли кто-нибудь из нас, пожалуй, опаснее любой экспедиции.

Я не древний варварский герой, которому надо положить в могилу любимого коня. Или любимую кошку, если копать могилу конской величины нет времени. Поэтому пусть лучше станет бродячей кошкой, чем мертвой. Буду этому только рад, даже если не узнаю.

И когда Крошка исчезла, я облегченно вздохнул — на одну привязанность меньше. Вот теперь я окончательно никому не нужен на белом свете. С этой мыслью я уснул, положив здоровую правую руку на рукоять свинцовника — единственного оружия, с которым мог совладать в таком состоянии.

Когда проснулся, то понял, что ничего плохого пока еще не случилось. Доносился только отдаленный шепот лепесточников. Сквозь прорехи крыши отчетливо просматривались тучи, но дождь еще не начался.

Вообще-то, с мыслью о своей полной ненужности я поторопился. Обо мне заботились, причем самым наилучшим образом — без моих просьб и приказов. Сначала я лежал на листьях, но чуть позже мне обеспечили плед, построили шалаш. У изголовья стоял кувшин с достаточно чистой водой, а позже мне дали отхлебнуть вина — полезная штука при кровопотере.

Все это делали лепесточники, тихо и вежливо. Мне казалось, они до сих не могли поверить, что такой знатный вельможа, пусть даже бывший вдвойне, — уже и не аристократ, и разоблаченный народный министр, — явился по своей воле участвовать в их скитаниях. Может быть, они даже считали меня талисманом своего бегства.

Я и не собирался с ними спорить. В голове звучали глупые детские считалки про лепесточников и драконов — известное пророчество, что лепесточники сами по себе талисман всего королевства.

Единственным участником, точнее участницей, нашего пикника на пустоши, не старавшимся блеснуть передо мной вежливостью, была Магали. Она пару раз подходила, щупала лоб, мерила пульс и, что-то недовольно буркнув, удалялась, а когда достаточно рассвело, решила осмотреть рану. Вечерняя повязка уже слегка подсохла, я проявил шутливое мужество, когда она взялась за нее, но не произвел на деву-доктора никакого впечатления.

— У вас золотые паль... ш-ш-ш. И прекрасный глазоме... ш-ш!

— Не дергайтесь! И шипите сколько хочется без прикусывания губ!

— Там все плохо? — спросил я несколько секунд спустя.

— Лучше, чем я ожидала, — ответила Магали после короткой паузы. — Но если Лина не доберется до клиники и не вернется кошка, то вечером мне придется вытаскивать пулю, используя то, что имеется. От золотых пальцев со стальными ногтями я бы не отказалась, а вашу стойкость лучше побереечь до операции.

— С вами приятно иметь дело. — Я почти не улыбнулся. — Вы строите планы на вечер, а я не представляю, что будет через час.

Магали внимательно взглянула на меня, будто подыскивая подходящий ответ. Но, не найдя его, промолчала.

Что-то ткнулось в мою ногу. Что-то привычное и непривычное одновременно. Так тыкалась Крошка... в позапрошлом году.

Я поднял голову, удачно подавив стон. Да, это был катланк, который через два года дорастет до Крошки, если мы все не погибнем на пустоши. Паши, полное имя которого я уже знал, поэтому улыбнулся.

В пяти шагах сидел его хозяин. Поймав мой взгляд, он сделал вид, будто считает нависшие тучи.

— Он ваш ассистент? — спросил я Магали.

— Лина велела ему не отходить от меня и он выполняет приказ, — тихо ответила дева-доктор.

Я закрыл глаза и задумался. Никому не пожелал бы таких приключений, что выпали этому мальчишке. И все же — наверное, страдая от раны, можно позволить себе злые рассуждения — ему немножко повезло.

В самые нежные годы принцы засыпают в колыбелях под баллады о давних войнах. Читают сказки о легендарных героях вроде Криллэ, имени которого нет ни в одной летописи, зато оно есть в десяти песенных сборниках, и поэтому он реальней графа с любой родословной. Притчу о юном принце, который на охоте помог старушке донести хворост до ее хижины, а она на войне укрыла его от врагов. Такие же песни, басни, новеллы, после которых наследник, засыпая, обещает быть самым отважным, самым справедливым, самым

благородным королем, чтобы правнукам пели песни и в них звучало его имя.

Но годы идут, принц взрослеет, выпивает первый бокал вина и понемногу узнает, что без благородства можно обойтись. Что если он не выучит урок, то учитель лишь печально вздохнет и не повысит голоса. Что можно сгрести все эклеры и меренги с блюда. Что можно посетить буфет и выпить вина, да не бокал — несколько бутылей. За эту историю высекут пажей, даже тех, кого с ним не было, а его высочеству предложат серебряный таз и похмельное питье. А фрейлин сначала можно сколько угодно дергать за косички, а потом, по совету старших пажей...

Вот потому-то и хочется, чтобы маленьких принцев похищали драконы и лепесточники, пока они не испортились. И возвращали во дворец несколько лет спустя, чтобы они были готовы исполнить свои благородные обеты...

Внезапно до меня донеслись испуганные крики.

Вот как всегда! Как говорила нянюшка: «Если очень сладко, скоро будет гадко». Не то чтобы лежать под навесом и размышлять о принцах очень сладко. Но если сейчас появятся осмелевшие гвардейцы Добродетели, эта гадость будет последней в моей жизни. И не только в моей.

Рука нащупала рукоять свинцовника.

— Не бойся, он уже с добычей, — крикнул кто-то, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно тише.

— Это наша кошка! — согласился другой лепесточник.

И что особенно приятно, донеслось радостное «мяу!» Паши.

Я повернул голову. Ко мне гордо шествовала Крошка с высоко поднятым хвостом. К ее ошейнику была приторочена небольшая корзинка. Видимо, этого груза моей кошке показалось мало, поэтому в зубах была курица.

Крошка подошла, кинула рядом бездыханную птицу и ткнулась носом мне в руку.

— Спасибо! Все хорошо, она своя, — шептал я, поглаживая серую мордочку, в то время как Магали отвязывала корзинку, ругаясь не столь добрым шепотом насчет узлов своего деда, к которым не привыкнуть.

— Вот удача! — заявила подошедшая незнакомая лепесточница. — Господин вельможа, если они ее кушать не намерены, позвольте я супчик приготовлю! Костерочек мы укроем, ни дымка не поднимется. Вам первая тарелка, а им — косточки, потроха.

— Франсю хорошая повариха, — подтвердил Нико.

Я понял, что лепесточница Франсю столь уважительно говорила о Крошке, и затрясся от смеха, до боли в плече. Потом взял птицу за крыло, приподнял, показал Франсю — возьми.

Моя кошка равнодушно отнеслась к передаче добычи — мол, мое дело принести, а там хоть закопайте.

— Между прочим, она считает тебя своим котенком, — неожиданно сказал Нико. — Катланки не любят влезать в курятники и делают это, лишь когда очень надо.

— Откуда ты это знаешь? — спросил я, отметив, что впервые вступил в разговор с принцем.

— Я читал в королевской библиотеке «Либрум, о свойствах, повадках, нравах, проживании, прокормлении, брачевании и расплождении катланков повествующий». Ну, на самом деле, мне прочитали, — заявил Нико и я с удовольствием отметил, что он еще не вышел из возраста, когда честность является ценностью для принцев.

— Катланки — это хорошо, — прервала его Магали. — Костер только осторожней разводите, чтоб супостатам не надымить. И перед супом вскипятите котелок для меня. Еда подождет, раны — нет.

С этим спорить никто не стал.

Магали распотрошила корзину, я сам удивился, сколько в нее вместилось медицинского инвентаря и полезных снадобий. Уже скоро я получил кружку дымящегося напитка, в который дева-доктор влила треть склянки некоего болеутоляющего сна — так она сказала.

— Эй, пострел, — обратилась она к несостоявшемуся наследнику престола, — потом повозишься со своим клопоносцем...

— Это Паши. Паршивец, — уточнил маленький принц.

— ...со своим Паршивцем. А сейчас мне поможешь. Воду обеспечь, обычную, руки обмыть.

— Мадам, — заметил я, ощущая приближение глубокого сна, — за обеспечение водой, как всегда, взяло ответственность небо.

И это было так. Тучи наконец-то соизволили пролиться. Некоторое время капли просто стучали по листьям навеса, а потом

нашли промежутки и упали на лицо. Несколько секунд спустя они превратились в ручейки.

«Давно в Городе не было такого дождя. Повезло всем, особенно лепесточникам на пустоши», — подумал я, окончательно засыпая. Еще успел запомнить, как Нико под сварливым руководством девы-доктора разматывал мою повязку.

Да, ремесло лекаря ему не мешает. А мне полезно поспать.

Когда я очнулся, то не сразу понял, какое время суток. Было темно, и неспроста: заботливые лепесточники превратили куций шалаш в почти водонепроницаемую походную палатку. Дождь закончился несомненно — по листьям и кожаным лоскутам, отделявшим меня от небес, ничего не барабанило.

— Очнулся? — спросила Магали, отдергивая полог. И его повесили, молодцы. — Очнулись? — поспешила исправить она, задергивая занавеску.

— Верните небо, — произнес я сонным голосом, — а также можно перейти на «ты». Согласна?

— Согласна, — ответила Магали, распахивая шалаш.

Спал я долго и крепко: не просто дождь прекратился, но и небо практически очистилось и были видны первые вечерние звезды.

— Лепесточники набрали воду?

— Да, хотя, по их словам, они могут добыть ее и из камня. Давайте... в смысле, давай я посмотрю твою рану. Меня немного удивляет...

— «Удивляет» — смягченный вариант слова «тревожит». — Я попробовал изобразить улыбку.

— Нет, именно удивляет твой пульс и цвет лица. Да, кстати, как ты себя чувствуешь?

— Раненый должен сказать, что слабо, но мне хочется сказать, что лишь сонно, — ответил я, после того как и вправду на миг сконцентрировался, чтобы понять свои ощущения.

Магали приступила к осмотру и, размотав бинт, не удержалась от «ого!». Потом велела:

— Пошевели рукой!

Я выполнил приказ, хотя и без особого энтузиазма. И с трудом сдержал восклицание. Боли не было. Моя шуйца казалась ушибленной,

и все же за обеденным столом ей можно было бы доверить вилку. А в бою, если уж совсем припечет, — защитный кинжал.

— Рана почти затянулась, — буднично-успокоенным голосом заявила Магали, — почти не опухла и не краснеет. Выглядит так, будто пуля была извлечена дня три назад, а не три часа. Кстати, а вот так?!

Я сдержал стон, причем без особого труда, хотя пальцы Магали сжали плечо, сдавливая каверну, из которой извлекли злосчастную пулю. Если бы она так жамкнула не раненое плечо, эффект был бы таким же.

— Забавно, — задумчиво сказала дева-врач. — Чем безумнее гипотеза, тем быстрее должна быть проверка. — И умчалась из шатра.

А я улыбнулся, вглядываясь в вечернее небо. Может, попробовать сесть? Да, и это получается. Только хочется пить, спасибо, что кувшин не унесли и он не пуст.

Едва я отставил допитый сосуд, как вернулась Магали.

— Дед не поверит, — задумчиво сказала она, — и вообще никто не поверит.

— Ты добежала до библиотеки? — усмехнулся я.

— О, да ты сидишь. Не удивляюсь. Нет, я осмотрела пожилого лепесточника. У него была рана такой же глубины, пулей такого же калибра. Но бедняге еще лежать и лежать, а его рану промывать и промывать, благо твоя замечательная кошка принесла и это средство.

На миг мне стало стыдно. Я приподнялся и выглянул за порог. Да, Крошка лежала у входа в шалаш.

— И я задумалась, — продолжила Магали, — в чем же разница? Одни и те же инструменты, одни и те же лекарства, одни и те же приемы, большинство из которых я могу выполнить с завязанными глазами. Разница лишь в одном...

— В чем? — спросил я, на этот раз без капли сарказма.

— Его супруга не позволила ассистировать юному принцу. Она сказала, что все сделает сама, а он пусть посторожит своего котенка. Еще может принести хвороста. И вот результат. А ведь я считала это легендой.

— О целебных свойствах королевской крови. Точнее, королевских рук.

— Да, — спокойно сказала Магали. — Я верю экспериментальным данным. Он касался тебя, когда лечил, и твоя рана

почти зажила. Я настолько откровенна, потому что говорю не при мальчишке.

— Ну да, его здесь нет. Так где же он? А ведь он обещал не отходить от тебя, — заметил я, удачно скрыв беспокойство.

— Его нет, — тихо сказала Магали и вдруг крикнула: — Нико! Нико-о-о!

Ответом было молчание.

Алина

Я сошла с ума. Какая досада.

А как еще можно объяснить эту дикую затею с ламбадой в борделе? Спрятались, называется. Замаскировались. Отсиделись. До темноты!

Главное, если бы можно было обвинить во всем вино и хитрые травки в нем — так нет же. Вовсе не поэтому у меня мозги переключились так, что я не только сорвалась в штопор, но еще и увлекла за собой трезвого и вроде как крутого парня, попутно и ему вывихнув мозги набекрень. Аж настолько, что мы чуть было не занялись любовью прямо под дверью, не утруждаясь тем, чтобы зайти и запереться.

Ну, нравился он мне чисто внешне, и что? Разве это повод настолько сдуреть? Да шаз-з-з...

А я еще ж помню, как на нас там в зале смотрели. И кавалеры, и дамы. Причем последние поначалу меня очень явственно ненавидели, а под конец я всерьез заподозрила, что местные «аристократы» вообще плевать хотели, какого пола тот соблазн, который они намеревались преодолеть. Ой, мамочки! Да надо быть последним идиотом, чтобы так выпендриться в то время, когда тебя с собаками разыскивают.

Вот и походи поймай, может, стоит еще сказать спасибо белобрысой аферистке, обломавшей нам всю сексуальную революцию. А то мало ли, вдруг бы мы решили устроить показательные выступления, например, на крыше за трубой? С громким музыкальным сопровождением. Ну, а что? Хватило же мозгов на ламбаду, значит, и от трубы нечего зарекаться.

Уф-ф-ф... Захлопнув дверь и откинувшись на нее спиной, я пару секунд глубоко дышала, пытаюсь найти в недрах собственного организма мозг. Ну, не мог же он провалиться настолько глубоко, что даже из пятки не достать? О! Вот, кажется, что-то похожее. Бродит по внутренним органам с заунывными тоскливыми стенаниями: «Лина, ты дура, кто так делает вообще? На тебе ответственность, раненый, старики и ребенок, а ты нашла время танцевать непристойные танцы с малознакомым мужиком, очнись, неверная!».

Почему «неверная», я у зануды уточнять не стала. Чисто так, на всякий случай. Вздохнула, мысленно поймала мозг в районе сжавшегося от нехорошего предчувствия желудка и попыталась водрузить туда, где ему и положено расти: в голову. Ну, куда-то позади глаз.

Кажется, зря я это сделала... потому что, как только нудеж и скулеж сосредоточились в нужном месте, это самое место вдруг взорвалось болезненным фейерверком. А потом наступила темнота.

Но прежде чем она меня накрыла, я еще успела понять, что не просто дура, а дура в квадрате. Потому что, пока я тут предавалась угрызениям совести и розыскным работам по организму, меня тупо шваркнули чем-то тяжелым по голове. И сделал это человек, который даже особо не прятался, просто стоял сбоку от двери за какой-то хиленькой драпировкой. А я, курица слепая и озабоченная, его даже не заметила со своими метаниями в духе «я не такая, я жду трамвая»!

Дождалась, блин!

И Филь-Филь там, в коридоре, не просто так отвлекла Лирэна. Вот же су-у-у... самка собаки. Второй раз мне гадит. Надеюсь, битый жизнью король воров сообразительнее меня. И успеет сбежать...

Про гадину и самку собаки я думала куда-то в пустоту звездного космоса, в который падала сознанием. И надеялась только на одно: мне не проломили голову насмерть, просто вырубили, чтобы удобнее было...

— Ну, и что в ней такого особенного?

Голос возник все из той же темноты и сразу мне не понравился. Вроде мужской и, если слушать объективно, даже местами бархатистый баритон. Но смутно знакомый и противный — аж до мурашек по спине. Или это она у меня затекла потому, что я неудобно лежу?

— Страшненькая. Старая, лет двадцать пять уже точно есть. Точно не девица. Ни сисек хватистых, ни задницы. Чего вас всех так вздрючило, что уже третий придурок просит разрешения с ней переспать, пока не прибили и добродетельному не отдали?!

Чего?! Что он сейчас сказал?! Мамочки...

— Дык это... Ухо... ты эт просто не видел, значить. А меня Филь-Филь-то вовремя позвала. Как раз прежний-то маршал с ею в зал для танцев спустился и она, значить... тама... ух! Ежели б не это, я б и бил

сильнее, добродетельный-то козел, сталбыть, и за дохлую б заплатил. Но рази ж можно такую бабу насмерть? Это ж грех, то исть... противу всех мужиков как есть преступление!

Ы-ы-ы... вот что значит вовремя покрутить задницей. Хоть не убили сразу, и то хлеб. А я еще думала, что дура, нашла время танцы устраивать. Оказывается, нас к тому моменту уже выследили. И только благодаря ламбаде я сейчас рискую получить бурную сексуальную жизнь вместо спокойной и добродетельной смерти. Еще два раза подумать, что хуже, а что лучше...

Интересно, если блондинистая зараза была в доме соблазнов с самого начала, не она ли плеснула нам в вино того сладкого, от которого нам обоим крышу снесло? От души могла плеснуть, а не капельку, как там принято. А впрочем, какая теперь разница? Не о том думаю.

— Этот-то, полумаршал, мертв?

Вот так вот одной фразой как обухом по больной голове... Эти слова заставили сердце провалиться куда-то в желудок. Ведь правда, если на нас обоих готовилось нападение... черт. Почему мне так плохо при одной мысли, что нахальный блондин, с третьего шага вполне сносно подхвативший мою ламбаду, убит? Я о себе должна думать! Ну, еще о Нико, о лепесточниках...

— Нет, брат Ухо. — Говорящий явно втянул голову в плечи, я не видела этого, потому что глаза открывать боялась, но слышала по его голосу. — Верткий, сволочь. Прирезал шлюшку, что его заманила, и погнался за мной, точнее за бабой своей. Насилу ушел, сталбыть, и то потому, что ребята прикрывали.

— А где были остальные бестолочи?! — Братец Ухо, которого я наконец опознала по первому неприятному знакомству, буквально шипел, как прогорклое масло на раскаленной сковородке, так же зло, бессильно и мерзко.

— Троиш порешил в борделе и еще двоих на крыше. Он же ж маршал, сталбыть, не просто так.

— Он наглый ублюдок, которому везет на идиотов! Пошли вестника к добродетельному. Пусть забирает девку как можно быстрее!

— Дык это, брат Ухо, а как же это... не убудет с нее!

— Что ты там бормочешь, выкидыш тупой крысы?! Если не отдать девку, Лирэн придет за ней и первым делом отрежет яйца любому, кто тронул его игрушку! А если ее здесь не будет — не будет и доказательств перед Братством. Мало ли с кем связалась белобрысая шлюха Филь-Филь, я ее еще когда хотел в песке высушить, это брат наш маршал пожалел мерзавку. А она ответила черной неблагодарностью, навела на своего спасителя людей добродетельного. Все ясно?!

— Так, сталбыть... понятно, — уныло вздохнул некто. — Жаль, сталбыть... но, может, пока тот добродетельный своих людей не прислал, я ее маленько...

— Пшел вон! — яростно зарычал Ухо и, судя по всему, сопроводил свои слова смачным пинком пониже талии озабоченного сообщника. — Бегом! Сам отправляйся в обитель добродетели и чтобы мухой туда-обратно!

— Есть, — прогундел новоявленный гонец.

Судя по звукам, за ним захлопнулась дверь. А оставшийся в одной со мной комнате Ухо вдруг сказал еще кому-то, хотя я больше никого не засекала:

— Туда дойдет, а обратно вернуться не должен. Кишки выпустить и в канаву.

Этьен

— Наверное, стража нас услышала тоже, — спокойным шепотом прокомментировал я крик Магали.

— Ой, прости, — ответила дева-доктор, — я не сдержалась. Доверили ребенка, а он исчез.

— Бежать на поиск я, пожалуй, еще не могу, — столь же неторопливо продолжил я. — К тому же юный принц не соизволил доложить, в которую из четырех сторон направился.

— Да, — еще тише ответила Магали. — И лепесточникам говорить неохота — еще подумают, что сбежал, чтобы нас выдать. Хотя ему попасться опаснее всех.

— Я бы рассказал сейчас только его котенку, — усмехнулся я. — Впрочем, это невозможно. Они неразлучны и сейчас вдвоем.

— Два неразлучных разбойника, — вздохнула Магали. — Кстати... мсье, если ва... если твоя замечательная кошка заменяет посыльную собаку, может, она заменит и розыскную? Даже не надо искать нюхательный предмет — пострел, когда лечили твою руку, сбросил свою куртейку и она так тут и осталась.

Маленькие чудеса этого дня продолжались. Крошка, услышав, что говорят о ней, подошла. Она уже получила куриные потроха, а на второе поймала себе серую крысу и, когда мы вежливо отказались от подарка, потребила ее целиком. Но легко прервала послеобеденный отдых, понюхала куртку, как показалось мне, понимающе кивнула и скрылась в окончательно сгустившемся мраке.

Мы приступили к самому неприятному занятию — ожиданию. В полной тишине слышались некрасивые хриплые звуки.

— То, что они поют, — это хорошо, — прервал я молчание. — Значит, они получили по вечерней бутылке и в ближайшие часы ничего не предпримут.

Магали не ответила. И вдруг спросила:

— Этьен, почему он так тебя не любит?

Я сразу понял вопрос. Притворяться не хотелось: эта женщина только что спасла меня от смерти, а может, смерть отложила до утра. Тут как-то не до вранья.

— Он умолял забрать его из приюта. Не словами, а взглядом, но так, что не нужно и слов. А я этого не сделал. Можно назвать мой поступок трусостью. Можно — мудростью. Если бы вечером мы оказались в моем доме, то утром обоим не было бы в живых. Но я не смог этого сказать. А он, скорее всего, не понял бы.

— Если ему объяснить теперь, он поймет, он уже почти взрослый, — ответила Магали.

— Только пусть сначала этот почти взрослый найдется, — невесело заметил я.

И замолчал, прислушиваясь вместе с Магали к звукам из темноты. Сначала мы слушали настороженно, потом дружно прикусили рукава, чтобы не рассмеяться.

— Оставь его, слышишь, оставь его! Ну, пожалуйста, отпусти! — ожесточенно шептал Нико, не забывая о конспирации.

В такт его призывам доносилось такое же тихое, конспиративное мяуканье.

Потом на слабо освещенном пяточке показалась Крошка. Она уверенно и аккуратно волокла Паршивца, ухватив за загривок так, чтобы лапы котенка касались земли и переступали. Рядом шел Нико с каким-то странным котелком в руке и умолял большого катланка отпустить добычу.

Подойдя ко мне, Крошка наконец-то освободила Паршивца и тот упал к ногам Магали, громко мяукнув, не столько испуганно, сколько обиженно. Конвоирша села рядом и взглянула на меня, будто докладывая: «Задание выполнено!».

— Ах ты, бедненький, — вздохнула Магали и погладила Паши. — Ты цел, с тобой все в порядке?

Я хотел было уточнить, что моя кошка травмирует, только если захочет, но понял, что это зачин важного педагогического разговора.

— Му-ур, — ответил удивленный котенок, но вырваться не стал.

— Сейчас я тебе шейку помассирую, — продолжила лекарша и погладила Паршивца. — Да, кстати, кое-кому известно, что за уход без разрешения тоже полагается массаж? Очень быстрый и сильный, и совсем не шеи!

— Мы на разведку сходили, — безрадостно пролепетал Нико, понимая, что проблемы Паши закончились, а его — начались. — Она его уже на обратном пути сцапала, мы бы и так скоро вернулись.

— Так разведка на то и разведка, что можно сходить и не вернуться, — ответила Магали грозным шепотом. — И что я тогда сказала бы Алине?

Дева-доктор, не прекращая беспощадного разноса, толкнула меня ногой — адвокат, возражай прокурору!

— А был ли прямой запрет ходить в разведку? — спросил я.

Нико впервые поглядел на меня и взгляд явно был благодарным.

— Напрямую не запрещалось, — после короткой паузы уточнила Магали, — но должен был догадаться. Ведь сказано же было: от меня не отходить ни на шаг!

— Но я сам видел, что он отходил по делам, — продолжил я с незаметной усмешкой. — Ты же сама ему постоянно что-то поручала. А когда поручения закончились, он сам себе поручил сходить в разведку. Теперь это необходимо запретить.

— Ладно, твоя взяла, — притворно вздохнула Магали. — Воспитательный массаж заменяется запретом ходить в разведку, а также на прогулку, на свиданку и вообще куда угодно без разрешения. Ушел бы от цветов демоны ведают куда, упал бы — и как тебя искать?! — закончила Магали педагогическую лекцию грозным вопросом и замолчала, не ожидая ответа.

Зато спросить решил я.

— Как же ты смог далеко отойти от нашей волшебной клумбы?

— Наконец-то кому-то стало интересно, — не без ехидства заметил Нико и продолжил, не замечая грозной гримасы Магали: — Клумба ходила со мной. Вот же она!

И пододвинул свой сосуд к подземному костерку. Я наконец разглядел, что это такое: маленький котелок, наполненный землей. Из него торчал тюльпан.

— Я его вырезал с землей, поставил в запасной котелок, полил на всякий случай. И пошел. Мне приходилось со срезанными цветами ходить — совсем-совсем по-другому себя чувствуешь. Он же живой, он не теплится угольком, а пылает факелом.

— Уж не потому ли нам сейчас так хорошо дышится? — начала ворчливо Магали. Помолчала и добавила: — Да, хорошо.

Я с ней спорить не стал, а мысленно похвалил за честность. Да, его высочество сделал, пожалуй, самое важное и приятное открытие за эти тревожные сутки. Конечно, у несостоявшегося наследника

тюльпанного престола могут быть свои отношения с цветами. Надо бы проверить результаты разведки, сходить самому с живым тюльпаном.

Я аккуратно привстал, потряс руками, сел. Пожалуй, еще тарелка супа, ночь сна — и буду бодрым бойцом с обеими руками.

— Молодец, конечно, — Магали возобновила прерванную воркотню, — а если бы попался? Или убежал бы, бросив свою цветоноску? Только не ври, будто с ней бегать можешь. Вот и узнали бы эти, что у нас цветы растут, а мы живы.

— Так я тихо подкрадывался, — начал оправдываться Нико. — Прислушивался, а они громко болтали, будто в кабаке.

— И конечно, видел впереди себя все хрусткие веточки, — продолжила Магали беспощадно-нравоучительным тоном.

— От главного добродетельника сбежать было труднее, — с тихим упрямством пробормотал мальчик.

— Вот что, — сказал я тихо, резко и командно, — выговор закончен, необдуманный поступок не повторится. Доложи нам результаты разведки!

Нико внимательно взглянул на меня — обязан ли он мне подчиняться? Наконец ответил:

— Я расслышал их болтовню. Новости есть, хорошие и плохие. С каких начать?

Алина

Ухо ушел. Но я так и лежала, притворяясь дохлой мышкой. Потому что он ведь с кем-то еще разговаривал, с кем-то, кого я не слышала и никак иначе не чувствовала. Значит, если открою глаза и начну оглядываться, уже выдам себя. Мало ли чем оно тогда кончится.

А осмотреться очень хотелось. И поменять позу — без сознания мне было пофиг, только вот теперь сразу и рука затекла, и спина, и вообще весь организм. Ужасно хотелось почесаться: сначала нос, потом лоб, потом... потом всю Алину почесать бы.

А еще было так страшно, что я сама не знаю, как у меня хватало силы воли не выбивать зубами барабанную дробь. Или вот повить очень хотелось. Но нельзя.

Может быть, если дальше притворяться, я улучу момент, когда меня потащат к... к кому там? К добродетели? Нет, к добродетельному. Что-то такое мне помнится из рассказов Нико, с перепугу помнится смутно. Но совершенно точно — оно опасное и нехорошее.

Так вот, вдруг мои конвоиры, глядя на бессознательную тушку, потеряют бдительность? И у меня получится укатиться в ближайшую канаву, например.

Увы. Зря я надеялась. Потому что не успела я как следует обдумать эти перспективы, как дверь снова хлопнула, послышались шаги нескольких человек, а потом на мою многострадальную голову обрушилось...

Слава богу, это был не еще один удар тяжелым предметом. Потому что я вовсе не обладаю каменной головой и наверняка отдала бы богу душу от такого обращения. На меня всего лишь накинули какую-то плотную ткань и замотали в нее целиком, как гусеницу в кокон. А сверху, судя по ощущениям, еще и связали веревками. А потом перевернули почему-то вниз головой и куда-то потащили.

Трындец.

В такой упаковке я очень быстро начала задыхаться, а тело, как назло, словно парализовало. Оно даже чесаться прекратило, я его вообще не чувствовала больше. Ну и нечего удивляться новому обмороку. На старые дрожжи, так сказать.

Второй раз я в себя приходила медленнее и мучительнее. Болела голова, рот и нос словно засыпало пустынными барханами. Тело я чувствовала, о чем тут же пожалела. Потому что ему было больно, холодно, жестко и еще как-то очень нехорошо, но определить эти ощущения точнее я не смогла.

Глаза открылись с трудом — какой уже смысл притворяться, когда на шее, щиколотках и запястьях четко ощущается холод железных кандалов и без лишних хитростей понятно, что убежать не получится. Значит, умнее будет оглядеться.

Я оказалась права — вокруг были самые натуральные средневековые застенки, как их рисуют в книгах и показывают в фильмах. Неровная каменная кладка, низкий потолок, едва заметный свет через малюсенькое зарешеченное оконце, сырость, холод.

Вот только запах несколько выбивался из общего антуража. Пахло пивом, хлебом и отчего-то еще свежeweыстиранным бельем. Хотя ни того, ни другого, ни третьего поблизости не наблюдалось.

В крохотной камере, отделенной от коридора ржавой решеткой, вообще ничего и никого, кроме меня и цепей, не было. И по коридору никто не ходил. По соседству не стучали другие кандалы и не стонали узники. Хм... куда это меня посадили?

Судя по запахам — вовсе не в тюрьму, а в какой-то погреб. Вполне возможно, под таверной или еще каким местным общепитом. Так, а цепи тогда откуда? Ввинчены в стену намертво и, судя по ржавчине и пыли, давно. М-да, хороший погребок, можно хранить пиво, маринованные грибочки и пленников. Никто не испортится и не сбежит.

Тьфу, что за дурацкие мысли? Это, скорее всего, от нервов.

Самым неудобным в кандалах оказался ошейник. Браслеты на руках и ногах тоже были холодными, тяжелыми и в заусенцах, чуть дернись не так — ранили кожу. Но их, как я убедилась, при желании — очень большом желании — все же можно было снять.

Когда-то в детстве мы с друзьями по летнему лагерю нашли в клубной библиотеке старую брошюрку без обложки, начала и конца. В ней рассказывалось о разных фокусах и в том числе о том, как освобождаются закованные в цепи иллюзионисты, если у них по правде нет ключа. Так вот, подростковый энтузиазм — страшная сила.

Мы тогда чуть себе руки-ноги не переломали, но экспериментировали до упора, заменив железные оковы деревяшками с кое-как выпиленными дырками. Потом только я узнала, что такие приспособления придумали задолго до охваченных нездоровым азартом «пионэров» и называются они колодками.

В общем, разодравшись в кровь, с рук и ног цепи я сниму. А вот с шеи — увы. Как правильно складывать голову, чтобы она выскользнула из ошейника, не могла научить даже библиотечная брошюра времен глубокой древности. А без головы я далеко не убегу.

Черт. Одно радует — Лирэн жив. Я не слишком надеюсь, что он бросится меня спасать из-за того, что мы так здорово танцевали и целовались. Хотя, признаться, при одном воспоминании даже сейчас бросает в жар. Но все же я не прекрасная принцесса, а он не благородный рыцарь. Даже несмотря на его прозвище из легенды. Как он там говорил? «Кирилл»? А, нет, «Криллэ». Угу.

Так вот. Спасать меня из романтических побуждений никто не придет. Зато есть надежда, что Лирэн попробует вытащить из соображений чисто практических.

Он видел тюльпаны. И смотрел тогда на мою секретную грядку, а потом на меня саму очень внимательно. Задумчиво так.

Короче, надежда есть. Теперь главное — дожить до того момента, когда она воплотится в реальность.

Увы, спокойное ожидание на цепи надолго не затянулось. Примерно через час, когда я нашла более-менее удобный угол в своей камере и приноровилась раскладывать цепи так, чтобы они не мешали отдыхать, где-то в отдалении хлопнула дверь и я услышала шаги нескольких людей.

Шаги приближались.

Честно говоря, первым моим желанием было наплевать на то, что голова останется в цепях, фиг с ней, бежать, бежать! Совладать с паникой и заставить тело не двигаться оказалось самым большим подвигом за всю мою прошедшую жизнь.

«Дыши, Алинка, дыши. Ме-е-едленно. Вот так. Вдох-два-три-четыре, вы-ы-ыдох-три-четыре... Думай о величии Англии, как рекомендовали невестам в Викторианскую эпоху перед первой брачной ночью. Не, плохая ассоциация. Тогда, может, включить

простую соображалку? Убивать тебя сразу не станут, а выпытывать вроде нечего».

— Так вот вы какая, — сказал высокий темноволосый мужик, останавливаясь возле решетки и небрежным жестом приказывая сопровождающим принести еще свечей, а также открыть замок на решетчатой двери. — Интересно, интересно.

Этьен

Если я печально вздохнул, то незаметно и тихо. Славно, что есть хоть какие-то хорошие новости.

— Ты себя отправил в разведку, ты был ее командиром, тебе и решать.

Нико тоже вздохнул.

— Им известно, что Алина и этот, бывший главный над ворами, смогли пройти через оцепление. Теперь их ищут по всему городу. А еще они поняли, что в центре пустоши кто-то смог выжить, и решили это проверить. Завтра привезут какую-то ар... арма... не знаю что, и пойдут в центр.

— Одна новость плохая, другая не лучше, — проворчала Магали. — Хорошие-то есть?

— Нет, наверное, — ответил Нико, обдумав свое сообщение. — Они, вообще-то, боятся сюда идти. Говорят, что подрядились охранять, а на пустошь не сунутся ни за какие деньги и цветы.

— Дураки найдутся, — заметила Магали, — а их для злого дела много не надо.

Не хотелось ни спорить, ни соглашаться. Мы молчали, подземный костерок почти не светил. В полутьме было слышно, как Крошка, поддавшись материнскому инстинкту, вылизывает Паршивца.

— Нико, — спросил я, — как ты смог убежать от добродетельника?

Юный принц несколько секунд молчал. Потом, видимо вспомнив мое заступничество, начал рассказ. Старался говорить как можно короче, особенно о своей приютской жизни, но не получилось. Магали задавала вопросы с дотошностью, с какой, наверное, расспрашивала пациентов о симптомах болезней. К тому же делала это без сарказма в голосе, с искренним интересом, и мальчик стал рассказывать подробно.

Историю приютских страданий я слушал безмолвно, зато принялся за расспросы, после того как Нико «умер» и очнулся в башне. Мне были важны не его отношения с добродетельником, хотя, когда принц рассказал, как его хлестали плеткой, чтобы заставить

вырастить цветок, я окончательно понял, что мои руки выздоровели для боя, и пожалел, что мерзавца нет рядом. Меня интересовала сама башня. На какие стороны света выходят ее окна? Удалось ли выглянуть и увидеть верхушки соседних башен?

Благодаря моей настырности мальчишка даже вспомнил, в каком месяце произошла его мнимая смерть и в какие часы в башню заглядывало солнце.

— Зачем тебе это? — удивленно спросила Магали. — Нико, расскажи лучше, как ты сбежал.

— Блюститель Добродетели официально живет в скромном доме неподалеку от дворца Совета. Но у него есть несколько тайных резиденций, под охраной личной гвардии. Две мне известны, а вот башня — третья. Судя по описанию Нико, это башня Заката, остатки старого замка, который разобрали, когда строили королевский дворец. Знания о враге никогда лишними не бывают...

— Только сейчас не мы охотимся за врагом, а враг за нами, и преуспеть у него шансов гораздо больше, — прервала Магали мои рассуждения. — Нико, расскажи наконец, как ты вырвался от этого мучителя.

Мы слушали, Магали радостно и испуганно охала, а я безмолвно восхищался. Смог бы я в его возрасте проявить такую инициативу? Вряд ли.

— А потом... Я запомнил только, как провалился, и успел еще подумать: какая злая и насмешливая судьба! Я не погиб, спускаясь с высоты в непроглядный мрак, чтобы тут же рухнуть в подземелье! Там я потерял сознание и пришел в себя, только когда меня нашла Алина. Что было дальше, пусть расскажет она. Когда вернется. А когда она вернется? Когда?!

Последние слова юный принц произнес торопливо и резко, потом отвернулся. Хотя окружавшая нас темнота почти не уступала подземной, я углядел слезинку на его щеке.

— Она вернется! Ты же сам слышал, что ее не поймали, — заговорила Магали. — Ты ведь знаешь, какая она везучая. Уже то, что она из подземелья выбралась, дорогого стоит. Много народу туда шагает, кто за кладом, кто убежища ищет. А обратно ходу почти никому и нет.

— Подземелья надо знать, — заметил я.

— А ты знаешь, что ли?! — взвилась Магали, впрочем, по-прежнему шепотом. — Твои — или уже не твои — мануфактуры, они в подвалах, а не в подземелье.

— Знаю, — ответил я спокойным тоном, каковым всегда полагается реагировать на вспышки женской стервозности. — Был год, когда мне пришлось пройти по подземным коридорам больше, чем по аллеям королевских садов.

— Для чего? — спросил Нико, забыв слезы и тревоги.

— Если позволите, ваше высочество, я расскажу, — начал я.

Нико и Магали внимали с интересом. Похоже, прислушались даже кошки.

— Среди моих ровесников-пажей был Гурбэн, юнец из родовитой семьи, уверенный, что ему простятся любые выходки, на какие не решился бы и я сам. Однажды он переполнил чашу терпения, причем короля и его супруги одновременно. Они поставили его перед выбором: изгнание из дворца или полгода позорной должности — сенешаля-надсмотрщика над канализационной системой королевских апартаментов. Гурбэн подумал, одолжил у нас денег на одеколоны — до этого он в очередной раз проигрался — и начал надзирать над тем, что мы обычно обходим стороной. Немного спустя он обратился ко мне как к самому любознательному другу и сказал, что новая должность оказалась гораздо интереснее, чем ожидалось. Гурбэн выяснил, что достаточно давно все подземные ходы под дворцом и в окрестностях были отданы в канализационное ведомство. Это ведь давным-давно мог начаться всеобщий мятеж, когда скрыться можно лишь в подземелье или король решил бы подослать убийцу к надоевшей фаворитке. Ныне нравы смягчились — фавориток выдают замуж, а большие мятежи остались в истории, — последние слова я произнес с печальной улыбкой.

Нико, внимательно меня слушавший, тоже вздохнул.

— Поэтому подземные ходы, давно соединенные с подземными каменоломнями, стали не нужны. Их отдали под канализацию, но для нее оказалось достаточно лишь малой части подземного пространства. Какой-то предшественник начальника Гурбэна велел замуровать подземелья. «А так как труд плотника дешевле трудов бригады каменщиков, — со смехом сказал Гурбэн, — подземные коридоры заколотили досками. Да еще перед этим составили их чертежи. Я

посмотрел: за сто лет с них никто пыль не смахивал. Ты же, Этьен, даже пьяный не ляжешь спать, не почитав древний манускрипт. Бери, изучай и думай, как мы повеселимся. Я сам далеко не заходил, но это гораздо интересней, чем дворцовый подвал, куда мы скрывались с кухни, когда младшими пажам таскали заморскую пастилу».

— И как вы повеселились? — спросила Магали с легким сарказмом, но интерес читался тоже.

— К нам присоединились двое приятелей, — продолжил я. — Мы гуляли в часы, свободные от дежурств. Впрочем, в молодости не спать ночью так же легко, как и днем. В подземных тоннелях оказалось сухо и почти не пахло. Мы, наверное, прошли весь город. Обнаружили древнее подземное кладбище. Тот, кто придет туда сейчас, решит, что посетил место пирушки мертвецов, но пустые бутылки и копченые птичьи кости оставили мы. Однажды я чуть не поссорился с Гурбэном до дуэли: он вылез на берег реки в белом покрывале, собираясь похитить юную прачку, — чтобы думала, будто над ней надругался подземный призрак. Но я успел спугнуть девицу.

— Благородный герой, — заметила Магали.

— Но так как дуэль не состоялась и мы остались живы, — продолжил я, не реагируя на насмешку, — мы не прекратили наши подземные похождения и однажды попали в место, за проникновение в которое, согласно букве закона, рубят головы даже пажам.

— В альков королевы? — спросила Магали.

— Не угадала, — усмехнулся я.

— А я, кажется, понял, — сказал Нико.

Алина

Вот уж не думала, что от четырех свечек, поставленных возле головы, может быть ярко, как от включенной рядом электролампы. И отдельный пакостный прожектор — пристальный взгляд этого клоуна-затейника. А я, в чем состоит дополнительное гадство, его толком не вижу.

Пауза так затянулась, что я решила высказаться:

— Не много ли железа на одну женщину? Наверное, вы охотились на кого-то другого.

Ни смешка, ни другой реакции. Опять молчание, да такое, что слышно, как капля воска упала на пол. Языки у всех отрезаны, что ли?

— Да, это именно она, — наконец сказал гнусный заказчик похищения. — Расковать руки и ноги, отвести в мой кабинет.

«И девушек наших ведут в кабинет», — вспомнила я старую песню. Смеяться и пугаться не стала, говорить «спасибо» за снятые кандалы тем более. В любом случае самое интересное — впереди.

Молчуны в черных масках сноровисто освободили меня от ручных и ножных кандалов. «Э, еще ошейничек, будьте добры, снимите», — хотела добавить я, но воздержалась.

Потом меня поставили на ноги и вывели из камеры. Безликие конвоиры соблюдали вежливость, но я не сомневалась — если остановлюсь, меня понесут как багаж. Такое сегодня уже происходило и я решила поразмять ноги, пусть и на короткой дистанции.

Кабинет оказался этажом выше. Нас оставили вдвоем, впрочем, я не сомневалась, что персонал в коридоре и явится по первому вызову. И потом, я же не боевая ниндзя-попаданка. Драться не умею. Да меня этот товарищ добродетельный при желании без посторонней помощи прибьет.

В полутемном помещении были стулья и кресла, но хозяин сесть не предложил, впрочем, сам не сел тоже. Поэтому я просто облокотилась на край большого письменного стола. Огляделась. Явно деловой кабинет для совещания в узком составе. На стене — единственный портрет. Я с первого взгляда поняла, что это физиономия моего похитителя.

Что же, не пыточный застеночек — и на том спасибо.

Добродетельник хмыкнул, но воздержался от замечания. Несколькими быстрыми шагами обошел меня полукругом и спросил:

— Как я понимаю, вы немного удивлены?

Чему он должен удивиться? Тому, что меня ни с кем не спутал?

— Вы узнали меня по портрету?

— Мне не нужны рисунки, — со скупой усмешкой заметил добродетельник. — Мне достаточно было вашей манеры общения. Любая женщина, рожденная в Лутте, оказавшись в моей власти, принялась бы умолять о пощаде. В редком случае — сыпать проклятиями. А вы ведете себя так, будто не знаете, кто я такой. Хотя должны были узнать, едва здесь поселились!

Голос собеседника был громкий, резкий, уверенный. Если бы не пятнадцать лет общения с владельцами мелких бизнесов и чиновниками районных администраций, я бы прониклась и напугалась. А так очень хорошо ощущала, что это — игра на публику. Пусть она и ограничена мною.

Впрочем, я и вправду в его власти. Лучше не злить.

— Простите, я жила в компании, где о вас предпочитали не говорить.

— И я даже догадываюсь в какой, — ответил собеседник, одарив меня очередной скупой усмешкой.

Подошел к столу, передвинул подсвечник. Я разглядела небольшие чашечные весы. Он щелкнул по деревянному футляру, достал оттуда миниатюрную гирику-разновес.

— Вот что любопытно, — продолжил он. — Вы способны выжить и даже жить в таких условиях, в таком месте, где не способен выжить я. Какой-нибудь бездельник-философ стал бы делать из этого умозаключения о том, что вы значительнее и могущественнее, чем я. Но при этом вы можете не дожить до утра. Дожить можете тоже. Но пока что шансов на первое больше.

И с легкой усмешкой положил гирику в чашку. Та лениво опустилась, будто ей была дорога моя жизнь.

Блин, вот тут кто настоящий бездельник-философ, упившийся властью. Но сказать придется что-то другое. Мне нужен диалог, мне нужно понять, есть ли лучик надежды на компромисс, до того, как он скажет, что ему надо. А назвать козла козлом никогда не поздно.

— Вы бывший аптекарь? — спросила я без капельки насмешки, с искренностью ребенка, который заглянул в незакрытую кабину пилота и увидел все приборы одновременно.

— Вы все же немного осведомлены. Или в ваши магические способности входит еще и ясновидение?

Чего? Я еще и колдунья? Ладно, этому революционному инквизитору нужно что-то более интересное, чем обвинить меня в гадании, ворожбе и порче домашней скотины.

— Вот именно этим я специально не занималась, — сказала я с загадочной улыбкой. — Так что, я угадала?

— Отчасти, — ответил собеседник. — Я сын аптекаря. Мой отец решил, что весы правосудия выгоднее весов для пилюль и микстур. Поэтому я избрал стезю адвоката, чтобы защищать интересы простых и добродетельных людей, а потом решил защитить весь город от несправедливости и разврата. На это ушли годы тяжелых и опасных трудов. Мне приходилось скрывать свои намерения и мысли. Мне угрожали слуги коронованного тирана. Надо мной смеялись безумцы, уверенные в том, что возможна свобода без добродетели. Но смешки и угрозы остались позади! Теперь я, Жорэн Лош, Хранитель древнего города Лутт, блюститель добродетели его жителей. Судьба города — на этих весах! Всего города и каждого живущего в нем, — добавил Лош, пристально взглянув на меня, будто вспомнив, к чему вообще этот разговор.

С каждой фразой монолога Хранитель преображался. И без того не мелкий, он, как мне показалось, стал выше и шире. Его глаза сверкали в колеблющемся пламени свечей. Голос стал не столько громким, сколько высоким и пронзительным. Хороший голосок, поставленный. Годен, чтобы убеждать деловых партнеров подождать с возвратом долга. И контрольные организации, нагрянувшие с внезапной ревизией: все нарушения устраним, приходите завтра.

Впрочем, нет. Заимодавцев и ревизоров такой тон обычно не убеждает. Это люди ушлые, наслушались всяческого. Зато такие речуги отлично канают на собраниях небольших трудовых коллективов. С повесткой «почему я не повышаю вам зарплату», «почему надо поработать в выходные без премиальных», «почему с завтрашнего дня надо являться в офис на полчаса раньше». С такими начальниками не надо спорить — не переспоришь. Надо просто

уходить и устраиваться на работу туда, где нет такого, блин, патетика-демагога.

Проблема в том, что от этого «начальничка» я не могу просто взять и уйти. Сказав на пороге, что все его достижения — никто в городе не может дышать без букетика увядших цветочков. Надо найти подход к этому маньяку. Но какой?

А что, если сделать вот так?

— Поэтому, — продолжил Лош чуть тише, но столь же напряженно и торжественно, — в первую очередь вам следует быть честной.

Ну, честной так честной. Это не так и сложно.

Я сделала несколько шагов по кабинету — размять ноги. Потом подошла к столу. Присмотрелась и со всего маху шлепнула на одну чашу весов здоровенную медную чернильницу.

— Вот настолько честно пойдет?

Эк я поломала сценарий! Мсье Хранитель-сохранитель прямо-таки замер на месте с разинутым ртом.

Пока он не начал использовать его для очередной тирады, я взяла слово сама.

— Да, я забыла представиться. Алина Сергеевна Трофимова, старший менеджер флористической компании «Миллион роз», гражданка Российской Федерации, житель города Санкт-Петербург. Похищена из служебного помещения, насильственно перемещена на территорию города Лутт, — как здорово, что запомнила это слово, — без ведома своего начальства и своего собственного согласия. Это дает мне полное право не подчиняться законам вашего города, пока я не дам согласия стать гражданкой вашего государства. Я вообще могла бы с вами не общаться, пока вы не предоставите мне свободу и не начнете обращаться со мной как с жертвой похищения. Причем двойного: сначала меня насильно доставили в ваш город, а час назад — к вам.

Я говорила громко, уверенно, настойчиво и не сводила взгляда с Лоша.

Добродетельник, надо отдать должное, оправился от секундного шока и сам уставился на меня. Пока я представлялась, его лицо было напряженно-внимательным, казалось, он впитывал информацию, как губка пролитое вино. Когда же я заговорила о правах, появилось

подобие насмешки. Причем презрительно-усталой — старая, надоевшая песня. Я приглядывалась к весам.

Мой монолог был прерван стуком в дверь. Лош подошел, выглянул и пару секунд спустя вернулся. Взглянул на меня. Его лицо окончательно стало презрительным, как у школьника в конце урока по нелюбимому предмету.

— Продолжайте, — бесцветным тоном сказал он.

— Поэтому, — указала я на весы, — честно и справедливо было бы в первую очередь обращаться со мной не как с беглой преступницей, а как с гостьей вашего города, причем недобровольной. Извиниться хотя бы за действия ваших людей. И после этого начать разговор на равных. — Я опять шагнула к столу. Вынула из футляра равновесную гирьку, стоявшую напротив опустевшего гнезда, — сестрицу той, что использовал Лош. Сняла чернильницу, заменила ее гирькой и указала на затихавшее колебание весов. — Вот так будет и честно, и справедливо, и добродетельно.

Хранитель города взглянул на весы, потом на меня. Потом улыбнулся широкой, детской, почти не наигранной улыбкой и начал громко аплодировать.

— Восхитительно, — наконец сказал он. — Я понял, что входит в обязанности старшего менеджера: убеждать людей. И вы делаете это успешно. И если бы мы сейчас были в зале суда, мнения присяжных как минимум разделились бы. А может, вас бы и оправдали. Но есть одна проблема.

Лош замахнулся...

За одну секунду я успела понять и как парирую удар, и как увернусь, и главное — если бы он хотел ударить, то ударил бы. Но замах был уж очень медленный и показательный. И я не удивилась, когда Хранитель расчетливо не шарахнул по весам со всей дури, а аккуратно смахнул их со стола.

Грохот завершился тихим звоном — гирька, покотившаяся по паркету, ударилась о какой-то металл.

— Проблема, — продолжил он, — в том, что сейчас мы не в зале суда и тем более не в зале Совета. Если бы вы добрались туда и объявили себя похищенной гражданкой другого государства, последовали бы официальные формальности, конечно же, не на моем уровне, а мелких чиновников. Но это — моя личная резиденция.

Хранитель города не может выполнить свою работу, действуя исключительно в рамках официальных полномочий. Кстати, вам известно, какую новость я получил пять минут назад?

Я внимательно посмотрела на мсье Лоша: зачем делать из меня дурочку? Или предполагать у меня столь сильное ясновидение.

— Гонец из так называемого Ночного Братства, сообщивший мне о вашей поимке, найден зарезанным в канаве. Он не дожил бы до утра в любом случае, но о нем позаботились свои. Эти милые полезные жулики в очередной раз сделали доброе дело для меня. Причем без моей просьбы. В общем-то, поэтому я их и терплю — пользы больше, чем вреда. Да, как вы познакомились с их бывшим маршалом?

Блин, куда вывернул. «Это душевная тайна моя-а-а», — хотела ответить словами давней воровской песни. Но воздержалась. На фиг ему знать, что у моей души могут быть какие-то тайны.

Поэтому ответила кратко и совершенно честно:

— К этому знакомству я не стремилась. — После чего не удержалась и добавила: — Как и к знакомству с вами.

Лош усмехнулся. Украдкой — но не для меня — бросил взгляд на сброшенные весы. Видать, родители в детстве приучали к порядку и их уроки не забылись.

Потом сказал:

— Забудем об этом неприятном типе, все равно жить ему недолго. Так вот, мы сейчас находимся в моей личной резиденции, под моей личной охраной и я никому не отчитываюсь о ее действиях. Кстати, как вы думаете, за какую награду мне служат люди?

Загадки гадать? Ну, погадаем. Авось попаду.

— Жизнь?

— Да. Они живы только потому, что без моей протекции каждого из них ждал бы суд — государственный или еще более беспощадный суд их бывших братьев-головорезов. Вы сообразительны и, несомненно, уже догадались, какой подарок я намерен предложить вам.

Я с трудом изобразила усмешку и кивнула.

— Вы догадливы — жизнь. И кстати...

Лош посмотрел на стол. Я готова была поклясться, что он вздохнул о том, что смахнул весы и не может развлечься наглядными фокусами.

— Вы также должны догадаться, что ваша жизнь ничего не стоит. Этим вечером вас похитили разбойники. Куда дели — знает только капитан по кличке Ухо, умный и неболтливый человек, впрочем, сделать его совсем неболтливым нетрудно. Вы просто исчезли. Вас нет. Считайте себя нулем, — договорил он, повысив голос.

Ошейник слегка давил, голова болела от выпитой гадости. Все равно, сдаваться нельзя.

— Я не ноль, я меньше ноля, — ответила я с усмешкой. И обрадовалась, увидев, как пафос опять переходит в удивление. — Вспомните, как позавчера на пустоши меня преследовали и в меня стреляли. Пули пролетали близко, я могла погибнуть уже тогда. Поэтому моя жизнь не так уж и ценна.

— Цену определяю я... — начал Лош, но я его перебила:

— Зато ценны мои знания, неотделимые от моей жизни. А я, как вы правильно заметили в начале разговора, могу жить там, где вы не способны. И если вы способны только отбирать чужие жизни, то я могу и дать другим жизнь, нет, не в женском смысле слова, — тут пришлось повысить голос.

Лош слушал, причем с интересом.

— И что особенно важно, вы не знаете, что я могу знать. Вы не можете угрожать мне пытками — вам неизвестно, что выпытывать, хотя мне есть что сказать. Я могла бы дать жизнь всем, включая вас. Но только если намеки, что моя жизнь ноль, прекратятся.

— Интересно, — заметил Лош, — продолжайте.

— И мое предложение очень простое, — сказала я на последнем дыхании. — Мне мало моей жизни.

Глава 3

Лирэн

Ярость горела во мне, не угасая. Ярость грела, даже когда залитый кровью камзол пришлось бросить, как и рубашку, не менее окровавленную и драную.

Радовало, пожалуй, одно: почти вся кровь была чужой.

Ночь спустилась на город как глухой котел с холодной водой, опрокинутый вверх дном. Ночь принесла прохладу, но не смогла остудить мою ярость.

Твари. Они посмели... посмели забрать то, что уже стало моим.

Ухо! С-с-сука, надо было удавить эту гадину давным-давно, при первой возможности, и наплевать на последствия.

Перед тем как Филь-Филь захлебнулась кровью, она успела признаться, кому и за сколько продала своего маршала вместе с его подругой.

Пусть кто-то скажет, что убивать женщин жестоко, но я никогда не щадил предателей. И уж подавно не подарил бы милосердия твари, которая сделала все, чтобы у меня украли женщину и жизнь. То, что моя жизнь при мне, а вот ее дрянная жизнёнка оборвалась, — исключительно моя заслуга.

Меня предавали и продавали не меньше десяти раз в жизни. Начала мачеха, когда мне не было и семи лет, — решила, что я подслушал ее разговор с отцом, насчет планов на мою ближайшую судьбу, и всю дорогу рассказывала, будто мы идем на ярмарку, где она купит мне леденцовый тюльпанчик на палочке. Отвела на городскую окраину и продала в дрянной трактир, выполнять самые грязные работы. Тогда я умел только плакать, потом научился убегать, потом — мстить за предательства. И навсегда забывать обиду.

Почему же теперь душа превратилась в пылающий факел? Потому что отомстил не всем?

Нет. Меня не просто предали. Меня обокрали. Похитили самое дорогое, что я встречал в своей жизни.

Плевать, какой магией эта пришелица создает цветы! Плевать на то, откуда она взялась. Я хочу, чтобы она была со мной. Чтобы она

была моей.

Да, вот так, после одного-единственного поцелуя. Потому что его было достаточно. Это моя женщина. Я искал ее всю жизнь. И сразу же потерял.

Думай, Лирэн, думай. Догнать похитителей ты не смог, хотя, признаться, здорово повеселился, вскрывая глотки предателям, вставшим на пути. Они сдохли, но дело свое сделали: ублюдки, похитившие Алину, успели скрыться в путанице грязных переулков. Перерезать глотку — секундное дело, а вот спросить человека, кто его послал, на это нужно чуть больше времени.

Поэтому когда я ворвался в кабинет с открытым окном и немедленно выпрыгнул, то просто не знал, куда бежать. Выбрал неправильную развилку, промчался квартал, потом еще полквартала, пока сбитое дыхание и разум не велели мне остановиться. Этой дорогой они точно не проходили.

Возвращаться к злачному месту, где мы так мило проводили вечер, не имело смысла — я не собака, след не возьму. Теперь придется думать и решать.

Сначала надо исследовать свои раны и обзавестись новой шкуркой. Насчет ран оказалось совсем просто — царапины, которые даже можно не перевязывать.

Теперь надо решить насчет шкурки. Тут и ходить долго не пришлось — разглядывать вывески в полной темноте я научился до того, как научился читать. Вот и нужная лавка. Под рукой уже обтертый длинный клинок, но лучше прибегнуть к кошельку — он, слава всем хранящим силам, остался при мне.

Разбойный стук в дверь. Как я и ожидал, портняжка-перелицовщик проснулся быстрее, чем если бы в окно влетела пушечная граната.

— Ув... ув-в-важаемый ночной брат, — начал он на пороге, — я все зап-платил в этом месяце.

— Не бойся, братец, — сказал я, убеждаясь, что мой голос не дрожит от злобы и даже весел. — Я не возьму у тебя деньги, а сам дам их тебе. Вот тебе золотой. Посмотри на мою фигуру и найди в своих запасах подходящие рубашку и камзол. И плащ не забудь. Да, еще, — заметил я, вспомнив, что часы-луковка остались в кармане старого

камзола. — Ты помнишь куплеты про бычка-бодунчика, любовника и мужа-рогоносца?

Лицо портняжки, едва я сказал о деньгах, просветлело, зато, когда упомянул песенку, застыло в недоумении.

— Пока будешь искать — насвистывай песню. Если найдешь товар быстрее, чем она закончится, получишь еще монету.

Песенка не дошла до середины, когда портняжка уже тащил мне и рубаху, и камзол. Они оказались по росту, мне этого было достаточно и уже скоро мастер отправился прятать ночную выручку, а я продолжил прогулку и размышления.

Так. О том, что нас накрыли головорезы Уха, можно было догадаться, а Филь-Филь перед своей бесславной смертью только подтвердила это. Впрочем, парочку головорезов из тех, кто пытался забрать мою жизнь, я и сам узнал. Доводилось встречаться и до того, как я стал маршалом, и позже. Нынешняя ночная встреча была последней.

Но Ухо, хотя и не дурак, все еще не понимает ценности пришелицы и вряд ли стал бы захватывать ее для себя. Скорее, прирезал бы, чтобы насолить мне. Если ее унесли — значит, она нужна кому-то третьему. Кому?

Пф-ф-ф, даже гадать не придется.

Добродетельный. Точнее, мсье Лош. Раньше мне не приходилось сталкиваться с ним, наши интересы плавали в разных реках. Он не трогал меня, я не трогал его. Но теперь оба потока впадают в одно море и двум таким зубастым рыбам в нем стало тесно.

Рыба-Лош хочет мою женщину. И ладно, если бы для себя. Тьфу! Никогда не понимал этого болезненного желания власти.

Я стал маршалом потому, что другого пути выжить у меня не было. А вовсе не ради властишки над теми, кто слабее или глупее меня.

А он стал блюстителем Добродетели из клейко-ядовитого желания подняться над всеми, чтобы иметь возможность плюнуть каждому на голову. Во всяком случае, все, что я успел узнать об этом человеке, говорит в пользу моей правоты.

Оставалось решить, как добраться до мерзавца. И вот тут я вспомнил сказку про кроликов, которые решили навсегда

обезопаситься от лис — надеть тем бубенчики на шею. Задумано хорошо, вот как наденешь?

Во-первых, во-вторых и в-десятых, я не знал, где находится тайная резиденция мсье Лоша. Алину не могли отвезти ни в старую городскую королевскую тюрьму, ни в новую, открытую после мятежа, ни в Подвал предателей — скромную тюряжку для тех, кто не оправдал доверия властей. У мерзкого лицемера было свое тайное логово.

Но где оно?

Идти в башню Братства, где брат Туан с обычным ворчанием сразу бы вспомнил то, что мне нужно, не хотелось. Сейчас там половина нашей братии и обсуждает недавние события. Узнав, что я хочу, мне просто запретят ссориться с добродетельником. Ярости выстоять против пятидесяти клинков не хватит.

Но, может, Ухо не там? Вот он-то и ответит на вопрос.

Еще не дойдя до логова ублюдка, я понял, что не ошибся — хозяин на месте. Перед входом в трактир дежурили двое головорезов, еще один изображал пьяного, лежащего в пяти шагах, но вполне трезво вертел головой, вглядываясь в темноту, чтобы отрезать путь тому, кого перехватят у дверей.

Я даже не стал бы спорить кому. В Городе был только один человек, которого Ухо боялся больше, чем вор петли. Потому-то не пожалел золота и посулов на охрану.

Пока что у меня было одно преимущество — меня не увидели. Я вернулся на ближайший перекресток и стал вспоминать окрестные проходные дворы и лазы.

Даже не слухом — кожей я почувствовал чье-то осторожное приближение. Рука легла на клинок. Друзей в Городе у меня не осталось, а враги в эту ночь жили недолго. Сейчас врагом станет меньше.

— Брат маршал, я вас искал.

Голос был такой взволнованный, что я не сразу узнал лейтенанта Терсана.

Парень шел быстро, может даже бежал, поэтому нервничал.

— Чтобы куда-нибудь позвать? — спросил я спокойно.

— Нет, мар, чтобы сказать — вам не надо ходить к Уху. По крайней мере, одному.

На одну секунду мне стало легко, будто я целый день носил кирасу, а под вечер снял. Терсан, парнишка легкой судьбы. Ну, почти легкой. Остался без отца, мать пристроила в конюшата на постоянный двор. Ревнивая хозяйка следила, чтобы муж не лапал девочек, так тот начал глазеть и лапать мальчиков. Как-то хозяина обуяла гнусная страсть, но вместо желаемого он отведал вил, которыми паренек убирал навоз. Похотливый рукосуй выжил, Терсан сбежал, стал скитаться, связался с Братством и скоро стало ясно: талантов у парня больше, чем быть шухерным мальчишкой.

— Сейчас там такая свора, что лучше и вдвоем не соваться, — уточнил я.

— Ну и... Брат мар, может, вы объясните, что происходит? — несмело попросил Терсан. — Почти все, кроме Уха, собрались в нашей башне и спорят, вы все еще маршал или надо поскорее нового выбирать.

— Я не бегу и ты не бежишь, рассказывай поспокойней, малыш, — усмехнулся я.

Терсан уже отдышался и начал выкладывать то, что я знал и чего еще не знал.

Наших в оцеплении на пустоши не осталось. По деньгам их обидели — оказалось, они были должны убивать лепесточников и показывать их тела. Поэтому вчера во всех кварталах наши ребята ворчали на Ухо и других капитанов, втянувших их в дурную игру без оплаты. Кто постарше говорил: «На лепесточников охотиться — не к добру, радуйтесь, что пустым карманом отделались».

Под вечер стало известно, что люди Уха напали на меня в салоне Испытания добродетели, но я убил напавших и ушел. Братство разделилось: одни обвинили меня, что я поспорил с властью и этим навлек беду на всех, поэтому меня надо изгнать не только из маршалов, но и из Братства. Другие, наоборот, утверждали, что надо выбрать опять. Вспоминают, что Ухо тоже участвовал в выборах и, хотя проиграл, теперь должен стать временным маршалом. Самого Уха не видно — он засел в своем квартале и чуть ли не открыто обещал тысячу золотых за мою голову.

— Всего-то, — усмехнулся я, покачав своей драгоценной головой. — А он, когда обещал, говорил «кроме»? Например, «кроме стриженной головы»?

Терсан секунду недоуменно смотрел на меня, потом тихо расхохотался.

— Нет, — подавив смех, ответил он, — не говорил, но ему и без «кроме» не верят. Зато все видят, как Ухо боится. Уже послали гонцов, звали в башню, но он не хочет идти, говорит, что приболел.

Я понимающе усмехнулся. Вот чего особо не хочет сейчас Ухо, так это оказаться в одном зале со мной на глазах Братства. Неважно, кто кого будет обвинять, зато понятно, чем закончится наш очный спор: «вынь клинок, если ты не крыса». Останусь я маршалом или нет, но через минуту Ухо будет нашинкован на двадцать крысиных ошметков.

Вот только мне не нужна его мертвая туша. Или нужна, но потом. Сейчас — Алина. А эта тварь — единственный мостик.

— Брат маршал, — несмело продолжил Терсан, — вам лучше сходить в башню и все объяснить. Причем всем, а не капитанам. Ребята попроще говорят: хоть он и чудак, лучшего нам не найти.

— В башне появлюсь. Если буду жив, — уточнил я. — А пока мне надо поговорить с Ухом. Убивать его не стану, если сам на меня не кинется. Терсан, ты признаешь меня маршалом?

Повисла тишина, как и положено в ночь, перевалившую на вторую половину. Мне стало жаль мальчишку, который оказался перед нелегким выбором. Впрочем, мне самому легко, что ли?

— Да, брат мар, — наконец тихо сказал Терсан, — я с тобой. Если ты не собираешься нанести вред Братству.

Бывают секунды, когда врать не то что не хочется — невозможно. Я взглянул в глаза Терсану:

— Мне нужно спасти любимую женщину. Для меня сейчас это главное. Ради нее я готов отказаться даже от мести. Ты понял?

— Да, — вздохнул мальчишка.

— Тогда за работу. Если бы я знал Ухо чуть хуже, то назвал бы тебя счастливым на тысячу монет. Но эта крыса способна только обещать.

Терсан вздохнул и мы отправились на Огородный рынок. Пару раз замирали, пропуская патруль. Перед входом остановились и почти сразу встретили того, кого надо, — земледельца из предместья, выехавшего глухой ночью, чтобы доставить свой немудреный товар

перекупщикам и уехать из Города до того, как взойдет солнце и каждую повозку оштрафует стража.

— Дядюшка, вы согласитесь поработать извозчиком за две монеты? — вежливо спросил я.

Узнав, что монеты золотые, огородник обрадовался так, что лицо чуть не засветилось в ночном мраке. Чтобы поберечь лошадку, я прибавил мелочи, мы выкинули половину товара, на радость еще спящим рыночным нищим, и двинулись в путь. Терсан указывал дорогу, я лежал среди овощей и зелени, похрустывал свежей морковкой и чувствовал, как приятно ноют ноги, натруженные за день и ночь. Парочка еще не до конца увядших бутонов обещала мне несколько часов надежной дыхалки.

Спать не хотелось совершенно. Или все удастся, или я погублю себя, — не в счет, — мальчишку и смиренного растения редиски.

И главное, некому будет спасать Алину.

Сквозь щель между кривыми досками я видел приближающийся трактир. Видел, как задремавшая стража пробудилась и шагнула к возку, не понимая, что здесь нужно овощеводу. Я видел, что привстал даже «пьяница».

— Позовите капитана, — бодро сказал Терсан. — Подарок за тысячу монет.

— Откуда он у тебя? — спросил страж.

Лейтенант отвечал, что дважды объяснять не будет, скажет лишь хозяину.

Судя по шарканью, появился сам Ухо. Подошел к возку.

— Не тысяча, а тысяча пятьдесят, — пояснил Терсан. — Наш бывший маршал поссорился со стражей, уложил двоих, но сам наткнулся на клинок. Я выкупил тело и сразу направился к вам.

А мальчишка-то актер!

— Фонарь! — распорядился Ухо. — Э, я же говорил про голову, а он у тебя при голове. Лады, пятьдесят тебе возмещу... Э...

Я заранее подготовил пару шуток, но решил поберечь силы. Поэтому «ожил» безмолвно — спрыгнул с повозки с двумя клинками в руках.

«Пьяница», замыкающий страж, видимо самый опасный, получил для общего вразумления по горлу, причем левой рукой. Еще один

подручный Уха, с фонарем, отделался длинным, но неглубоким порезом, надолго выводящим из строя.

Теперь мне была нужна левая рука. Ее я освободил, метнув клинок в стражника с левой стороны, — даже если выживет, теперь ему точно не до меня.

Свободной рукой я схватил за шиворот Ухо и провел большим клинком по щеке, после чего упер острие в горло, еле-еле сдерживая желание нажать сильнее.

— Моя голова без рук пока не обходится, — заметил я. — Попроси своих не дергаться.

Замечание было нелишним. Еще один, не задетый, подручный выхватил свинцовник, но Терсан вонзил ему в плечо клинок.

— Стойте, парни, — прохрипел Ухо. — Если он меня убьет, кто вам заплатит?

Парни окаменели. Терсан с интересом глядел на меня — что дальше?

— Если эта свинья сдохнет не заплатив, я расплачусь по ее долгам, — с усмешкой сказал я. — Отойдите на пять шагов, у меня разговор с капитаном.

Люди Уха, растерянно переговариваясь, отошли. Раненые поспешили в дом.

— Ухо, — с улыбкой заметил я, не отнимая нож от вспотевшей шеи, — теперь я предложу тебе то, что ты точно не ожидаешь.

— Что? — спросил он плаксивым тоном.

— Стать маршалом Братства, — беспечно сказал я.

Алина

— Интересно, интересно, — усмехнулся Лош. — Я не спрашиваю, сколько жизней вам нужно, я спрашиваю — чьих?

— Во-первых, — сказала я со спокойной улыбкой, — жизни всех лепесточников. Не мешайте этому народу и дальше собирать почки и соцветия.

— Всех лепесточников или всех обитателей пустоши? — уточнил Лош.

Его усмешка стала плутоватой, как у пожилого ловеласа, которому неопытная продавщица предлагает увядшую розу в большом букете, но со мной такие штуки не проходят.

— Всех лепесточников, — повторила я.

— И даже усыновленных мальчишек-самозванцев? — поинтересовался блюститель Добродетели самым нейтральным тоном.

— Я же сказала — всех. Все семьи лепесточников, — отчеканила я.

Лош замер. Казалось, он сейчас взорвется диким криком, но он промолчал — взял себя в руки. Может, думал, что мне неведома судьба маленького принца. Может, просто не хотел упоминать его вслух.

Наконец он заговорил с прежним презрительным ехидством:

— Лепесточники — во-первых. Чьи жизни вам нужны еще?

— Маршала Ночного Братства — Лирэна.

— Маршала в отставке? — спросил Лош еще ехидней, сделав вид, будто правда вспоминал. — Да-да, есть такой дурачок. Как он на время оказался главным атаманом городских жуликов — загадка. Тут я ничего обещать не могу, его ищут свои и, скорее всего, зарежут до утра. Так что с этой жизнью — не ко мне. Еще?

— Я правильно поняла, что со стороны властей к нему претензий нет? — спросила я и, увидев презрительный кивок, продолжила: — Также вы должны помиловать Этьена.

Лош всплеснул руками и вздохнул, как будто ему заплатили фальшивыми деньгами за долгий труд:

— Помиловать злостного изменника? Мадам, я считал вас умнее. Весь вчерашний день «Листок свободы» и сотня правительственных

глашатаев рассказывали Городу о том, что народ голодает и задыхается исключительно из-за его интриг. О том, как аристократ, пробравшийся в народную власть, сбросил овечью шкуру. Уже состоялся заочный суд, уже идет подготовка к казни, уже строят эшафот.

На секунду я похолодела. Неужели они вытащили Этьена с пустоши? Но ведь наши его бы не отдали.

— Клетка Позора еще пуста, — развеял мои опасения Лош, — но он уже скоро будет в моих руках. Этот распутник слишком верит в старых богов, чтобы самому прекратить свою жизнь, поэтому народ не лишится веселья. Давно, очень давно Город не знал такой измены. Мерзавца ждет не песок, не мгновенный Молот справедливости, о нет! Тот, кто мечтал вернуть Город к старым порядкам, достоин долгой старинной казни. Праздничной казни, когда для народа выставляют бочки вина. Сначала бич, потом — тупая секира и старый палач, способный повеселить публику! Афиши уже напечатаны, плотники трудятся над эшафотом. И вы требуете, чтобы я лишил Город такого удовольствия? Да и себя тоже?!

Теперь Лош не издевался. Он откровенно смаковал грядущее событие — казнь своего врага. Его глаза горели, взгляд стал сладострастным. И это был не просто садизм, не просто надежда увидеть чьи-то мучения. Он мечтал о расправе с обидчиком. Чувствовался страшный, неутолимый голод мести. Быть может, не столько ненависть к Этьену, сколько радость, что хоть до этого-то он доберется.

Живу я не сто лет, но таких уже встречала. Правда, исповеди насчет неотомщенных обид я обычно слышала от пьяных друзей-подруг. Но настоящим маньякам вино не нужно, а сейчас передо мной был настоящий маньяк.

— Нет уж, красавица из неведомой земли, так не будет! Я скорее прощу всех лепесточников. Урожденных лепесточников, — уточнил слегка успокоившийся Лош. — Но что касается Этьена...

Наверное, триггером стало слово «красавица». Для меня это было что-то из области пьяных уличных приставаний. Тут уж я сама впадаю в мстительность. И, что особо важно, в проницательность.

— Мсье Лош, — сказала я негромко, но так напряженно, что собеседник замолк, — мсье Лош, а ведь вас очень обижали. В детстве и юности. Вы не раз клялись кому-нибудь отомстить, но так и не

сумели это сделать. Поэтому сейчас не упускаете возможности расправиться с кем-то. В вашем шкафу есть скелеты и они лишили вас покоя навсегда.

Похоже, вышел перебор. Лош окаменел. На одну секунду у него отвисла челюсть. Потом он все же восстановил дыхание.

— Откуда? Откуда ты это узнала, ведьма?

— Мы еще не договорились, а вы уже меня спрашиваете... Ой!

Лош повернулся к стене, нажал невидимый рычаг. Деревянная панель отошла с легким стуком, и я увидела в глубине два настоящих скелета. Один существенно ниже второго — или карлик, или его обладатель не успел вырасти.

— Вы все же этого не знали, — усмехнулся Лош, успокоенный моим секундным испугом. — Да, это те, кому я поклялся отомстить, но не смог — они ушли от моей кары. Уже позже, много лет спустя, пришлось вскрыть их могилы и прибрать к рукам то, что осталось. И повторять: больше ни один мой обидчик так легко не отделается. Власть и месть — синонимы.

Да уж. Не ожидала, что однажды увижу идиому своими глазами. Скелеты в шкафу выглядели не особенно печально. Может, и радовались, что избежали мести.

Раздался щелчок и стена вернулась на место.

— Ну и толку? — Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы сделать вид, что я испугалась больше от неожиданности, чем мертвецов в загашнике этого сумасшедшего. — Толку, что вы запихнули эти скелеты в шкаф и можете в любой момент высказать им свои претензии? Они ведь вас все равно уже не слышат.

— Да, это верно. — Руки у добродетельного мсье тряслись как у заядлого пропойцы. — Это верно... и вы мне в этом помочь не сможете.

— Откуда вы знаете? — блефовать, так с музыкой. Да и вообще, невозможно жить в нашем мире и не хвататься по верхам всякой мути по поводу психоанализа. — Вдруг могу?

— Чем? Оживите моих мертвецов и позвольте мне убить их самому?

Блин, глазки у него прямо нездорово разгорелись, надеюсь, он все же не всерьез ждет от меня чудес на почве некромантии.

— Прямо оживить не смогу, но высказаться у вас будет возможность.

— Слабо верится, — усмехнулся мсье Лош, более-менее приходя в себя и снова становясь похожим на солидного чиновника, блюстителя Добродетели, или как там этот гад называется.

— Попробовать никто не мешает, верно? Разве мы торопимся? — Ей-богу, я готова была обсудить с этим нелюдем каждую детскую травму в отдельности и даже погладить козла по головке за каждый полученный от ровесников пинок, лишь бы не возвращаться в подвал и потянуть время.

Должен же этот маршал воров меня найти?

Ну, что сказать... Все банально и до горькой оскомины знакомо.

Маленький мальчик, которого никто не любит. Только вот что бы там ни говорили, а не каждый несчастный ребенок со временем превращается в монстра. Есть те, кто взрослеет и вместе с годами жизни приобретает разум, умение рефлексировать и даже иногда прощать. Или нести свою боль в одиночестве так, чтобы ядовитое варево старых обид не выплескивалось на окружающих.

Вот таких мне жалко и им искренне хочется помочь.

А мсье Лоша, если честно, больше всего хотелось быстро и безболезненно удавить, причем желательно еще в младенчестве. От того ушата помоев, что он на меня вылил, хотелось отмыться в самом прямом, физиологическом, смысле. Смесь жалости и гадливости — то еще удовольствие. И я не могу сказать, что так уж не понимаю его детских обидчиков. Судя по рассказам, этот ребенок никогда не был особенно симпатичным...

Это не значит, что его надо было травить. Да-да, я все понимаю. И все равно трудно проникнуться искренним сочувствием к этому... таракану.

А самое паршивое, что я ни разу не профессиональный психолог, который умеет правильно работать с такими психами. Ушат помоев я из Лоша успешно выдоила, он изливал его прямо-таки с извращенным удовольствием, но вот дальше все пошло далеко не так весело, как хотелось бы.

— Вы же понимаете, драгоценная, что после таких откровений я тем более не оставлю вас в живых? — неожиданно завершил сеанс откровений добродетель и ухмыльнулся на редкость пакостно.

— А кому тогда в следующий раз станете рассказывать? — У меня в животе похолодело.

Но что оставалось? Только делать хорошую мину при плохой игре.

— О, об этом не стоит беспокоиться. — Лош с удовольствием потянулся, он и правда, выговорившись, почувствовал себя лучше. — Какое-то время вы еще поживете, а потом я устрою вас на почетное место в своем тайнике. И буду разговаривать не только с почившими дядей и сестрой, но и с вами. Вы так хорошо умеете слушать!

Ну, довольна? Психоаналитичка доморощенная!

— Благодарю за такую честь. — Сарказма в голосе скрыть не удалось, но лучше он, чем откровенный ужас.

— Да, насчет жизней всех этих лепесточников, самозванцев и прочего преступного элемента, — сказал Лош с прежней ухмылкой. — Вы хотите так много, но пока еще не объяснили, почему должны это получить? Только лишь за откровенные разговоры? Не маловато ли?

— Разве я вам еще не говорила? — ответила я, тоже уже успокоившись. — Сейчас в этом городе я — самый незаменимый человек. Я могу спасти всех, в том числе и вас. Разве несколько жизней — слишком большая плата за такое предложение?

Ну, Алиночка, ты выдала! Меня саму не раз называли незаменимой. Правда, в случаях, когда я хотела уволиться, а повысить мне зарплату сразу начальники не могли. Жаль, что мой собеседник — не ИП Иванов, а властолюбивый маньяк.

— Может, и не слишком, не знаю, — как бы рассеянно сказал Лош. — Кстати! Вы вправе назвать меня грубияном — беседуем не первый час, а я не предложил даме вина. Или хотя бы воды.

Вина не хотелось совершенно, а вот от воды я бы не отказалась. Совсем бы не отказалась.

— Воды, пожалуйста.

Казалось, Лош готовился к такому варианту. Он отвернулся к шкафчику напротив и протянул мне стакан.

Протянул, но не дал. Когда я сама потянулась за ним, убрал резким движением и вылил в большое кашпо с воткнутыми туда цветами. Пустой стакан поставил на стол. В нем еще осталось несколько капель. Может, вылить в рот? Пить-то хочется.

— Наполните его, — сказал Лош, показывая на стакан.

Это как? Что он хочет?

— Наколдуйте стакан воды, — продолжил добродетельник с уже привычной усмешкой. — Дождь, пожалуй, не надо. А вот один стакан воды. Ну, я жду.

Я просто молчала.

— Ах, как грустно! Вы можете спасти весь Город, а себе наколдовать стакан воды неспособны. Знаете-ка что, я подумаю над вашим предложением. А вы — немного отдохнете. Когда захотите пить, ну и заодно подробно рассказать мне, как можете спасти Город, тогда наш разговор продолжится. Увести!

Вообще, конечно, можно было выдать Лошу главный секрет — предложить ему унести из комнаты все многочисленные цветы в вазах и продемонстрировать свою суперспособность. Но что-то удержало меня от такого шага, интуиция, что ли? Возможно, она права и этот козырь стоит приберечь на крайний случай? А если нет? Если объявить о своих крутых навыках больше не получится, потому что козел сделает из меня третий скелет в своем шкафу без лишних объяснений?

А хотя нет же! Он собирался еще как минимум разок пожаловаться мне на жизнь. Тогда и сыграем с козырей. А может быть, меня уже спасут к тому моменту? Где этот маршал, когда он так нужен?!

Ладно, все равно хорошо, что этот напряжный разговор закончился почти без потерь. Это если не считать километров моих нервов. Жаль, что водички хлебнуть не удалось. Какая-нибудь психологиня или психичка подсказала бы, как это правильно называется: не было предложения, не было и желания. Сейчас же перед глазами опрокинутый стакан, в душе надежда, что в камере оставили кувшин с водой.

Ага, такие оставят!

До нового узилища меня довели не сразу. Начальник конвойной группы о чем-то поговорил в кабинете, я услышала только «да». Интересно, какую гадость затеяли?

Первой гадостью оказалась сама камера. Что, этот гад решил, что мне стоит отрепетировать будущую «жизнь» в его шкафу? Чулан без окон, с паршивым табуретом в углу. Растянуться на полу не смог бы и лилипут. Светильник унесли сразу, но я успела разглядеть, что в этом

каменном мешочке нет сосуда ни для питья, ни для других потребностей.

Лучше про это не думать — еще спровоцирую потребность. А так, вообще-то, безрадостно и скучно.

Скучать не пришлось. Почти сразу дверь в капсулу открылась. На пороге стояли двое стражников и, судя по фигурке, стражница с таким же закрытым лицом.

— Вас велено обыскать, — произнесла она бесцветным голосом.

Раньше не сообразили, что ли? Или сообразил сам мсье Лош?

Я хотела облегченно проворчать: «Как приятно, что хоть у кого-то не отрезан язык». Но не стала. У меня формируется репутация человека, который видит скелеты в шкафу и может спасти Город. Такую репутацию на трепотню лучше не разменивать.

Обыск проходил настолько деликатно, насколько это возможно. Я даже не ожидала, что у меня при себе окажется столько самых разных предметов, от местной разменной монеты до жвачки из прежнего мира. С имуществом можно было попрощаться — каждый трофей складывался в широкую корзину.

Возникла лишь одна мелкая проблема: брелок от фитнес-центра, висевший на шее на резинке. Снять его мешал ошейник.

Руководитель обыска нерешительно вынул нож, осторожно поддел резинку. Я поняла, что пора подать голос.

— Вам разрешено портить мои амулеты?

Хотя визитеры были в масках, могу поклясться — они переглянулись. Невидимое совещание продолжалось несколько секунд. Казалось, решался вопрос — следует ли из-за этого беспокоить начальника или принять решение самим.

Видимо, блюстителю Добродетели так выстроил отношения с сотрудниками, что они старались не тревожить его лишними вопросами. Я услышала неприятный скрежет возле левого уха и не сразу поняла, что острое ножа открывает замочек ошейника. Потом он был расстегнут, снят, а вслед за ним и брелок.

Ну все, теперь придется заказывать новый. Да еще, чтобы не платить штраф, придумать причину потери. «Изъят в качестве колдовского амулета стражниками блюстителя Добродетели города Лутт».

Я еле сдержалась от смеха. Кстати, правильно поступила, иначе решили бы, что я смеюсь от счастья. Ошейник обиделся на такой способ открывания и не хотел смыкаться на шее снова. На него давили так, что мне на секунду стало страшно за шейные позвонки, но потом плюнули на это дело и удалились со своими трофеями, не забыв запереть дверь.

— Если вы намерены ответить на вопросы, стучите, — так же нейтрально сказал страж.

Судя по шагам, он занял наблюдательный пост почти рядом.

Ага, нечего мне больше делать, как стучать. Впрочем, в этой камере заниматься и правда нечем.

Может, не ждать у моря погоды? У меня репутация ведьмы, почему бы ей не воспользоваться?

С детсадовского детства я поняла, что самые странно-спонтанные решения оказываются самыми верными. Рискнем?

Я не успела вынести свою задумку на внутреннее обсуждение, как обозвала себя дурой. Потому что сделала все, что надумала.

Ударила в дверь, два раза тревожно, два раза — слабее. Сползла по стене, приняв неудобную позу какого-то лакононогого. И когда раздался скрежет ключа, прошептала затихающим голосом:

— Мне не нужны цветы. Мне нужно увидеть небо. Иначе ваш хозяин никогда не дождетя ответов на свои вопросы, а этот город погибнет в страшных муках... вы все умрете!

Последние слова я практически прохрипела, в меру своих способностей изобразив предсмертные конвульсии. И сразу после этого вспомнила все занятия йогой по глубокой задержке дыхания.

— Богиня блуда и красоты, храни мои цветы, — взвизгнул кто-то из надсмотрщиков. — Ведьма! Ведьма сдохла и произнесла предсмертное проклятие! А-а-а-а!

Да, не повезло мужику в том, что мне пришлось разыграть представление в его смену. Я не то чтобы шикарная актриса, но когда речь идет о собственной жизни — Станиславский отдыхает. А отдохнув, может пригласить меня на первую роль.

— Чего орешь?! — выверился второй стражник. Э-э-эх, а я-то надеялась, что сторож сидит под дверью в гордом одиночестве. Облом. Но надежда еще есть, сдаваться рано. — Чего орешь, я тебя спрашиваю?! Беги за господином!

— Она п-п-произнесла п-п-предсмертное проклятье! — продолжал заикаться первый стражник. — Мы все умре-е-ем! Нельзя господина звать! Он тоже умрет!

— Придурок, вот уж кого не жалко, — проворчал второй голос. Кажется, этот мужчина был поумнее — к моему глубокому сожалению. — Чего она там скрипела?

— Цветов ей не надо, пришлая она... пришлая ведьма, — лепетал первый и перепуганный. — Не надо цветов ей. А тута, сталть, и не было... Я думал, господин нарочно сюда приволочь девку велел... чтобы побыстрее в дверь заколотила и в кабинет побежала, разговоры разговаривать. Забыл, что пришлая... ик!

— Ну, так от чего сдохла, ежели цветы не нужны? — справедливо и логично удивился второй.

И пнул меня в лодыжку окованным носком сапога. Уй...

Понадобились все мои силы и актерские способности, чтобы нога расслабленно мотнулась как неживая. Это я уже молчу про желание взвыть и обложить слишком сообразительного стражника словами, которые он заслужил.

— Небо... небо ей надо! — вспомнил наконец первый перепуганный.

— Мало ли кому чего надо, — засомневался второй умный. — Не велено никуда отсюда выводить, кроме как в кабинет его добродетельности.

— Слушай, Жюст! — забормотал вдруг первый. — Ведь на нас первых проклятье-то падет... Давай ее до конца коридора дотащим, а? Там оконце, из него небо видно. Все одно с решеткой, не мышка же она, чтоб через прутья выскользнуть. И не птичка. А отдышитесь, так мы ее обратно, а? Из подвала ведь и не выйдем!

— Да на хрена оно? — снова засомневался логичный умник Жюст.

— Дык не подействует предсмертное, ежели ведьма не помрет! А там наша смена кончится, только нас тут и видели! Пусть другие на себя навлекают!

Лирэн

От удивления Ухо вздрогнул так, что чуть было сам не вонзил клинок в свое горло.

— Временным маршалом Братства, — уточнил я столь же весело и безмятежно. — Я забыл назвать имя наместника на Совете капитанов, но исправить ошибку не поздно. Пока не избрали тебя или кого-то другого, ты имеешь право представляться маршалом. И в этом статусе общаться с блюстителем Добродетели. И ты сделаешь это прямо сейчас.

— Я... я не знаю, где он сейчас находится, — пробормотал Ухо.

Мой вздох был искренне печальным, а клинок чуть-чуть надавил на шею.

— Скажи, зачем ты мне нужен, если не можешь помочь? Ну, ты знаешь место, куда мы отправимся?

— Надеюсь, он сейчас находится там, — тихо сказал Ухо.

— Надейся, — согласился я. — И не бойся никого, кроме меня. Сделаешь все, что я сказал, может, будешь жить. Нет — ты меня знаешь. Ну? Ну?!

— Мы пойдем туда прямо сейчас, — пробормотал Ухо.

— И славно. Только поедем, — уточнил я, представив, как конвоирую по улице этого мерзавца.

Поехать оказалось непросто. В трехсекундной баталии мы лишились возницы — тот убежал с места событий. Спасибо, лошадь не решила последовать за ним.

— Берись за вожжи, — сказал я Терсану.

Мальчишку было жаль. Он смотрел удивленными, немного испуганными глазами то на меня, то на Ухо, то на еще более напуганных и обезоруженных головорезов. Но бросать меня не собирался.

— Полежай в повозку, — велел я Уху. — А вы, ребята, можете отдохнуть. Тысячу золотых вам не заработать, зато остались живы. Можете погрызть морковку.

Я никогда не ожидал, что умею столько делать одной рукой, причем не глядя — взор был направлен на Ухо. Сбросил с повозки

остатки овощей, лошадке полегче. Подтянул поближе трофей — маску, взятую у одного из охранников. И велел Терсану трогаться, а Уху — указывать путь.

— Что я должен сказать? — спросил капитан-крыса плаксивым тоном.

Я задумался так, что чуть не убрал нож от его горла. Нужна приманка, от которой эта рыбка сама плеснет ко мне. А, вот!

— Скажи ему, что брат Этьен сбежал с пустоши, бродит по городу и обещает своим сторонникам высокие посты, если его поддержат. И тебе известны имена некоторых сторонников.

— Мне войти и сказать это? — спросил Ухо, почти не скрывая радости. — Мы уже почти приехали.

Не успел я задуматься, как услышал спокойный голос Терсана:

— Я сам войду, сообщу и постараюсь, чтобы он вышел.

Почти половина моих юношеских приключений состоялась между закатом и рассветом, поэтому я не то чтобы видел как кошка, но не соглашался, что все они серы, и даже в безлунном мраке отличал чернушку от пеструшки. Это помогло разглядеть тайную резиденцию Лоша. Проулок с глухими стенами в центре. То ли склад, то ли пивоварня — здание, к которому часто подъезжают повозки, чтобы незаметно привозить и увозить. Сразу и не догадаешься, что здесь жилой дом.

Мы еще не подъехали к воротам, как усталую лошадку взял под уздцы человек в маске.

— Парень, ты заблудился, — сказал он вознице Терсану.

— Нет, — спокойно ответил тот. — Со мной новый маршал Ночного Братства. Он везет новость, которая не может ждать рассвета. Сообщи начальнику караула и прибавь, что новость связана с беглым изменником-аристократом.

Я чуть не толкнул Терсана ногой от восторга — молодец!

— Иди за мной, — сказал стражник.

Он и Терсан скрылись в воротах.

— Ухо, — произнес я веселым свистящим шепотом, — мой милый Ухо, ты имеешь шанс остаться в живых. Но только если я смогу поговорить с Лошем. Молись, чтобы эта встреча произошла. Помни — ты маршал, я новый капитан, который привез ценные сведения. И не

думай предать меня еще раз! Мне не нужно держать кинжал у горла, чтобы убить тебя. Если веришь — кивни.

Ухо кивнул. Наступила тишина, прерываемая лишь фырканием коняги, которая даже в этом каменном лесу нашла какую-то вытянувшуюся травинку и съела ее.

Ворота открылись шире, выглянул Терсан.

— Брат маршал, позвольте вам помочь, — сказал он, протягивая руку Уху, — нас ждут. Тебя, капитан, тоже. Мне остаться? — шепнул парень.

— Ты со мной? — настойчиво спросил я.

Терсан кивнул.

Ухо без особого удовольствия соскочил с повозки. Войти в резиденцию Лоша с ножом в руках было не лучшей идеей, но рука была близка к рукояти.

Я правильно сделал, что не стал сверкать оружием, — едва мы вошли в ворота, за спиной появилась молчаливая пара в масках со свинцовниками в руках.

В первой же комнате, напоминавшей не пивной склад, а чиновное присутствие, нас ждал блюститель Добродетели. Его лицо было одутловатым, глаза — красными, а взгляд выражал интерес и гнев одновременно.

— Ты уже новый маршал? — с удивлением спросил он, глядя на Ухо.

— Совсем недавно... Он велел... Мне сказали, — забормотал Ухо. Я поспешил перехватить игру:

— Маршал устал и напуган новостями. Два часа назад до меня добрался клевет Этьена и велел передать маршалу, что Этьен назначит его блюстителем Справедливости, когда придет к власти. За это все Братство должно помочь ему следующей ночью...

— Сними маску, — перебил меня Лош равнодушно-презрительным голосом. — В этом доме только я имею право на тайну.

Игра в слова закончилась. Начинался боевой танец.

Я снял маску и левой рукой кинул ее на лицо стражнику, стоявшему сзади, закрыв тому глаза. В ту же секунду окончательно испуганный Ухо был развернут и направлен на второго стражника. Рука у того дрогнула, грянул выстрел...

Я даже не разобрался, насколько серьезную рану получил «маршал», было достаточно, что пуля попала не в меня. Лош почти сразу развернулся и бегом кинулся прочь. Я прыгнул следом, обхватил его за плечи и мы упали на пол уже в другой комнате. Приходилось бороться только одной рукой.

Когда стража ворвалась следом, она увидела своего повелителя, сидящего на полу у моих ног. С моим клинком у горла и вытаращенными по поводу такого поворота глазами.

— Стоять! — рявкнул я во весь голос, слегка нажимая на рукоять кинжала. — Прикажите им стоять и не шевелиться, драгоценный мсье Добродетель, если хотите остаться с целым горлом.

— Стойте! Не подходите, — тут же взвизгнул Лош.

Стража замерла на месте.

А потом случилось непредвиденное: незнакомый голос где-то за их спинами истошно заорал:

— Ведьма! Ведьма сбежала!

Алина

— Никуда я не сбегала, что за привычка орать, не разобравшись в ситуации. — Мой голос прямо-таки сочился ядом, что было вовсе не удивительно.

Уж больно приятно было войти в помещение и полюбоваться зеленым господином поганцем, которого Лирэн — моя ты прелесть! — ловко удерживал за шиворот, тыкая ножом в кадык.

Вообще-то, мне просто повезло. Тот стражник, что был поумнее и ни в какую не позволял вытащить меня из глухого каменного мешка, вдруг сначала прислушался, потом сорвался с места и куда-то ускакал. А со мной остался только суеверный дурак.

Ну, я использовала шанс на полную: как только мужик опасливо наклонился надо мной, судорожно захрипела, закатила глаза так, чтобы узкая полоска белка под ресницами казалась как можно более пугающей, — в детстве научилась у пацанов из соседнего двора, это называлось «сделать зомби-буркала», — и вцепилась в кафтан невезучего стражника скрюченными пальцами.

— Не-ебо! — хрипеть гласными звуками трудно, но можно. — Не-еба мне-е-е... иначе сдохну до рассве-е-ета! И ты со мно-о-ой!

Этого оказалось достаточно. Охранник вырвался и умчался, бормоча что-то невнятное. Я встала, прочистила горло и направилась туда, где, по моим предположениям, должен был быть выход. О, лесенка! Я тебя помню!

Тем временем кто-то обнаружил пустую камеру и стал орать. А я слышала звуки борьбы, бодро прокралась по коридору, высунула нос из-за угла и увидела прямо-таки сладостную картину.

— Что, что вам нужно? — бубнил Лош.

— Нам точно не нужно, чтобы ты целовал нам ботинки, как те несчастные, на которых ты отыгрываешься за несчастливое детство, — заметила я, нарушая все этические нормы хорошего психоаналитика.

А вот и не буду угрызаться, он первый начал. Нечего было меня в подвал сажать и скелетным шкафом пугать.

— И такое было? — спросил зеленоглазый герой, не оставивший шутливого тона. — Надеюсь, это он не с детьми в приюте так

развлекался? А то были тут слухи...

— Заткнитесь! — зашипел Лош, даже, кажется, на мгновение про кинжал забыл.

Но Лирэн ему живо напомнил, кто тут временный, но все же царь горы.

— Все вон от двери и от ворот, — коротко приказал он, силком поднимая свою жертву на ноги. — Алина, иди к выходу на улицу.

— Да с удовольствием, — пробормотала я под нос, быстренько огибая застывших стражников и еще какого-то мужика с подозрительно противной рожей, зажимающего бок.

Тьфу ты, это же Ухо! Покоцанный слегка, но живой. А он тут что делает?! И почему ему в спину тычет острым какой-то совсем молоденький парнишка? Не, пусть тычет, я не против, а то есть у меня подозрения, что этот гад, как только получит возможность, нагадит от всей души, несмотря на любую рану. Больно уж глаза у него злые.

Так, а почему все застыли на месте? Не торопятся выполнять достаточно ясную команду Лирэна?

Ну, вообще-то, он им не начальник. Привыкли к приказам добродетельного маньяка. Да так, что не хватает собственного умственного ресурса рассудить — если ему перережут горло, он уже больше ничего не прикажет и долги по зарплате не покроет.

Я притормозила на пути к свободе и подошла к Лирэну.

— Попроси начальника продублировать приказ, — шепнула ему на ухо, тихонечко.

А то знаю я мужчин. Даже лучшие не всегда готовы признать, что им указывает женщина.

Зеленоглазый герой удивленно взглянул на меня. Но, к его чести, и не подумал ерепениться и топорщить гордость.

— Я... Я приказываю отойти от двери. И... и нам не мешать, — повторил Лош шепот Лирэна.

Правда, таким тоненьким голосочком, что никто опять не тронулся с места.

Придется поработать ретранслятором.

— Ребята, — сказала я как можно громче и убедительней, — вы что, глухие?! Отойдите от двери! И без шуток, иначе ваш хозяин потеряет не только голос, но и жизнь.

На этот раз приказ был исполнен. Лош уже стоял на ногах. Вот от кого сейчас точно не пахло опасностью, так это от него. Ощущался лишь искренний страх человека, привыкшего угрожать, повелевать и внезапно осознавшего, что все его могущество ни-че-го-шень-ки не стоит.

— Пож-жал-луйста, без шут-ток, — даже не проямлил, а проблеял он, обращаясь к подчиненным. — Мен-ня убьют! И тогда вам всем несдобровать!

Ага, все же попытался надавить, аж голосок силу набрал.

Так вот раком-боком с маньяком на буксире мы и вышли за дверь.

Парнишка с ножом, контролировавший моего похитителя, спросил:

— Этого прирезать или оставить?

Я взглянула на Ухо, морщившегося от боли. Его взгляд стал уж совсем тоскливым. Я догадалась почему. Не знала, как Лирэн забрался в тайное логово добродетельника, но если Ухо как-то ему помог, то оставить его здесь — подарить мышь взбесившейся кошке.

Ответить Лирэн не успел, потому что был занят важным делом — отбирал пистолеты у соседних стражников и просто засовывал себе за пояс. Но все же сделал мальчишке знак — оставить.

Мы как раз дошли до довольно потрепанной и ненадежной на вид колымаги, стоявшей сразу за воротами. Это наш транспорт? Ну, дареной повозке в зубы не смотрят, лучше развалюха, чем никакой. Только как мы туда все погрузимся?

— Стоять! — Вопрос решился сам собой и весьма неудачно.

Поблизости обозначились силы местного правопорядка — патруль человек в пять. Я сразу догадалась, что это не подлянка от нашего заложника, он сам дернулся и замер.

Я в местной революционной иерархии особенно не разбиралась, но все равно сообразила, что если Лош сумел объявить в розыск Этьена, то он козырной туз местной колоды. Короче, главный, который всеми командует.

— Эй, хранитель скелетов, — тихонечко велела я, — прикажи, пусть они постоят сами.

— Стойте, иначе он меня убьет! — взвизгнул Лош.

Патруль остановился, но скорее от удивления, чем повинуюсь приказу. Визг был слишком уж не командный.

— Это кого здесь убьют? — удивленно спросил командир, делая шаг вперед.

Лош молчал. Лирэн вопросительно взглянул на меня, я ответила намекающей гримасой: сам объясняй!

— Не подходите, иначе погибнет блюститель Добродетели и главный Хранитель города Лутт, — отчетливо крикнул кто-то, выбежавший из ворот, видимо секретарь.

— Этот — блюститель Добродетели? — спросил командир стражи с искренним и удивленным недоумением. — Вот этот визгун?

И тут Лирэн сделал то, чего я не ожидала, — расхохотался. И я его поняла — без пышной свиты, без камзола и парадной шляпы, помятый и перепуганный, мсье Лош не выглядел даже маньяком, не то что облаченным властью человеком. Так, какой-то потертый плешивенький лавочник, готовый просить о защите даже уличного пса.

— Взять их всех, в участке разберемся, — решил командир патруля и я поняла, что дело плохо.

— Не смейте! — взвизгнул мсье маньяк, явно услышав угрозу из далекого безрадостного прошлого.

После чего впал в натуральную истерику и, вместо того чтобы отступать в унисон с Лирэном, начал орать и биться, так что моему спасителю пришлось отставить нож — убивать психопата он все же не планировал.

Впрочем, какой бы ни была причина этого представления, а конец все едино вышел невеселый: Лирэну пришлось бросить слизняка, чтобы как можно быстрее отступить в ближайший переулок. Там стражи не было, да и вообще открывался простор для побега. Мальчик-трамвайчик — я краем уха услышала имя, что-то на «тр-р-р», и с ходу поименовала его электрическим рельсоходом — оказался возницей-виртуозом: он одним рывком за уздцы направил экипаж в проулок.

Брошенный Лош шлепнулся в пыль и, не пытаясь встать на ноги, поспешил на четвереньках к патрулю и своим людям, выбегавшим из ворот. Ухо, на миг оставленный без внимания, решил воспользоваться шансом.

Он побежал, точнее, заковылял в ту же сторону, что и Лош.

— Эй, не бросайте меня! Брат блюститель, я же вам их выдал!

Ни я, ни Лирэн не успели откликнуться на это саморазоблачение, как Лош, почти добравшийся до своей охраны и блюстителей порядка, сменил тему блажи.

— Стой! Убейте его, это он привел ко мне разбойников! Стреляйте в него! Убейте его!

На одном из тренингов я слышала, что нужно иметь резервное слово и с его помощью восстанавливаться в кризисных ситуациях. Если ты в детстве собирала с куста малину, говори «малинка». Если каталась верхом, повторяй «лошадка».

Для блюстителя Добродетели таким волшебным восстановителем стал глагол «убить!». Лош встал на ноги, голос стал ровный, крепкий, зычный.

— Убейте его! Ведьму и этого — взять!

Личная охрана застыла на месте — я вспомнила, как Лирэн ее разоружал. Но у трех стражников были огнестрелы. Я услышала выстрелы и свист двух пролетевших пуль. Третья нашла цель — пробила Ухо насквозь, он покачнулся и упал.

Лирэн выхватил два пистолета. Из одного, почти не целясь, подстрелил стража, отбросил, сжал второй двумя руками, целясь в голову Лоша. Если бы это была лазерная указка, на лбу негодяя появился бы светлячок.

— Не двигаться и не стрелять! — громко сказал Лирэн.

Все замерли. Лош опять потерял уверенность и вернулся к бубнежу.

— Терсан, — надо бы запомнить имя, хотя «трамвайчик» пацану тоже подходит, — уходим. Бери этого!

— Маршал? — явно растерялся мальчишка.

— Я своих братьев не бросаю. Даже таких!

Ну, конечно, драпать от обозленных стражников во главе с не менее разъяренным маньяком — тут даже повозка не панацея, особенно такая утлая. Без нее как раз быстрее бы смылись. Но у нас на руках оказался раненый мерзавец, которого Лирэн отказался бросить.

Я его понимаю, честно! Есть вещи, через которые нельзя перешагивать даже в отношении гадов последних. Одно дело — прирезать такого поганца в схватке, и совсем другое — бросить на съедение сволочи, которая уже всю орет там, за поворотом, что живьем шкуру спустит со всех и с недобитка тоже. Я в скелетном

хранилище выделанных человеческих кож, конечно, не заметила, но кто его знает, маньяка. Вполне можно ожидать таких припасов в соседнем секретном отделении.

Только вот недобиток серьезно мешал нашему успешному бегству. Ибо колымага громыхала по мостовой, как целый полковой оркестр, и хотя несчастную лошадку, запряженную в это недоразумение, пустили вскачь, все равно преследователи висели на хвосте как особо зловредный клещ гигантских размеров.

Благо хоть, Лирэн с Трамвайчиком знали город и его переулки как свои пять пальцев, поэтому мы все время держались от погони на таком расстоянии, что подстрелить никого из нас не получалось. Другое дело, что как мы не вывалились из таратайки, а лошадь не рухнула копытами вверх — это просто чудо.

И в один прекрасный момент Лирэн этому чуду решительно подсобил — мы быстро миновали два особенно извилистых проулка, погоня чуточку приотсталала и маршал притормозил «карету».

— Слезайте! Этого берите! И вон в тот проход!

А сам так хлестнул несчастную лошадедку по крупу, что опустевшая телега понеслась по неровным булыжникам с еще большим грохотом, чем раньше, хоть временно, но отвлекая погоню.

Наша скорость была ненамного выше бега трусцой, поэтому я соскочила без опаски. Терсан-трамвайчик окончательно превратился из конвоира в санитаря и спихнул с повозки Ухо. Сделал он это не шибко деликатно, но все же подхватил, не позволив упасть.

Не люблю гадов, которые мне напакостили, а этот — умудрился дважды. Но сейчас ненавидеть его я уже не могла. Бедолага только стонал, а еще истекал кровью. Я побоялась даже, что оставленный след станет указателем для погони. Но ночь еще не закончилась, я и проход, о котором кричал Лирэн, разглядела с трудом.

— Не стойте!

Терсан, тащивший бедолагу, охнул в ответ, я слегка матюгнулась, подхватила Ухо за дряблую руку и стала вторым тягачом.

Проход почти сразу оказался спуском. Мы потащились по ступенькам вниз, правда замерев, чтобы пропустить топот по соседству.

Как хочется, чтобы лошадка остановилась не сразу!

— Мар, — раздался голос и я даже удивилась, кто же говорит, уж очень был спокойный голос, — мар, мы где сейчас?

— В пустых винных погребах, — ответил Лирэн. — Если ты сможешь ногами шевелить, окажешь услугу.

— Я скоро и дышать не смогу, — продолжил Ухо. — Мар, спасибо тебе. Не кинул меня этим псам. Я... Я должен тебе помочь.

— Да чем ты сейчас сможешь? — фыркнул Лирэн, внимательно вглядываясь в развилку.

Мои гляделки привыкли к почти кромешной темноте и я различила, что направо вел совсем узкий коридор, а налево — чуть пошире. Но воняло из обоих одинаково противно.

— Не сдохни по дороге, и то с сухой клумбы бутон. Сейчас соображу... Так. Нам налево, там дальше в двух кварталах должен быть... — договорить он не успел, потому что Ухо застонал громче и я почувствовала, как он буквально холодеет в наших руках.

— Нету там прохода в катакомбы. — Губы у почти мертвеца шевелились медленно, но слова он выговаривал удивительно четко и внятно. — Завалился на днях. Ты привел нас в тупик... но вот эта штука вам поможет.

Почти покойник, которого мы все же опустили на пол возле стены, — всем стало ясно, что дальше тащить — только мучить человека, — непослушными пальцами рванул себя за ворот и вытащил цепочку, на которой болталась странная штуковина. В потемках я сначала не рассмотрела, что это такое вообще. Но потом Лирэн тоже полез в карман, вынул жестяную трубочку, похожую на детскую хлопушку, и свинтил с нее колпачок. Подвал залило странным зеленовато-желтым свечением, не сильным, но достаточным, чтобы рассмотреть: Ухо снял с шеи цепочку с большим и вычурным ключом.

— Секретный ключ, — бледно улыбнулся он. — Тот самый, да... возьми.

— Спасибо. Ты признаешь меня маршалом Ночного Братства? — спокойно спросил Лирэн.

— Да, — еще тише сказал Ухо.

— Пусть тебя простят все, кого ты обидел, пусть за тебя заступятся все, кому ты помог, — произнес Лирэн непривычным распевным голосом. — Пусть долгая ночь будет к тебе мягкой и щедрой. Прости нас и уходи легким путем.

Я слышала и дрожала. Задрожала еще сильнее, когда Лирэн вынул клинок. Примерил его к шее Уха, но потом покачал головой. Приложил руку к его рту и кивнул, убедившись. Затем достал мелкие монетки, положил две на глаза, а третью на губы. И совершил еще один обряд — мгновенно обшарил карманы бывшего капитана. Что-то отбросил в темноту, что-то оставил.

— Жил крысой, умер человеком, — подытожил он. — Пойдемте, время у нас есть, но не так много. Только... Терсан, помоги.

Терсан — наконец-то запомнила имя — помог оттащить тело от прохода, чтобы его если и обнаружили, то не сразу.

— Пойти-то пойдемте, — сказала я, едва мы миновали еще два поворота, — но если найдется вода, я буду очень признательна.

Мне хотелось пить просто нестерпимо. Однако я бы потерпела, если бы не услышала какое-то слишком привлекательное журчание чуть в стороне от нашего пути.

— Я не уверен, что эту воду можно пить, — покачал головой Лирэн, а потом полез в карман и вынул оттуда небольшую флягу.

Не маршал, а шкаф-кладовка ходячая. И фонарик у него есть, и вода... кха!

— Предупреждать надо! — Я едва отдышалась, потому что во фляге воды было меньше, чем спирта.

Но лучше, чем ничего.

Лирэн молча забрал флягу, быстро глотнул, не глядя, сунул ее в сторону Терсана и дернул меня за руку, подтаскивая к себе. А потом взял и... поцеловал.

Так поцеловал, что я забыла жажду, голод, погоню, чужую смерть и вообще все на свете.

Так поцеловал, что уже через секунду я отвечала всем своим существом.

Так поцеловал, что еще немного — и я согласилась бы раздеться и продолжить прямо здесь.

Так поцеловал, что...

Что я окончательно решила — ЭТО МОЕ.

Никому не отдам.

А задумает сбежать — ему же хуже!

Этьен

— Мы не прекратили наши подземные похождения и однажды попали в место, за проникновение в которое, согласно букве закона, рубят головы даже пажам.

— В альков королевы? — спросила Магали.

— Не угадала, — усмехнулся я.

— А я, кажется, понял, — сказал Нико.

— Началось с того, — продолжил я, — что на плане обнаружилось большое темное пятно. Подземные коридоры огибали его, как потоки воды огибают скалу. Меня это удивило — план, который я изучал, считался секретным, но, например, тайный ход из центрального корпуса королевского дворца был обозначен. Считалось, что он уже не понадобится. И я стал искать. На время даже раздобыл колдовской ключ.

— Может, заодно и ковер-самолет? — фыркнула Магали.

— Я тоже посмеивался, пока не проник в секретную часть королевской сокровищницы. Как? Отдельная история, не сейчас. Ключ проявил свойства компаса — он указал, за какой из стен подземного коридора может быть пустота. Кстати, нашлась и дверь, правда засыпанная. Я облачился в наряд землекопа и взялся за лопату. Гурбэн сперва смеялся надо мной, потом злился, потом стал помогать. Будь я тогда чуть умнее, не взялся бы за это — нас могло засыпать в любой момент. Но мы прорыли ход в коридор, не обозначенный на карте.

— А также будь менее занудлив, — заметила Магали. — Продолжай, мне интересно.

Я хотел было заметить, что по-настоящему интересно Нико — даже в полутьме было видно, как у него горят глаза. Но продолжил:

— Коридор привел нас в подземный храм. Мы не сразу поняли, для чего он, поначалу решили подняться по ступеням, к счастью, услышали наверху голоса часовых на пересменке. И поняли по паролю и отзыву, что это...

— Коронационная башня, — сказал Нико.

— Да, ты прав, — подтвердил я. — Мы испугались, что нас обнаружат, и двинулись прежним путем. До этого я думал, что

коронация происходит в самой башне, но оказалось, что священный зал в глубине. Там никого не было, мы осмелели, стали бродить. Искать коронационный меч. Но вместо него нашли...

— Маленькую золотую садовую лопатку, — опять встрял Нико. — Я должен был взять ее в руки в двенадцать лет и произнести клятву.

— Не раньше двенадцати? — спросила Магали.

— Можно и раньше, — ответил юный принц, — если смогу удержать ее в руке, когда повторяю священные слова.

— Она не тяжелая, — задумчиво вспомнил я. — Возможно, есть какой-то секрет.

— Там на рукояти два дракончика держат бутон тюльпана, видел? — уточнил Нико.

— Да, точно. — Я напряг память.

— Ну вот... когда во время коронации за рукоять берется претендент на престол, они жгут его огнем. Во всяком случае, так говорится в легенде. У отца на запястье был ритуальный ожог в форме трехлепесткового тюльпана — эту боль будущий правитель обязан вытерпеть, а тому, кто пытается захватить власть против закона, огонь сожжет руку до костей.

— Ну да, а при восшествии на трон короля драконы взлетят в небо и споют ему песню долголетия, — фыркнула Магали. — Сказки это все. Детские.

— Но ожог у отца точно был, — заупрямился Нико.

Я грустно усмехнулся. Не люблю такие аргументы. Но пришлось предъявить. Так что я вздохнул и раскрыл ладонь.

— Успел эту лопатку с драконами вовремя отбросить, — уточнил я, — но след остался навсегда. Без Гурбэна я один бы обратно не вышел, а взять шпагу в правую руку смог лишь через месяц.

— Безмозглый мальчишка, — мрачно и слегка нелогично выругалась мадемуазель Магали. — Это тебе было за привычку лазить по незнакомым подвалам и хвататься за разные странные штучки! Я б еще и ремнем добавила!

— Мадемуазель, — я поневоле засмеялся, — тогда было некому, а с тех пор прошло слишком много лет, боюсь, воспитывать меня поздно.

— Ремня мальчишкам выдать за все хорошее никогда не поздно. — Лекарка, продолжая ворчать, пальцами поглаживала ожог на моей

ладони, и эти ее движения вгоняли в транс нас обоих.

Если бы Нико, которому надоело сидеть молча, не кашлянул и не завозился, даже не знаю, сколько бы мы так провели.

— Как вы думаете, — спросил он, — я бы смог удержать эту лопатку?

— Это такой же вопрос, — усмехнулась Магали, — как «я смог бы прокатиться на облаке?». Подозреваю, что весь коронационный инвентарь оказался в таких умелых руках, что разделят и прикарманят даже расплавленное золото и не обожгутся. Говорили же, что королевская корона уничтожена, а я уверена, что ее распродали десяти ювелирам, пережившим мятеж.

— А вот и нет, — ответил я. — Так было бы, если бы церемонии проходили в самой башне, наверху. Тогда среди камней нашли бы и золото. Но я сам удивился, увидев, что коронационный зал не на самой высоте, а, наоборот, в скальном гроте. После того как Криллэ подорвал арсенал, рухнул весь старый королевский замок, который уже давно был почти заброшен. Башня завалила коронационный зал и прежде мало кому известный. Тому, кто захотел бы добраться до него с поверхности, пришлось бы потратить столько же пороха, чтобы раскидать упавшие камни.

— Но из подземелья добраться туда можно? — не унимался Нико.

— Думаю, да, — ответил я азартному мальчишке. — Но сначала нужно в подземелье спуститься, а все знакомые мне входы и выходы — за вражеским караулом. И это несмотря на то, что сам старый замок и та самая башня давно уже стали сердцем проклятых земель.

— То есть они тут?! — подскочил Нико. — Вот прямо там?! — Он слегка нервно махнул рукой в сторону горячего марева, плывущего над серыми холмами.

— Не егози, — сердито дернула его за подол рубашки Магали. — Хоть там, хоть за тремя морями, какая разница? Наше дыхание ушло, а без нее соваться так далеко в пустоши — это ж какими глупцами надо быть? И сама не пойду, и тебя не пущу! Отшлепаю, если попробуешь один полезть, не посмотрю, что принц.

— Магали! — возмутился Нико. — Я же не маленький! Не собираюсь бежать, лезть куда-то...

И малый замолчал. В этом молчании была и хитринка, и решимость. Он явно что-то задумал и не собирался делиться.

— Короче, никто никуда без меня не лезет! — подвела итог Магали.

— А с тобой? — с улыбкой спросил я.

— Со мной — можно. С тобой — в последнюю очередь. Пока не поправился.

Я не стал спорить. Взял сухую хворостину, забракованную для костра в ямке, и крутанул несколько раз как шпагу. Плечо слегка заныло. Но слегка.

— Все равно тебе надо выспаться, — покачала головой Магали. — Выпей.

— Почему все полезное такое невкусное? — чуть-чуть по-детски хмыкнул я, так, что Нико рассмеялся.

— Потому, что полезное, — заметила Магали и я понял, что засыпаю.

— Проснись, ну, проснись же, — твердила Магали.

Я открыл глаза. Пошевелил рукой. Да, будто и не было пули. Тогда отчего так встревожена лекарка?

— Нико исчез. И еще двое подростков, — сказала она. — И выкопали три тюльпана.

Лирэн

Что это нашло на меня?

Какой-нибудь поэт бы сказал «усталая радость».

Нет, наоборот. Усталости не было. Как будто я не бегал всю ночь по городу, не крался, не таскал своих врагов с ножом у горла, видя стволы, направленные в мою голову. Будто ничего этого не было. А был только страх — лишиться этой женщины навсегда. Страх, что единственный ключ от родного дома упал за борт лодки и скрылся в мутной глубине. Но я прыгнул и на остатках дыхания увидел золотой отблеск, схватил, вынырнул.

Она была потеряна. И теперь — со мной.

Ночь там, наверху, за слоями глины, фундаментами, камнями мостовой, еще не кончилась. А мы будто прожили вместе три-четыре года.

И я знаю, для чего должен жить дальше. До этого я только уворачивался от опасности и убегал. Даже маршалом Братства стал потому, что так лучше. Привык при пожаре бежать на крышу — к воздуху, а на какую сторону прыгнуть — это разберусь.

Теперь хочу жить ради нее. С ней!

— Маршал, — донесся озабоченный голос Терсана, — у вас бутонов не осталось? Я свои растряс в беготне.

Я обернулся к парню. Да, на лице тревога, но дыхание ровное.

— И я свои потерял. Терсан, ты чувствуешь, что сейчас дышишь без цветов?

— Маршал? — удивился и даже испугался мальчишка.

— Все в порядке, — успокоил я его. — Пока с нами эта женщина, — не удержался, стиснул талию Алины сильнее и зарылся носом ей в волосы, чем вызвал немного недовольное сопение, — цветы нам не нужны. Она — наше дыхание.

— Вы хотели сказать — ваше дыхание? — неожиданно пронцательно отметил мальчишка, тонко улыбаясь и к чему-то прислушиваясь.

— Мое все, — хмыкнул я. — А дыхание — оно не бывает чьей-то собственностью. Ладно. Раз брат Ухо расщедрился на тайный ключ —

стоит воспользоваться его посмертной добротой. Идемте. Мне тоже не нравится шум позади. Погоня это или нет, но его добродетельность не намерен оставлять нас в покое.

Невнятный топот был еще далеко — враги выбирали, каким ходом воспользоваться.

Наследство капитана Ухо было, не преувеличу, драгоценностью. Что такие ключи существуют, я знал, просто пользоваться не приходилось. Рядом с маршалом всегда адъютант, который ходит и открывает, а до того мне хватало дел на поверхности. Теперь у меня была штучка, позволяющая открывать, а самое главное, находить любые подземные двери. Даже самые тайные и незаметные. И что еще ценнее, их закрывать.

Куда же направиться? Еще не так давно мне было бы наплевать: выйду наверх где придется и как-нибудь разберусь. Но теперь со мной была любимая женщина. К эйфории прибавилась занудная тяжесть — я понял, что впервые в жизни ответственен не только за себя.

— Кстати, брат мар, — отвлек меня Терсан, — в Городе со вчерашнего утра позадушливей стало. Прежде я держал бутон в кармане, теперь надо вынимать и в нос совать трижды в час.

— «Лепесточников обидеть — счастья не видеть», — повторил я рассеянно старое пророчество. — Вот куда нам нужно! — Да, теперь я окончательно понял, что есть лишь одно место, где меня не предадут, где нас не предадут, — пустошь. — Значит, так. — Терсана я подтолкнул в спину, чтобы шустрее перебирал ходулями в нужную сторону. А свою женщину так и держал за талию, хотя идти по узкому подземелью парочкой влюбленных дураков было не очень удобно. Но ведь неизвестно, когда еще нам выпадет шанс просто побыть рядом и ощутить друг друга. Возможно, что и никогда. — Держи ключ. Высвечивай стены впереди, как только найдешь дверь — сигнал. Мы приотстанем на пару шагов, во-первых, на случай обвала безопаснее, а во-вторых, стоит послушать, где там наша добродетель по переходам бродит, вдруг они, сволочи, сами заблудятся и оставят нас в покое.

— Ага, а еще целоваться удобнее, — хмыкнул юный нахал, послушно сворачивая за угол.

— Мы идем на пустошь? — спросила Алина.

Вообще, сокровище, а не женщина — вопросы короткие, по существу и никаких тебе лишних визгов-писков.

— Да, моя дорогая, — ответил я, — надо же узнать, вернулась ли туда кошка с лекарствами.

«Моя дорогая» ответила, что сейчас самое время думать о кошках. Ее ласковое ворчание было прервано новым молниеносным поцелуем. Сначала против меня чуть было не был применен прием «кошачья лапа». Потом Алина сдалась и обняла меня.

— Что это было? — наконец спросила она, чуть отстраняясь.

— Мы слушали погоню, — беспечно ответил я.

Донеслось смущенное покашливание Терсана — мол, я далеко, подождать или вернуться? Мы с трудом оторвались друг от друга и пошли в нужную сторону.

Не то чтобы я знал катакомбы Города — кто их знает вообще? Но в это утро во мне открылись все чувства. Мой мозг превратился в компас и мне казалось, будто я вижу неровный круг с опаленными краями, куда мы направляемся.

Жаль только, дойти до цели мы не смогли. Кажется, добродетельный ублюдок слишком всерьез воспринял то, что произошло между нами недавно. Все же этот слизняк не мог простить мне, Алине, да и случайно затесавшемуся в компанию Терсану, что мы стали свидетелями его унижения и узнали некоторые грязненькие тайны могучего чиновника.

Так что облава на нас была организована серьезная. Вскоре шум стал слышаться не только в оставшихся далеко позади проходах, но и справа, слева, а потом и прямо по курсу. Катакомбы прочесывали мелкой сетью, загнав под землю чуть ли не всех стражников Лутта, а может, еще и личную охрану мерзавца.

К тому же донесся лай. Это уже совершенная пакость: псина унюхает в любом темном закутке. И если им не дать хоть кого-то найти, братец Лош перевернет все катакомбы, простучит стены и наверняка найдет потайную дверь.

Значит, надо отвлечь, увести погоню в сторону.

— Мар, куда идти? — спросил Терсан.

Его запыленное веснушчатое лицо побледнело.

Мне стало совестно. Ладно Алина — на нее охотятся. Теперь охотятся и на меня. Он-то здесь при чем? Обманул его, мол, помоги поговорить с Ухом. Облапошил мальчишку, как жадного простака на ярмарке, продав нож, который никогда не придется точить — конечно,

не придется, он сломается на другой день. А мальчишка, между прочим, десять раз мог сбежать подальше от моих взаимоотношений с Ухом и самым главным человеком в Городе.

Что ж, остается одно...

— Терсан, слушай меня как маршала. Алина, слушай как... Слушай, если любишь. — Я сказал с такой силой, что возражений не было. — Идем в эту галерею. Постоянно забирайте вправо. Терсан, у тебя фонарь, ты ищешь путь. Не дрожать! С Алиной не страшно. Спасем ее — спасем Город.

Все это я говорил, чтобы отвлечь внимание своей женщины и мальчишки. Ну, и еще потому, что это правда. Главное, чтобы поверили, запомнили и не поняли, что я намерен сделать.

Буквально через двести шагов ключ Уха, сжатый в моей руке, слегка задрожал и стал теплым. Если верить легендам, это означает — дверь в самые потайные ходы катакомб где-то близко.

Я незаметно притормозил и огляделся, раскрыв ладонь и давая ключу «почувствовать» стены.

Есть!

— Ко мне! Быстро!

И мальчишка, и Алина тут же подбежали и, пока они не опомнились, я активировал ключ, повернув его фигурное навершие. Втолкнул их обоих в открывшийся проход и...

— Лирэн! — Алина первая поняла, что происходит, рванулась назад, но не успела.

Каменная стена закрылась.

Я снял ключ с шеи и закинул его под один из выпавших из стены кирпичей. Если выживу — потом найду. Эти точно не найдут, искать не будут. Я уж постараюсь, чтобы им в ближайшие минуты было не до ключа...

Алина

Дура, идиотка! Прямо под стать, черт побери, кретину, которого выбрала!

Как я могла не догадаться, что задумал этот героический недоумок? У него же рожа была такая, что прямо крупными буквами на ней написано: намерен совершить подвиг. Вот прямо здесь и сейчас.

А я не додумалась, не успела, поздно догадалась. Не вовремя решила быть послушной любимой женщиной. Не хватило соображалки просто ухватить за руку.

И что теперь?! Проклятущая стена закрылась, отрезая приближающиеся звуки погони и этого... этого... который решил задержать наших врагов ценой собственной жизни! Ну, а мне-то теперь зачем моя жизнь? Для кого?!

Стена выглядела брутально. И из-за нее не доносилось никаких звуков. Если что-то и звучало, то в моей голове. О такую стену можно биться кулаками, макушкой, бревном. И результат будет одинаковый. Да и бревна у меня нет.

Значит, надо сесть или даже лечь возле стены. Вытянуть ноги, надеяться еще услышать его голос. Понять, что этот идиот, решивший отдать жизнь за меня, все же жив. Мальчишки ради меня делали всякое, особенно в детстве. Лезли в крапиву, прыгали со второго этажа, правда в сугроб. Но чтобы так...

Что за глупые ненужные мысли? Пусть замолкнут, не мешают слышать. И вообще, может, он победит. Если он способен отдать за меня жизнь, возможно, ему хватит сил ради меня ее сохранить. Уцелевшие враги убегут, эта зловещая стена расступится и он...

— Сестра...

Что, что это? У меня при жизни братиков не было. Может, появились на том свете?

— Сестра...

Ну да, это мальчик-трамвайчик, который помог Лирэну меня спасти. И которому тот меня поручил.

— Да... — Как его зовут, не трамваем же называть? — Да, Терсан, что такое?

— Вы правда можете быть дыханием для других?

— И не только это, — ответила я резко.

— Тогда... тогда мы должны уйти отсюда. Здесь мы никому не поможем. И маршалу не поможем, — неожиданно твердо проговорил пацан. — Раз он сказал, что это единственный путь, значит, так и есть. Лирэн никогда не лжет.

М-да, хорошо, когда в тебя так верят. Но мне-то что теперь делать? Тоже положиться на судьбу и то, что Лирэн знал, что делает?

Он-то, может, и знал... как меня спасти. А я ни фига не могу сообразить, как вернуть ему этот долг!

— Пойдемте, быстрее, — поторопил Трамвайчик и потянул меня за рукав. — Примерное направление я знаю, этот уровень катакомб мне не знаком, но если идти в нужную сторону — не заблудимся. Гиблое место под городом одно — мимо не пройдешь. А нам, как я понял, туда и надо.

Я вспомнила слова Лирэна — «постоянно забирайте вправо». Право, лево... Наверное, в ту сторону, куда указывает парень. И да, надо идти. Возле этой стены я не сделаю ничего. И не надо могильных ассоциаций — пока никто не умер, все живы.

Кстати, только сейчас я заметила, что стена вполне различима. Лирэн, мой Лирэн, перед тем как остаться по ту сторону, передал Терсану свою загадочную хлопушку и она светилась не очень ярко, потому как тот держал ее в кулаке. Значит, не горячая...

Значит, я еще могу соображать и отвлекаться на посторонние наблюдения. Запихнем горе подальше — и вперед!

— Разожми кулак и свети, — сказала я, — здесь погони не слышно. И вообще, упасть в чертову яму не лучше, чем получить пулю. Ступай вперед, я следом, не беспокойся.

Так и продолжился наш путь — осторожный, медленный, печальный. Когда наткнулись на развилку, Терсан взял вправо. Я побрела за ним, отметив, что под ногами что-то вроде истершихся ступеней, а по бокам стен — подобие перил. Потянуло ветерком.

— На улице белый день, — донесся голос Терсана.

Я не успела спросить, с чего он взял, как свернула за угол и увидела, что мы вошли в подвал, освещенный дневным светом.

Только это был немного странный свет. Знакомая странность — серая, приглушенная, мягкая. Несмотря на горечь, тоску,

опустошенность, мне показалось, будто я вернулась домой. В единственное место в этом страшном, опасном мире, которое я могу назвать домом.

Вот только радости не было и в помине.

— Я и правда не задыхаюсь. — Трамвайчик вернулся ко мне и смотрел с каким-то благоговением.

Как будто мы выскочили из батискафа на морское дно, я спокойно пошла без скафандра, потом щелкнула пальцами и мой спутник тоже пошел рядом.

— Это подвалы бывшего старого королевского замка, сердце проклятой земли, — продолжил Терсан. — После свержения короля здесь не может выжить никто, даже если обвешается свежими букетами с головы до ног и будет держать у лица корзину с бутонами. А я дышу!

— Вот и дыши, — машинально согласилась я, пытаюсь заставить себя думать о хорошем.

О том, например, что Лирэн подстрелил парочку особенно резвых преследователей и сбежал в другой потайной ход. У него ведь были пистолеты? Были. И ключ остался. Без меня он сюда не доберется — ладно, встретимся в другом месте.

Поэтому не будем впадать в отчаяние. Раз мы в пустошах — шагом марш наверх. Надо найти своих и все рассказать. Там Магали, там Луи с Франсуазой, этот... Этьен, которого должны были подлечить. Там много умных голов, вместе что-нибудь сообразим.

И мы начали путь наверх. Не такой простой, как в моем мире, когда выходишь из метро по ступенькам. Всюду лежали каменные глыбы — запылившиеся, покрытые мхом и блеклыми травами, питавшимися росой. Ни на одной из глыб не было написано: «Осторожно, качается, падает, когда захочет». Но они и правда качались. Я достаточно давно поняла, что лучшее лечение травм в этом мире — их не получать.

Поэтому, как и в подземелье, пропустила Терсана вперед. Он уже давно убрал ставший ненужным светильник и осторожно находил путь для нас. Обрушивал особо неустойчивые камни, каждый раз вежливо крича: «Поберегитесь!». А там, где рухнувший обломок пробивал древнюю лестницу, протягивал мне руку и помогал обойти провал.

Рука парня была крепкой, горячей, жилистой. Я потеряла любимого — спасибо судьбе, что рядом хотя бы есть мужчина-спутник, который обо мне заботится в память о своем маршале. Ну, или потому, что сам остался один на свете.

Алиночка, брось глупости! Не о Лирэне надо думать, а о том, как обойти этот завал и не сломать ногу.

Я гнала мысли, старалась заменить их наблюдениями. Из меня, конечно, хреновый археолог или историк архитектуры. Все равно мне казалось, что эти камни гораздо древнее уже привычных городских домов. Похоже, это самое старое здание города.

О домах думать можно. Лишь бы не о стенах.

Наше опасное путешествие завершилось в проломе, оплетенном вьюном. Впереди были кусты, уже ставшие привычными, как малинник на даче у бабушки...

— Засада! — крикнул Терсан.

И тотчас же что-то просвистело у моего уха.

Чертов проклятый мир уже довел мое тело до автоматизма. В этом были свои плюсы — я мгновенно оказалась параллельна земной поверхности и даже ничего себе не повредила в этом прыжке-падении. Были и минусы — на меня сразу нахлынули мысли и чувства, одно черней другого.

Что делать-то, блин? Обратно, в уже привычную черноту? Не хочу! Там остался мой Лирэн! Я его не спасла, так зачем же спасать себя?

Нет, спасать себя придется, куда деваться? Но как же не хочется в эту темь!

— Сестра, — удивленно сказал Терсан, лежавший рядом, — стража не пуляет камнями.

— Дуралей! — донесся до меня звонкий голос, от которого у меня чуть не остановилось сердце. — Ты в кого выстрелил?!

— Нико! — крикнула я, вставая.

— Ма-а-ама! — раздался тот же знакомый голос и я не успела встать, как оказалась в объятиях маленького стрелка.

Он обнимал меня одной рукой, а во второй держал рогатку.

— А по шее, снайпер ты ушастый? — У меня от облегчения чуть колени не подкосились, брякнулась бы обратно в пыль и неслуха раздавила.

Хотя пресс-массы на это не хватит. От такой жизни во мне одни кости остались, никакой фитнес так не поможет похудеть, как здешняя беготня и нервотрепка.

Тьфу, о чем я думаю?!

— Это сын маршала? — удивился где-то рядышком Трамвайчик.

— Не совсем. — Я покрепче обняла Нико и поцеловала его в макушку.

Потом высмотрела его спутников — еще две лохматые пацанские макушки среди развалин. Одного узнала — тот самый Жакко, у которого маленький принц выиграл нож. Второй — подросток таких же лет. Чутьем поняла, что в этой банде лидер Нико, но вслух говорить посчитала непедагогичным.

— А, понятно, — вздохнул Терсан.

Хотя я как раз не поняла, что ему понятно, заострять вопрос не стала.

— Вы как тут оказались? — строгости в моем голосе было меньше, чем дрожи. Но я старалась.

— А мы воюем, — гордо сказал Нико. — Эти гады решили утром до нас добраться. На головах были шлемы, как у подводных латников, они разворачивали за собой кишки, в них сзади воздух накачивали. К счастью, шли — улитку не догнать. Мы их подкараулили, стали стрелять камнями в стеклянные глазницы. Одну разбили, они назад помчались быстрее испугнутых крыс!

Я глазела на восторженного мальчишку и не знала, смеяться или возмущаться. Победило любопытство.

— А как же вы смогли отойти от клумбы с тюльпанами? — спросила я, машинально вытаскивая из головы Нико сухую листву.

— А вот как!

Маленький принц указал на друзей. У каждого к груди были приоткрыты сосуды с тюльпанами. Один цветок, правда, сломался, но свою жизнеподдерживающую функцию выполнял.

— Мы уже обратно хотели, — продолжал Нико, — решили не торопиться, кругом пройти. Жакко сказал, что от проклятых развалин точно не полезут, но мало ли. И вас увидели.

«Решили не торопиться...». Понятно.

— Так вы сказали взрослым, что уходите на войну? — спросила я безразличным тоном.

Ага, понятно. Уши у всех троих заранее стали красными, глаза виноватыми, а губы — подковкой. Не-не-не, меня таким не проймешь.

— Та-ак... ну, пойдете, а то беспокоятся же люди. Переживают. Вдруг отправят вас искать в город и попадутся стражникам? — ругать я не стала, а вот на совесть надавила.

И судя по тому, как побледнели все трое, правильно надавила. Потому как каждый представил себе страшную картинку и впечатлился.

— Мы не долго воевали, — шмыгнул носом Нико, а два его сообщника дружно закивали. — Может, никто даже и не заметил, что мы ушли!

— Ой, сомневаюсь. — Я взяла Нико за руку и стала выбираться из развалин, кивнув Терсану, чтобы присмотрел за двумя другими вояками.

Мне хотелось не просто идти — бежать. Правда, непонятно куда... спасти Лирэна. Но как? Где он? Ох...

— Мама, пошли домой, — сказал Нико, — с тобой я ничего не боюсь.

— Пошли, — ответила я, подавив вздох.

Вот уж от кого точно придется скрывать свою душу, так это от него. Мальчишка не должен знать, что я ушла с пустоши с проводником-бандитом, пусть и благородным, а вернулась — потеряв самого дорогого человека. И это тот самый безумный благородный бандит. И Нико это знание в свою голову, в свое сердце сейчас не вместить. Ему самому страшно, ведь на него охотятся.

— Мам, а где веселый атаман, который пошел тебя провожать? — спросил Нико, будто уловив мои мысли. — Он остался со своими, а тебе дал проводника?

Последние слова паренек почти прошептал. Воспитание: нельзя говорить о других людях, когда они здесь.

Я взглянула на Нико и сказала тихим, но твердым голосом:

— Нет. Меня поймали, но он меня спас. А когда мы уходили от погони, остался и задержал врагов.

— А потом придет? — Нико остановился, потом забежал вперед и заглянул мне в глаза.

— Я надеюсь, — отвечать пришлось честно, под этим взглядом не получалось врать. — А если нет — я сама пойду и вытащу его. Но без

тебя! — уточнила тут же. — Потому что спасти вас обоих меня не хватит, я просто женщина, а не супервоин!

— А как ты его одна спасешь? — спросил Нико с детской серьезностью, маскировавшей обиду. — Я, между прочим, со второго выстрела в шлем попал!

Смеяться над ребенком не хотелось. Правильного ответа тоже не предвиделось. И что тут поделаешь? Господи, спаси как-нибудь!

Как часто бывало и в почти забытом прежнем мире, и в этом, будь он неладен, спасение пришло.

— Вот вы где! — рявкнуло вдруг из кустов — мы как раз дошли до первых зарослей, окружавших развалины. — Ну все, кому-то ремня не миновать!

Терсан от удивления замер. Хотя Лирэн — где же ты сейчас?! — и называл его лейтенантом, он еще не достиг возраста, когда на такие угрозы не реагируют. Вот и застыл сусликом. Двое других пареньков мгновенно укрылись за его спиной, как за ширмой.

Из-за кустов вышла Магали. В ее руке был не ремень, а кулек из сухих листьев, из которого торчал выкопанный тюльпан. Рядом стоял Этьен, без повязок, костылей и прочих аксессуаров тяжелораненого. Или даже выздоравливающего.

Как бы я ни была напугана и расстроена, но ощутила короткую теплую эйфорию. Этот беглый министр жив. И даже здоров. И может, чего-нибудь посоветует. Или даже поможет... как минимум расскажет!

Раздалось радостное «мяу». Со стороны Этьена метнулась серая тень и прижалась к ногам мальчишки.

— Тетя Магали! Посмотрите, кого я нашел и привел! — искренне сказал Нико. — За это — ремня?

Он меня привел? Я застыла в недоумении. И расхохоталась.

Странно. Еще недавно думала, что разучилась смеяться. Вот только смех быстро перешел в рыдания, а рыдания в истерику.

Я села прямо на траву и зажмурилась. Нельзя так реветь при ребенке, нельзя! Но я ничего не могу с собой поделать.

Или могу? Ну-ка! Взяла себя в руки и замолчала. Тебе еще Лирэна спасти! А ты раскисла.

Лирэн

Когда я пришел в себя и оглянулся, вокруг лежали охапки почти свежих цветов. Это меня не обрадовало — врагам очень хотелось, чтобы я выжил. В этом наши планы совпадали, но, боюсь, насчет дальнейшего могли возникнуть серьезные расхождения.

— Он открыл глаза! — донесся восторженный шепот. — Мы получим премию и не будем наказаны!

— погоди радоваться, — послышался ворчливый ответ. — Мсье Лирэн, выпейте, пожалуйста!

Я окончательно продрал глаза. Надо мной склонился лейтенант стражи и врач — узнал по замызганному коричневому фартуку. Он протягивал мне кружку на подносе.

— Не бойтесь, выпейте, — повторил он.

Я мысленно проворчал, что отравление — это, пожалуй, последнее, чего мне стоит сейчас опасаться, и потянулся к сосуду. Это оказалось непросто — руки и ноги были скованы. Но все же я взял кружку, отхлебнул, а потом с удовольствием сделал второй глоток. Жажда проснулась вместе со мной, да еще и само питье было вкусным — умеренно кислым, сладковатым, с добавкой вина. Это позволило мне окончательно прийти в сознание, понять, где я нахожусь, и вспомнить, как я сюда попал.

Судя по высокому потолку и башенным сводам, а также форме тюремщиков, это были не личные апартаменты трусливого добродетельника, а старая тюрьма. Уже хорошо. Если бы эта крыса могла, она избавилась бы от всех, кто видел ее ночной позор.

Но свидетелей оказалось слишком много, потому что слишком много было тех, кто меня ловил. Пока мы втроем плутали по подземелью, мсье Лош послал курьеров в казармы городской стражи и заставил ловить нас весь наличный состав. Который так и не заметил минуты, когда мы расстались и охота на беглецов превратилась в охоту на беглеца.

Когда стена сомкнулась, а ключ был припрятан, я первым делом решил увести погоню от этого места. Поначалу мне везло и даже

мелькнула надежда, что я вырвусь — после того как нашел какой-то лаз и ринулся в него, собирая со сводов всю паутину и давя всех встречных мокриц.

Меня стимулировали доносившиеся крики: «Брать только живыми! За живых премия, за мертвых кара!». То, что преследователи по эту сторону стены продолжают охотиться на всех, радовало меня и дарило силу. Из последнего пистолета я пальнул в черный коридор за спиной. Судя по стону, пуля кого-то нашла и охотники сбавили прыть.

Может, я и оторвался бы, если бы не собака. Четвероногая гадина намертво взяла мой след и не позволяла затаиться в какой-нибудь нише, пережидая бегущую рядом погоню. Охота превратилась в лотерею, что раньше — найду ли я лестницу, которая выведет меня в какой-нибудь погреб, или упрусь в тупик.

Я проиграл, когда массивная дверь не поддавалась моим пинкам. Но игру не закончил и заорал:

— Бегите, выход налево, а я их задержу!

После чего сделал несколько шагов навстречу преследователям. Зачем им знать, что за моей спиной непрошибаемая дверь? Собака, к счастью для нее и для меня, была не охранной, а розыскной, ее держали на поводке и не стали спускать, когда я выскочил навстречу преследователям с двумя клинками в руках.

Рев за спинами: «Не убивать!» — был особенно громким. Несколько секунд, а может, и минут, а может, и часов я чувствовал себя безумным рыцарем Криллэ, когда враги пятились по широкому коридору, не решаясь застрелить или пронзить меня в ответ на мои удары. Пытались накинуть сеть, но ее я порезал вместе с ловцом. Криков «Сдавайся, хуже будет!» тем более не замечал и, кажется, даже смеялся.

Надежда возникла опять — вдруг враги допятятся до какого-нибудь бокового коридора и я рванусь туда. Но в пылу битвы такой коридор я как раз пропустил, а там затаился стражник с длинным огнестрелом и ударил меня прикладом по голове.

— Вот дура, — успел прошептать я, теряя сознание, когда собака, вместо того чтобы кусаться, стала лизать мне лицо.

Воспоминания были прерваны отрядом стражи. Цепь сняли с кольца на стене, и меня повели по коридору в живой коробке из

четверых охранников. Такое уважение и радовало, и пугало. Я ощущал себя ценностью и при этом понимал, для чего эта ценность предназначена — для возмездия.

Меня ввели в следственный зал. Допросом руководил прокурор Города — экое уважение! Видимо, меня все еще считают маршалом Ночного Братства.

— В твоих интересах ответить на все вопросы! — сказал прокурор с такой серьезностью, что я еле удержал смех.

А потом заговорил:

— Я скажу все, что вы хотите услышать, а может, и то, чего вы не хотите. Почему я решил освободить волшебницу из другого мира? Потому что она — дыхание богов. Она завтра или послезавтра возьмет власть в городе, наградит друзей и накажет врагов.

— Что за чушь ты несешь? — удивился прокурор. — Какое еще дыхание? Тебя вовсе не об этом хотят спросить. Брат блюститель Добродетели...

— ...держит в шкафу скелеты своих родственников и каждую ночь достает их оттуда, чтобы припомнить, как они обижали его в детстве, да, — насмешливо перебил я, вспоминая краткий и жутковатый рассказ моей Алины. — На вашем месте я бы два раза подумал, прежде чем и дальше подчиняться клоуну с такими привычками. Мало ли какой еще скелет...

— Нам не нужны твои скелеты, — нервно оборвал меня прокурор. — Дай правдивые показания о своих отношениях с врагом Города, волком в овечьей шкуре — бывшим блюстителем Созидания Этьеном, наконец-то проявившим свою аристократическую сущность. Имей в виду — учитывая особую опасность, относительно тебя уже вынесено решение о проведении следственных действий по древнему кодексу тирана, допускающему пытки. Поэтому лгать не в твоих интересах!

Почему угрозы официальных людей меня всегда смешат?

— Мне нет смысла лгать, — ответил я, едва не разводя руками — они были скованы. — В комплот с Этьеном я вступил три дня назад. Мы оба решили всеми силами помогать иномирной волшебнице, единственной надежде нашего Города, задыхающегося от преступной власти.

Вообще-то, наговаривать на других — крысячье дело. Но Этьен и так приговорен, хуже ему не будет. А мне хотелось развлечься.

— Но почему же Этьен, высокопоставленный блюститель, народный вельможа, решил выступить против власти? — спросил я с интонацией адвоката или даже прокурора, да так выразительно и громко, что меня не решились перебить. — А потому, что аристократы — развратники и негодяи, но не дураки. Этьен прекрасно понимал, что власть Совета Четырех подходит к концу, что или падет преступная власть, или город окончательно задохнется. И он пошел на обдуманый риск...

Я ожесточенно тараторил, с удовольствием отмечая, как кислеют рожи прокурора и его помощников, зато писцы и стража немножко скалятся.

А еще, оглядев зал, я увидел ширму в углу. И догадался, кто там спрятался в надежде услышать мои покаянные речи.

— Хватит! — предсказуемо рявкнули оттуда. — Выносите приговор!

— Слушаюсь, брат, — как-то не слишком уверенно пробормотал прокурор и схватил с кафедры явно заранее заготовленную бумагу.

Глава 4

Алина

Естественно, спасение Лирэна пришлось отложить. Это моя душа горела лесным пожаром — от страха, страсти, желания. Бежать, искать, освободить, да хотя бы просто убедиться, что он жив.

Увы, в любом из миров почти невозможно попасть в чужое настроение. Для Магали, Луи и Франсю мой любимый был, как и для Нико, лишь веселым симпатичным атаманом, который сначала вступился за лепесточников, потом пошел меня проводить. Поправившийся Этьен так вообще предположил, что генерал, или маршал, уже забыла, Ночного Братства при первой возможности удалился к своей братии улаживать отношения. Вот зараза!

От меня требовали подробного повествования о похождениях и не позволяли перейти к самой трагической, финальной, части. Магали, например, интересовала судьба деда-профессора, Головы-на-плечах. Пришлось несколько раз повторить: стража ходит к нему, только чтобы вправить вывихи, ничего ему не угрожает.

Историю с салоном Испытания добродетели я постаралась сократить как могла — понимала, что рассказ о праздничных яствах и танцах никого не обрадует. Про логово мерзавца Лоша пришлось говорить подробно — вопросами засыпал Этьен, а остальные поддерживали. Когда сказала про скелеты в шкафу, бывший министр понимающе усмехнулся, похоже, он что-то знал.

Потому, когда дошла до кульминации — освобождения, бегства и самопожертвования Лирэна, уже порядком устала. Две ночи подряд не поспать — попробуйте. Тем более я пару раз намекнула, что едва закончу рассказ, как мы начнем спасать Лирэна, а никто не захочет — одна пойду.

Коварная Магали, пару раз переглянувшись с Франсю, предложила мне особый укрепляющий отвар. Это она сказала, что укрепляющий и бодрящий, а я, дура, выпила. И поняла, что непременно спасу Лирэна, особенно если вот прямо сейчас прилягу на пятнадцать минут. Вот прямо сейч...

Легла, но заснула на несколько секунд позже, потому что успела расслышать реплику Магали:

— Это все нервы. Она же не баба-истеричка. Проснется и мы ее на здоровую голову убедим никуда не ходить.

«Фиг вам», — хотела я сказать. И рухнула в сон. Правда, коварные усыпители не сообразили, что пожар адреналина так легко не тушится и я пробудилась значительно раньше, чем они планировали. Но все равно уже было темно.

— Тетя Магали, сейчас-то зачем сердиться? — донесся тихий и серьезный голос Нико. — Я же с Этьеном ходил!

— Вот бы обоим всыпать! — проворчала Магали.

Ничего, сейчас Лирэн за них заступится и все будет в порядке. А где Лирэн?

Я чуть не задохнулась от ужаса, как местные жители без цветов. Все вспомнила. Но вскакивать не стала, а вместо этого прислушалась к разговору в темноте.

— Ты только Алине не проболтайся. — В голосе Нико было море озабоченности и даже страха. — А то она никого не станет слушать, побежит, попадется и тоже пропадет...

— Да ты сам еще толком ничего не рассказал, — недовольно хмыкнула лекарка. — И наш брат блюстителю Созидания тоже строит из себя секретного агента, пошел с мужчинами договариваться. О чем?

— Об этом у него спроси, — со взрослой серьезностью сказал Нико. — Я могу рассказать только то, что сам услышал.

Магали что-то заметила насчет слишком умных и при этом непослушных мальчишек, но велела говорить.

— Мы с Этьеном близко к ним подобрались, — продолжил Нико. — Я хотел показать ему, как легко камнями побить стеклянные окошки в их горшках. Но это были офицеры, без горшков. Обсуждали завтрашнюю казнь бывшего воровского атамана на площади Справедливости. Офицер помладше спрашивал, почему в афишах написано, что казнь будет «злой».

Я проснулась окончательно, будто не спала. Все равно хотелось верить, что это сон и разговор шел о ком-то другом.

— Молодой удивился, — продолжал Нико, — должны были казнить министра-изменника. Старый отвечал: значит, суд решил, что этот еще виновнее, — вступил в преступный сговор с изменниками

дела революции, колдунами и бродягами, польстился на их деньги, напал на высшее должностное лицо Города, а потом хулил власти. Ну, и не пропадать же эшафоту. А казнь потому считается «злой», что не разбивают башку Мгновенным молотом, чтобы все сразу закончилось, а казнят медленно, как в старые времена. Сначала глашатай злодеяния зачитывает, начиная с меньших, и за это бьют кнутом. Потом отрубят преступные руки, потом — голову. И все это делают тупым мечом. Толпе дадут вина, чтобы была веселей, и лепестков насыплют, чтобы воздуха было больше в глотках — орать. Такой казни, — чуть смущенно сказал мальчишка, — при отце не бывало, а при дедушке — пару раз. Совсем уж отъявленного предателя и насильника малышей так казнили.

Нико повторял эти слова почти наизусть, даже не сбиваясь. А я чувствовала, как секунда за секундой падают в холодную бездну, отрываясь от меня, отваливаясь кусками, как мраморная крошка с плохо слепого надгробного памятника.

Сказка. Эта сказка слишком страшная. Еще совсем недавно я смогла бы убедить себя, что все неправда, что все эти страшилки про пытки, казни тупым мечом на площади под вой толпы — просто страшный сон.

Но после скелетов в лошевском шкафу убедить себя в нереальности страха не получалось.

— Что Этьен сказал? — спросила Магали.

— Умные слова, — печально вздохнул Нико. — Мол, сколько ни живи, так мир и не познаешь. Вроде бы жулик, воришка, убийца, хитростью стал главным вором. А потом за лепесточников вступился, мне помог, Алину спас. Значит, как на дне грязной лужи может лежать сокровище, так и в самом порочном сердце в конце жизни способно вспыхнуть благородство. Еще сказал, что, пока казнь не состоялась, нас штурмовать не будут, эту ночь можно спокойно спать, так что Лирэн напоследок нам услужил.

«В конце жизни... напоследок услужил». Старому козлофилософу повезло, что он изрекал эти мудризы не рядом со мной. Иначе для него самого наступил бы конец жизни. Здесь и сейчас.

Алиночка, стоп! Гнев — хороший стимулятор, а вот советчик хреновый. Нужно спасать Лирэна. И не надо думать, будто я вот сейчас могу побежать, перепрыгнуть охранные посты, домчаться до тюрьмы,

разломать ее руками. Сделаю — попаду в одну повозку с Лирэном, если на эшафот везут гужевым транспортом. Да и то мечта. С этого маньяка станется показать мне садистский спектакль, а саму отдельно заскелетить, без зевак.

Одной мне не справиться. Нужны помощники.

...Видимо, я слишком активно размышляла — скрипнула ветка под моим ложем. Заботливая Магали поспешно подошла.

— Не спится? — спросила она заботливым тоном, который я с еще не прошедшей злости назвала «елейным».

— Не спится, — честно ответила я. — И не засну, пока его не спасу!

Молчание Магали длилось несколько секунд. Его прервал приближавшийся голос. Почти сразу я поняла, что это Этьен.

— Алина еще спит? Ну и хорошо, не будем пока что будить. Пусть выспится как следует.

— Она очень устала. Не каждый мужчина выдержал бы такое, — тихо ответила Магали, не предупредив его, что я бодрствую неподалеку.

— Да, да, конечно. И еще ей нужно очень хорошо выспаться, чтобы быть в силе. Ведь ей придется выводить всех подземным ходом, который она обнаружила, когда пришла сюда. Мы посоветовались и решили — это гораздо лучше, чем ждать, когда они перестанут трястись и решатся на штурм.

— «Мы посоветовались» — ты и мужчины-лепесточники? — спросила Магали не без ехидства.

Мне показалось, что я вижу, как Этьен разводит руками.

— Если ты предложишь лучший вариант, я обещаю, что буду защищать его всеми силами. Но его нет. Наше счастье в том, что самый добродетельный мерзавец Города весь вчерашний день был занят не нами. Даже догадываюсь чем — беседой с нашим другом и подготовкой его казни. Этот милый непутевый малый сослужит нам еще одну службу — эту ночь и завтрашнее утро Лошу будет не до нас. Если мы этим не воспользуемся до полудня, дальше будет только хуже...

Умствования Этьена были прерваны — разумеется, мною, окончательно простившейся со своим ложем, вставшей и примкнувшей к разговору.

— Я непременно уведу всех с пустоши. После того, как мы спасем Лирэна.

— Мадам, и как мы это сделаем? — спросил Этьен с искренним интересом, будто он учитель, а я ребенок, предложивший привязать свою тень к его тени.

— А это мы обсудим, — сказала я совершенно спокойно. — Решение найдется, если его искать.

— У нас нет ни армии, ни магии, ни денег, — уже без учительской интонации даже не сказал, а вздохнул Этьен. — Пока что мы можем только убежать.

— Не люблю занудных речей, — встряла Магали и я сразу поняла по тону, что она не на моей стороне, — но мы и правда ничего не можем сделать. Победить у нас нет сил, а если сдадимся — нас казнят вместе с Лирэном.

— Сестра, — услышала я незнакомый молодой голос и лишь через секунду вспомнила, кто это. Терсан, мальчик-трамвайчик, — сестра, маршал отдал свою жизнь, чтобы ты спаслась. Ты не можешь спасти его жизнь, отдав свою, только опечалишь его перед смертью, показав, что жертва была напрасной. Не будь настолько жестокой!

Ох, братик, хороший удар в спину! Насквозь.

На секунду я ощутила себя жителем Города, брошенным на горячий песок, без бутонов и лепестков, на медленное задыхание.

— Алина, — голос был настолько ровен и спокоен, настолько лишен привычного старческого дребезжания, что я не сразу узнала Луи, — мы посоветались и решили: лепесточники уходят с пустоши через подземелье. Мы приютили тебя с твоим... — Луи на секунду запнулся, потом продолжил: — с твоим пасынком. Настало время тебе отплатить за благодеяние.

— Позвольте, — заметила Магали, — разве она не спасла вашу жизнь два дня назад? Благодеяние уже оплачено.

— Ты пойдешь с нами, — продолжил Луи, обратив внимание на реплику лекарки не больше, чем на стрекот ночного насекомого.

— А если не пойду? — спросила я спокойно, удерживаясь, чтобы не взорвать притихшую ночь диким криком.

— То мы поведем тебя или понесем, — так же спокойно сказал Луи.

— Кто вам дал на это право? — возразила Магали, но я ее почти не услышала.

Ненавижу, когда мне угрожают. Даже самые лучшие друзья. Если они — особенно. У меня даже обида растворяется и я превращаюсь в соображательно-боевую машину.

Тотчас же я рухнула на землю. При этом горько подумав: приходится, как и в плену у добродетельника, прибегать к хитроумной йоге.

— Не дышит, — охнула Магали, склонившись надо мной. — Пульс есть, но слабый.

— Могу дышать, могу не дышать, — произнесла я с улыбкой, усаживаясь в позу лотоса. — Подхватите меня насильно, понесете. А я буду дышать только для себя. И когда будем проходить эпицентр вашего проклятия, посмотрим, кто выживет, кроме меня!

Это был блеф? Да! Я блефовала, и отчаянно. Не надо меня загонять в угол! Не надо угрожать, и тогда буду милой подружкой. А так — звиняйте!

— Мама, — сказал Нико, — мама, ты меня бросишь? Мама, ты меня не любишь?

Нет, ударов в спину до этого не было. Вот он, самый страшный.

А если самый страшный выдержу, то значит — победила.

Я встала, подошла к Нико. Заглянула в глаза, насколько позволял отсвет подземного костерка.

Мне хотелось обнять мальчишку, потрепать по давно не мытым волосам. Сказать: «Дурачок, я тебя никогда не брошу».

Но так нельзя. И не только потому, что таким взрослым детям не врут. Это был принц. Пусть половину жизни он провел не во дворце, а в сиротском приюте, среди голода и побоев, он так и не стал обычным мальчишкой, с которого спрашивают по возрасту. Он родился, чтобы быть ответственным за всё и за всех.

Значит, так и надо говорить.

— Нико, я люблю тебя. И я люблю его, Лирэна...

Требовалось добавить какую-нибудь пошлость, вроде «ты должен это понять, ты взрослый». Но я не сказала ни слова. Моим языком был взгляд.

Мальчишка вздрогнул. Я ругала себя последними словами за это психологическое насилие. И не отводила глаз.

— Да, — то ли кивнул, то ли сказал Нико.

— И если меня сейчас заставят его бросить, я однажды брошу тебя, — договорила я.

Маленький принц вздрогнул. Тихо сказал мне «мама». А потом добавил громко и серьезно:

— Я никому не позволю увести ее насильно!

И поднял правую руку, согнул в локте, будто удерживая в кулаке оружие.

Что-то ткнулось мне в ногу. Я взглянула и увидела Паршивца — котенок, уже выросший в крупного кота, замер возле Нико.

Я, мальчишка и котенок против всего мира. Вот такая компания. Я глубоко вздохнула, прикусила губу, чтобы не рассмеяться или не расплакаться.

Все замерли. Кроме Крошки. Огромная кошка Этьена зашагала к нам. Я представила, что сейчас она схватит Паши за шиворот и унесет — мол, тут дела не котячьи. Рискну ли я крикнуть «брысь» твари, которая длиной почти в мое туловище?

Но кошка встала рядом. Да еще и взглянула на хозяина, будто приглашая подойти.

— Катланк чувствует, как должно быть, — шепнул мне Нико.

Я хотела попросить его пояснить эти странные слова, но не успела.

— Эх вы, — раздался громкий уверенный голос, и я, как и в случае с Луи, не сразу узнала Франсю. — Всё видите, всё слышите, и никто не заметил, что сейчас свершается предсказание.

Все замолкли. И в этой тишине раздался размеренный и громкий голос Франсю:

*Когда задохнется Город от слепящей тьмы лжесвободы,
Когда несъедобное станет нужнее хлеба,
Когда сильно-слабый народ будет обречен на смерть,
Когда через стену придет Жизнь, Мастерство и Любовь,
Когда отъявленный грешник захочет дать жизнь за любовь,
Когда малый годами и взрослый страданьем войдет в погребенный зал,*

*Простятся грехи и ошибки отцов, сгорит тьма в огне золотом,
дыхание в Город вернется.*

— Что это? — спросила я.

— Старинный фольклор, — сказал Этьен с нарочитой веселостью. — Когда я решил за год пройти курс в академии, — домашнего образования показалось мало, — то запомнил учебник профессора Мернуа. Он подробно анализировал это предсказание как пример синтеза эпической поэзии и примитивной народной религии, сохранившей упоминание древних обрядов, а сам текст находится на пути трансформации в детскую считалку...

— Почему-то, когда свергли короля, учебники с анализом этой детской считалки были изъяты, — ехидно заметила Магали. — Я-то думала, что из-за слова «лжесвобода», а все оказалось гораздо интереснее. Город задыхается. Цветы съедобны только для скотины, но сейчас они важнее хлеба. Лепесточки, извините, — обратилась она к Франсю, — и правда народ и сильный, и слабый. Будете спорить?

Лепесточки молчали.

Зато неожиданно для всех голос подал Терсан:

— Она пришла из-за стены, ну, на самом деле, мы ее притащили, но в любом случае пришла. Если она и правда умеет выращивать цветы — значит, это мастерство. Отъявленный грешник — это, наверное, наш маршал, который по ту стороны стены остался, чтобы ее спасти, а сам идет на плаху. Ну, а любовь — это то, что она хочет спасти его и нас не слушает.

Блин, ну мальчик-трамвайчик! Вообще, круто, когда о тебе так говорят. Что же в этом предсказании мне запомнилось больше всего?

— Малый годами и взрослый страданьем — вот он, — показала я на Нико. — Было бы время, он рассказал бы, как намучился. Мне только про погребенный зал непонятно.

— Тогда и я поиграю в разгадки, — сказал Этьен уже без капли ехидства и скептицизма. — Погребенный зал — это зал коронации в подземном скальном гроте, на который рухнула башня. Существуют предания, что древние короли могли не только выращивать цветы заклинаниями...

— И лечить наложением рук? — так же серьезно спросила Магали.

— Да, — кивнул Этьен, — гораздо больше. На коронации они обретали золотой тюльпан — почти магический жезл. Или не почти, — чуть тише добавил он. — А почему сейчас это утрачено — потому

что по древним законам полагалось короновать невинного ребенка. Но какая невинность во дворце?

Нико взглянул на Этьена и понимающе кивнул.

— Наследник к четырнадцати годам уже и попробует вина, и побалуется с фрейлинами, и совершит какие-нибудь мерзости — кого-то прикажет высечь, прогнать, может, даже выклянчит казнь. Такому взрослому пусть золотая лопатка руки не сожжет, но золотой тюльпан точно не дается. Хорошо, хоть какая-то магия будет.

Я оглянулась. Нас обступили все лепесточники и жадно слушали Этьена.

— Поэтому, — продолжил бывший министр, — у нас есть только одно средство для спасения. Наследник престола...

Нико вздрогнул. Я прижала мальчишку к себе.

— Каждый из нас приговорен к смерти, — спокойно сказал Этьен, — мы можем быть откровенными. Наследник престола должен войти в коронационный зал и произнести присягу принца.

— Но там же вряд ли есть корона? — спросил удивленный Терсан.

— Если наследник появится перед людьми без силы, нас не спасет и корона. Если же будет в силе — корона не понадобится, — уверенно сказал Этьен. — Лош хочет собрать всех на площади, чтобы Город увидел казнь его врага. Это нам на руку.

Черная тоска отступила. Шанс есть, мы поборемся! Но как добраться в этот чертов зал?

— Жаль, что у Лирэна не было второго ключа от подземных дверей, — вздохнула я.

— Зато у нас есть живой ключ, — сказала Магали и показала на Этьена.

Я взглянула с недоумением и на Магали, и на мудреца. Человек, конечно, хороший. Но как он равнодушно обзывал моего Лирэна «непутевым малым», так просто не забуду.

— Пока ты скиталась по городу, — продолжила Магали, — он рассказывал о своих юношеских проказах, в том числе и подземных приключениях. О том, как любопытство однажды привело его в коронационный зал. Мсье Этьен, если наследник должен войти в эту таинственную пещеру, — при этих словах Магали скептически хмыкнула, — вы должны стать проводником.

Зануда внимательно посмотрел на нее. И коротко сказал:

— Я сделаю это.

— А потом новый король немедленно подпишет указ об освобождении нашего маршала? — радостно предположил Терсан.

— Это не так просто. — Этьен вернулся от героизма к скепсису. — Чтобы подписать указ, нужна канцелярия, где его напишут, а канцелярию сначала надо захватить.

Я на секунду сникла. Действительно, ну станет мальчишка королем — кстати, как мы узнаем, что он им стал? Корона в этом заброшенном зале хранится вряд ли. Как это поможет в самом главном деле — самом главном для меня?

— Даже если принц указа не подпишет, есть и другой путь. — сказала Франсю. — Выкуп.

— Выкуп? — усмехнулся Терсан. — Это же детская игра. «Друг дружку выкупай, выкупай, да не зевай! Леденец не принесут — Лиззи локон отстригут!»

— Детские игры и считалки, — серьезно сказал Этьен, — произошли от настоящих заклинаний и преданий. Выкуп существовал давным-давно, хотя вряд ли применялся последние два века. Тот, кто хочет спасти приговоренного, должен принести на площадь то, что все, кто собрался, признают выкупом. Например, столько денег, чтобы год бесплатно кормить хлебом всех нищих. Или назвать имена настоящих преступников. А толпа решает — принять выкуп или нет. Если не приняла, то выкупщик-неудачник тоже идет на эшафот.

— Тогда любой богатый негодяй, если не сможет подкупить суд, наймет толпу, которая будет орать: «Выкуп принят!», — усмехнулась Магали.

— Вот именно, так происходило много раз, — кивнул Этьен. — Поэтому, когда короли решили отменить обычай, особо оговаривалось: королевским указом выкуп запрещен. Но на этот раз этой оговорки нет.

— И я даже догадываюсь, о каком выкупе идет речь, — сказала Магали.

Лирэн

М-да, так закончить свою жизнь я не планировал. То есть понимал, конечно, что моя профессия не располагает к спокойной старости. Но все же я стал маршалом, а это значит, считал себя в какой-то мере защищенным от банальной пыточной и плахи под свист толпы. Клинок в спину на очередном кутеже капитанов, причем отравленный. Или просто яд в бокале, желательно с мгновенным эффектом, чтобы я не успел никого обвинить слабеющими губами.

Увы, этот путь я тоже выбрал сам. Не могу сказать, что добровольно, — другого просто не было. И да, мне очень не по себе. По правде говоря — умирать совсем не хочется, а умирать мучительно не хочется еще больше.

Я, конечно, держал лицо. И когда унылый секретарь ускоренно бубнил список моих преступлений, начиная чуть ли не с воровства пирожков в босоногом возрасте. И когда меня из зала суда не вернули в камеру, а доставили в «зал воспоминаний» — камеру пыток. Начальник конвоя повторил приказ Лоша — сохранить мне «товарный вид» для предстоящей публичной казни.

Следователь — или просто чиновник, ведь расследование уже завершилось, — спрашивал меня о тайных путях на пустошь. Когда у меня были силы отвечать внятно, я ругался или презрительно бросал: «Недорого подкупили вашу стражу и прошли». Когда боялся, что проклятие перерастет в вой, просто сжимал зубы.

Не давать сволочам почувствовать свой страх — сейчас это было моей главной задачей. Все люди смертны, что же, значит, мое время пришло. И самая страшная пытка рано или поздно закончится. В моем случае — рано. Завтра в полдень. И это знание помогало.

Впрочем, мерзавцы и правда выполняли приказ «не перестараться». Спасибо, кости не переломали — хотели, чтобы я взошел на эшафот своими ногами и помахал бы рукой любопытным горожанам.

Однажды я разглядел возле столика писца фигуру в маске. Может, он сохранил инкогнито для местного персонала, но я узнал его сразу.

Это была минута передышки, когда предыдущая боль отошла, и я воспользовался моментом.

— Хотите узнать, — спросил я у чиновника с искренним участием, — как визжит блюститель Добродетели, Хранитель города Лутт, когда он чего-то боится? «Стой, иначе он меня убьет!» — дико взвизгнул я.

Мне с ранних лет удавалось воспроизводить чужие голоса — крики торговков, кучеров, ворчание старых баб. Вот и сейчас удалось. Иначе Лош не поспешил бы удрать из сводчатого зала.

Потом, когда меня потащили к дыбе, я умудрился удариться головой о разохшуюся дубовую станину. Башку не расколот, но, будь здесь темное небо, оно осветилось бы звездами. В легком обмороке расслышал, как чиновник громко повторяет мои ругательства и зовет лекаря. Когда тот притопал, я всеми силами начал изображать дохлую муху.

Лекарь, чиновник и главный палач провели консилиум и пришли к выводу: если очень нужно, можно и продолжить, но через полчаса, не раньше. Чиновник выругался еще раз и меня уволокли в камеру.

Что ж, времени до утра не так много, если получится, потяну еще раз.

Только вот лежать неподвижно — та еще задача. Скоты здорово исполосовали мне спину, и до раскаленного железа доходило, правда, им больше угрожали, чем прижигали. Но в паре мест кожа горела так, словно ее все еще поджаривают. Ну, хоть иголки под ногти не загоняли — и то на бесцветье бутон.

Самое удивительное, что я все еще не потерял надежды как-то выкрутиться, ведь жив и даже не особо покалечен. Всемогущее «вдруг» не приходит к тем, кто сдается. Вот и я не собираюсь. Есть передышка? Надо использовать с умом. Может, вон того стражника подозвать, когда остальные подальше отойдут? Морда у него пропитая и вся насквозь прохиндейская. А мне есть что предложить за свою свободу. Маршалы Братства кладов не закапывают — это известно даже такому тупице, как Лош, поэтому меня хоть об этом не спрашивали. Зато кое-кто должен лично мне, так что карман наполнится золотом в первый день свободы. Мизерный шанс, но надо пробовать...

Увы, пройдоху не оставили возле моей камеры в одиночестве, хотя я поджидал этого момента, как кот у мышинной норы, притворяясь мертвой пустотой. Дождался только того, что в конце коридора снова слышались шаги, а все мое нутро взвыло — очень ему пытки не нравились. Эх... держись, брат Лир. Орать от боли — не наш с тобой метод.

Как ни странно, но шаги замерли, не доходя до моей решетки. И вообще, я не сразу сообразил, что они не похожи на тяжелую поступь палаческой команды и не брякают амуницией, как местные стражники. О! Вот забрякали, но удаляясь. Что, особый гость пожаловал? Даже догадываюсь какой. Век бы эту рожу не видеть!

Шаги замерли. Я услышал негромкий приказ. В камеру вернулась стража и не очень вежливо надела на меня цепи, хотя я сейчас что с ними, что без них боец невеликий.

— Его добродетельность изрядно трусит, — заметил я.

И сжал губы, так как стальное кольцо легло почти на ожог.

Окончив работу, стража удалилась. И в камеру вошел Лош, уже без маски. Я постарался сделать вид, что недавно уснул и разбудить меня будет непросто.

— Не делай вид, будто ты не слышишь, ты все слышишь, — сказал он. — Мне очень бы хотелось понять, для чего ты это все сделал. А?

И он не очень вежливо толкнул меня ногой.

Я предвидел это и подавил стон.

— Ты мог бы убежать, узнав, что тебя ищут. Залечь на дно. Но ты нашел мой тайный дом и напал на меня. Это было очень непросто. Как жаль, что такой умный человек умрет так рано, так бесполезно... — Лош сделал паузу, договорил: — И настолько мучительно. Кстати, да, я догадываюсь, в чем дело. Это любовь. Она и вправду творит чудеса. В основном — бесполезные и глупые, но чудеса. Потому что иначе я не могу объяснить твою тягу к плохой смерти.

Куда уж тебе, мрачно подумал я. Хотя, признаться, и сам толком не мог объяснить, с какой стати едва знакомая женщина вдруг стала дороже собственной жизни. Один танец, один поцелуй. И все? Маршал, которого не могли соблазнить лучшие красотки из веселого квартала, поплыл, как опавший листик по реке. Глупо, тут я согласен. Но уже ничего не могу изменить. Да и не хочу. Вообще-то, мне вовсе

не радостно от мысли о собственной смерти, но потерять Алину потому, что не смог защитить, отчего-то хуже.

Знаю, форменное сумасшествие. Сам не влип бы — не поверил. Еще и посмеялся бы над дурнем, настолько потерявшим голову ради какой-то девицы.

Все же судьба любит жестокие шутки.

А хрен паршивый, Лош который, все не унимался, шипел змеюкой возле уха, мешая сосредоточиться.

— Как бы мне хотелось, чтобы твоя подружка... кстати, да, очень незаурядная женщина, явилась бы на это посмотреть. Вас ждала бы моя милость...

Я все же приоткрыл глаза. Подлец нависал надо мной и улыбался, как ребенок, получивший долгожданную сладость.

— Вы бы умерли вместе. Вам даже было бы разрешено поцеловаться на эшафоте. Впрочем, нет! Ты бы, наверное, взмолился — «пощадите ее». И я удовлетворил бы просьбу — пусть еще поживет. Главное, пусть явится на площадь. А иначе будет обидно — ты умрешь ради женщины, которой на тебя наплевать. Она ведь знает день и час казни, я постарался донести эту новость до каждого стражника возле пустоши и велел обсуждать ее погромче.

Алина

Ну и чудесный народ эти лепесточники. Причем без кавычек. Еще четверть часа назад они готовы были удирать всем табором с проклятой пустоши, захватив меня с собой как баллон с кислородом. А не пошла бы — так понесли бы, потому что баллоны и прочее полезное оборудование своей воли иметь не должны. А я приготовилась прикинуться тушкой дохлого опоссума — эти животные так инсценируют свою смерть, что любой койот мимо пробежит.

Сейчас же лепесточники, выслушавшие, как Магали, Этьен и я толковали предсказание, собрались на свой совет. Пока он продолжался, мы кучковались и говорили о своем — экс-вельможа рассказывал мне о подземных приключениях юности. А я еле сдерживала вздохи — перед глазами были те же тоннели. Только в них не шастали полупьяные повесы, а я со своим любимым удирала от врагов.

Что с тобой сейчас, Лирэн?! Как вообще получилось, что ты стал для меня настолько важен? Только потому, что без раздумий пожертвовал собой ради моего спасения? Нет. Не только... но это так странно! Никогда не верила в любовь с первого взгляда, да и вообще...

Наконец, совет завершился и к нам направилась делегация. Я подумала, что, если они упрутся в прежний план, теперь взять меня так просто не получится. Все же нас две женщины, рядом двое мужчин, мальчишка, взрослая боевая кошка и котенок. Со шпагами сложнее, впрочем, у Этьена она есть, да и мальчик-трамвайчик вряд ли безоружен.

Но ни шпаги, ни когти не понадобились. Луи подошел и, к моему удивлению, поклонился маленькому принцу.

— Ваше высочество, мы посовещались и согласны подчиниться вашему решению. Наши женщины вспомнили еще одно древнее предсказание: однажды, в ночной жуткий час, лепесточники поддержат Правду против Лжи, а если откажутся, то всегда будут убегать, как трусливые кролики.

Я еле удержалась от смеха. Такое древнее предсказание помнила с детства, только не про кроликов, а про зайчиков, которые косили трын-траву: «устоим хоть раз в самый жуткий час».

К счастью, не рассмеялась, потому что дальше было пафосно. Нико так старательно выпрямился, что будто даже подрос, и сказал ясным, хотя и тонким голосом:

— Благодарю и принимаю вашу службу. Пусть дальше распоряжается женщина — живое дыхание.

Я даже не сразу сообразила, что это он про меня. Ну, спасибо, маленький принц, передал эстафету вместе с ответственностью. Впрочем, правильно сделал. Королевских он там кровей или нет, а Нико — ребенок. И грузить его взрослыми проблемами — двойное свинство.

Конечно, мне страшно так, что дрожь в коленках заметить можно даже под длинным подолом местного платья. А вдруг я своим упрямством погублю не только себя, но и всех этих людей? Кто вообще сказал, что мы сможем спасти Лирэна? Казнь на площади в полдень, там будет толпа народа и наверняка не меньшая толпа стражи. О чем я вообще думаю?!

Нет. Стоп. Сейчас сомневаться нельзя. Лирэна я все равно не брошу. А одну меня в город непустят. И я понимаю почему, сама бы не отпустила. И еще, вот эти их пророчества, магия, коронация... логично и рационально рассуждать — ерунда какая!

Только в этом мире все так запутанно и непросто. Я с цветами не один год работаю, но чтобы розы, тюльпаны и хризантемы использовались как кислородные подушки — и подумать не могла. Рассказала бы такое коллегам по нашей цветочной корпорации — получила бы отгул с обязательным визитом к психиатру.

Так что магия существует. Сама видела. Почему бы и пророчествам не сбываться? А это значит, наша авантюра имеет шансы на успех. И трусить сейчас нельзя. Потому что начальник такой крейзи-авантюры трусит не только за себя, но и за всех.

И время еще есть. У меня за месяц этой лепесточной жизни сформировались внутренние часы. Сейчас они подсказывали, что время — едва-едва за полночь, так что не то что до полудня — до рассвета далеко.

Надо, чтобы Нико стал настоящим принцем. Или даже королем — не очень разбираюсь в этих титулах. Для этого придется немного покомандовать. Линочка, вспоминай свои менеджерские подвиги прежнего мира.

— Этьен, — сказала я серьезно, — вы назначаетесь главным проводником и приступаете к своим обязанностям, едва мы вступим в подземелье.

— Благодарю за доверие, — ответил экс-вельможа с легким поклоном — я уже поняла, что такой кивок надежно маскирует улыбку. — Я приложу все старания, чтобы мы оказались в нужном месте. Также полагаю, мы должны определить состав нашей экспедиции, а вы — собрать выкуп.

— Пойдут все, — вмешался Луи. — Мы возьмем то, что нужно для похода.

— Тогда займусь выкупом, — сказала я.

Приятно, когда у тебя такие инициативные коллеги или друзья. С ними хоть на пикник, хоть открывать новую торговую точку. Хоть на плаху, приговоренного спасать.

До моей тайной плантации было недалеко. Половина выросших тюльпанов уже выкопана. Но я тетка хозяйственная, одни вытянулись, другие только готовятся. Я выбрала семь самых крупных луковиц, недавно выпустивших зеленые стрелы, и аккуратно положила в корзину, предложенную Франсю, в небольшие гнезда из почвы.

Потом подумала и выкопала все, что остались, загрузив вторую корзину. А на вопросительный взгляд лепесточницы пояснила:

— Когда Нико коронуем, проверим на опыте, будет ли его сила действовать на цветы правильно. А то в прошлый раз цветы вытянулись и тут же как сгорели. Если же с его силами все пойдет не так хорошо, как мы рассчитываем, то уже расцветающие бутоны наверняка убедят народ.

— Жалко цветы расходовать на эту банду бездельников, — проворчала Франсю, но вторую корзину взяла. — Охальники, паразиты... придумали — на смерть человечью любоваться. Только попробуют пусть выкуп не принять! Прокляну всех скопом, не будь я потомственная лепесточница!

Я только грустно улыбнулась в ответ.

Честно говоря, предстоящая авантюра пугала меня почти до обморока. Но этот самый обморок я сворачивала в рулончик и запихивала на дно желудка, чтобы не трепыхался там. Надо — значит, надо!

— Все собрались? Выдвигаемся.

— Мр-р-ря! — неожиданным хором поддержали меня катланки, пристраиваясь рядом со мной и Нико.

— Тех, кто на площадь не пойдет, оставим с цветами в подземелье, — на ходу рассказывал мне Луи. — Если что, выберутся в боковой проход, мсье Этьен обещал подсказать, в какую сторону идти. И отправятся в горы. Так что ты не волнуйся, детей и женщин не загубим.

— Спасибо. — Я, признаться, немного выдохнула.

И чуть больше поверила в то, что у нас все получится.

Этьен

Итак, я иду на вторую коронацию в своей жизни. Как тут не вспомнить первую, которую я застал еще младшим пажом.

Говорят, что коронация — самое беззаботное время для народа и самое трудное для придворных. Народу — бочки с вином, отмена некоторых особо разорительных налогов, прощение недоимок. А вот придворным — готовить пиршественные залы, которых, между прочим, три, рассаживать две тысячи гостей, да еще никого не обидеть, чтобы свары и дуэли происходили к концу пира, а не до начала. Ну, и гирлянды, фонарики, фейерверки — за всем надо проследить, а паче всего — за слугами, чтобы в этой суматохе не украли всё, что можно вынести из дворца.

Я, к счастью, этими хлопотами не занимался, а был курьером его высочества, проще говоря, мальчиком на побегушках. Пока побегушек не требовалось, стоял в дверях и наблюдал, как будущего короля, мальчишку на два года старше меня, готовят к коронации. Нет, не к Большой, в огромном зале, когда на него торжественно наденут корону, а к Тайной, в старой коронационной башне. Говорили, что это глупый старинный обряд, который ничего не значит, что его надо отменить, но короли не решались, и этому принцу он тоже предстоял.

Волшебная клятва считалась прошлогодним сухостоем — какое волшебство в наше полупросвещенное время? Вообще-то, она была такой же тайной, как и башня, и выучить ее полагалось за неделю в одиночестве. Но короля интересовали только успехи сына в верховой езде, королеву — в танцах, поэтому за день выяснилось, что клятва не выучена, а так как читать с бумажки некрасиво, суфлер же — уж совсем никуда не годится, его высочество, наморщив веснушчатый нос, водил взглядом по огромному фолианту, якобы обитому драконьей кожей, потом запрокидывал голову и читал то, что запомнилось. А его друзья — старшие пажи, наплевавшие на всю таинственность, толпились рядом и хохотали.

— Я — пламя, согревающее лепесток и палящее тернии. Я — дыхание для каждого дыхания! Я — жизнь для каждой жизни!

— Я — бокал для каждой открытой бутылки! Я — сокол для каждой зазевавшейся прелестной куропатки, — похохатывал старший паж, уже похитивший с праздничного стола бутылку с особо выдержанным и крепким содержимым.

Принц посмеивался, так как разделил эту бутылку, и продолжал учить. Другие пажи запугивали его:

— А ты знаешь, что золотая лопатка, которую тебе придется взять в руки, может нагреться сама собой? Что, у тебя будет перчатка с обсыпкой из рубинов? Ну, смотри, вдруг не спасет. А еще ты же помнишь, что если клятву произнесет юный грешник, то его ждут страшные кары? Если его уста осквернены вином и руганью, в них проскользнет огненный змей. А если он утратил невинность с фрейлиной, тот же змей вопьется ему...

Все смеялись, а я невольно запоминал клятву. Тогда думал — что за глупость: «Я — дыхание для каждого дыхания».

Теперь старался произнести ее от первого до последнего слова. И каждый раз ошибался. Это тревожило — ведь мне предстоит быть суфлером для настоящего принца.

За этой тревогой терялись другие мысли. И первая из них — как так получилось, что еще недавно свободная женщина вдруг словно в одночасье стала чьей-то. Чьей-то, но не моей.

Неужели я хотел ее себе? Едва знакомую, непривычно резкую, далеко не красавицу и явно не молодую. Все равно, в ее внешности чем дальше, тем больше ощущалось что-то притягательное. Какой-то неуловимый шарм. Особенно когда она спорила, добивалась своего, командовала.

Но теперь об этом жалеть и поздно, и неуместно. Кто бы мог подумать, что король воров сумеет украсть сердце пришельницы так быстро? Глупые сказки про любовь с первого взгляда? Но он пожертвовал собой ради нее, а она готова идти против всего мира, чтобы спасти его от плахи. Не видел бы собственными глазами — не поверил бы.

— Столько думать вредно! — Резкий бесцеремонный тычок локтем в ребро вернул меня на землю. Насмешливые карие глаза глянули в самое нутро — еще бы, лекаркам положено так смотреть, чтобы определить болезнь с первого взгляда. — Вернитесь к нам, мсье

Этьен. И предложите даме руку. Я чуть лодыжку не вывихнула на этих булыжниках, а наш путь только начался.

Я галантно подхватил Магали под локоть и двинулся вперед. Булыжники, обломки каменных плит, корни деревьев и прочие помехи приходилось нащупывать, а не разглядывать. Мы не стали зажигать фонари и факелы — зачем подсказывать врагу, что лепесточники уходят?

На плече, еще вчера раненном, а сейчас совсем здоровом, болтался бочонок с водой. Брать его меня никто не просил, но я забрал у старухи-лепесточницы, оставив ей второй такой же бочонок и корзину с провизией. А вот сумку с лекарствами Магали мне взять так и не позволила.

Лепесточники вели себя как настоящее кочевое войско. Приняли решение выступить в поход и через полчаса их лагерь опустел. Кроме воды, пищи, инструментов и одежды, несли двух совсем дряхлых бабушек и трех младенцев.

Я не мог не восхититься такой заботой и дисциплиной, но понимал — наш караван обгонит разве что виноградную улитку, да и то сытую. Поэтому на расстояние, которое мы бы преодолели днем за десять минут, в темноте было потрачено больше сорока. К счастью, мои часы не останавливались, я их под заводил и время от времени щелкал крышечкой, вглядываясь в фосфорные стрелки. Шел третий час ночи.

Так как все хотели быть ближе к Дыханию, — так я называл теперь Алину даже про себя, — пеший караван напоминал неровный овал, медленно тянувшийся ко входу в подземелье. Впереди был мелкий атаман разбойников по имени Терсан, мастерски видевший в темноте. У его ног шествовала Крошка, похоже, они сговорились и она как-то указывала ему на особо неустойчивые булыжники. За ними я с Магали. Алина и Нико — в центре.

У меня был вопрос к мальчишке, который мог бы показаться праздным. Когда он кинулся защищать Алину, то выставил руку вперед. Но это была странная боевая поза, как будто он держал не шпагу, а бутылку, перед тем как налить в бокал. Или огнестрел с поднятым дулом, которое в любую минуту можно опустить. Это была неправильная боевая стойка, шпагу в такой позиции выбить проще простого. Но жизнь приучила меня к тому, что почти любая

неправильность имеет объяснение, которое нельзя свести к заурядной глупости...

— Опять задумался? — оборвала мои мысли Магали. — Если споткнешься, падай на свой бочонок, а меня отпусти. Других лекарств у нас нет!

Алина

Линочка, успокойся! Всё пока что как надо. Твои новые друзья тебя не бросили и все вместе отправились спасать твоего невесть откуда на голову свалившегося возлюбленного. Господи, слово-то какое противно-пафосное.

А другого нет.

Так в том-то и дело, что не идут, а движутся со средней скоростью охотников на раненую черепаху! Если мой язык пока что под контролем и не выстреливает каждую минуту «давай, давай, ну давай!», то ноги шустрят. То и дело несут меня вперед, в голову процессии, и тогда Франсю меня ворчливо одергивает:

— Куда ты рвешься, как коза на капустную грядку? Народ, что позади, боится задохнуться без тебя.

Понимаю, понимаю, понимаю! Только вот как ногам объяснить? Будто я в автомобильной пробке, когда все гудеть устали и рады, если за десять минут продвинулись на сто метров. А мой рейс, на который я купила билет два месяца назад, уже через полтора часа и ради меня никто самолет не задержит. Хоть выскакивай, выхватывай из багажника два чемодана и беги по обочине шоссе. Заранее зная, что никакошенького смысла в этом маразме нет.

Ну, ты и сравнила, Линка! Да лучше на десять самолетов опоздать, чем опоздать сегодня! Да я вообще летать не буду ни на какие курорты, если не спасу Лирэна. Впрочем, кому такие жертвы нужны? Может, мы еще вместе полетаем... А, я же забыла, что в этом мире самолетов нет. И вообще... может, мы через месяц разбежимся. Может. Главное, чтобы было кому разбегаться. А для этого надо, чтобы никаких казней в полдень.

Мы двигались и правда как в пробке. То ползли, то останавливались, когда из задних рядов доносился свист — те, кто нес раненых, утыкались в препятствие, которое я перепрыгнула, почти не заметив — спасибо, ноги не поломала, коза! А вот им приходилось сдвигать ствол дерева или огибать каменный обломок. Такие обломки радовали — значит, мы уже дошли до развалин.

Ладно, хоть со стартом не затянули, видно, все было собрано еще днем. Я спросила Луи:

— А почему вы не ушли в подземелье прошлой ночью?

Он удивился вопросу.

— Уйти, тебя не дождавшись, совсем не по нашим законам было бы. Ты из нашей семьи.

«А еще — ваше дыхание», — хотела добавить я. Но зачем занудствовать.

Самое обидное, что до цели нашей экспедиции было рукой подать. Вчера, когда мы брели к нашему лагерю, Терсан указал издали на далекую руину, напоминавшую берег северного озера, где валун на валуне:

— Вот та самая башня, в которой тиранов короновали.

Бывшая башня рядом. Но близок локоть... Этьен уже объяснил мне, что понадобились бы несколько бочек пороха, сотня крепких рабочих и, главное, две недели, чтобы разбить и вынуть эти глыбы — башню строили не из кирпича, а из гранитных блоков.

Поэтому оставался лишь один путь — подземный.

Наконец-то дошли. Очередная бесконечная задержка, пока несколько мужчин покрепче разбирали завал, чтобы не споткнулись грузоносцы. И я вернулась в черный подвал, который покинула ясным днем.

Опять мучительные минуты, которые казались часами. Наш табор втянулся в подземелье, остановился, пока во главе колонны не зажгут фонари. Почему раньше не подготовили?! Теперь мы шли за огоньками. Для надежности протянули веревки, чтобы устоять на ногах, и мы побрели вереницами. Я вспомнила «Слепых» Брейгеля — спасибо, хоть впереди зрячие и с огнем.

Наверху я сравнивала нашу скорость то с улиткой, то с черепахой. Втянувшись в катакомбы, наша колонна превратилась в животное, которое легко обгонит любая Тортилла. И самое пакостное, там хотя бы можно было задирать голову, созерцать непроглядное небо, утешаться, что до рассвета еще далеко. А тут можно скитаться от темноты до темноты, пропустив световой день.

Две остановки оказались особо длинными. Передали объяснение — Этьен не уверен в пути и ходит на разведку.

— Не заблудится? — спросила я слишком нервно, потому что окружающие заметили.

— Да разве Магали даст ему заблудиться? — усмехнулась Франсю. — Упустила ты, коза, такого мужика справно. Богатый, породный, а что глуп, так по-господски глуп, это к лучшему даже. Выбрала вертихвоста. Ну, да кому что нравится. — Она пожала плечами. — Да не дергайся, еще до утра далеко, не то что до полудня. Успеем.

— Я не...

— Я вижу. Глаза вот-вот из глазниц выпрыгнут да и ускачут по камням в первую попавшуюся дыру. Если суждено твоего оглоеда с плахи выдернуть — так и будет. Вдохни, выдохни и делай что должно. И не забывай: ты наша дышалка.

Она права, конечно. Только легко говорить — успокойся и выдохни. А если сердце вперед глаз вырвется из груди? Очень страшно. Очень. Никогда в жизни я так не боялась. Даже когда симпатичная менеджерка перепродала продукцию на триста тысяч каким-то левым товарищам и повесила кражу на меня. Лирэн за такое отрезает уши, а я без ушей обошлась, но справилась. Вычислила адрес мерзавки, встретила, поговорила, почти все вернула. Ну, пришлось кое-чем пригрозить...

Тьфу, нашла о чем вспоминать! Почему мы опять стоим?! Время-то не просто идет. Оно бежит, почти летит.

Только я в очередной раз собралась умереть на месте от внутренней трясучки, послышался голос Этьена: тот уверенно командовал, куда нам двинуться дальше. Караван-улитка вокруг меня зашевелился, туго натянутая в душе струна самую малость ослабла. Но тут наш проводник пробрался сквозь толпу и, глянув на его лицо, я снова заледенела.

— Две новости, — произнес он. — Одна...

— Начинай для разнообразия с хорошей, — сказала я.

— А... — Этьен понимающе кивнул. — Хорошо. Во-первых, мы нашли нужный коридор, во-вторых — он завален.

Как я там на месте не упала — отдельный вопрос. Да сколько можно?! У меня нервы не железные!

— Мадам, это слишком скромная задержка, чтобы вам волноваться всерьез. — Этьен разглядел выражение моего лица в

тусклом фонарном свете. — Предоставьте мужчинам решить проблему, а пока отдохните. Уверю, все будет сделано быстро.

— Сейчас же наверху, наверное, рассвет! — не сдержавшись, воскликнула я. — А полдень уже скоро!

— Уверю вас, — произнес вельможа невозмутимым тоном, — сейчас наверху вряд ли светлее, чем здесь. Не волнуйтесь, отдохните, а впрочем, утешьте себя работой. Пока парни разбирают и раскапывают завал, проследите за состоянием цветов. И пройдите чуточку вперед — я укажу, где вам стоять, чтобы у копателей было лучше с дыханием. Простите, меня ждут впереди.

— Вот как господа говорить умеют! — полушепотом восхитилась Франсю. — Нет бы сказать: «Не кудахчи, как квочка над цыплаком», а он: «Предоставьте мужчинам решить проблему... утешьте себя работой». Ох, Магали с нам намучается и насмеется, — добавила она. — Эх, жаль, мсье министр ушел, я бы попросила, чтобы его кошка научила этого котенка крыс ловить, здесь их много.

Она права, конечно. Так, Лина! Хватит дергаться. Твои друзья делают все возможное, хотя вовсе не обязаны. Вот и ты займись делом!

И я занялась. Это даже помогало. Я видела, как обломки, обвязанные веревками, отходят, освобождая проход. И еще не знала, какие испытания ждут меня и Нико в открывавшемся темном пространстве.

— Мадам, не прошло и двух часов, как завал разобран, — сказал Этьен, причем таким взволнованным голосом, что я даже не стала нервничать или шутить.

Ведь, кроме «поздно» или «рано», не менее важно было, «удастся» или «не удастся».

Путь в коронационную башню был открыт. Точнее, как мне объяснил по дороге Нико, в подземное святилище, вырубленное в скале в какие-то древние времена. В моем мире, о котором в эти страшные и напряженные часы я почти не думала, в таких местах устраивали бомбоубежища.

Башня, которая когда-то возвышалась над тайным храмом, обвалилась очень деликатно — лишь несколько обломков упали на каменный пол. Некоторые были величиной с чемодан, другие — с

платяной шкаф. Но они все показались мне мелочью в этом огромном подземном зале.

Конечно, я поняла это, лишь когда лепесточники по приказу Этьена поставили на камни фонари без крышек, укрепили факелы. Я чуть не крикнула «идиоты!», но сообразила, что мы отделены от враждебных глаз гранитной и глиняной толщей.

Зал наполнялся светом, а моя душа — тревогой. Пока пробивались через завал, я совладала с нервами. Теперь же было другое чувство — ощущение присутствия мощной, беспощадной силы. Как будто ты стоишь между оголенными проводами ЛЭП. Так-то стоять безопасно, но только сделай неверный жест — и твой пепел рассыплется, не коснувшись земли.

Когда зал осветился, я поняла, что одна из стен абсолютно черная, до блеска. Когда-то в музее видела кусок каменного угля — вот тут такой же цвет.

— Алина, — сказал Этьен и я поняла по его голосу, что он ощущает то же самое, — принцу нужно умыться.

— Может, еще и ванну принять? — скептически осведомилась Магали, но ее голос явно свидетельствовал о том, что и она — между проводами. — Нам воды может не хватить.

— Он прав, надо все по порядку делать, — сказала Франсю.

Через пять минут в ее руках была небольшая лоханка. Лепесточница поставила ее на камень перед Нико и сказала: «Умывайтесь», первый раз обратившись к маленькому принцу на «вы».

Мальчишка кивнул и разделся до пояса. В факельном свете он напоминал цветок — тонкий белый стебель с белым бутонем-головой. Нагнулся, умылся. Глядя на выступавшие позвонки и лопатки, я забыла все свои недавние страхи, утонувшие в жалости. Что не помешало мне порыться в мешке с нашим скарбом и протянуть ему чистую рубашку, купленную после одной из последних сделок с почками.

Нико поблагодарил, оделся. Причесал рукой мокрую голову. И тихо сказал:

— Я готов.

Он взял золотую лопатку и вытянулся напротив черной стены, как солдат почетного караула.

— Алина, отойдите, пожалуйста, — произнес Этьен почти умоляющим голосом, — за черту.

Пригляделась — как я раньше не увидела? Мой маленький принц стоял в середине полукруга, выложенного золотой плиткой. Пришлось отступить еще дальше от стены, только сейчас осознав, насколько она страшна.

Я до этого боялась? Ни фи-га! На одну секунду ощутила себя мамочкой в зоопарке, когда ребенок уронил машинку в бассейн с белыми медведями и туда полез. Даже не поняла, сумела ли сама устоять на ногах, не бросившись к маленькому принцу, или меня удержали.

Сердце хотело выскочить. Уши заложило. Поэтому звонкие, четкие слова слышала через раз. Даже не всегда разбирала, что говорил Этьен, работавший суфлером.

— *Я пришел сюда по древнему праву, чтобы именоваться Хранителем этой земли!*

...

— *Я — почва этой земли. Я — в каждом стволе и в каждом стебле. Я вода для нее и огонь для нее.*

...

— *Я — ветер этой земли, несущий дождевые облака. Я — вода для высохших нив и садов. Я — тепло для озябшей почвы.*

— Ой, сейчас лопатка раскалится, — шепнул Терсан.

Блин, зачем напомнил! Пока мы ждали окончания земляных работ возле завала, я дважды услышала про похождения Этьена и про то, что ждет моего Нико в этом проклятом подземелье. Рационально даже обиделась: лучше ничего бы не знала, как не знаешь подробностей медицинской процедуры. И тут же себя изругала — не стыдно, так прятать голову?

Теперь это не имело значения. Я смотрела на белый затылок, будто пыталась дотянуться до него рукой, стоя за десять шагов...

...И это удалось. То ли такой крутой нервяк, то ли мой нервяк был усилен этой чудесной комнатой, но я ощутила то, что чувствует Нико. Лопатка и правда разогревалась, медленно, но неуклонно. Будто он сунул правую руку под струю в раковине, а левой медленно прибавляет горячую воду.

— Я — дыхание для каждого дыхания! Я — жизнь для каждой жизни!

Голос маленького принца стал еще громче, еще звонче, еще напряженнее. И я понимала почему — лопатка разогрелась почти до невозможного. Почему, почему маленький дурачок ее сжимает?! Лучше бы расслабил пальцы, чтобы бросить, когда будет невтерпеж! И где дура Магали с лекарствами?!

— Я — пламя, согревающее лепесток и палящее тернии. Я не боюсь огня.

Еще капля горячей воды. Я сейчас не выдержу. Как же держится он?

— Огонь, стань моей силой. Огонь, испепели меня, если я недостойн принять тебя!

Чудо. Палящий поток замер — ни жарче, ни прохладней. Если не будет горячей, держать еще можно.

И вдруг черная стена осветилась, будто ее саму раскалили изнутри. Еще секунду назад она была гладкой и чистой. Теперь на ней отчетливо проявились очертания двух драконов...

Блин, ничего себе, это не рисунки! Это какие-то барельефы. Или статуи. И эти статуи ожили. Оторвали морды от стен, уставились на маленького принца...

— Никто не говорил, что такое бывает! — в ужасе шепнул Этьен.

Драконы выпустили огненные струи, соединившиеся в один шар. И этот шар коснулся правой руки Нико.

И исчез, будто вошел в руку. Исчезла и золотая лопатка. Зато сама рука осветилась, будто она была хрустальной, а внутрь вставили лампочку. И из нее вытянулся золотой тюльпан. Потом рука опять стала обычной маленькой ручкой. Но я уже знала, что у нее внутри.

— Лопатку жалко, — донесся печальный голос Терсана. — Она двести монет стоила, не меньше.

Я его почти не слышала. Потому что в эту секунду стало происходить что-то странное со стенами. Они словно стали прозрачными, но там, за ними, был не этот мир.

Ездили машины, хмурое питерское небо чесало облака об Адмиралтейский шпиль, серый асфальт с пятнами невесть как сохранившейся брусчатки влажно поблескивал в свете фар и стыдливо прикрывался первым золотом осенних листьев.

Там... да быть не может! Там был мой мир! И стены, они не просто стали прозрачными, вон там, напротив, где раньше были драконы, стена исчезла вовсе. Сырой воздух, пропитанный знакомыми запахами старой штукатурки и бензинового выхлопа, ласково коснулся лица, словно радуясь — давно не виделись.

Хочешь домой? Шагни. Шагни — и этот ненормальный мир вместе с его сумасшедшими обитателями останется просто затяжным сном, который забудется через пару месяцев и три визита к психологу.

Ну, давай же, Алина! Они тут сами справятся, вон у них есть настоящий принц и магия. А тебе пора домой!

Лирен

Позапрошлый день оказался хлопотным, ночь — еще больше. Вчерашним днем и прошедшей ночью я был бы рад отдохнуть, но не давали. Заснуть удалось лишь под утро.

Сон был кошмарным, добродетельный мерзавец добился своего. Запугать меня, конечно, не сумел, но лишил душу последнего покоя.

— Если не все лепесточки задохнулись, — сказал он с усмешкой, — они уж точно рассказали ей про выкуп. Кстати, это первая злая казнь за последние двести лет, когда глашатаи не кричали про отмену выкупа и это не было упомянуто в афишках. Ах, я не сомневаюсь, кое-кто узнает про это и сделает нужные выводы. Ты догадался?

Подлец веселел с каждой секундой.

Я зажмурился, пол слегка подрагивал. Он что, пляшет?

— И заметь, я даже не заставляю тебя отвечать. Я знаю, что ты слышишь меня! Ты еще никого так внимательно не слушал в своей жизни, как сейчас! Ведь речь не о твоей жизни и смерти, а о том, что для тебя важнее! Так какой же выкуп будет принесен? Может, голова предателя Этьена? Впрочем, такой умнице хватит хитрости привести его живым. Нет, нет, это слишком мало. А вот если она приведет маленького...

Видимо, Лош вспомнил, что стража слишком близко, и резко замолчал, будто сам схватил себя за язык.

Я сдержал смех, чтобы не застонать, — какой он все-таки трус!

— Если она приведет и отдаст мне маленького самозванца, может, тогда я приму выкуп и помилую тебя. Правда, приятно слышать? — Тварь сделала тягучую паузу и продолжила: — Но разве народ примет такой выкуп? Он крикнет, что наглого мальчишку надо высечь и отдать сапожному мастеру, пусть научится делу. А негодяя — немедленно казнить! И не одного, а вместе с негодяйкой, которая предложила такой абсурдный выкуп. По такому же старинному ритуалу — перед злой казнью равны злодеи и злодейки. Да, кстати, ты же, наверное, не раз видел ее обнаженной?

Наверное, я дернулся. Или издал какой-то звук. Потому что мой ликующий мучитель возликовал еще больше.

— Или не видел? Вы совокуплялись в темноте? Чудесно! У тебя будет небольшое предсмертное удовольствие — ты увидишь ее голой. Под кнутом! Правда, одновременно ее увидят еще сто тысяч глаз, но тут уж прости — я не могу лишиться людей такого зрелища. Да, если извинишься передо мной, меч для ее шейки будет острый. Для тебя — тупой. Извини, толпа должна насладиться долгим зрелищем.

Пауза была такой долгой, что я подумал — негодяй ушел. О, если бы!

— Впрочем, — донесся тихий спокойный голос Лоша, — это я немного размечтался. Она не придет. Эта умная, хитрая и красивая женщина не твоя. Нет, если бы остался маршалом, у тебя были бы шансы. Она могла бы лечь с тобой на ложе, усыпанное золотыми. Но лечь с тобой в могилу? Не мечтай! Подумай о своих ошибках, может, это тебя отвлечет.

Он ушел и я забылся кошмарным сном. Я десять раз видел, как она рвется через толпу с криком: «Я принесла выкуп!». Кричал: «Беги!». И просыпался. А потом десять раз доезжал до эшафота, тщетно осматривал толпу. Не видел ее и просыпался опять.

Поэтому компанию палачей и стражников, что пришли за мной незадолго до полудня, я встретил почти с облегчением. Лучше мучительный конец, чем бесконечные муки.

И у меня еще осталась надежда: обрывок последнего сна, на котором меня разбудили, — Алина не придет. Мне все равно, почему это случится: Лош прав и она испугается, решит, что ее жизнь не стоит такого риска, или ее не пустят Этьен с лепесточниками. Не идиоты же они, должны понимать, что это ловушка. И Терсан с ними, он достаточно умен, чтобы ее удержать.

Да, точно. Точно. Я буду думать и верить, что ее не пустят на площадь и все расчеты господина блюстителя Добродетели — чушь и провокация, которая не удалась.

И мне будет легче умереть.

Между тем вокруг меня суетились. Лекарь потрогал мое запястье, прижал к груди костяную трубочку, прислушался к ней. Заглянул в глаза, слегка оттянув веки. Пощупал шишку от удара о дыбу.

Мне стало смешно и я сказал тихим вежливым голосом, как воспитанный ребенок, просящий родителя:

— Доктор, передайте, пожалуйста, господину палачу, что, если он ударит меня мечом по шее, голова может отлететь.

Врач недоуменно взглянул на меня, чиновник услышал и хохотнул:

— Это он проверяет, здоров ли ты для кнута. Здоров?

Лекаришка буркнул «да» и скрылся за спинами стражников. Меня отковали от стены и повели-потасили, как ярмарочного зверя. Я сразу догадался, в чем дело, — боялись, что я изловчусь приложиться головой о стену и рубить придется труп.

Не дождутся! Буду жить, пока живу.

«Колесница почета», как я назвал это сооружение, уже стояла во дворе. Меня посадили на подобие трона и начался путь, не очень дальний — два квартала, три перекрестка.

Толпа началась уже на первом. Подлец сдержал обещание повеселить горожан — я видел и корзины с увядшими бутонами на фонарных столбах, и бочки с вином, и закуски. Среди прочего были и фрукты. Наверное, Лош надеялся, что в меня будут кидать огрызками, но народ в последнее время и вправду бедствовал, поэтому съедал яблоки с косточками.

Я чуть не рассмеялся от этой мысли, но мы повернули и я увидел эшафот. Помимо воли вдоль спины продрало холодом. Я живой человек и боюсь боли. Да, умею этого не показывать, но...

Так что пришлось собрать остатки сил, чтобы колени не подгибались, когда меня, все еще на веревке, как опасное животное, потасили по добротной деревянной лестнице на помост. Расщедрился благодетель, строение новенькое, доски только с лесопилки, и не абы какой сырой горбыль, ровненькие, светлые. На них очень четко будут выделяться брызги крови.

Чтобы взбодрить себя, решил понаблюдать, оглянулся по сторонам со своего почетного возвышенного места. Да, зевак много, бутону не упасть. Цепочка стражи у эшафота... И резервы на выходе с улиц, замкнуть толпу, если в ней появится кто-то нежеланный. На крыше роскошного пятиэтажного отеля времен, когда в Город приезжали гости, — спрятавшиеся воины с осадными нарезными свинцовниками. Гадкая штука — посылает на милую свинцовую

косточку, которая разносит голову, как булыжник переспелую тыкву. Все серьезно.

И паланкин, окруженный отборным отрядом в черных масках. Я как-то сразу сообразил, что за особый зритель там скрывается.

Пока зачитывали приговор, я скользил глазами по толпе и не видел отдельных лиц. Одного, того, которое я ждал и боялся увидеть, не было, остальные меня не интересовали. Пусть смотрят, что-то кричат, развлекаются. Казнь — это почти всегда праздник для зевак, а уж такая, какой удостоили меня...

Что, всё? Зачитали?

Палач грубо дернул меня за веревку и большим, почти бутафорским, ножом принялся кромсать остатки рубашки и штанов. Сердце помимо воли провалилось в желудок и заполошно там дергалось, рассылая волны потливой слабости по всему телу. Руки вздернули, притягивая к поперечной перекладине. За спиной с тихим шорохом развернулся кнут.

Не пришла. Это хорошо. Это хорошо. Это хорошо! Не хочу, чтобы она это видела.

Быстрее бы все закончилось...

Алина

И опять вокруг меня эти надоевшие стены и тусклые фонарики. А ведь я, если бы захотела, уже сейчас могла бы ехать в вагоне метро. Домой! В теплую квартирку, к электрическому чайнику и родному холодильнику. К микроволновке!

Я же все эти месяцы постоянно мечтала вернуться. Но не могла представить, насколько сильно это желание. Потому что даже не подступилась к поиску выходов из этого мира. Да, что-то говорила Магали. А еще надо было расспросить Лирэна.

Лирэна... Ему уже скоро должны отрубить голову. И если я сейчас шагну в свой мир, никто этому не помешает. Я что, его брошу?

Я его брошу?!

От этой мысли я впала в ступор. Из которого меня вывел Паршивец. Котенок вцепился зубами мне в платье, зараза! И коготнул по ноге — бо-о-ольно, зара-а-аза два раза!

Нет, я не заорала. Но вернулась в этот зал с погасшими драконами. Судя по лицам друзей, их тоже прельстили какие-то перспективы. Но в пределах их мира.

— Алина.

Я вздрогнула. Рядом стоял Нико, мой Нико. На его ладошках не было ожогов. Может, мне почудилось, как его правая рука поглощает целый пожар?

Нет, не почудилось. Изменились голос и глаза.

— Алина, там, за аркой, это твой мир?

— Да, — то ли кивнула, то ли шепнула я.

— Ты самый близкий человек для меня, — сказал мальчик спокойным, бесцветным голосом, — и я вижу твое сильное желание. Над тобой у меня нет власти. Ты можешь уйти, если хочешь.

— Ваше величество, спасите Лирэна, — с трудом проговорила я, всей душой потянувшись туда, в вечернюю питерскую морось, такую родную, знакомую и желанную.

— Да, мы пойдем на площадь. Этьен, я назначаю вас главным королевским распорядителем. Распорядитесь, чтобы осветили путь.

Этьен не успел ответить, как рядом оказалась Магали.

— Ваше величество, — она сделала небольшой, но все равно неуклюжий поклон, — сначала у нас есть другое дело. Цветы готовы для испытания.

Блин, я забыла, из чего состоит выкуп, который предстоит заплатить за жизнь маршала. Да, вон там один из ящиков, в котором тюльпаны. Луковицы.

Нико спокойным размеренным шагом подошел к нему, поднял руку. Тихо запел. Казалось или нет, но из его ладони исходили искры.

Вдруг он резко остановился. И сжал кулак, перед тем как отдернуть руку.

— Здесь не получится, — сказал он так же спокойно. — Цветы растут под солнцем. Если я выращу их в подземелье, они опять рассыплются пеплом. Как тогда, помнишь, Алина?

— А под солнцем они вырастут?! — не выдержала я. Кажется, даже крикнула. — Вырастут же? И ими можно будет оплатить жизнь маршала?!

— Это мы сможем узнать, только поднявшись наверх, к солнцу, — ответил маленький принц, ставший маленьким королем. — Есть шанс, что я смогу даже без твоей помощи. А может, и нет... но это сейчас не так важно. Сейчас другое: Алина, ты должна решить, уходишь или остаешься. Проход закрывается, у меня не хватит сил его удержать. И еще раз открыть до следующей коронации, следующего короля, вряд ли выйдет. Алина? Делай выбор. Сейчас.

— Стал таким же занудой, как мсье распорядитель, — шепнула Магали мне на ухо.

Ее шепот словно взорвал стеклянную тишину, упавшую на меня после слов моего маленького принца.

Уйти или остаться? Там Питер и моя нормальная, привычная, такая желанная спокойная жизнь. Здесь... здесь мой маленький принц и мой взрослый маршал. Может быть, они спасут себя сами. А может, и нет... И выбирать, как поступить, действительно мне.

Все это было полчаса назад. А может — час. Наш путь к выходу из подземелья оказался долгим. Два раза выйти не удалось, но через щели пробивались столбики света.

Я выбрала и старалась всеми силами забыть об этом.

Наш отряд уменьшился. Лепесточники остались в огромном зале с живыми цветами и разной поклажей. С нами шли только Луи и

Франсю. Я предложила остаться им тоже, но чуть не утонула в ворчании.

— Это как же можно из семьи-то отпускать на такое дело, а самим оставаться? — хором сказали новые друзья.

— Идите, — кивнул Нико. — Ваш народ сделал для меня больше, чем остальные жители Города, и вы должны пройти наш путь до конца.

Магали хмыкнула что-то скептическое. Но когда я предложила ей остаться с лепесточниками, возмутилась больше, чем Луи и Франсю, вместе взятые.

Еще одна остановка в подвале со световым окном. На разведку ушли трое: Терсан, Этьен и его кошка. Первой вернулась она и радостно мяукнула.

— Ваше величество, — сказал Этьен, появившийся следом из мрака, — мы нашли выход. Дверь замкнута на обычный засов, нам не придется трудиться.

Блин! Сказал бы проще: «Выход есть!» Я бы побежала!

Но приходилось идти осторожно, с корзиной в руке. Вторую несла Магали.

Мы свернули за поворот и я на миг чуть не ослепла от дневного света, хлынувшего в подвал, — Терсан справился с дверью. Вместе со светом в подземье ворвался зной. Настоящий жаркий полуденный зной...

Полуденный?!

Прости, Терсан! Я чуть не сшибла его, вылетая из подвала. Двор, проулок, выход на улицу. Еще издали видно толпу.

И громкий бой часов. Двенадцать раз.

Я споткнулась и упала бы, если бы меня не подхватил Этьен.

— У нас есть время, — спокойно сказал он. — Злая казнь начинается с кнута, а идти отсюда недалеко.

Что он говорит? Для кого кнут? Для Лирэна?

— Ты же хорошая девочка, — укоризненно сказала Франсю, успевшая подхватить мою корзину. — Давай шагать спокойно, не расшибаться.

Мимо прошел Нико. Обычный мальчишка в недавно чистой, а теперь слегка запыленной рубашке. Может, драконий храм мне приснился?

— Мы успеем, — сказал он обновленным голосом.

Что успеть будет непросто, я поняла, когда мы вышли на улицу, под палящее с безоблачного неба солнце и порывы жаркого ветра. Уже она была запружена народом, который старался прорваться вперед.

— Мы несем выкуп! Мы несем выкуп! — провозгласил Этьен.

Толпа подрасступилась, но коридор не появился.

Нико присел возле Крошки. Что-то сказал. И та сперва издала дикое:

— Уй-йя-а-ау-у-у-у!

А потом будто надулась, распушила шерсть, став едва ли не в полтора раза больше себя прежней. Это была уже настоящая пантера.

Вот тут действительно образовался живой коридор. Зеваки предпочитали топтать чужие ноги, но не остаться на пути огромной твари, неотвратимо двигавшейся на них.

— Он ей приказал? — удивленно спросила я, забыв на миг обо всем остальном.

— Да, — шепнул Терсан. — Я слышал в детстве: «Король, который всем благоволит и со зверями говорит».

— Ой, боги и божки, — слышалось вокруг, — катланка-оборотня ведут на выкуп. Ай, не стой на ноге, ударю! Ой, и лепесточки тут же. Ой, и вельможа-изменник! Ох, страсть какая!

— Выкуп! — громко повторил Этьен и цепочка стражи разошлась, пропуская нас на площадь.

Несмотря на страх, я чуть не улыбнулась, осознав затею Нико: все смотрели в первую очередь на катланка, а на мальчишку — в последнюю.

Но тут я подняла глаза на эшафот.

Всегда считала банальщиной распространенные в нашей литературе штампы вроде «сердце остановилось» или «в глазах потемнело». Даже посмеивалась — остановилось, получило пендель, дальше пошло.

Но увы, сейчас я убедилась, что они правдивы, хотя на самом деле даже отдаленно не передают весь ужас, который заморозил дыхание в горле. Как у местного жителя, которого поместили в песочницу без бутона или лепестка.

Вот это залитое кровью тело, распятое в деревянной букве «П», — Лирэн?! И мне еще кто-то говорит, что мы не опоздали?! Почему я

слушалась, почему не бежала?

— Его голова еще на плечах, — сквозь шум в ушах откуда-то сзади донесся голос Магали.

Как она смеет смеяться?! Впереди, на страшном помосте, умирает человек! Его же насмерть забьют! Откуда столько крови, господи... и эти люди вокруг — как вообще они могут смотреть на этот ужас и думать, что он для их развлечения?!

Злость — полезная штука. Она растопила ужас. И тут вернулся разум. Нет никакого смысла сердиться на Магали. Нет никакого смысла сердиться вообще на кого-нибудь. Сейчас надо идти вперед. И расчищать себе путь.

— Выкуп! — зычно, на всю площадь, провозгласил Этьен.

— Выкуп! — не так громко, но столь же решительно заорала я.

Пусть все слышат! По крайней мере, дойти до помоста нам теперь дадут, хотя бы чтобы потешить толпу. А еще на этот крик обернулся палач с кнутом и опустил его, не ударив в очередной раз по исхлестанной спине...

— Чего встали? Выкуп несут! — ворчливо и тоже громко добавила Франсю в толпу, делая ладонью какой-то странный жест, от которого шарахнулся толстый лавочник, стоявший к ней ближе всех.

А вслед за ним, как костяшки домино в нарочно устроенной для видеоролика фигуре, зашевелились остальные зрители.

Нашего нестройного хора оказалось достаточно, чтобы завести площадь.

— Выкуп несут! Дайте дорогу! Лепесточки идут! Они живы еще? Да я не толкаюсь, это ты стеной стоишь! Дайте им пройти — сейчас узнаем, какой выкуп!

Теперь толпа расступалась перед нами и без стараний Крошки. Она уже не выла и вернулась к прежним размерам.

— Уходи-и-ите! Бегите! — разнесся вдруг над площадью то ли рев, то ли крик.

Кто же это? Я что, не узнала голос Лирэна? Это он?! Он кричит? Под кнутом не кричал, а теперь...

— Уходи-и-ите, заса-а-ада! — опять заорал Лирэн и бессильно повис на веревках, привязывающих его к перекладине.

— А как уходить? — простодушно заявил Терсан мне в спину. — Поздно уже. И правда ведь засада.

Действительно, толпа с двух сторон орала не только от собственной толкучки. Слышались воинские команды, бряцала сталь.

— Кроме городской стражи, здесь полевые части блюстителя Мира, — негромко и деловито пояснил Этьен. И опять крикнул: — Выкуп! Никто не смеет мешать! Священное право выкупа!

Нас окружали с боков, но идти вперед, к эшафоту, пока что удавалось, и мы шли. И лишь у самого помоста уткнулись в цепочку стражников. Они не давали нам пройти, но и не атаковали.

Я наконец-то остановилась. Теперь ничто не мешало смотреть вверх.

О господи! Что они с ним сделали? Как он смог молчать эти минуты?! Да если эта толстая мразь на коротких ногах еще раз взмахнет кнутом, я отниму клинок у Терсана и швырну его как копье прямо отсюда. Никогда не училась, но знаю — не промахнусь!

— Судья и горожане, — донесся громкий голос Этьена. — По древнему, не отмененному обычаю принесен выкуп за приговоренного к смерти. Мы готовы его отдать. Будьте готовы освободить осужденного, если выкуп будет принят!

Ответом была тишина. Я слышала только порывы ветра да скрип досок помоста, на котором перетаптывался палач. Что с ним, геморрой, уремия? Да пусть бы всего побольше и сразу! И сквозь помост провалиться! Прямо возле вон той жуткой колоды, к которой прислонен здоровенный ржавый меч.

Строй стражников расступился. К нам спешил высокий тип, разодетый, как самец насекомого, привлекающий самок своим видом. Я как-то сразу поняла, что эта фигура здесь исключительно декоративная.

— Я главный судья. Кто принес выкуп?

— Друзья осужденного, — так же громко ответил Этьен и, не дав себя перебить, продолжил: — По давнему обычаю их имена не спрашивают, пока выкуп не принят или не отвергнут. Если ты знаешь законы, то должен задать только один вопрос.

Что это такое? За цепочкой стражи какая-то движуха. Приближается, и эти маскированные морды кажутся мне знакомыми. Да, этих мордovorотов в масках я видела в тайном офисе одного знакомого маньяка...

...Который тоже тут. Находится в кабинке на носилках, я даже вспомнила, как эта хрень называется — паланкин или портшез. И его несут внутри этой стально-масочной коробки к нам.

Цепь обычной стражи рассыпалась, как обычные кошки отлетели бы от миски, к которой подошел катланк. Между прочим, у Паши шерсть встала дыбом без всякого приказа. Я слышала, что у катланков отличная чуйка, не только в смысле носа. Похоже, котенок понял, что ничего хорошего гость не несет.

От портшеза отделился какой-то пацан на побегушках, метнулся к судье, шепнул на ухо.

— Это противоречит закону, правилам и традиции! — сказала судейская рожа. — Того, кто принес выкуп, может сопровождать семья или компаньоны, но вносит выкуп только один. Пусть этот человек назовется, иначе выкуп будет отвергнут! Но перед этим пусть вспомнит — если выкуп не будет принят, его ждет эшафот!

К такому повороту Этьен был не готов. Он перевел взгляд на Нико...

Кто же принес выкуп? Они что, готовы это обсуждать?! Они забыли?!

— Я, Алина, пришелица из-за стены, приношу выкуп за жизнь осужденного Лирэна!

Ничего себе! Это что, я так сказала? Наверное, да, потому что все молчат и слушают.

Опять рокировочки в черном каре. Ага, портшез и группа особо приближенной стражи движется к нам. На полпути пассажир махнул рукой, приказывая остановиться. Стража вышла вперед. Из-за их стальных фигур донесся знакомый голос, уверенный и веселый:

— Алина, подойдите, пожалуйста. Хотя бы на три шага. Пока выкуп не отвергнут, вы в безопасности.

Я оглянулась, мои удивленные спутники ничего не сказали и я сделала три шага вперед.

— Смотри, Лирэн, — неожиданно сказал Лош, — она привела всех! Какое мастерство и какая щедрость!

С эшафота донеслись то ли стон, то ли рычание. Но я глядела на своего врага. Было так жарко, что мощные порывы ветра сбивали капельки пота с лица.

Внезапно стражники в шеренгах стали бить о каменную брусчатку древками алебард. Не громко, но синхронно. Я сразу догадалась для чего — экранировать от остальной площади нашу беседу.

— Алина, — голос стал шипящим, почти змеиным, но по-прежнему оставался разборчивым, — я готов принять выкуп. И спасти жизнь. Твою. Это очень щедро. Вот этому, — палец указал на Лирэна, — жизнь уже и не мила. А ты будешь жить. Согласна?

— Зачем это вам? — черт его знает, почему я спросила.

Не все ли равно, если не собираюсь соглашаться?

— Ты хорошо умеешь слушать, — кривовато усмехнулся подонок. — Слишком хорошо. И ты единственная, кто хоть попытался понять. Я оставлю тебя себе и даже позабочусь, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Могу даже жениться.

Как меня не стошнило — это только чудом можно объяснить.

Но кажется, выражение моего лица сказало о многом, потому что Лош зло и предвкушающе ухмыльнулся. А потом вдруг дернулся в сторону, резко спросив:

— Куда?!

Вопрос относился к Магали. Она выскочила вперед и яростно шепнула мне на ухо:

— Алина, не забудь: выкуп принимает площадь.

Действительно, как я могла забыть?

Я взглянула в глаза Лошу и отчетливо сказала:

— Я согласна.

Лош улыбнулся. Я не поняла, приказал он или нет, но удары о мостовую замолкли.

— Я согласна, — повторила я обычным голосом, а потом заорала так громко, как только могла: — Озвучить выкуп перед всеми!

Лош огляделся, понял, что теперь его звуковые помехи не сработают, и щелкнул пальцами. Едва возобновившаяся трескотня прекратилась.

— Что вы даете за жизнь презренного негодяя? — важным тоном спросил судья, маячивший все время рядом с нами и делавший вид, будто не замечает нашего почти интимного разговора.

Я набрала воздуха и опять грянула на всю притихшую площадь, так что даже испугалась за свое горло:

— Мы дарим живые цветы всему городу! Цветы, которые могут расти и цвести сами!

Секунда тишины.

Я видела, как расширились глаза негодяя. Да, ведь я говорила ему про спасение, говорила. А он не поверил. Теперь поздно что-то предпринимать — раздался всеобщий то ли вздох, то ли стон. Казалось, люди боятся поверить, но не могут расстаться с надеждой.

— Нам это не надо! Выкуп отвергнут! — послышалось несколько отрететированных воплей.

Наверное, они должны были зажечь толпу. Но мои слова были так неожиданны, что замолчали и наемные крикуны. Тишина вернулась.

И в этой тишине раздался громкий, почти спокойный, насмешливый голос:

— Да неужели?! Для вас моя казнь важнее живых цветов? Моя смерть важней вашей жизни, дураки?

Я вздрогнула от боли. Любовь — это когда чувствуешь чужое тело как свое. Когда его дыхание — твое дыхание. Его боль — твоя боль. И я поняла, насколько ему было трудно сказать эти слова ясно, четко и достаточно громко, не застонав при этом.

Но он смог.

— Цветы! Цве-ты! Цве-ты!

Алебардчики затрещали опять. Но трещали не все, более того, они один за другим опускали оружие, а рев толпы нарастал.

Лош поморщился, а потом приказал:

— Взять и ее, и выкуп.

Четверо стражников с секирами поспешили ко мне. Я застыла, вперед выскочил Этьен. Прыгнул, покатился как акробат и поднялся со шпагой в руке.

Не люблю эти мужские прибабахи с оружием. Но как-то сразу сообразила, что ему гораздо проще, чем этим недотепам с длинными древками. Двое упали ранеными, третий был обезоружен Крошкой, молча прыгнувшей вперед, четвертый благоразумно отступил сам.

— Цветы — выкуп! — раздался новый выкрик с помоста. На этот раз Лирэн не смог сдержать стон. — Цве-ты — вы-куп!

— Цветы — выкуп! Цве-ты — вы-куп! — повторила площадь — на этот раз еще громче и слитней.

Народная поддержка пришлась вовремя. Незадачливая арестная команда отступила. Шеренга алебардчиков присела на колени, положив оружие на брусчатку. За ними стояла шеренга стрелков с мушкетами, пищалями, или уж не знаю, как назывались эти свинцовники. Но Лош не отдавал приказа. Или он хотел взять нас живыми, или понимал, что находится на линии огня и первые пули достанутся ему.

Мерзавец не терял самообладания. Что-то приказал подбежавшему курьеру. Несколько секунд спустя над площадью резко взревели трубы.

Народ притих и в полутьмине раздался голос судьи:

— Показать выкуп!

— Показать выкуп! — повторили клакеры, на этот раз дружно.

Все хотели увидеть живые цветы. И несколько секунд спустя орала вся площадь.

— Поднимите корзину! — громко и отчетливо сказал Нико. — Пусть они увидят!

Алиночка, не надо бояться! Надо поднять над головой эту тяжелую корзину. И не дрожать оттого, что половина стволов смотрят на тебя, а вторая — на Нико.

Маленький принц поднял правую руку...

Дура! Везучая дура! Бывает же — вызвала лифт и вспомнила, что забыла в квартире телефон. Вспомнила у лифта, а не у стойки регистрации в аэропорту.

Так и сейчас, в последнюю секунду я вспомнила, как после неудачного опыта в подземелье опять завязала корзину, чтобы не просыпались драгоценные луковицы на очередной невидимой колдобине. И развязать нет ни времени, ни сил.

Кинжал. Нож. Скальпель — вот что нужно.

Я не поняла, сказала это Этьену или нет, но он протянул мне какой-то вспомогательный клинок, короткий, не длиннее ладони, но тяжелый. Впрочем, какое это имеет значение. Важно, что одним вспарывающим ударом я разрежала полотно будто торт. Оглянулась — Этьен отошел — и, не выпуская ножа, подняла корзину.

Нико так и стоял с поднятой рукой. Секунда — и я увидела искры, исходящие из его ладони, услышала то ли заклятие, то ли песню.

Сработает? Или опять пепел?

Я даже не сразу поняла, что произошло, — смотрела в пыльный бортик корзины. Потом чуть вытянула руку вперед...

Над моей головой вытянулись высокие стебли. Секунда — и раскрылись яркие бутоны, красные и желтые.

— Цветы! — раздался чей-то дико-восторженный крик. — Воздух!

Толпа не успела повторить, как я услышала приказ Лоша:

— Арестовать всех. При сопротивлении — убить!

Вот подлец. То ли боится, что его застрелят вместе с нами, то ли хочет сохранить цветы себе. Боится! Он всегда боится. Всех боится. Ему очень-очень страшно. Его жизнь — это страх. Как же ему плохо-то...

Но при этом, хотя губы четко выговаривают приказ, глаза, как и глаза всей площади, смотрят только в одну точку — на корзину с цветами. И зрители, и стража, и ее командиры.

Я спиной почувствовала движение и угадала — Нико. Он король и у него есть магия. Он вобрал в себя огонь. И ему угрожают. Нет, не надо!

И я мгновенно поняла, что сделаю сейчас. Не опуская руки, передала корзину Терсану. Тот и без приказа поднял ее, еще выше, чем я.

А сама я шагнула к господину Лошу, поймала его взгляд и улыбнулась. Чему? Ну...

— Хочешь перестать бояться? Хочешь? — спросила почти одними губами.

Странно, вокруг шумела толпа, за спиной лязгало железо, между лопаток давил тяжестью взгляд маленького принца, голоса сливались в грозный гул, а мой вопрос прозвучал необыкновенно четко, хотя и негромко.

По-моему, в этот момент я немного сошла с ума. Честное слово, ни до, ни после я такого не чувствовала. Нет, никакого «моим телом руководил кто-то другой». Ничего подобного. Это была я, и я понимала, что делаю. И что собираюсь сделать. Потому что никто другой, кроме меня, сейчас это сделать бы не смог.

А господин Лош, он, кажется, тоже не осознавал, что происходит. Но у него расширились зрачки. Он не сделал ни единой попытки

отступить, отдать приказ стражникам вокруг, просто стоял и теперь смотрел не на цветы, а на меня остановившимся взглядом.

— Хочешь? — еще раз спросила я, подойдя вплотную.

И он кивнул. В этот момент на площади словно не осталось больше никого, только он и я. Только несчастный мальчишка, который так боится жить, что убивает. И я. Я. Я знала, что делать. Для начала — просто обнять и спрятать от этого бесконечного страха.

Сзади на шее, в основании черепа, есть одна точка. Такая как бы ямочка, мягкая и незащитная, обычно всегда прикрытая волосами. Если обнять человека обеими руками и погладить по голове, а потом... потом воткнуть туда короткий и острый клинок, человек даже не успеет ничего понять.

Такой клинок, какой по-прежнему был зажат в моей правой руке.

Когда-то у меня был роман с мальчиком-медиком, он еще всерьез увлекался восточными единоборствами. Тот парень показал это местечко и рассказал, что обычный человек не может убить другого просто так, это очень трудно. Но когда втыкаешь острый предмет сюда, причем даже неглубоко, все получается легко и безболезненно. И даже крови нет. А клинок входит так мягко, как в масло, почти без усилия...

Мамочки!

Я выпустила из своих рук обмякшее тело и шарахнулась назад, налетела на ступеньки, согнулась в приступе дурноты и упала. Что я наделала?! Что я только что... как?!

Ближайший стражник опомнился от шока быстрее всех, вытаращился на мертвое тело возле паланкина и заорал. А потом рванул на меня, заноса оружие. И остальные опомнились, нацелив на нас огнестрелы...

— *Я ветер этой земли!*

Почудилось или нет? Не почудилось. Я ощутила, как и без того неслабый ветер собирается в единое целое, сгущается, набирает силу. Будто я упала под заряженной пушкой.

Шеренга врагов уже была в пяти шагах: алебардчики, за ними стрелки.

И тут сверху, наискосок, ударил мощный воздушный кулак. Я ощутила его страшную силу, хотя он пронесся надо мной. А тех, кто

наступал на нас, просто смело. Люди, алебарды, ружья, паланкин — все полетело назад, мешаясь в единую свалку.

Раздался гвалт, полный восторга и ужаса.

И его прорезал ровный голос Этьена:

— Король принес цветы!

— Король принес цветы! — раздался такой же громкий, хотя и болезненный крик с эшафота.

Лирэн!

Господи, тоже мне, романтическая героиня монархической революции. Вымазанная бог знает в чем, зареванная, руки трясутся, на голове мочало, глаза безумные... но я не могла допустить, чтобы Нико убил Лоша. А все к тому и шло. Я его силу и намерение почувствовала всей кожей. И он смог бы. Эта странная и мощная магия вполне справилась бы.

Нико — ребенок. Да, он еще и король, имеющий право подписать смертный приговор. Но чем позже он это сделает... тем правильнее.

Конечно, мой поступок — не образец здравомыслия, гуманизма и женственности. Но я просто не придумала ничего другого. И теперь мне с этим жить. Мне, а не мальчишке, который называет меня «мама».

Тьфу! Нашла время для рефлексии!

Я же не зря романтическую героиню вспомнила. Что там дальше на площади творится — это пусть остальные разбираются. А я, спотыкаясь о ступеньки эшафота и хватаясь за воздух руками, кинулась к Лирэну.

Палач инстинктивно преградил мне дорогу. Взглянул, увидел, что я держу в руке, и так же инстинктивно шарахнулся в сторону, а потом и вовсе прыгнул с помоста. Убежал он, уковылял, уполз — меня это не касалось.

Я подскочила к Лирэну, чувствуя, что он держится из последних сил. А он, не взглянув на меня, крикнул:

— Стрелки наверху-у-у!

Так тревожно, что я обернулась. Увидела, как Нико поднимает ладонь. Казалось, разглядела вылетающий воздушный кулак, который обрушился на крышу самого высокого здания. Оттуда посыпались какие-то старинные пулеметы или мушкеты и их оружие хозяева. Они попадали на брезентовый навес у входа и скатились оттуда. Надеюсь, все же пациенты, а не покойники.

О каких глупостях я думаю!

И опять донесся громкий, болезненный и такой желанный для меня голос:

— Король вернулся!

Казалось, на этот крик ушли последние силы и Лирэн повис на веревках. Дурень чертов, неужели больше покричать некому?

Несколько секунд, пути разрезаны тем самым ножом, которым я испугала палача, и окровавленное обнаженное тело опустилось на помост.

Сердце бьется, дыхание тяжелое, но ровное. А в глазах — боль и радость.

— Поцелуешь? — Он даже улыбнулся, точнее попытался.

— Обойдешься. — Вопреки своим словам я чуть ли не легла рядом на помост и беспомощно прижалась к его плечу лбом. — Я только что убила человека и меня... короче говоря, поцелую только после того, как почищу зубы. И вообще! — спохватилась. — Куда тебе сейчас целоваться! Придурок! Идиот! Как ты мог! Я чуть с ума не сошла! Перевернись на живот, не смей лежать на спине, там живого места нет!

— Для короля каторжников лучшей королевы не найти. — Лирэн тихо засмеялся, но потом закашлялся, когда я помогала ему тяжело перекатиться по доскам. Хорошо, эти сволочи ради праздничной казни выделили не абы какие горбыли, заноз не нахватает в избитую задницу, дура я, дура, надо было хоть плащ какой подстелить!

Все же краешком глаза замечала происходящее на площади. Там еще прозвучали несколько выстрелов, а потом все звуки заглушил нарастающий хор:

— Король! Король! Король вернулся!

Мой маленький принц все еще стоял неподалеку от эшафота. Я заметила, как рядом остановился всадник в шлеме с пышными перьями. Не успела испугаться, как тот соскочил и встал на одно колено.

— Блюститель Мира, — прохрипел Лирэн, тоже глядевший на площадь. — Больше дурак, чем сволочь. Сгодится в первые вассалы.

Я продолжала гладить Лирэна, а сама поглядывала на происходящее. Чуть не обозвала себя предательницей, но и он смотрел

туда же. В конце концов, власть свергают не каждый день. Ну, заодно и Магали бы высмотреть. Где ее носит, когда она так нужна?!

К Нико подходили различные персоны в мундирах, становились на колени, он что-то им говорил. А потом к нему подбежала, наконец, Магали, указала на нас. И Нико за одну секунду превратился из монарха в мальчишку, взбежал по ступенькам.

— Лирэн, — позвал он. — Вы... ты живой?

— Простите, ваше величество, — с трудом ответил маршал Ночного Братства, — у меня нет сил преклонить колени. А в остальном вроде ничего. Не дождетесь.

— Лирэн, я отменяю приговор и прощаю тебе все твои преступления и проступки, — сказал маленький король и положил руку ему на плечо.

Что за чушь он несет? Тут сейчас нужна реанимация. Ну, или просто интенсивная терапия, а не амнистия...

Та-ак. А это что еще за?.. Рана от удара кнута, разрезавшая плечо, на глазах начала затягиваться. Затянулись и другие раны, превращаясь в старые шрамы.

— Нико?! — Я обернулась и маленький принц вдруг озорно подмигнул мне, быстро пряча за спину светящиеся ладони.

Вот негодник!

Господи, спасибо!

Поблагодарить маленького лекаря я не успела, потому что мой недобитый маршал тоже активизировался. Чуть полегчало, и уже!

Лирэн немного повозился и встал, опираясь на мое плечо. А потом вдруг снова опустился, преклонил колени. И даже меня отпустил.

Ладно, после остальных фокусов, которые я видела недавно, этот, пожалуй, самый скромный. Хотя и актуальный. Только один нюанс... как бы сказать поделикатнее этим дурням?

— Любовь моя, я все понимаю, но все же тебе не кажется, что прежде, чем приносить присягу королю, неплохо бы надеть штаны?

Ух, как они на меня посмотрели оба! Одинаково обиженно — женщина, мол! Что ты вообще понимаешь в рыцарских обрядах?! Голая задница клятве не помеха, и вообще!

Я не удержалась от нервного хихиканья, огляделась и заметила плащ палача, брошенный последним при побеге. Пошла, взяла и

накрыла свое подлеченное чудовище, не обращая внимания на его ворчливый протест — дескать, фу! Только не эту тряпку!

— Знаешь что, дорогой, — я еще и завязки затянула на двойной узел, — я ревнивая. И твои голые прелести предпочитаю созерцать сама, а не в компании целой площади!

— Пф-ф-ф, можно подумать, кто-то чего-то еще не разглядел. Все равно сегодня все запомнили только живые цветы и короля, — вполне резонно отозвался Лирэн, которого, кажется, в принципе ничего не смущало, а уж меньше всего собственная нагота.

— Вот и хватит с них. — Я была непреклонна. — Мы с тобой вообще дома поговорим про всякие самоубийственные порывы и жертвования собой.

— Да чей бы тюльпан распускался. — Сильные руки обняли меня за талию, разворачивая лицом к себе. — Кто в засаду пришел, как овца на убой? Ненормальная! А если бы тебя убили?!

— Два сапога пара, — высказалась откуда-то снизу Магали. — Потом семейные разборки будете устраивать! Нашли время. Ваше величество, — крикнула лекарка притихшему Нико, — помогите, пожалуйста. Покомандует Этьен, а в этом деле он вас не заменит.

К помосту подтаскивали покалеченных и пораненных стражников и простых горожан. Нико трогал их правой ладонью, после чего новые подданные вставали и благодарили. Магали тут же занялась сортировкой — осматривала и некоторых разворачивала. До меня доносилось ворчание — «компрессом обойдешься».

И лишь одно тело, уже накрытое плащом, оставалось неподвижным. Двое стражей по приказу Этьена затащили его под помост.

Я старалась на него не смотреть и не могла не видеть. Этот камень на моей душе теперь навсегда. Но разве был другой выход? Уже то чудо, что Лош, как заколдованный, позволил мне приблизиться.

Поэтому, уткнувшись в плечо своего мужчины, я постаралась как можно скорее спуститься с эшафота и вовсе не смотреть больше в ту сторону.

И чем дальше мы отходили от места казни, тем яснее я ощущала, как легче стало дышать. А еще по дороге от смерти к жизни мы прихватили Нико, выводя мальчика из ликующей, но все же незнакомой толпы.

Мальчишка не возражал, прижался ко мне. Что-то изменилось. И все же это был он, мой маленький принц, ставший королем.

— Мама, — тихо сказал он, — мама, спасибо тебе. Ты спасла меня и Город.

— Да какое там спасение, ты что. Я просто не могла бросить тебя, — тихо сказала я. — И его.

— Ты спасла меня два раза. Лош бы не сдался, а я не мог оставить его в живых. Но если король в день коронации приговорит кого-то к смерти или, того хуже, убьет сам, он лишится дара. Ты спасла меня и всех, — повторил он.

Я молча обняла Нико. И пусть оставалась пришелицей из другого мира, ощутила, как стало легко дышать. Будто теплый дождь смыл пыль и принес свежий влажный воздух.

ЭПИЛОГ

Алина

10 лет спустя

— Забавно у вас, — заметил мой муж, потягивая кофе, — только воздух тяжелый.

— Па, сюда нужно принести наши цветы? Ваше величество, мы сможем приехать сюда еще раз?

— Жанно, — укоризненно заметил его величество, — разве тебе мама не объяснила? В игре, в гостях или в дружеском путешествии я Нико. Теперь сможем, если Алина захочет.

Я тихо рассмеялась и потрепала маленького упряма по затылку. Впрочем, понять его можно: то сын видит его величество Николаса Седьмого в тронном зале, куда нельзя принести ручную мышку в кармане и где нельзя трогать корону. То его величество приходит к нам в гости, превращается в Нико, агукает маленькой Лизетте и играет в жмурки со всеми остальными.

Дочери Этьена и Магали всего на год меньше, чем нашему с Лирэном старшему, их близняшки-хулиганки всего на несколько месяцев опередили младшенькую... короче говоря, весь детский сад тире дурдом обычно тусит у нас. Две няньки не справляются, приходится подключать пап и его королевское величество. Потому что мамы заняты. Магали вместе с дедом строит министерство здравоохранения, я ношусь из одного цветника в другой и немного отрываю головы тем, кто не соблюдает режим и условия цветения.

Но сейчас мы сидели в кафе, куда нас наконец-то загнал питерский дождь. Лирэн с интересом рассматривал пролетавшие мимо автомобили, Нико проглядывал интерактивную новостную полосу какого-то международного агентства, а я удивлялась, что это путешествие состоялось вообще.

Достаточно долго я была уверена, что уже не увижу прежний мир — новый король, согласно легенде, начал терять магическую силу едва

ли не с первых дней после коронации. Но терял ее медленно, постепенно, и за первый год правления успел сделать очень много.

Оказалось, что Нико, кроме цветочно-целительных способностей, а также умения зажигать свечи с пяти шагов струйкой огня и «пускать ветер» — так мы шутили в узкой компании, способен на вещи, еще более важные для правителя. Я назвала эту особенность «телепатией», хотя, пожалуй, следовало говорить об умении «вскрыть» чужую память. Например, если к нему приходили должник и кредитор, то Нико с первого взгляда понимал, кто кому должен в действительности. Правда, присутствовать на каждом судебном заседании он не мог — не разорваться же ему? Спать и есть даже королю необходимо.

Так что на королевский суд выносились только самые спорные дела, и если кто-то решил добиваться именно королевской справедливости, то сам был в ответе за результат. Была пара прецедентов, когда недовольный ответчик требовал пересмотра дела, а потом получал по шапке от его величества, потому что был действительно виноват. Нико назначал наказание вдвое от прежнего приговора. И в целом отучил кляузников дергать короля по пустякам.

Кстати, это его умение я увидела своими глазами на третий день, когда в каком-то уютном притоне, именуемом «башня Братства», Лирэн созвал всех городских рыцарей плаща и кинжала. Ну, и заодно гребцов по чужим карманам. Мне нашли укромное зрительное место под охраной Терсана.

— Я оставался вашим маршалом, отстраненным, но не свергнутым, когда стоял на эшафоте, — начал Лирэн. — Что вы сделали, чтобы спасти меня?

— Я не позволил кинуть в тебя крысу! — крикнул какой-то оборванец.

— Благодарствую, — усмехнулся Лирэн, — и все же этого мало. Я прощаю это предательство. Но больше не хочу вас возглавлять и слагаю полномочия маршала.

— А кого советуешь вместо себя? — спросил кто-то.

Лирэн не ответил. Вместо этого взревели трубы и в зал вошли гвардейцы. Разумеется, все глядели на того, кто был в середине отряда, — на короля.

— В знак уважения к заслугам мсье Лирэна перед нами, — торжественно сказал Нико, — он назначается королевским префектом.

Ага, это я им обоим уши прожужжала про такого интересного персонажа из французской истории, как Видок. Бывший преступник, ставший первым начальником криминальной полиции. Лирэн долго думал, я продолжала расписывать подробности про тайны, погони, расследования... в ход пошел и Шерлок Холмс. Короче, добилась того, что глаза у всех слушателей загорелись. С трудом удалось уговорить Нико остаться королем, а не уйти в сыщики.

И вот теперь о новой должности бывшего маршала объявлено официально.

Граждане хулиганы, тунеядцы, алкоголики слегка пошумели.

Но король заговорил опять:

— Я прощаю всех вас за все деяния, совершенные до сегодняшнего дня. Если у кого-нибудь из горожан будут частные претензии, их убытки компенсирует казна. Но только за прошлое. Отныне в моем королевстве не будет ночной тайной власти. И не надейтесь подкупить судей или чиновников — я найду время для беседы с каждым из арестованных и узнаю истину. Например, — обратился он к пожилому головорезу, — сколько душ на твоей совести?

После короткого разговора выяснилось, что головорез помнит лишь две мокрухи из четырех. Еще парочка таких опытов и по притихшему криминальному стаду пронесся общий стон.

— В Городе много дел, — закончил король, — ищите себе работу. Я обещаю, что у каждого честного человека будут еда и дыхание.

Конечно, никто не был настолько наивен, чтобы поверить, что вчерашние преступники все дружно перевоспитаются и станут добропорядочными горожанами. Но часть из них действительно с облегчением оставит воровство и прочие безобразия позади, начнет с чистого листа. Мы поможем. А остальные...

А для остальных мы и создадим криминальную полицию. Найдем время, хотя его маловато.

Дел оказалось и правда много. Например, соседи, и так не очень мирные, решили, что новый король им что-то должен. Пришлось воевать, и немало ночных бойцов временно стали солдатами. Впрочем, войны были недолгими — магия оставляла короля очень уж медленно.

В итоге остались должны соседи, а когда армию распускали, всем хорошо заплатили.

На Лирэна-криминалиста, конечно, кое-кто из бывших сотоварищей всерьез разозлился, даже было неудачное покушение — его предотвратил Паршивец, по просьбе Нико живший у нас дома. Но еще до того, как король прекратил свои телепатические опыты, многие жулики и грабители занялись мирными делами. Большого города без криминала не бывает, и все же, как заметила Магали, это уже была не ночная армия. Со временем, возможно, все станет сложнее, но пока мы победили.

Наша свадьба с господином префектом состоялась через полгода...

Год назад в загородном дворце молодой король и несколько приближенных играли в какой-то вариант волейбола — тот случай, когда его величество полагалось называть Нико. Охраны не было, поэтому к нам приблизился паренек его возраста в запыленном плаще и попросил разрешения поиграть с компанией. Нико принял его в игру, но я заметила, что он не посылает в него мяч со всей силы, а мягко перебрасывает.

— Почему вы меня щадите? — спросил гость.

— Не хочу испортить ваше личико, — рассмеялся король.

Гость покраснел, а я, догадавшаяся обо всем с первого взгляда, поняла, что если у Нико почти пропала телепатия, то не наблюдательность.

К нам пожаловала княжна из далекого княжества, давно узнавшая про короля-волшебника и решившая его увидеть.

После игры Нико пошел гулять с ней по берегу речки.

На следующий вечер он подошел ко мне, весь красный от смущения.

— Мама...

— Я все понимаю, — рассмеялась я, обнимая юношу. — Конечно, еще присмотрюсь, но пока что очень нравится. Веселая, умная и в меру оторва.

То, что это настоящая любовь, стало ясно уже через месяц, когда к Нико вернулась магия... С этим вообще все было странно, я, честно говоря, не слишком вникала в эти нюансы. Вроде как магия нужна

королю больше всего при вступлении на трон, а потом она затихает до следующей коронации. И возвращается только в случае, когда король нашел свою настоящую любовь и должен ее защитить.

Мне эта защита принесла свои дивиденды: кроме любимой невестки, я получила почти постоянную дверь в прежний мир. И не против его навещать, только вот возвращаться насовсем больше не хотелось.

Навертели здешние демиурги, ничего не скажешь. Но не мне жаловаться. Франсю как-то пыталась объяснить мне тонкости процесса, но я отмахнулась обеими руками, занятая выстроенными на бывших пустошах цветниками.

Моя семья, мои лохматые лешие остались с нами, помогать в этом важном деле, а остальные лепесточники предпочли уйти. Они свободный народ со своими секретами и понятиями. Теперь их никто не тронет, цену за свой труд они получают честную, во многом не нуждаются. А приграничных пустошей осталось немало, несмотря на королевскую магию.

Кажется, вот и всё. В прежнем мире от меня практически ничего не осталось. Ни близких родственников, ни фамильных драгоценностей, ни — особое счастье — домашнего питомца.

Коллеги-цветочники, конечно, помнили и горевали. В Ватсапе даже появилась группа «Где наша Алина?». Общались со СМИ, собрали денег на частного детектива, но все как-то заглохло. Впрочем, стишок, сочиненный кем-то на годовщину моей пропажи, мне очень понравился:

*Алиночка, нам не хватает слов,
Какой нелепый, страшный, жуткий случай,
Не знаем мы, в каком ты из миров,
Но верим в то, что в самом-самом лучшем!*

Лирэн, его величество и Жанно так и не поняли, с чего я трясусь от смеха. Между прочим, «Миллион роз» обанкротился — наверное, потому, что потерял меня. Все его филиалы перешли другой цветоторговой фирме.

Так что дел в городе, знакомом, отчасти любимом, но уже не родном, у меня почти не оказалось. Все цифровые свидетельства своего пребывания в этом мире я прочитала за час. Правда, пришлось

раскошелиться на покупку зарядки для телефона в магазине, в котором нашелся такой раритет. Пришлось сдать в неприметную ювелирку несколько золотых монет, кроме зарядки, закупить разной всячины в гипермаркете домашних товаров. И все равно кое-какие деньги остались.

Об этом я вспомнила, когда дождь закончился, мы продолжили прогулку и дошли до знакомого офиса. О чем и поведала Лирэну.

— А, вот где все началось, — усмехнулся он. — Братики, которые тебя вытащили, между прочим, хорошо устроились: один — хозяин медной мастерской, другой содержит трактир. Может, вернемся из этой цветочной лавки?

— Зачем пугать персонал? — усмехнулась я. — Вернемся как пришли — из заброшенного здания.

— Ну, ладно, — улыбнулся Лирэн, — но традицию надо соблюдать.

Мой муж и сейчас был так же ловок, как десять лет назад. Он метнулся в салон и почти сразу выскочил оттуда с огромным букетом.

— Мы должны вернуться с настоящими цветами, — сказал он.

— Да, — кивнула я, восхищенно вглядываясь в недавно раскрывшийся тюльпан. — Погоди-ка, надо купить удобрений и кашпо на память.